

№ 6/1 2018 (июнь)

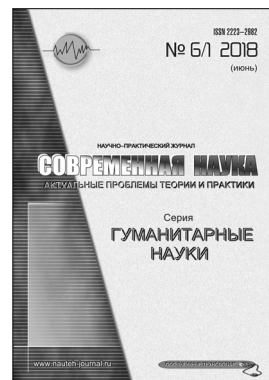
Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
 П.В. Акульшин – д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
 Э.Н. Алиева – д.филол.н., доцент, независимый эксперт
 А.Ю. Ватлин – д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Г.И. Воронина – д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
 Е.Е. Вяземский – д.п.н., проф., МПГУ
 Н.А. Герасименко – д.филол.н., проф., МГОУ
 Е.Б. Евладова – д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
 А.Э. Котов – д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
 С.К. Лебедев – д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
 П.В. Лизунов – д.и.н., проф., Сев. (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
 А.П. Миньяр-Белоручева – д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д. филол.н., проф., Московский гум. университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
 Т.А. Печенёва – д.п.н., Белорусский ГУ
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
 А.Н. Рыжов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.И. Савостьянов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.С. Сенявский – д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
 М.Ю. Сидорова – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 А.М. Сморгчов – д.и.н., проф., РГГУ
 О.Ю. Стрелова – д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
 В.И. Тюпа – д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
 Н.М. Щедрина – д. филол.н., проф., МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
 Н.В. Юдина – д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116–1–10
Тел/факс: 8(495) 755–1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
http://www.nauteh-journal.ru
http://www.vipstd.ru

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» – 80015

В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей

несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»

тел./факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 22.06.2018 г.

Формат 84x108 1/16

Печать цифровая

Заказ № 0000

Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЯ

- М.Ш. Абаева** – Институт управления в Балкарии в XIX веке
M. Abaeva – Institute of management in the Balkaria in the XIX century4
- М.Ш. Абаева** – Элементы языческих верований в современной жизни балкарских обществ
M. Abaeva – Elements of linguistic reliance in the modern life of Balkarian societies9
- С.Я. Бондаренко** – Профессиональная деятельность провинциального чиновничества в 1940-е – начале 1950-х гг.
S. Bondarenko – Professional activity of provincial officials in the 1940s and early 1950s13
- Ван Люин** – Внешнеполитическая стратегия КНР в Белоруссии: исторический аспект
Wang Liuying – Foreign policy of the People's Republic of China in Belarus: the historical aspect19
- Диансаи Бехзад** – Внешняя политика Ирана в отношении сирийского кризиса (2010–2017 гг.)
Diansaee Behzad – Iran's foreign policy towards the Syrian crisis (2010–2017)22
- П.П. Егоров** – Историческая ретроспектива отношений Российской Федерации с Китаем и Японией в XXI веке сквозь призму развития Дальнего Востока
P. Egorov – Historical retrospective of relations of the Russian Federation with China and Japan in the XXI century through the prism of the development of the Far East26
- Т.Н. Петухова** – Из истории взаимоотношений государства и церкви в до имперской России
T. Petukhova – From the history of relations between the state and the Church in pre-Imperial Russia32
- Т.Г. Письменная, Д.К. Чернявская** – К вопросу о методологии и практической значимости исследования конфессиональной политики в отношении протестантов Северо-Западного Кавказа
T. Pismennaya, D. Chernyavskaya – To the question of methodology and the practical relevance of the study of religious policy against the protestants of North-West Caucasus35
- Д.В. Цветков** – Рукопись "Паньши-дзун лунь, то есть сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями" в переводе И.К. Россохина как источник по истории Китая в России XVIII в.
D. Tsvetkov – Manuscript "Panshi zonglun – short variant of ancient Chinese history by Yang Zi Pan Shi Rong with comments" by I.K. Rossihin, as source about history of China in Russia in the XVIII th. Century39
- Д.К. Чернявская** – К вопросу о религиозном образовании протестантов в СССР в 20-х гг. XX в.
D. Chernyavskaya – The question of religious education of protestants in the USSR in the 20-ies. XX century45
- Чжао Хуэйцин** – Становление и развитие торговых отношений с Китаем на Дальнем Востоке в период с 1858 г. по 1938 г.
Zhao Huiqing – Formation and development of trade relations with China in the far East in the period from 1858 to 1938 ...49

ПЕДАГОГИКА

- А.С. Восковская** – Влияние эмоциональных факторов на формирование коммуникативных компетенций студентов при изучении иностранных языков (анализ зарубежной педагогической литературы)
A. Voskovskaya – Influence of affective factors on the development of students' communicative competencies while learning foreign languages (analysis of foreign pedagogical literature)53
- И.Т. Евстафьева, И.В. Шкурченко** – К вопросу о формировании специальных компетенций при подготовке учителей химии
I. Evstafyeva, I. Shkurchenko – On the question of the formation of special competencies at the training of chemistry teachers .56
- Г.А. Максимова, Н.А. Туанова** – Обучение аудированию на основе аппроксимации иноязычных текстов (начальный этап технического ВУЗ-а)
G. Maksimova, N. Tunanova – Teaching listening based on the approximation of foreign language texts (initial stage in a technical university)60
- Е.Н. Набокова** – Обучение фонетике детей младшего школьного возраста
E. Nabokova – Learning phonetics of primary school children .65
- С.В. Петряев** – Механизм функционирования модели применения мультимедийных технологий в обучении курсантов
S. Petryaev – The mechanism of functioning of the model of application of multimedia technologies in the training of cadets69
- С.А. Семенова, В.В. Степанов** – Коррекция двигательных нарушений у детей 7–10 лет с диагнозом ДЦП средствами волновой гимнастики
S. Semenova, V. Stepanov – Correction of motor disorders in children 7–10 years old diagnosed with cerebral palsy by means of wave gymnastics72
- Е.Э. Соловьева, М.В. Дружинина** – Актуальность курсового обучения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций: от истории к современности
E. Solovyeva, M. Druzhinina – Actuality of course training in civil defense and protection from emergency situations: from history to modernity76
- С.Н. Хамова** – Автономия студентов – вызов для преподавателей
S. Khamova – Students' Autonomy Is Challenge for Teachers .81

ФИЛОЛОГИЯ

- К.А. Исаков** – Идеино-тематические особенности сатиры Казата Акматова
K. Isakov – Ideological and thematical features of satire Kazat Akmatov85
- А.В. Иценко** – Языковые особенности современных газет российских немцев Германии: нарушения языковой нормы
A. Itcenko – Language features of modern newspapers published by Russian Germans in Germany: language norm mistakes ...89
- А.Ф. Корлякова, С.С. Бабаджан** – Морально-этические представления в русском и английском социуме (на примере слова "ненависть")

- A. Korlykova, S. Babdzan* – Moral and ethical conception in Russian and English societies (in terms of word hatred)94
- И.О. Королев** – Экстралингвистические и интралингвистические факторы нейминга в дискурсе компьютерных игр
I. Korolev – Extralinguistic and intralinguistic factors of naming in the computer game discourse99
- И.А. Курбанов, К.Р. Баранова** – Лингвостилистический анализ эпитетов в романах М. Брэдбери и их переводов на русский и немецкий языки
I. Kurbanov, K. Baranova – Linguo-stylistic analysis of epithets in novels by M. Bradbury and their translations into Russian and German102
- И.А. Курбанов, В.Э. Сало** – Зооморфная метафора как средство моделирования агрессивного образа органов советской власти в произведении А.И. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" и его переводах на английский (Т. Уитни, 1974) и немецкий (А. Петурниг, 1974) языки
I. Kurbanov, V. Salo – A zoomorphic metaphor as means of modelling of aggressive image of the soviet authority organs in A.I. Solzhenitsyn's novel "The GULAG Archipelago" and its translations into English (Th. P. Whitney, 1974) and German (A. Peturnig, 1974)107
- Н.И. Лавринова** – Стиль речевого поведения коммуникантов и модус формулирования в политическом интервью: соотношение понятий
N. Lavrinova – Communicants' style and verbal behaviour and mode of formulation in political interviews: correlation of terms112
- Лю Янькунь, Чэн Цзин** – Проект переводов китайско-российского литературного сотрудничества
Liu Yankun, Cheng Jing – Project of translations of Sino-Russian literary cooperation115
- Л.Х. Мейер, Е.М. Шевченко** – Английский язык как лингвистическая доминанта в современном обществе
L. Meyer, E. Shevchenko – English language as a phenomenon of linguistic domination in the modern society118
- Т.А. Меликян** – Интертекстуальные связи поэм А.С. Пушкина "Цыганы" и "Медный всадник" с ранними поэтическими сборниками Б.Л. Пастернака
T. Melikyan – Intertextual relations of the poems "The Gypsies" and the "The Bronze Horseman" by Pushkin with the early poetic series by B.L.Pasternak122
- Т.Г. Николаева** – Семантико-синтаксический анализ подчинённо-осложнённых предложений с адъективными структурами
T. Nikolaeva – The semantic and syntactical analysis of the subordinately complicated sentences with adjectival structures ...126
- И.В. Палашевская, В.В. Леонтьев, Е.Д. Степанова, Е.А. Курченкова** – Когнитивно-семантический анализ языковых объективаций possessивных ситуаций в русском, английском, немецком языках
I. Palashevskaya, V. Leontiev, E. Stepanova, E. Kurchenkova – Cognitive-semantic analysis of linguistic symbolization of possessive states in Russian, English, German131
- И.С. Парахина** – Семантическое содержание концепта "environment/ окружающая среда" в англоязычной лингвокультуре
I. Parakhina – The semantic content of the concept "environment" in English-speaking linguoculture136
- И.Г. Савельева** – Шекспиризмы в современном английском языке: особенности семантической структуры и стилистического статуса
I. Savelieva – Shakespearian idioms in contemporary English: aspects of semantic structure and style142
- В.Г. Семенова** – Феномен Анемподиста Софронова
V. Semenova – The phenomenon of Anempodist Sofronov ...146
- В.Г. Семенова** – Образ Манчары в драмах основоположников якутской литературы В. В. Никифорова и А. И. Софронова
V. Semenova – The image of Manchary in dramas of the founders of the Yakut literature V.V. Nikiforov and A.I. Sofronov150
- И.А. Сиволобова** – Нора: революция как симулякр. К вопросу о жанровых особенностях "вторичной драмы" Э. Елинек
I. Sivolobova – Nora: revolution as a simulacrum. On the issue of genre features of E. Jelinek's "secondary drama"154
- М.Ю. Смелковская** – К вопросу о "русском характере" (рассказ И.А. Бунина "Божье древо")
M. Smelkovskaya – On "the Russian character" (God's tree by I.A. Bunin)157
- З.Н. Чукуева** – Жанровая классификация и структура документального начала в прозе
Z. Chukueva – Genre classification and structure of documentary origin in prose160
- Юань Линьлинь** – Лексическая лакунарность как отражение национально-культурной специфики русскоязычной картины мира
Yuan Linlin – Lexical lakunarity as a reflection of the national cultural specificity of the Russian language picture of the world .165
- Г.Х. Якупова** – Идеи патриотизма в художественной литературе
G. Yakupova – The ideas of patriotism in literature168

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors172

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале174

№ 6/1 2018 (июнь)

CONTENTS

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ В БАЛКАРИИ В XIX ВЕКЕ

INSTITUTE OF MANAGEMENT IN THE BALKARIA IN THE XIX CENTURY

M. Abaeva

Annotation

This article examines the poorly studied issue of the formation of the management system in Balkaria in the XIX century. The problems of the functioning of such governing bodies as the National Tere, the Prince of Tere and Maly Tere and their replacement in the early 40s of the XIX century in Balkaria by the system of bailiffs, and from the second half of the 19th century as a precinct system were considered.

Keywords: National Tere, Princely Tere, Maly Tere, mountain communities, Balkar elders, institute of preaching, institute of district chiefs, Kabardinsky provisional court, Gorsky district.

Абаева Мадина Шамилевна
Аспирант, Северо-Кавказский институт
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при президенте РФ, г. Пятигорск

Аннотация

В данной статье рассматривается слабо изученный вопрос о формировании системы управления в Балкарии в XIX веке. Были рассмотрены проблемы функционирования таких органов управления как Общенародный Тере, Княжеский Тере и Малый Тере и замена их в начале 40-х годов XIX века в Балкарии системой приставства, а со второй половины XIX века участковой системой.

Ключевые слова:

Общенародный Тере, Княжеский Тере, Малый Тере, горские общества, балкарские старшины, институт приставства, институт участковых начальников, Кабардинский временный суд, Горский участок.

Балкария в дореволюционное время существовала как союз пяти обществ. В документах Нальчикского округа ее называли пять горских/татарских обществ Кабарды. Такая этнотерриториальная разбросанность мешала консолидации народа и объединению в единый политический организм. Несмотря на это, владельческая знать, сформировала органы управления, которые с небольшими изменениями дошли до начала XX века.

На вершине социальной лестницы в обществах Балкарии стояли таубии, второе сословие представляли уздени, третье – чагары, затем шли карабаши или каракиши и казаки. По определению основоположника балкарской историографии М. К. Абаева "узденями назывались люди, которые имели свои участки земли, собственное хозяйство, даже рабов, но обязаны были служить при таубиях, исполнять их поручения, сопровождать их при поездках и вообще исполнять, так сказать, дворянские обязанности при дворах таубиев". Чагары по словам Абаева, – это то же, что русские крестьяне, принадлежавшие таубиям. Казаки и карабаши – это домашние рабы и рабыни таубиев, они нередко происходили от людей, взятых в плен от неприятеля, украденных и купленных [1, с. 8].

Старейший и достойнейший из таубиев, – пишет М. К. Абаев носил титул Олий и правил всем народом. Истори-

чески засвидетельствованным Олием в Балкарии был Сосран Абаев, мавзолей, которого видел и описал В. Ф. Миллер в своих известных археологических экскурсиях по Терской области. Олию принадлежала верховная власть над всеми таубиями. Верховный правитель имел при себе особый отряд стрелков из среды своих подданных. Каждый таубий по зову Олия должен был явиться к нему с оружием и конем, в сопровождении своих узденов и отряда стрелков. Судя по тому, что Олиями были выходцы из среды фамилии Абаевых, можно полагать, что власть Олия передавалась по наследству от отца к сыну [2, с. 107].

Но единовластие Олия в военное время, ограничивалось в мирное время народным собранием и народным судом – Тере. Этот суд был органом административного, гражданского и уголовного управления, проходившего под председательством Олия. Таким образом, Тере выступал как управленческий орган при верховном правителе – Олие. На Тере заседали представители от таубиев, узденей, а при разборе крестьянских дел – и от чагаров. На заседаниях Тере разбирались и решались окончательно все гражданские, военные, уголовные дела и решение тере утверждалось Олием [3, с. 152]. Как сообщает Абаев М. К. после принятия ислама в Тере присутствовал и духовный судья – "кадий", который в основном записывал и вел документы на арабском языке.

Решения Тере и распоряжения Олия, в рамках этого решения исполняли все, не исключая и таубиев, и узденей. О решении Тере оповещали всех, так называемые глашатаи, – бегеули, состоящие из простых людей.

Для обсуждения особо важных вопросов, и в особенности в тех случаях, – пишет М. Абаев, – когда кто-нибудь из таубиев начинал выходить из повиновения и нарушать постановления Тере, верховный правитель – Олий созывал на сход все население и решение народного собрания тут же приводилось в исполнение.

Требования предстать перед Тере предъявлялись и к нарушителям общественного порядка и обычного права, бывал даже термин "Предстать перед Тере. Без решения народного собрания считалось предосудительным наказывать своего обидчика. В тех случаях, когда совершался поступок, не предусмотренный обычным правом, его тщательно разбирали на Тере и если находили нужным, то узаконивали этот обычай. Таким образом, Тере являлся и верховным юридическим, законодательным учреждением. Подобные собрания и суды существовали в каждом балкарском обществе – в Чегемском, Урусбиевском, Хуламо–Безенгийском. Но главный, верховный Тере собирался в Верхней Балкарии, на котором решались общенародные вопросы войны и мира, границ, укрепления дружественных отношений с соседями и др.

Рассматривая институт Тере считаем возможным, отметить этимологию этого термина. Термин Тере происходит от тюркского слова "тер", что в переводе означает "почетное место" для гостя у домашнего очага. В орхоно–енсейских надписях VII – VIII вв. Тере употребляется в значении "закон", "обычай" или в значении "объединенная законом народная масса". Исследователь лексикологии тюркских языков Р. Г. Ахметьянов писал: слово тере, терю – закон; правило, правление; учение; судебное разбирательство есть во всех тюркских и монгольских языках... Значение лица (царевич, принц; знатный, видный; исправник, судья) распространено в западных тюркских языках. Это измененное значение сохраняется и в карачаево–балкарском языке (теречи – член Тере, судья) [4, с. 38].

Согласно данным устных этноисторических материалов на раннем этапе деятельности Халкъ Тере местом проведения заседаний был Тебен Буруу Аллы – район нынешнего Аушигера. Затем общинный парламент был перенесен в местечко Огъары Буруу Аллы – поляна у въезда в Кашхатау [4, с. 36].

Выборы в Тере проходили один раз в семь лет и отличались высокой демократичностью. Каждый аул предлагал пять или семь наиболее достойных людей. Кандидатуры тщательно обсуждались на ныгыше (сельская

площадь, где сходились взрослые мужчины для решения общих вопросов) и утверждались решениями сельского схода. Избранники общины выбирали из своей среды одного представителя в общеуцельский совет, или Гитче Тере – Малый Тере, как его называли. Подобные советы из девяти человек в прошлом действовали в Баксане, Чегеме, Большой Балкарии и Хуламо–Безенгийском ущелье. В свою очередь Малый Тере на демократических началах выдвигал одного теречи в Халкъ Тере – Общенародный Тере. Таким образом, этот орган объединял самые известные умы и авторитеты общества, "этих верховных охранителей спокойствия и порядка" [5, с. 178].

Существовал также Бий Кенгеш – Княжеский совет. Его еще называли Бий Тере – Княжеский Тере. Он объединял аристократию великих балкарских родов, но решать вопреки Халкъ Тере какие-либо вопросы не мог. Называть его парламентом Тере, все-таки нельзя.

В отличие от Малых Тере, Общенародный Тере не был постоянно действующим органом, а собирался раз в два–три месяца по мере накопления крупных вопросов, общих для всех входящих в союз общин, а также в условиях тревожной военной и политической обстановки. Верховный Тере созывался еще реже: раз в несколько лет или в десятилетие по исключительно важным поводам, которые требовали всестороннего обсуждения и принятия неотложных, решительных мер. В его заседаниях, помимо членов Общенародного Тере, как правило, участвовали представители малых советов, иногда присутствовал по приглашению начальник стражников (мыртазаков) при Тере.

Княжеский совет собирался для обсуждения вопросов, касавшихся лишь самих аристократов, а в нужных случаях, чтобы довести до конца принятые на священном Халкъ Тере решения. В прошлом такие советы были у Абаевых, Балкаруковых, Урусбиевых. Куда по усмотрению князя приглашались и другие лица. Однако власть княжеских династий, отмечают В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, "не была неограниченной: важнейшие дела решались ими не единолично, а при участии и с совета старейшин" [5, с. 177].

Члены Тере избирались на длительный срок и каждый из них разделял ответственность за судьбу общины и народа. Они знали, что главным критерием, определяющим положение теречи в совете, является благочестие, справедливость и готовность способствовать триумфу истину. Проявление малодушия, других предосудительных действий предопределяло исключение из Тере. По устным преданиям, так поступили в прошлом с Айдаболовым в Балкарии, несмотря на его знатное положение [4, с. 42].

В Чегемском ущелье известны топонимические названия, связанные с Тере. Так, на площади близ аула Уллу Эль сохранились удобные для сиденья камни, которые называют Тере Ташла (камни Тере). В летнее время здесь собирались члены Тере для решения насущных проблем. Обычно совет проходил в часовне Байрым. В этой связи следует возразить Г. Д. Чиковани, отрицающему наличие в Балкарии площадей с обработанными каменными стульями. Как видно, заседания Тере проходили вне территории поселения. Отметив эту особенность на примере осетинского ныхаса, Чиковани замечает: "Место схода третейского суда нельзя было устраивать на самой территории поселения, так как до окончательного решения вопроса ход собрания не оглашался" [6, с. 79]. Сказанное может быть отнесено и к балкарскому Тере.

С 1827 года происходит сближение балкарских обществ с Россией и усиливается политическое влияние Российской империи на балкарские общества, поскольку они были приняты в подданство Российской империей. В 1822 году в укреплении Нальчик А. П. Ермолов создал Кабардинский временный суд, который выполнял административно-судебные функции. Одновременно этот суд стал институтом, через который осуществлялась трансляция распоряжений российских властей на территорию, на которой проживали жители пяти горских обществ Балкарии, вплоть до учреждения там, в 1846 году специального приставства.

Балкарцы крайне редко обращались в Кабардинский временный суд и обходились традиционным судебным разбирательством в своих обществах. Разбор судебных дел был в компетенции старшин общества и эфенди. Однако теперь для исполнения судебных функций они приводились к присяге в Кабардинском временном суде о "правильном разбирании жалоб" и клялись в том, что будут рассматривать все дела "по справедливости, не делая поправки ни по какому случаю и никакому лицу" [7, с. 34].

Представление о необходимости установления приставств для горских обществ Балкарии, подавалось командующему Отдельным Кавказским корпусом еще в январе 1843 года. Это способствовало бы упрочению связей между российской администрацией и балкарскими старшинами. Начальник Центра Кавказской линии полковник В. С. Голицын направил главноуправляющему генерал-адъютанту А. И. Нейдгардту рапорт, в котором просил дать должность пристава балкарского народа, т.к. балкарцы, хуламцы, чегемцы и малкарцы не имеют пристава, "через то затрудняется присмотр за ними центрального управления Кавказской линии". Малочисленность горских обществ позволяла назначить одного общего для них пристава. Инициатива начальника центра Кавказской линии получила одобрение высокого началь-

ства. Однако назначение специального пристава "балкарских народов" фиксируется по архивным документам только с середины 1846 года. Этот институт закрепил результаты, достигнутые в деле политико-административного освоения Балкарии, и одновременно расширил сферу российского административного влияния.

С 1847 года, отмечает Е.Г. Муратова, ежегодно ассигновалось на "приставство Урусбиевского, Чегемского, Хуламского и Балкарского народов – 300 рублей" [8, с. 190]. В одном из предписаний начальника Центра Кавказской линии приставу Балкарских народов за 1846 год была указана одна из задач возложенная на Балкарского пристава: "Старшинам их общества объявить, что они должны спомоществовать Вам искоренять зло и не стараться скрывать людей вредных своими действиями для правительства и собственного спокойствия, обнаруживать противозаконные поступки их и представлять виновных ко мне" [7, с. 35].

Другой задачей, являлась организация местной милиции и выставление в случае необходимости караулов, которые с наступлением холодов в гористой местности заменялись разъездами на проходах, "удобных для хищников и неблагонамеренных" с целью "открывать убежище и уничтожать этих вредных преступников" [9, с. 63].

И наконец, в компетенцию пристава входило осуществление посреднических административно-судебных функций между горскими обществами и кавказской администрацией. Штрафы, взимаемые деньгами или скотом за различные виды преступлений, обыкновенно делились между судьями. Такой порядок, вполне соответствующий традиционным правоотношениям, признавался российскими военными властями вполне справедливым, поскольку судьи несли "общую повинность без пособия от казны". В то же время взимать штрафы за правонарушения можно было только после разрешения начальника Центра Кавказской линии. Пристав должен был перед взысканием штрафов доставить начальнику Центра ведомость "в каком обществе, кто сделал какой поступок, подвергающий его штрафу, уличен ли он, в чем именно, кем, или сам сознался, было ли обсуждено дело старшинами общества, и какое кем наложено взыскание, в каком обществе и кто облачен в права судей для разбирательства дел, рассматриваются ли дела по обрядам или исключительно шариадом, в последнем участвуют ли старшины, или решаются одними эфендиами" [8, с. 195].

В 1857 году в связи с готовящимися изменениями на Кавказской линии все Балкарские общества и Дигория оказались под начальством одного пристава – штабс-капитана В. Масловского. В своем прошении Генералу Грамотину жители балкарских обществ указывали, на то,

что разбор междоусобных дел и удовлетворение обиженных затягивалось на три – четыре месяца пока пристав добирался из одного общества до другого. К тому же дигорцы и балкарские общества имели свои оригинальные права и народные обычаи, что затрудняло решение дел. Поэтому жители Черекского ущелья просили назначить в свое общество "особого пристава", а его помощником – балкарца, который знал бы их обычаи. Со временем институт приставства трансформировался сначала в должность управляющего Балкарией, а затем в институт участковых начальников.

Конец 50-х годов XIX века ознаменовался значительными изменениями в административной политике. Согласно высочайше утвержденному 10 декабря 1857 года положению Кавказского комитета вместо Центра Кавказской линии был образован Кабардинский округ и создано несколько участков. В его состав вошли Большая и Малая Кабарда, а также "приставство урусбиевского, балкарского, чегемского и хуламского народов" [7, с. 36]. Балкарское, Хуламское и Безенгиевское общества вошли в Чегемский участок, Чегемское и Урусбиевское в Баксанский [10, с. 59]. Дела, касающиеся горских обществ, находились в компетенции управляющего Балкарией и горским народом майора Коноплянского.

29 декабря 1859 года начальник Кабардинского округа обратился к начальнику штаба войск Левого крыла Кавказской линии с рапортом о необходимости создания наряду с Баксанским (народонаселение Атажукинской и Мисостовской фамилии) и Черекским (народонаселение Бекмурзиной и Кайтукиной фамилии) участками, третьего участка округа – Балкарского, который "будет состоять в настоящем его виде из обществ Балкарии, Безенги, Хулама, Чегема и Уруспия". Однако формально до 1866 года (создания специального Горского участка в составе Кабардинского округа) это предложение осуществлено не было. Все преобразования, происходившие в период с 1857 по 1859 год, носили, временный характер.

В 1866 году учитывая значительную удаленность пяти горских обществ Кабардинского округа от его административных центров и учитывая топографические трудности в сообщении плоскостной части с горной в течение восьми месяцев, приказом Главнокомандующего армией великого князя Михаила Николаевича от 28 августа за №80 Кабардинский округ был разделен на четыре участка с вновь образуемым Горским участком. В него вошли пять обществ: Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урусбиевское. Остальные три участка остались в прежних границах, с "отделением от Баксанского и Черекского участков поименованных обществ, для образования Горского участка". Его административным центром был выбран Хулам [9, с. 86].

Образование Горского участка – это один из результатов реализации "этнического принципа", положенного в основу "военно-народного управления", когда контуры административных границ приближались к очертаниям границ этнических. "Народный", этнический принцип, положенный в основу административно-территориального деления Северного Кавказа в 1865–1870 годах, привел к тому, что "в регионе впервые возникли административные границы, легитимные прежде всего для российской государственности. Новые этнические границы также появились по праву сильного, но теперь они сопровождались административным, государственным оформлением. Административное оформление территории этнически идентичных, но "отдельных" балкарских обществ, безусловно, способствовало их консолидации и формированию национального самосознания.

Новые административно-судебные преобразования в Терской области, затронувшие управление горскими обществами, были связаны с Положением об управлении сельскими (аульными) обществами. Положение это было издано начальником Терской области М. Т. Лорис-Меликовым и утверждено 30 декабря 1870 г. наместником Кавказа [11, с. 159]. В соответствии с этим положением был создан Нальчикский горский словесный суд, состоявший из двух отделений – кабардинского и балкарского. Кабарда и Балкария были включены в состав Георгиевского округа, а с 1875 года они вошли в состав Пятигорского округа Терской области (просуществовал до 1882 года) [8, с. 264].

В 1882 году в связи с разделением Пятигорского округа на два – Нальчикский и Пятигорский – вновь встал вопрос об изменении границ и состава участков. Кабарда и Балкария остались в составе Нальчикского округа, просуществовавшего до 1920 года, вплоть до создания Горской республики. В 1885 году Терское областное правление рассмотрело вопрос о включении всех балкарских обществ и нагорного селения Хасаут в состав одного административного участка и о распределении административных участков продольной полосой по Главному Кавказскому хребту.

В 1890 году практически все балкарские населенные места были собраны в пределах второго участка Нальчикского округа Терской области и только два пункта с балкарским населением (Хабаз и Хасаут) остались в составе первого участка. Несмотря на административные преобразования 1905 года (в составе Нальчикского округа был образован 4-й участок) и смешанный состав населения участков, основной этнический массив балкарцев по-прежнему оставался в пределах 2-го участка Нальчикского округа. Некоторые балкарские населенные места, образованные в 70-х – 80-х годах XIX века в предгорьях, не имели территориально-

пространственной связи со старыми горскими обществами, хотя в административном отношении они входили именно во второй участок Нальчикского округа.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XVIII – первой половине XIX в. Терек был органом административного, гражданского и уголовного управления при верховном правителе Олие. Власть княжеских династий не была неограниченной, важнейшие дела решались

ими не единолично, а при участии и с совета старейшин. С вхождением Балкарии в состав России был установлен институт приставства, который закрепил политико-административное покорение Балкарии, и одновременно расширил сферу российского политического влияния. Административное оформление территории этнически идентичных, но отдельных балкарских обществ, безусловно, способствовало их консолидации и формированию национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев М. К. Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.
2. Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII – XVIII вв. – Нальчик "Нарт", 1991. – 192 с.
3. Маремшаова И. И. Менталитет в семейных и общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. – Нальчик: издательство "Книга", 1999. – 236 с.
4. Миллер В. Ф. Ковалевский М. М. В горских обществах Кабарды // Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М.: ООО Издательство "Перо", 2012. Т. 11.– 464 с.
5. Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.
6. Чиковани Г. Д. Один из видов площадей народного схода горного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1988. Вып. 7.
7. Битова Е. Г. Модели интеграции этнополитических образований Кабарды и Балкарии в политико-административную систему Российской Империи (первая половина XIX в.) // Общественные науки. 2005, № 1. С. 30 – 37.
8. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX. – Нальчик: Издательский центр "Эль-Фа", 2007. – 420 с.
9. Муратова Е. Г. Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX в). – Нальчик: Каб.-Балк. Ун-т, 2012. – 157 с.
10. Азаматов К. Г. Хутуев Х. И. Мисост Абаев: Общественно-политические взгляды. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 132 с.
11. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 192 с.

© М.Ш. Абаева, (madina455s341c913@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ БАЛКАРСКИХ ОБЩЕСТВ

ELEMENTS OF LINGUISTIC RELIANCE IN THE MODERN LIFE OF BALKARIAN SOCIETIES

M. Abaeva

Annotation

The article analyzes the question of the functioning of elements of pagan beliefs in the life of Balkarian societies. The material revealing the elements of pagan beliefs, such as the worship of sacred trees and stones, which with the penetration of the norms of the Islamic religion into the life of Balkarians has been practically eradicated, has been revealed and studied, but the facts show that they, in various forms, continue to exist today.

Keywords: pagan beliefs, Balkarian societies, tree worship, stone worship, Islamic religion.

Абаева Мадина Шамилевна

*Аспирант, Северо-Кавказский институт
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при президенте РФ, г. Пятигорск*

Аннотация

В статье анализируется вопрос о функционировании элементов языческих верований в жизни балкарских обществ. Выявлен и исследован материал, освещающий элементы языческих верований, таких как, поклонение священным деревьям и камням, которые с проникновением в жизнь балкарцев норм исламской религии были практически искоренены, но факты свидетельствуют, что они, в различной форме, продолжают существовать и сегодня.

Ключевые слова:

Языческие верования, балкарские общества, поклонение деревьям, поклонение камням, исламская религия.

Несмотря на приход в горы Центрального Кавказа в конце XVIII в. ислама, жители ущелий продолжали придерживаться в повседневной жизни языческих верований.

До принятия исламской религии верховного бога балкарцы называли Тейри. Если человек совершал плохой поступок, то ему говорили "Тейри урсун сени" что в переводе означало "пусть тебя ударит бог", употребляемое в значении "пусть тебя накажет бог". Это выражение бытует сейчас в основном лишь в устах старшего поколения. Радугу у балкарцев называют "Тейри кылыч". В переводе это означает меч Тейри. Одна из фигур в национальном балкарском танце также названа "Тейри кылыч". В танце "Тейри той" ее выражением является полукруг девушек и парней. Парни берут под руку девушек и плотным полукругом двигаются вправо, влево, вперед и назад, изображая радугу [1, с. 118]. До сих пор девушку с не расчесанными, длинными волосами сравнивают с Алмасты – страшное существо женского пола с распущенными, длинными и спутанными волосами пугающее в нечистых, отхожих местах, детей в сумерках. До наших дней у балкарцев сохранился обычай, когда под голову ребенка кладут ножицы. Это делается для охраны ребенка от злых духов. Раньше для охраны ребенка от сглаза, сажай на лоб ему ставили точку. На современном этапе это уже делается грифельным карандашом, карандашом для глаз или ручкой.

Деревья и другие растения почитались балкарцами вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Многие хранили щепки от срубленных священных деревьев веками. Они были сохранены ими даже во время переселения балкарцев в Среднюю Азию в 40-х гг. XX века. Они придавали им исключительную роль, в разрешении хитросплетений своей судьбы. Ярким свидетельством почитания деревьев является культ священного дерева Раубазы – терек. По одним сведениям, это была груша, по другим сосна, по третьим дуб [2, с. 5].

Оно находилось в Верхней Балкарии, около села Шаурдат, – писал К. Г. Азаматов [3, с. 149]. Дерево издали напоминало человеческую фигуру с большими и раскинутыми руками и было ветвистым. По представлениям балкарцев, дерево Раубазы могло причинить само по себе большой вред тем лицам, которые плохо его почитали или не очень хорошо отзывались о нем.

По сообщению жителя Вольного Аула, ранее проживавшего в селе Верхняя Балкария 90-летнего Ахмата Ульбашева "Раубазы было огромным дубом. Оно находилось в Черекском ущелье в Балкарском обществе между поселками нынешнего села Верхняя Балкария Шаурдат и Кюнньюм. И располагалось примерно на 5 километров выше башни князей Абаевых и не более чем на 1.5–2 км выше поселка Шаурдат в самом конце небольшого пригорка. Мимо дерева протекала небольшая

речка. В том месте, где росло дерево, позднее был разбит сад, хозяином которого был Ульбашев Хаджи и речкой, которая протекала по территории всего пригорка, пользовались для полива этого сада. После того как Раубазы было срублено на его месте Ульбашевым Магомедом было посажено небольшое молодое дерево" [4.].

Дерево стало почитаемым после того как как-то в начале лета с востока надвинулась огромная черная туча и прошел сильный град. Весь скот находящийся на пастбищах погиб. Осталось только несколько животных, укрывшихся под раскидистым деревом [2, с. 5].

По центру ствола дерева шла большая трещина. Люди верили, что внутри дерева живет дух. Ходили легенды, что этот дух каждую ночь выходит из этой трещины, но всегда в разном облике. Считалось, что Раубазы нельзя было наносить вред, ни одной его веточки не срезали, так как считали, что за этим могло последовать наказание.

Скрывая имя священного дерева, его называли "Иман-терек" – "Дерево веры". Обычай скрывания имени был основан на том, что проявлял высшую степень уважения к тому, чье имя скрывалась. Например, у балкарцев был такой обычай, невестка, приходя в новую семью, не имела права называть по имени ни родителей мужа, ни самого мужа, ни старших в роду, ни золовок, ни деверей, проявляя этим высшую степень уважения к новой семье. То же самое касалось и Раубазы, показывая высшую степень уважения бытовавшего в среде балкарского народа к священному дереву.

Почитание дерева основывалось на вере в безграничные силы дерева, способного оказать помощь всем, кто в ней нуждался. Заболевших животных поили отваром из его листьев, а заболевших детей купали в воде, из речки, протекавшей недалеко от Раубазы. Охотники перед охотой обязательно делали подарки Раубазы, чтобы охота прошла удачно. Бездетные женщины молились дереву о даровании им ребенка. Девушки, оставляли под ним различные угощения, завязывали на ветки дерева ленточки, молили Раубазы о счастливом замужестве.

Жители селения Шаурдат каждый четверг собирались к нему на еженедельные моления, подвешивая на ветках или оставляя под деревом принесенные ими угощения. Если на следующий день их не оставалось под деревом, то считалось, что их съел дух Раубазы. Это означало, что жители были услышаны и дух дерева исполнит их просьбы.

Мусульманское духовенство осуждало поклонение балкарцев деревьям. Они всячески стыдили тех, кто молился Раубазы и старались всеми средствами искоренить греховные, в глазах Аллаха, действия. По сообще-

нию информатора Ахмата Ульбашева дерево было срублено служителем мусульманской религии Магомедом Энеевым. Энеев Магомед был выходцем из Верхнего Чегема. Он был отправлен изучать ислам в Дагестан. Окончив обучение, он вернулся. Как раз в это время род Энеевых собирался переезжать в Кенделен, где было много свободной земли. Но так как Кенделен до конца еще не был сформирован, как село он не мог оставаться там. Не зная, что делать дальше, он поехал в Нальчик, где находилось духовное управление. В это время там оказался один из князей Мисаковых, который предложил Магомеду Энееву учить в Верхней Балкарии детей вере пророка Мухаммеда.

По приезду князь Мисаков оповестил сельчан, что привез служителя мусульманской религии. На совете общества было решено выделить ему землю для строительства школы для обучения детей религии ислама. Так как у рода Моттаевых земли было много, было решено выделить часть их земли для строительства школы. Обучая детей, однажды он услышал о священном дереве Раубазы, которому поклонялись люди. Назвав это язычеством и сказав, что это никак ни соотносится с мусульманской религией, он принял решение срубить это дерево. Через два года, когда ученики впитали основные постулаты ислама, он предложил им срубить его. Первый удар топором по дереву нанес представитель рода Геляевых и упал в обморок. Собравшиеся вокруг жители, увидев это, посчитали это божьей карой и ими было сказано: "Это его бог ударил". Но, к сожалению, придя в себя, он, продолжил вместе с остальными рубить дерево. Информатор даже помнил такое выражение, которое бытовало у жителей селения Шаурдат: "Пусть Аллах будет на твоей стороне, лишь бы дерево села Шаурдат было на моей стороне". Ахмат Ульбашев просил подчеркнуть, что ученики Энеева все как один были жителями селения Кюннум, а не Кенделена как часто пишут [4.].

Ахмат Ульбашев вспомнил также такой случай из жизни своей матери. В роду Ульбашевых было два брата. Одного из них звали Келлетом, а другого Алибеком. Однажды, когда мать рассказчица занималась шитьем тапочек, к ней как-то пришла мать Келлета и Алибека и стала жаловаться, что сыновья ее не женаты, снох нет, им очень трудно и некому сшить даже тапочки. На что мать рассказчица сказала ей, что если она, упомянет имя Раубазы то она, сошьет ей тапочки. На что мать братьев наотрез отказалась упоминать имя Раубазы. Но мать рассказчица все равно сшила ей тапочки. Этот случай был в 1923–1924 гг. [4.]. На вопрос знает ли он годы, когда срубили священное дерево информатор ответил, что сидя с потомками рода Моттаевыхна одном из мероприятий в 1986 году, когда речь зашла о Раубазы они решили посчитать, когда оно было срублено и пришли к выводу что это было в 1906 году.

По сообщению Ахмата Ульбашева в селении Хасанья по улице 8 марта стоит полусгнившее дерево – дуб с большим дуплом посередине ствола. К этому дереву обычно перед экзаменами приходят дети, чаще девочки, обнимают его, целуют, вешают на его веточки ленточки и просят, чтобы Аллах услышал их молитвы и помог успешно сдать экзамены [4.].

В работе этнографа Джуртубаева М. И. приводится другая версия уничтожения священного дерева. Мулла селения Кенделен Алий-Эфенди Энеев со своими учениками несколько раз пытался его срубить. В первый раз это ему не удалось, так как жители селения Шаурдат отстояли дерево. В другой раз Алий-эфенди вместе с 60 учениками все-таки смог довести свое дело до конца. Жительницы селения Шаурдат, окружив их, плакали и просили не трогать дерево. Однако это не остановило рубивших и на них посыпались проклятия. Когда по дереву был нанесен первый удар, женщины стали проклинать рубившего: "Так бы была отсечена твоя голова!". Другие же, предрекая им наказание, говорили: "Смотри-те же, что сейчас сделает с ними Раубазы".

Один из учеников Энеева, чтобы поиграть на чувствах собравшихся людей повалился на землю и стал дергать ногами, словно в конвульсиях, отчего женщины стали кричать, что его настигло проклятие Раубазы. Когда же ученик вскочил, плач стал еще громче, так как женщины поняли, что дерево уже не спасти [5, с. 48]. Так по его версии было уничтожено священное дерево Раубазы. Таким образом, с приходом ислама, постепенно стали уходить в прошлое традиции поклонения священным деревьям.

Большим почитанием в Балкарии пользовались крупные камни, им приписывались чудесные свойства. По верованиям балкарцев в каждом камне жил дух, который мог выполнить любые мольбы просившего. Очень почитался в народе камень Байрым, который находился в Верхнем Чегеме. Об этом камне писали ученые В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский побывавшие в конце XIX века в Балкарии. Посреди аула Чегем, – писали они, – есть камень, называемый Байрым. К нему, несмотря на столетнее господство мусульманства, обращаются женщины с молитвою о ниспослании детей и приносят в жертву пироги. Такие камни оказались, как мы потом убедились, в каждом ауле" [6, с. 208]. Их функции и само имя они объясняли из осетинской святыни Мады – Майрам (Матери Марии).

Бездетные женщины не только Чегемского общества, но и Хулама, Баксана, Безенги, самого большого общества Большой Балкарии, а также Карачая обращались к этому камню с поклонами и жертвоприношениями [7, с. 146].

По сообщению информатора, проживающего в данный момент в городе Нальчик, ранее проживавшего в селе Верхняя Балкария, Бичиева Орлая который знает об этом от своего отца Бичиева Хусея Османовича, в Верхней Балкарии существуют несколько камней, каждый из которых имеет свое название, но являлись ли они объектами поклонения информатор не знает, но мы можем предположить, что раз у них есть названия значит, они играли определенную роль в духовной и общественной жизни людей. "Шырданна аякъ ызы таш" (камень отпечатка ноги Шырдына) который внешне напоминает тапочек и расположен примерно на 7 км выше села Верхняя Балкария. Амырхан къаланы ташы (камень башни Амирхановых) – это камень, на котором стоит башня князей Амирхановых. Чюйке таш (камень гвоздь) – заостренный камень, напоминающий своими очертаниями гвоздь, который стоит на окраине села. Эмегенле буруу таш (камень, поворачиваемый эмегенами – одноглазыми великанами) – считается, что он расположен на месте бывшего становища эмегенов. Боташ таш (камень Боташа) – камень, видимо, принадлежащий фамилии Боташевых и расположенный на берегу реки Курнаят. Юч сын таш – это три надгробных камня весом по 1.5 – 2 тонны, которые стоят рядом и отличаются друг от друга по размеру. По мнению информатора, они напоминают камни, стоящие в Стоунхендже. В народе их называют отец, мать и ребенок. Каркъа таш (камень Карки) – принадлежавший фамилии Каркаевых и расположенный рядом с сенокосами на солнечной стороне Кюннума в стороне урочища Эрти. Белги таш (камень ориентир) – это камень расположенный на берегу реки Черек по правой стороне от Болат Балла, от которого, по предположению Бичиева Орлая, начинались аульные скачки. Бийче тепсеген таш (камень на котором танцевала княгиня) – это камень с астрономическими метками, изображающими звездную карту неба расположенный в поселке Мухол [8.].

У жителей Верхнего Баксана почитаемым был "Къарындашла ташы" (камень братьев), в Безенгиевском ущелье – Мамукъ таш (ватный камень), в Чегемском ущелье почитался Къашха таш (лысый камень), жители Хулама обращались как к святыне к Кёк таш (небесному камню) [9, с. 108].

На Небесном камне, называемом также Синим и Огненным камнем, были отпечатки в виде ножек колыбели. По преданию, когда-то убежавшие от чумы люди поставили на него колыбель и так проявились отпечатки. Къарындашла ташы по легенде, в незапамятные времена был золотым. Два брата найдя его, поспорились при делёжке и убили друг друга. Разгневавшись, бог превратил его в простой камень. Это обстоятельство причастности к божеству и сделало, видимо, его объектом поклонения [2, с. 62].

Находившийся в Чегеме "лысый" камень Къашха таш очертаниями напоминал стоящего человека и находился рядом с родником. Люди, проживавшие на скале Йире, поклонялись ему, закончив какое-либо дело. К Мамукъ таш приходили со своими мольбами бесплодные женщины. В Безенги кроме "ватного камня" почитали Къош таш "сросшийся камень". Каждый, у кого была какая-то тягота или просьба, принося к камню какое-либо угощение, молил его:

Ты камень Тейри.

Ты главный свидетель Тейри Земли,

В мольбу нашу вникни, вмешайся, помоги,

Передай во чрево земли нашу заботу, подай помощь!

и после этого преклонив колени и отдав поклон, уходил

[5, с. 53].

В Жуушку был камень, называемый "Жут жол" – "До-рога алчности". Если возле него кто-либо произносил жут жол, камень повторял эти слова. К этому камню женщины носили (в качестве жертвы) яйца и пироги.

Кроме камней Къашха таш и Байрым в селе Верхний Чегем были камни Аш-Тотур и Апсолтуу или Апсалты-таш (камень Апсаты). Более почитался камень Аш-Тотур. Возле камня Аш-Тотур совершались жертвоприношения, всадники проезжая мимо спешили, оказывая ему дань уважения. Тотур считался покровителем охотников, и поэтому у его камня отмечалось соверше-

нолетие юношей, их посвящение в мужчины (жашны сынау). Для этого посвящаемый должен был некоторое время продержаться на неукле, показать свою меткость в стрельбе, умение быстро и правильно разделать овцу или козу [10, с. 225].

Культ диких животных и культ камня символически сочетался в так называемом Апсалты-таш (камень Апсаты), представляющем собой монолитную стену высотой около четырех метров. Она была найдена в 1959 г. в дремучем лесу в Чегемском ущелье. Стела изображала какое-то дикое животное. Поскольку Апсаты это балкарско-карачаевское божество охоты, покровитель диких животных, постольку представляет большой интерес и место его обнаружения – дремучий лес. Перед отправкой на охоту этому камню поклонялись, просили у него удачи, оставляли в залог одну из своих стрел, а на обратном пути приносили ему определенную долю дичи [11, с. 312].

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на проникновение в жизнь балкарцев ислама, а до этого христианской религии, язычество продолжало жить в душе народа и передавалось из поколения в поколение, не смотря на происходившие вокруг изменения. Языческие верования продолжали сохраняться, так как входили в большинство обрядовых действий различного характера, охватывающих все сферы духовной и общественной жизни балкарского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудавев М. Ч. Древние танцы балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 144 с.
2. Джуртубаев М. И. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Краткий очерк. – Нальчик: Эльбрус. 1991. – 256с.
3. Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев/Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1980. с. 143–169.
4. Полевой этнографический материал 2017 года. Сообщение информатора из Верхней Балкарии Ульбашева А. 1925 г. р.
5. Карачаево-балкарские мифы / Сост. М. Ч. Джуртубаев; Перевод с балк. Х. Ч. Джуртубаева. – Эль-Фа, 2007. – 484 с.
6. Сабанчиев Х.– М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик. Издательство Эльбрус, 1989. – 231с.
7. Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.
8. Полевой этнографический материал 2017 года. Сообщение информатора из В. Балкарии Бичиева О. 1958 г. р.
9. Маремшаова И. И. Менталитет в семейных и общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. – Нальчик: Издательство "Книга", 1999. – 236 с.
10. Мусукаев А. И. Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик. 1992. – 239 с.
11. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – 368 с.

© М.Ш. Абаева, (madina455s341c913@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И И МИБО

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В 1940-е - НАЧАЛЕ 1950-х г.г.

PROFESSIONAL ACTIVITY OF PROVINCIAL OFFICIALS IN THE 1940s and early 1950s

S. Bondarenko

Annotation

Characteristics of the administrative activities of provincial's officials in the 1940s and early 1950s is based on the results of the conducted research on the interaction of officials at the federal, regional and local levels of government and various departments, the level of executive culture of responsible employees, the organizational side of the process itself.

Keywords: Political power, political elite, social mobility, state, career.

Бондаренко Сергей Яковлевич

К.и.н., доцент,

*Вологодский институт права
и экономики ФСИИ России*

Аннотация

Характеристика управленческой деятельности провинциального чиновничества в 1940-е – начале 1950-х годов основывается на результатах проведенного исследования вопросов взаимодействия чиновников федерального, регионального и местного уровня власти и различных ведомств, уровня управленческой культуры ответственных работников, организационной стороны самого процесса управления.

Ключевые слова:

Политическая власть, политическая партия, государство, социальная мобильность, карьера, политическая элита.

Эффективность профессиональной деятельности провинциального чиновничества во многом зависела от характера его взаимоотношений с центральными органами власти, как партийными, так и советскими. В целом в 1940-е – начале 1950-х гг. эти взаимоотношения строились на основе жесткого подчинения местной власти центру. Такая ситуация сложилась еще в 1930-е гг. В результате большинство региональных чиновников не имело самостоятельности и во всем полагалось на центральное руководство: "Москва все знает, Москва, прояснит, Москва подскажет"[1]. Кроме того, среди подавляющей массы провинциального чиновничества существовала вера в непогрешимость Сталина, в безусловную правильность его политики. Так, в дневниковых записях Н.А. Рибковского, в 1940 г. – секретаря Выборгского райкома, с декабря 1941 г. – инструктора Ленинградского горкома ВКП(б), постоянно приводятся ссылки на высказывания Сталина, который рассматривается главный авторитет по всем важным вопросам: "Будет и на нашей улице праздник!" – как справедливо сказано в приказе т. Сталина", "... т. Сталин свое слово сдержит... Поможет, выручит..."[2]. Такое отношение провинциального чиновничества к высшему руководителю создавало благоприятные условия для выполнения любых его директив.

В первой половине 1940-х годов наблюдалось установление еще более жесткой централизации политического, хозяйственного и военного руководства. В годы войны по отношению к местным органам власти со сто-

роны центра еще более укрепился директивный, командный стиль руководства. При этом усилилась личная ответственность чиновников за выполнение политических и хозяйственных задач. Так, в телеграмме И. В. Сталина в адрес руководителей Архангельской области по поводу недопоставок мяса государству за 1941 год требовалось незамедлительное проведение поколхозной, подворной проверки недоимок по мясоставкам к 1 января 1942 года, в том числе и за прошлые годы, жесткое установление для каждого района области пятидневных заданий с целью ликвидации недоимок в течение февраля 1942 года. В телеграмме подчеркивалось: "...ответственность возлагаю лично на т. Огаркова М.А. и т. Огородникова Г.П. В течение трех дней доложите о принятых мерах. И. Сталин"[3]. При чем центральным руководством личная ответственность на "первых лиц" области или района возлагалась не только за состояние партийной организации, но и за выполнение хозяйственных планов. К примеру, соответствии с директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года ответственность за уборку урожая и сдачу хлеба государству в установленные сроки в районах возлагалась на первых секретарей РК ВКП(б) и председателей РИКов, в области – на первого секретаря обкома ВКП(б) и председателя облисполкома. Руководители партийных и советских органов, допустившие задержки хлебосдачи, подлежали снятию с должности, исключению из партии и преданию суду как "наносящие ущерб государству и ослабляющие обороноспособность страны" [4]. Объективные трудности, связанные с нехваткой материальных и людских ресурсов, во вни-

мание не принимались. Мобилизационно–приказная система не признавала слов "невозможно" или "невыполнимо" – требовался результат любой ценой. В годы войны все это оправдывалось нуждами войны.

Вместе с тем, чрезвычайные условия военного времени, персонификация ответственности способствовали самостоятельности чиновника, который мог сам решать неотложные проблемы, не оглядываясь на начальство, в конечном итоге не бояться брать ответственность на себя. Для многих чиновников военного времени был присущ решительный стиль работы. В связи с этим очень показательны действия первого секретаря Тульского обкома ВКП(б) В.Г. Жаворонкова. Не дозвонившись 22 июня 1941 г. в Москву с целью получения директив, он обратился к членам бюро: "Собственно, чего мы ждем? Это теперь будет часто. Поэтому договоримся на все случаи: действовать, как подобает большевикам..." [5].

Необходимость быстро решать сложные вопросы на месте иногда приводила к конфликтам между региональными лидерами и московскими чиновниками. Так, в конце 1941 г. Правительство приняло решение эвакуировать стекольный завод из Чагодощенского района Вологодской области. Бюро Вологодского обкома и лично первый секретарь П.Т. Комаров выступили против этого, т.к. посчитали это слишком дорогостоящим мероприятием, к тому не имеющим ни политического, ни экономического эффекта. Однако СНК РСФСР настаивало на эвакуации. Первый секретарь обкома был вынужден защищать свою точку зрения в ЦК ВКП(б). В результате центральное партийное руководство приняло его сторону в данном конфликте [6].

Послевоенный период во взаимоотношениях между центральными местными чиновниками ознаменовался возвратом к репрессиям. Однако теперь они носили локальный характер и широко не освещались в прессе, как это было в конце 1930–х гг. В частности, в конце 1940–х гг. были репрессированы руководители Московской городской партийной организации, Ленинградского горкома. Объектом этих карательных мероприятий стали партийные и советские чиновники, карьера которых успешно складывалась в годы войны [7]. В 1948–1949 гг. в Архангельской и Вологодской областях в аппаратах парткомов и исполкомов Советов всех уровней прошла массовая ротация кадров, при чем сменились в основном чиновники с высоким стажемом руководящей работы. При этом в двух северных областях произошла смена части областной партийно–советской элиты: в 1948 г. ушли со своих постов первый секретарь Архангельского обкома Б.Ф. Николаев, председатель Вологодского облисполкома А.М. Лобанов. В 1949 г. состоялась проверка деятельности Вологодского обкома, по результатам которой Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление. В нем работа Вологодского обкома и лично первого

секретаря В.Н. Дербинова по хозяйственному и культурному строительству в области была признана неудовлетворительной. Дербинову также вменялись в вину "канцелярско–бюрократические методы работы" [8]. В 1952 г. проводились очередные выборы в партийные руководящие органы. Это стало удобным поводом снять негодных центру региональных руководителей. В результате, несмотря на свой авторитет в Вологодской партийной организации, не был избран первым секретарем В.Н. Дербинов. Все это может свидетельствовать о том, что в конце 1940–х – начале 1950–х гг. центром по отношению и к северному провинциальному чиновничеству проводилась политика "закручивания гаек", ужесточался контроль над местными руководителями.

В целом исследование проблем взаимоотношений центральных органов и провинциальных чиновников позволяет сделать вывод о том, что в 1940–е – начале 1950–х гг. существовало две модели взаимоотношений между центральными органами власти и провинциальными чиновниками. Первый вариант предполагал безусловное подчинение любым решениям центра, строгое следование его директивам. Он был доминирующим на всем протяжении исследуемого периода. Вторая модель, имевшая место в годы войны, предусматривала взаимодействие, сотрудничество региональных и московских чиновников для решения общих задач, предоставление большей самостоятельности местным руководителям. Как показала война, данная система взаимодействия была более эффективной. Вместе с тем она не исключала централизации власти, т.к., в конечном итоге, последнее слово всегда было центральными ведомствами.

Другим важнейшим фактором, способствующим эффективной деятельности провинциальных чиновников, являлись взаимоотношения между руководителями различных ветвей власти и ведомств: партийных, советских, хозяйственных, карательных. Эти взаимоотношения изначально строились на полном приоритете партийного руководства на всех уровнях власти. Первый секретарь любого парткома являлся главным руководителем на подведомственной ему территории. При этом секретари обкомов и райкомов отвечали не только за политическое руководство, но и за экономическое развитие своего региона, за выполнение хозяйственных планов.

Однако со временем тип руководителя–универсала изживал себя. Сложнейшие экономические задачи под силу было решать только профессиональным инженерам, экономистам, строителям. Особенно остро эта проблема встала после войны, когда восстановление разрушенного народного хозяйства не могло осуществляться только с помощью приказных методов, нужны были специальные знания и применение экономических рычагов. Таким образом, если в военный период партийные руко–

водители брали на себя многие функции по хозяйственному управлению, то после войны они, главным образом, должны были сосредоточиться на общем руководстве, обеспечении выполнения политических задач, которые ставило перед ними высшее руководство.

Особого внимания заслуживает проблема взаимоотношений чиновников партийных и карательных органов. Так, на местах в 1940–е гг. некоторые сотрудники суда и прокуратуры пытались выйти из-под контроля райкомов ВКП(б), протестовали против вмешательства в их деятельность, в частности, против необоснованных требований выдачи санкций на арест и привлечения к уголовной ответственности отдельных руководителей низового звена. В докладной записке прокурора Архангельской области Чичерина на имя первого секретаря обкома ВКП(б) Г.П. Огородникова сообщалось, что постановлением объединенного заседания Вологодского РК ВКП(б) и исполкома райсовета райпрокурору т. Милькову было поручено привлечь к уголовной ответственности трех председателей колхозов за невыполнение зернопоставок государству. Однако прокурор Мильков, учитывая, что колхозы план сдачи хлеба государству выполнили, а сами председатели находились в должностях всего три месяца, не стал привлекать их к уголовной ответственности. В связи с этим секретарь РК ВКП(б) Шевелев заявил, что как член партии т. Мильков обязан выполнить постановление бюро райкома, в противном случае он сам будет привлечен к ответственности. В заключение Чичерин резюмировал: "...среди руководителей районов не перевелись "зазнавшиеся вельможи", которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них. Они пытаются вопреки требованию статьи 117 Конституции РСФСР подчинить прокуроров местным органам власти" [9].

Попытки прокурорских органов действовать самостоятельно и независимо вызывали раздражение и резкое противодействие со стороны партийных органов. Так, в справке заведующего сектором судебных и прокурорских органов отдела кадров Вологодского обкома ВКП(б) Платонова указывалось, что ряд работников суда и прокуратуры "неправильно" понимают руководство со стороны райкомов партии и "всякие" указания райкома считают вмешательством в оперативную работу. Будучи в командировке, Платонов дал "соответствующие" разъяснения о руководящей роли ВКП(б) райпрокурору Павинского района т. Архиповскому, "объяснил" народному судье Никольского района т. Квашнину, какими должны быть взаимоотношения между судом и райкомом партии [10].

Отдельные работники судебно-прокурорских органов для ухода от контроля со стороны райкомов и райисполкомов использовали имеющийся у них по роду деятельности компрометирующий материал на руководящих партийных и советских работников. В докладе председа-

теля Вологодского областного суда Нехорошкова, направленного первому секретарю обкома партии, указывалось, что органы следствия и прокуратуры использовали компрометирующие материалы на руководящих работниках райкомов ВКП(б) и РИКов для их дискредитации [11]. Вместе с тем, осуществляя надзор за точным исполнением законов органами власти и должностными лицами, органы прокуратуры действительно вскрывали целый ряд нарушений законности председателями сельсоветов, РИКов, партийными чиновниками. Так, за 1943 год в Вологодской области органами прокуратуры опротестованы решения, распоряжения, действия должностных лиц и вынесены прокурорские представления по 986 нарушениям законов местными чиновниками. В 65,1% случаев прокурорские протесты касались нарушений Устава сельхозартели в колхозах, 12,5% – нарушений законов о трудовой дисциплине, 6,0% – нарушений законов о торговле, 7,0% – нарушений законов о налогах, сборах и поставках, 2,9% – нарушений законов о мобилизации населения и транспорта, 1,6% – нарушений законов о местной противовоздушной обороне, 1,2% – нарушений постановлений административных комиссий местных Советов, 1,1% – нарушений законов о поставках и заказах РККА, 2,6% – нарушений законов о правах военнослужащих и членов их семей [12].

Райисполкомы, чувствуя защиту и покровительство со стороны райкомов, протесты и представления прокуроров против незаконных действий своих чиновников систематически не рассматривали [13]. В связи с этим свое внимание на данную проблему обратил Вологодский облисполком: 15 июня 1944 года он принял развернутое решение "О фактах нарушений законов местными органами власти" [14].

Таким образом, если во второй половине 1930–х гг. происходили конфликты между работниками НКВД и партийного аппарата, то в 1940–е гг. наблюдались сложные, противоречивые взаимоотношения партийных чиновников и работников судебно-прокурорских органов, партаппаратчиков и хозяйственных руководителей. Это свидетельствовало о том, что партийные чиновники не обладали полной, тотальной властью в регионе. Более того, сами партийные руководители иногда оказывались под контролем органов, предметом деятельности, конституционной обязанностью которых были защита и соблюдение законности. В изучаемый период они нередко были вынуждены делить власть с советскими, хозяйственными ответ работниками, подчиняться решениям суда и прокуратуры. С одной стороны, это способствовало хотя бы мнимой реализации демократических принципов руководства, записанных в Конституции, но, с другой, в жестких условиях директивного управления вело к снижению эффективности деятельности провинциального чиновничества.

Основным методом достижения результативности работы нижестоящих структур являлись контроль и проверка их деятельности. Проверка исполнения принятых решений включала в себя комплекс форм и способов осуществления этого вида деятельности. В их числе было представление докладных записок, письменных отчетов о выполнении решения непосредственно исполнителем или чиновником, ответственным за порученный участок работы; вызов чиновников в райкомы и исполкомы для обсуждения хода исполнения принятого решения или же для заслушивания отчетов по проверке исполнения директив. Одним из способов контроля являлись проверки с выездом на места заведующих отделами, уполномоченных и инструкторов исполкомов и партийных комитетов [15]. Так на заседаниях Вологодского облисполкома за 1944 год было заслушано 111 отчетов председателей райисполкомов, отчеты 19 председателей сельсоветов заслушивались на сессиях райсоветов, а отчеты 91 председателя сельсовета – на заседаниях РИКов [16].

Иногда такие проверки и отчеты приводили к снятию чиновников с должности. Так, по результатам заслушивания 1 апреля 1942 г. отчета Бабушкинского райкома ВКП(б) Вологодской области о подборе руководящих кадров для колхозов и по материалам повторной проверки в декабре 1942 г. решением Вологодского обкома ВКП(б) секретарь Бабушкинского РК ВКП(б) по кадрам Ф.Н. Зимин был отстранен от должности [17].

В сельских Советах велась книга учета вынесенных решений и поступивших директив от вышестоящих инстанций, где делались соответствующие отметки о том, что по каждому решению сделано, кто ответственный за выполнение решения, каков срок его исполнения. Такие же книги учета велись в райисполкомах, что позволяло председателю РИКа иметь оперативную информацию об исполнительской дисциплине чиновников по выполнению конкретной директивы в целом по району. Помимо этого в горсоветах и РИКах имелись контрольные карточки, которые заводились на решения, взятые на контроль председателем исполкома [18]. В облисполкомах велись учетные карточки получаемых постановлений и директив центра с указанием председателем облисполкома срока и конкретных исполнителей [19].

К числу способов организации контроля за деятельностью местных чиновников относилась ежедневная отчетность. Причем иногда местные чиновники сами, без разрешения вышестоящих структур вводили новые формы ежедневной отчетности. Так, с целью осуществления "надлежащего" контроля за ходом уборки урожая 1942 года в Пришекснинском районе Вологодской области заведующим районным земельным отделом Калининым самовольно была установлена ежедневная письменная отчетность председателей сельских Советов и председа-

телей колхозов района по 34 пунктам. Это создало огромный бумажный поток ежедневной информации из колхозов в сельсоветы, а из сельсоветов в РайЗО Пришекснинского РИКа. Работники были вынуждены заниматься "бумаготворчеством", а не конкретным делом. Приказом Наркома земледелия СССР от 19 ноября 1942 года эта система отчетности была отменена [20].

Выполнение указаний вышестоящего руководства нередко заставляло чиновников применять по отношению к подчиненным методы нажима и запугивания привлечением к уголовной и партийной ответственности за невыполнение или несвоевременное выполнение поставленных задач. Так, в докладной записке уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Вологодской области в адрес обкома партии указывалось, что "излюбленным" методом руководства первого секретаря Великоустюгского РК ВКП(б) Я.С. Задорина является "грубое администрирование и постоянные угрозы". Руководство в этом районе осуществлялось заочно – в основном путем указаний и распоряжений по телефону и телеграфу. В телеграммах первого секретаря часто содержались ссылки на то, что в случае невыполнения задания виновные "будут вызваны на бюро райкома и привлечены к партийной и уголовной ответственности" [21]. Председатель Рабановского сельсовета Сокольского района Вологодской области за неявку на сессию сельсовета подверг штрафу пятерых депутатов и каждому вручил письмо: "за невыполнение своих обязанностей, которые поставлены перед вами правительством и неоправдание доверия народа... подвергаю штрафу в размере 30 руб. Срок уплаты немедленный" [22].

В целом подобные методы руководства доминировали и в предыдущие годы, однако в 1940–е – начале 1950–х гг. они получили еще большее распространение и оправдывались чрезвычайными условиями военного и послевоенного времени. Таким образом, преобладающая во взаимоотношениях с центром приказная система управления, основанная на полном выполнении директив, подкрепленном репрессиями и разветвленной системой отчетности, пронизывала все уровни власти и проецировалась областными и районными чиновниками на взаимоотношения с нижестоящими структурами.

Немаловажным условием эффективной управленческой деятельности чиновников советских аппаратов в исследуемый период была грамотная организация управленческого процесса. Она, в частности, предусматривала четкое распределение обязанностей между чиновниками в аппарате.

Вместе с тем в изучаемый период характер организации труда отличался чрезвычайщиной. В 1941–1945 гг. это оправдывалось нуждами военного времени. Однако и

после Великой Отечественной войны ситуация мало изменилась: сверхурочная работа чиновников на всех этапах власти считалась нормой. В центральных ведомствах, как отмечают А.К. Соколов и В.С. Тяжельникова, "пик деловой активности приходился на вечернее время и продолжался до 2–3 часов ночи. Ночью работал Сталин, который мог лично позвонить и срочно потребовать справку или отчет, поэтому все союзные министерства и ведомства работали в том же режиме"[23]. После войны для работников Вологодского горкома ВКП(б) специальным распоряжением первого секретаря от 10 ноября 1946 г. был введен новый распорядок дня: "Начало работы с 10 часов утра, лекторы и работники парткабинетов начинали работу в 12 часов дня. На обед отводилось 1,5 часа... Заканчивали работу: зав. отделами – в 21 час; зав. секторами, инструкторы, пропагандисты – в 20 часов; лекторы, работники парткабинетов – в 22 часа... В субботу все работники горкома и райкомов заканчивали работу в 18 часов 30 минут..."[24]. Согласно распоряжению, строго воспрещалось работать сверх указанного времени и по воскресеньям. Кроме того, оно указывало на строгое соблюдение дисциплины: "Не допускать никаких отлучек работников из горкома и райкомов, хождения по горкому и райкомам, не связанные с выполнением прямых обязанностей по работе...". В случае необходимости отлучиться в рабочее время по делам, не связанным с работой, необходимо было разрешение первого или второго секретаря парткома, а в целях обеспечения аккуратной чиновников на работу и с обеденного перерыва был введен специальный журнал [24].

Режим постоянного напряжения и стресса, нерациональная организация труда, нередко плохое питание приводили к хроническим и инфекционным заболеваниям у местных чиновников.

В целом местные чиновники в годы войны и послевоенное время работали с тем же напряжением, что и большинство населения. Часто они демонстрировали примеры самоотверженности, самопожертвования ради победы и скорейшего восстановления разрушенного хозяйства.

Для полной характеристики деятельности провинциального чиновничества важное значение имеет рассмотрение вопроса об уровне его управленческой культуры. Под управленческой культурой понимается моральный облик, стиль поведения руководителя на работе и в быту, манера его общения с коллегами и рядовыми гражданами, степень осознания своего общественного и государственного долга.

Так, в изучаемый период в среде руководящих партийных и советских работников имели место случаи злоупотребления служебным положением из корыстных по-

буждений. Например, партчиновники Чарозерского РК ВКП(б) Вологодской области в 1943 году путем давления на работников РайЗО, бесплатно приобрели 6000 килограммов картофеля, по заниженным ценам скупали в личное пользование молочный скот, а семьям военнослужащих, учителям и служащим покупать коров не разрешали[25]. Секретарь Усть-Кубинского РК ВКП(б) купил в колхозе "Красная Нива" корову по заниженной цене, а затем обменял ее на более лучшую в конторе "Главмясо"[26]. Подобная практика существовала в Уломском, Череповецком, Пришекснинском РИКах[27]. В Кирилловском районе руководящие работники за счет сбора теплых вещей для Красной Армии взяли в личное пользование шубки и пошили кожаные пальто [28].

В ряде случаев районные чиновники принуждали председателей сельсоветов и колхозов нарушать законодательство. В 1943 году по распоряжению заведующего райземотделом Борисово-Судского РИКа Вологодской области Колесова для руководящих работников РИКа из 9 колхозов Конецкого сельсовета бесплатно было получено 456 килограммов овса, 100 килограммов пшеницы, 550 килограммов ячменя, 105 кг льносемян, 379 кг и только после вмешательства областной прокуратуры и состоявшегося специального решения облисполкома по этому вопросу колхозам были возмещены деньги за незаконно изъятые у них продукты [29].

В годы войны среди чиновников имело место использование колхозных земель в личных целях. Так, весной 1943 года по распоряжению секретаря Нюксенского РК ВКП(б) Беляева в колхозах Дмитриевского сельсовета для работников райкома на площади 5 га колхозной земли был произведен посев пшеницы и гороха, при этом участки обрабатывались колхозниками [30]. По примеру чиновников райкома директор Жаровской МТС Нюксенского района, но уже на площади 12 га колхозной земли, произвел посев зерновых для личных нужд [31].

Наиболее распространенным видом злоупотреблений должностным положением являлось незаконное самонабжение продовольственными и промышленными товарами. К примеру, председателем Оштинского райпотребсоюза за период с августа 1942 по август 1943 года из фондов, предназначенных для эвакуированного населения, было присвоено и реализовано в личных целях промышленных и продовольственных товаров на сумму 369987 руб. по среднерыночным ценам, за что он был осужден на 3 года лишения свободы, но как военнообязанный, отправлен на фронт [32]. Таким образом, эффективности управленческой деятельности провинциальных чиновников в исследуемый период способствовали многие факторы. Прежде всего, это жесткая централизация руководства, мобилизационно-приказная система управления, пронизывающая весь провинциаль-

ный властный аппарат по вертикали и горизонтали. В то же время в период войны местная власть была наиболее близка к народу не только "географически", но и идеологически, духовно, т.к. они вместе способствовали победе над общим врагом. Также данный период отмечен сотрудничеством центральной и региональной властей. Высшее руководство в годы войны не "избивало" местные кадры, не подвергало их массированным репрессиям. Чрезвычайные условия военного времени обусловили появление нового типа провинциального чиновника, способного самостоятельно принимать ответственные

решения, разрешать неотложные проблемы. Высокая эффективность при выполнении поставленных задач достигалась при неременной вере провинциальных чиновников в Сталина и справедливость Советской власти.

Однако в послевоенный период политическое руководство страны, опасаясь излишней самостоятельности и независимости региональных руководителей, повело на них наступление, возобновились репрессии и чистки. Это значительным образом мешало нормальной практической деятельности чиновников на местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда. 1986. 16 нояб.
2. Козлова Н.Н. Указ. соч. С. 112.
3. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1135. Л. 32
4. ВОАНПИ.Ф. 2522. Оп. 6. Д. 52. Л. 39
5. Правда. 1986. 16 ноября.
6. Попов Ю. Павел Комаров. Дни войны и мира // Русский Север. 1997. 18 февр.
7. Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Курс советской истории. 1941–1991... С. 180–181, 186–187.
8. Очерки истории Вологодской партийной организации... С.
9. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1221. Л. 1
10. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 379. Л. 8
11. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 71. Л. 109
12. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 287. Л. 56
13. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 287. Л. 57
14. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 683. Л. 36
15. ГАВО. Ф.1300. Оп. 1. Д. 676. Л.10б
16. ГАВО. Ф.1300. Оп. 1. Д. 667. Л. 3
17. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 107. Л. 21
18. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 676. Л. 1 об
19. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 143. Л. 72
20. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 590. Л. 100
21. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 323. Л. 18
22. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 683. Л. 34
23. Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Указ. соч. С. 163–164.
24. Цветков С.Н. Вологда в первый послевоенный год // Историческое краеведение и архивы. Вып. 8. Вологда, 2002. С. 171.
25. ВОАНПИ, Ф. 2522. Оп. 6. Д. 117. Л. 66
26. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 480. Л. 68
27. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 76. Л. 46
28. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 480. Л. 68
29. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 287. Л. 62
30. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 70. Л. 161
31. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 70. Л. 161
32. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 287. Л. 6

© С.Я. Бондаренко, (bosjak.1953usel2016@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В БЕЛОРУССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ван Люин

Аспирант, Российский
университет дружбы народов

CHINA'S FOREIGN POLICY IN BELARUS

Wang Liuying

Annotation

The article focuses on the history of China–Belarus relations, which are determined by the de-ideologized and even depoliticized economic pragmatics inherent in the Chinese side. It is proved that historically, China's foreign policy strategy in Belarus, like its global foreign policy strategy, is focused on ensuring economic interests, attracting Chinese companies and manufacturers who are developing Chinese loans in Belarus.

The novelty of the study is supported by a fact that confirms that both earlier and now the presence of a political aspect (the unqualified recognition of Byelorussia of a unified China and the non-recognition of Taiwan, as well as the Western criticism of human rights that unites the two countries) is not advertised and does not affect the intensity of investment in the Belarusian economy.

Keywords: history of interstate relations, historical conditions, historical strategy, companies, producers, China, Belarus, foreign policy, A. Lukashenko, Xi Jinping.

Аннотация

В статье сделан акцент на историю китайско-белорусских отношений, которые определяются присущей китайской стороне деидеологизированной и даже деполитизированной экономической прагматикой. Доказывается, что исторически сложилось так, что внешнеполитическая стратегия Китая в Белоруссии, как и его глобальная внешнеполитическая стратегия, ориентирована на обеспечение экономических интересов, привлечение китайских компаний и производителей, осваивающих в Белоруссии китайские кредиты.

Новизна исследования подкреплена фактом, который подтверждает, что как ранее, так и сейчас присутствие политического аспекта (безусловное признание Белоруссией единого Китая и непризнание Тайваня, а также "объединяющая" две страны критика Запада по правам человека) не афишируется и не влияет на интенсивность инвестирования в белорусскую экономику.

Ключевые слова:

История межгосударственных отношений, исторические условия, историческая стратегия, компании, производители, Китай, Белоруссия, внешняя политика, А. Лукашенко, Си Цзиньпин.

Под влиянием глобализации уже длительный период времени происходит усиление социально-культурных, дипломатических связей между государствами, а также формирование единой глобальной экономической системы.

В новых международных условиях возрастает роль и значение национальных государств, стремящихся максимально полно использовать исторический опыт реализации и совершенствования производственно-технологического потенциала с целью вхождения в мировое культурное, экономическое, политическое пространство. Для Республики Беларусь и Китайской Народной Республики указанные проблемы исторически являются остро актуальными. Ведь особое географическое положение стран на перекрестке важных торгово-коммуникационных путей между Востоком и Западом, ограниченность внутреннего рынка и преимущественно экспортная ориентация отечественного хозяйства диктуют необходимость к активной интеграции в мировые процессы.

Учитывая это, развитие внешнеэкономических связей Беларуси и КНР, в частности, активизация торговой

деятельности, расширение экспортного потенциала, налаживание сотрудничества с зарубежными партнерами длительный период принадлежат к стратегическим и приоритетным задачам руководства обеих республик.

Анализ внешнеэкономической деятельности Беларуси и Китая в предыдущие десятилетия, предложенный в данной статье, позволит выяснить исторический потенциал этих стран, их место среди других государств мира, уровень интегрированности экономики в мировые экономические процессы, а также эффективность экономической политики, проводимой главами государств.

Во второй половине 2000-х гг. активно развивалась экономическое сотрудничество с Китаем, который является важным стратегическим партнером Беларуси в Азиатском регионе. Эти страны сближает сходство социально-экономических моделей, в частности, построение социалистической рыночной экономики.

От КНР выходили инициативы создания на территории Беларуси крупных совместных предприятий для выхода на рынки Европы, а также предоставление для это-

го кредитов на выгодных условиях. Кроме того, торговые расчеты с Республикой Беларусь по обоюдному согласию Китай перевел из долларов и евро на национальные валюты, что, безусловно, стало финансовой поддержкой для страны в кризисный 2009 год. По этому поводу А. Лукашенко отметил: "Если Китай ставит такую цель, чтобы быть в центре Европы, то мы приветствуем это ... Нам это сотрудничество приносит только пользу. ... мы гордимся отношениями с таким большим государством, как Китай" [5, с. 62].

Еще в 2006–2010 гг. Республика Беларусь поддерживала торгово-экономические связи со многими странами Ближнего и Среднего Востока, Азии, Латинской Америки, США, государствами Евросоюза и СНГ. С некоторыми – сотрудничество не ограничивалось торговлей, создавались совместные предприятия, разрабатывались и претворялись различные межгосударственные программы и проекты.

Исторически сложилось так, что между Беларусью и Китаем не существует проблем во взаимоотношениях с точки зрения видения перспектив развития экономической, политической, культурной ситуации в мире. У этих двух государств уже давно сформировался единый взгляд на мировую повестку дня в осмыслении обозначенных выше сложных вопросов.

Китай в силу разных исторически обусловленных обстоятельств и, в первую очередь, в связи со сложными отношениями с Японией, а ранее и другими странами Европы, фактически всегда находился в авангарде борьбы за многополярный (биполярный) мир.

Белоруссия придерживается такой же позиции, поддерживала и продолжает поддерживать Китай в плане территориального единства. Кроме этого – выражает желание вместе противостоять различным нападениям на китайское государство со стороны разных стран, заинтересованных в конфронтации отношений.

Уже во второй половине 2000-х гг. активно развивалось экономическое сотрудничество с Китаем, который является важным стратегическим партнером Беларуси в Азиатском регионе. Эти страны исторически сближает сходство социально-экономических моделей, в частности, построение социалистической рыночной экономики.

От КНР выходили инициативы создания на территории Беларуси крупных совместных предприятий для выхода на рынки Европы, а также предоставление для этого кредитов на выгодных условиях. Кроме того, торговые расчеты с Республикой Беларусь по обоюдному согласию Китай перевел из долларов и евро на национальные валюты, что, безусловно, стало финансовой поддержкой

для страны в кризисный 2009 год. По этому поводу А. Лукашенко отметил: "Если Китай ставит такую цель, чтобы быть в центре Европы, то мы приветствуем это ... Нам это сотрудничество приносит только пользу. ... мы гордимся отношениями с таким большим государством, как Китай" [4, с. 3].

В 2008 г. товарооборот между двумя странами составил 1 млрд. долларов США, а в 2010 – 2500000000, при этом импорт заметно превышал экспорт. Белорусский экспорт в Китай изменился с 684 млн. долларов США в 2008 году до 241 млн. в 2009 г. и 643 млн. в 2010 году. Тогда как импорт китайских товаров в 2008 году составил 1500000000 долларов США, в 2009 г. – 1200000000, а в 2010 – 1900000000. При этом белорусский экспорт недостаточно диверсифицированный – 52,7% приходится на калийные удобрения, 25,2% – на капролактамы [3, с. 257].

Основными статьями белорусского экспорта в Китай являются: калийные удобрения, капролактамы, карьерные самосвалы, продукция станкостроения, электроники и металлургическая промышленность. В КНР открыто представительства нескольких белорусских предприятий.

В свою очередь, благодаря импорту промышленного оборудования из КНР проводится модернизация нескольких электростанций Беларуси. Кроме того, "Китай предоставил необходимое оборудование для оператора мобильной связи BeST" [1].

Ссылаясь на "исторические традиции дружественных отношений", а также "всестороннее стратегическое партнерство" Белоруссия и Китай подписали Договор о дружбе и сотрудничестве между Белоруссией и КНР от 10 мая 2015 г., ориентируясь на укрепление дружественных связей и правовой основы двусторонних отношений. "По мнению сторон Договора это отвечает коренным интересам двух государств и их народов, равно как и соответствует реальным потребностям современного развития двусторонних отношений, поддержанию мира, безопасности и стабильности в регионе Евразии" [2, с. 106].

Сейчас белорусско-китайские отношения выведены и на другие направления сотрудничества – политический и культурный. Осуществляется научное сотрудничество белорусских ученых с ведущими китайскими учебными заведениями. В частности, еще в 2008 г. в 26 белорусских высших учебных заведениях обучалось около 1400 китайских студентов [6]. О двустороннем белорусско-китайском опыте А. Лукашенко отметил следующее: "Мы находимся в процессе своеобразной хорошей кооперации – то мы берем у них, то они учатся у нас.

Все больше белорусов изучают китайский язык, все больше китайцев приезжают на обучение в дружественную им Беларусь для изучения, в том числе и экономики.

Все это очень важно и нужно, поскольку уже сейчас по всем направлениям сотрудничества с КНР ощущается острая нехватка специалистов, которые знают китайскую экономику, финансовое, налоговое законодательство страны, китайский язык. Мы уверены, что на такой уровень выйдет и наше сотрудничество с другими странами,

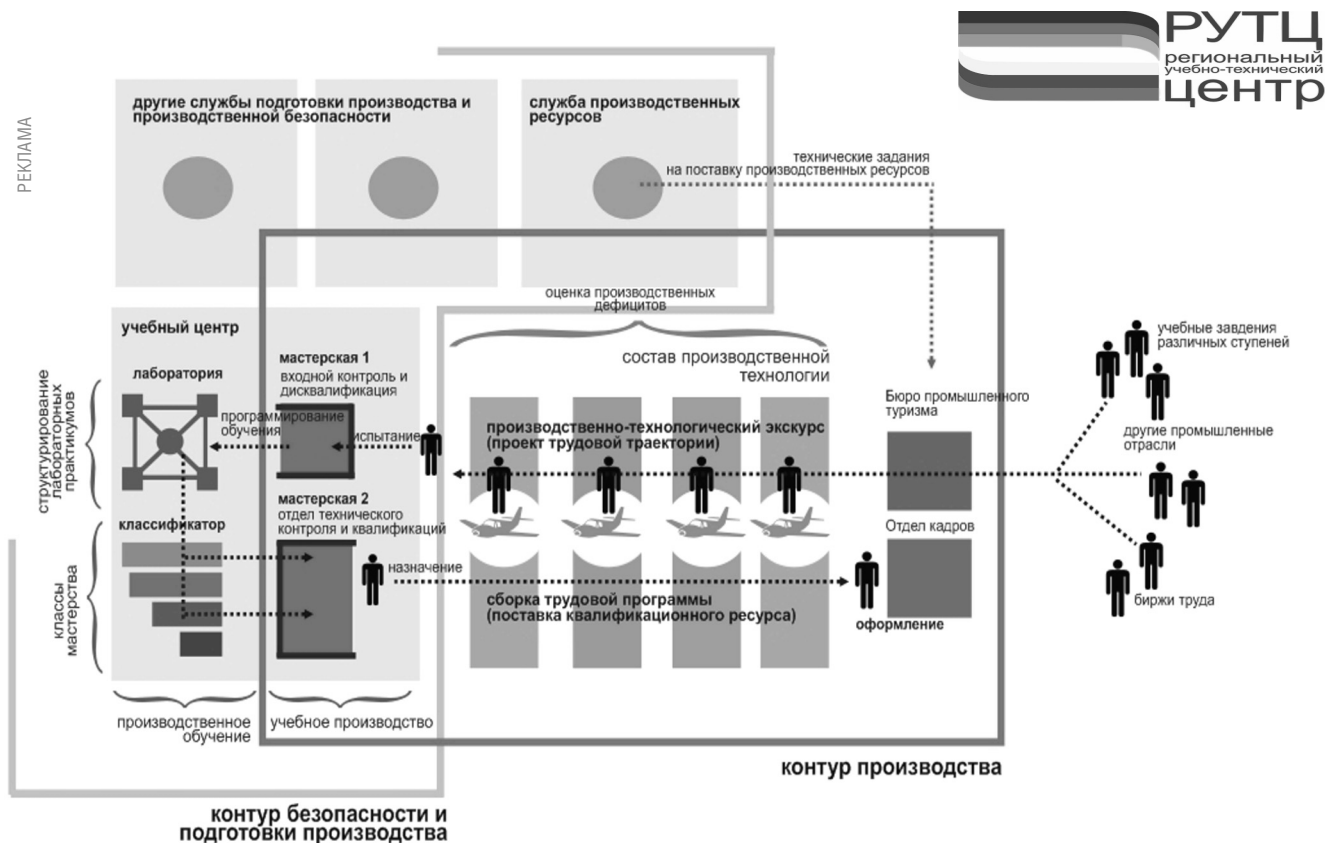
которые разделяют наши принципы и убеждения" [5, с. 77].

Таким образом, фрагментарный анализ истории внешнеэкономической деятельности Беларуси и Китая, начиная с 2000 годов, предлагаемый в данной статье, позволил выявить потенциал обеих стран, их место среди других государств мира, уровень интегрированности экономики в мировые экономические процессы, а также эффективность экономической политики, проводимой двумя государствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусско-китайские отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Белорусско-китайские_отношения (дата обращения – 20 апреля 2018 года)
2. Качуровский Е. Беларусь: Интеграционное измерение / Е. Качуровский. – Минск: Книгосбор, 2008. – 556 с.
3. Козловская В. Проблемы и перспективы экспорта Республики Беларусь / В. Козловская // Экономика Республики Беларусь в интеграционных процессах: тенденции, проблемы и перспективы: сб. мат-в Международной научно-практической конференции (19–20 апреля 2012 г., г. Минск) / Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: "Право и экономика", 2012. – С. 255–258.
4. Лукашин Ю. Другая Белоруссия: полгода спустя / Ю. Лукашин // Еженедельник 2000. – № 47(583). – 2011. – 25 листопада. – С. 3.
5. Медведев Р. Александр Лукашенко. Контуры белорусской модели / Р. Медведев. – М., 2010. – 320 с. – С. 77.
6. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/publications/archive/2011.php/> (дата обращения – 23 апреля 2018 года)

© Ван Люин, [1836531255@qq.com], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА В ОТНОШЕНИИ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА (2010-2017 гг.)

IRAN'S FOREIGN POLICY TOWARDS THE SYRIAN CRISIS (2010-2017)

Diansaee Behzad

Annotation

The article analyzes various aspects of Iran's participation in the settlement of the Syrian conflict in the context of the consideration of the strategic priorities of Iranian diplomacy in the Middle East region before and after the events of the Arab Spring. The work shows the dynamics of Iranian-Syrian relations in the post-revolutionary period, beginning with the period of the Iran-Iraq war and until 2017, the main assumption of the article is that after the Arab spring began, the United States and Arab regional allies came to the idea of separating Syria from the axis of Islamic resistance and the weakening of Lebanese Hezbollah. The Islamic Republic of Iran, realizing this goal, uses a realistic foreign policy, seeking to preserve its national interests in Syria. As shown, in connection with the nuclear crisis, Iran's role in the Middle East was transformed and, as a result of the resolution of the nuclear issue, Iran's sphere of influence in the region expanded. At the same time, the Islamic foreign policy pursued by the Islamic Republic of Iran has an ever-increasing impact on the process of Islamization of international relations in the Near and Middle East.

Keywords: foreign policy, coalitions, national interests, Middle East, Islamic Republic of Iran, Syrian conflict.

Диансаи Бехзад

*Российский университет
дружбы народов, РУДН, Москва*

Аннотация

В статье анализируются различные аспекты участия Ирана в процессе урегулирования сирийского конфликта в контексте рассмотрения стратегических приоритетов иранской дипломатии в регионе Ближнего Востока до и после событий арабской весны. В работе показана динамика ирано-сирийских отношений в постреволюционный период, начиная с периода ирано-иракской войны и до 2017 г. основное предположение статьи заключается в том, что после начала арабской весны США и арабские региональные союзники пришли к мысли отделения Сирии от оси исламского сопротивления и ослабления ливанской Хезболлы. Исламская Республика Иран, осознавая эту цель, использует реалистичную внешнюю политику, стремясь сохранить свои национальные интересы в Сирии. Как показано, в связи с ядерным кризисом произошла трансформация роли Ирана на Ближнем Востоке и в результате разрешения ядерного вопроса сфера влияния Ирана в регионе расширилась. При этом проводимая ИРИ исламская внешняя политика оказывает все возрастающее воздействие на процесс исламизации международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке.

Ключевые слова:

Внешняя политика, коалиции, национальные интересы, Ближний Восток, Исламская Республика Иран, сирийский конфликт.

Отношения между Исламской Республикой Иран (ИРИ) и Сирией известны своей непрерывностью и продолжительностью. Следует отметить, что отношения стран после исламской революции основывались на сирийской поддержке Ирана в ирано-иракской войне, совместной поддержке сопротивления в Ливане и общих подходах к урегулированию ближневосточного кризиса и обеспечению региональной безопасности.

Еще до начала "Арабской весны" (2011 г.) стало ясно, что ИРИ, после свержения власти "Движения талибан" в Афганистане (2001) и режима Саддама Хусейна в Ираке (2003), впервые после Исламской революции 1979 года получила возможность проявить себя в качестве крупного регионального субъекта: поддержать "Хезболлу" во Второй ливанской войне 2007 года ("Июльская война") и усилить влияние своей мягкой силой в регионе.

В этом смысле для ИРИ наступило время наращивания и консолидации региональной своей мощи на Ближнем Востоке что стало следствием успехов в процессе поддержки Сирии в ситуации ее дестабилизации. Изначально иранское правительство скептически воспринимало восстания в арабских странах, видя в них средство ослабления исламских стран, в частности, Ирана [10]. Быстрый крах поддерживаемых США государственных режимов в Египте и Тунисе, а также значимая роль исламских движений в свержении этих режимов, изменили отношение иранских властей к этим процессам, получившим региональное измерение: они стали трактоваться как продолжение Исламской революции Ирана и "исламское пробуждение" [13]. Отметим, что это была исламская революция, осуществленная иранскими мусульманами – шиитами, что стало "точкой отчета для суннитско-шиитского противостояния" [2, с.53]. Роль транснациональной арабской и исламской идентичности в различных конфессиональных форматах осталась

значимой и после волны "Арабской весны" и это следует принимать во внимание не только Ирану и Саудовской Аравии, но и др. [12].

Как отмечали исследователи, в сфере международных отношений на Ближнем Востоке важным результатом "арабской весны" стала "смена баланса сил" [3] и переконфигурация военно-политических союзов на Ближнем Востоке, что позволило сформировать блок в составе арабских монархий, Персидского залива и Саудовской Аравии. Высокий региональный статус данной группы государств позволил поставить барьер на распространение "арабской весны" [11]. В свою очередь, Исламская Республика Иран (ИРИ) выстроила пояс союзных государств по линии Багдад – Дамаск – Бейрут – Газа, в котором Сирия оказалась на ключевой позиции.

Оценивая значимость Сирии для Ирана эксперты указывали на его связующую роль с движением "Хезболла" в Ливане и отмечали, что обе страны выступали с единой позицией в отношении Израиля. При этом палестинские мусульмане всегда являлись одним из высших приоритетов во внешней политике Ирана в контексте его противостояния Израилю [14]. Поэтому Иран оказал решительную поддержку режиму Б. Асада, направив на его поддержку в 2012 г. "иранские элитные части во главе с командиром корпуса аль-Кодс генералом К. Сулеймани, который лично с 2012 года руководил оборонной Дамаска и военными операциями КСИР и "Хезболлы" [3, с.253].

После усложнения конфликта в Сирии президент Сирии Башар Асад заявил, что он нуждается в прямом военном вмешательстве со стороны России в конфликт, для того, чтобы вести борьбу с террористами ИГ (ИГИЛ, организация, запрещенная в России) и др. После вхождения в Сирию, Россия при поддержке и участии Ирана на пространных Сирии и Ирака де-факто сформировали совместный фронт противостояния ИГ. Эта четырёхсторонняя коалиция (включающая Россию, Иран, Ирак и Сирию) определялась как параллельная другой коалиции, возглавлявшейся США и при активном участии Саудовской Аравии, что все заметнее очерчивало новую биполярность в регионе. К четырехсторонней коалиции тяготела Турция, предпочитавшая, впрочем, формат трехстороннего взаимодействия с Ираном и Россией. Новый характер отношений между Ираном и Сирией получил отражение в терминах: "ось сопротивления" и "золотой пояс", что подчеркнуло их региональную значимость. Можно сказать, что региональное прочтение двусторонних отношений, по сути, стало новым фактором, влияющим на трансформацию международных отношений на Ближнем Востоке.

В перечне причин сближения и сотрудничества исламского (шиитского) Ирана и светской Сирии следует

назвать, прежде всего, следующие: правительство Сирии, единственное из арабских стран, которое выступало против Израиля; Сирия в ирако-иранской войне поддерживала Иран, и это было очень ценно для ИРИ. Сирия по собственным причинам, гарантировала и обеспечивала безопасность иранского присутствия в Ливане. Это относится к появлению "Хезболла" и исламского движения в оккупированной Палестине, что усиливало давление на Израиль. Как отмечали исследователи, с 2008 г. началась новая фаза в ирано-сирийском диалоге, когда возникла идея создания военного союза, призванного защитить интересы ближневосточных государств [4; 9, с.226].

ИРИ стремилась к сохранению шиитской оси, в особенности, "Хезболла" в Ливане, исходя из своих национальных интересов. Поддерживая режим Б. Асада, Тегеран стремился сохранить Сирию как центральное звено "исламского сопротивления" под предводительством Ирана, как своего стратегического союзника в арабском мире и на Ближнем Востоке, и в сохранении режима Башара Асада видит условие для установления приемлемого для себя баланса сил в регионе.

Иран и страны региона в сирийском кризисе

Со времени начала кризиса в Сирии, Тегеран фокусировал своё внимание на двух угрозах: военной угрозе со стороны Израиля и США, а также вызовом со стороны Саудовской Аравии, а также Катара и Турции. Взаимодействие по оси Саудовская Аравия, Турция и Катар осуществлялось в целях внедрения в сирийский кризис, чтобы "сломить" ось исламского сопротивления и выдвинуть Иран из региона. Три вышеназванные страны, опираясь на СМИ, деньги и поддержку со стороны крупных держав, содействовали формированию вооруженных группировок, которые противостоят Сирии. Образование салафистских группировок и их бесчеловечная террористическая деятельность стали общей угрозой безопасности на региональном и мировом уровне, показывая крах этой политики.

Определённо, позиция Ирана в отношении Сирии существенна, и в этом нет никаких сомнений. Однако распространённое мнение о том, что формирование анти-иранской коалиции в регионе является исключительно результатом позиции Ирана в отношении Сирии, представляется ошибочным и зачастую используется лишь в качестве предлога. Разве Саудовская Аравия когда-либо не противостояла Ирану? Разве Турция, как член НАТО, может согласовывать существенную часть своей политики с Ираном? И хотя Катар налаживает отношения с Ираном, на его территории располагается американская военная база с самым крупным военным контингентом США на Ближнем Востоке. Коалиция, сфор-

мированная против Ирана, является объединением против новых политических реалий в регионе, главной чертой которых выступает пробуждение ислама в регионе, а это, в свою очередь, – угрожает интересам США.

Целями США в Сирии, как представляется, можно считать следующие: изменение режима в Сирии, попытка навязывания правительственной модели западного типа, создание баланса за счёт управляемой оппозиции, изменение ориентира внешней политики Сирии, исключение из ближневосточной политики России, Китая и Ирана. По сути, США и их региональные партнеры создали очень опасную ситуацию, и это положение представляет угрозу для всего мира. Очевидно, что Иран должен ответить на этот вызов.

Поэтому иранская поддержка сирийского режима обусловлена не только религиозной близостью шиитов и алавитов, но и причинами стратегического характера, ведь именно секуляризованный режим Хафеза Асада в свое время стал единственной страной арабского мира, поддержавшей Иран в борьбе против Ирака в ходе ирано-иракской войны. Сирия разделяет с Ираном такие взгляды, как антиимпериализм, антиамериканизм и антиизраильские настроения, их сближает поддержка "Хезболлы" и "ХАМАС", идея союза сопротивления влиянию США и его союзников в регионе. Таким образом, Сирия имеет стратегическое значение для Исламской Республики Иран.

Кроме того, ИРИ, придерживающаяся религиозных и человеческих ценностей, не может оставаться индифферентной относительно организованного насилия внутри Сирии. Региональное позиционирование Ирана как союзника Сирии предполагает также его активные усилия по облегчению тяжёлого положения гражданских лиц в Сирии, предотвращению роста уровня терроризма и дестабилизации Сирии, поиску возможных путей разрешения кризиса. Во внешней политике Ирана с самого начала подчеркивалось, что сирийский народ сам должен определять свою судьбу и будущее.

Кажется, что дипломатические усилия Ирана в процессе достижения компромисса в сирийском кризисе достигли желаемых результатов. Присутствие на встрече в Вене, предложение президента Франции Франсуа Олланда бороться против ИГИЛ (организация запрещена в России) (после последних терактов в Париже) подчеркнули эти достижения. Иран стремился показать странам региона, а также странам, выходящим за регион Ближнего Востока, что борьба с терроризмом – первый шаг на пути восстановления мира и безопасности в регионе. Как отмечали эксперты, "за последние 10 лет влияние Ирана в регионе сильно возросло, особенно после свержения режима Саддама Хусейна в Ираке" [6]. "Для Ирана связь через границу в этом районе [в райо-

не сирийско-иорданской границы – ДБ] необходима для создания единой сети, единой оси с Ираком, Сирией и Ливаном – это важно и для торговли, и для экспорта иранской нефти через сирийские порты. Естественно, что для США принципиально важно этого не допустить – поэтому они пойдут на все, лишь бы не дать союзным войскам сохранить контроль над границей с Ираком и Иорданией" [7].

Подводя итоги, можно сказать, что региональная политика ИРИ на Ближнем Востоке, где Иран играет "одну из доминирующих ролей", наиболее явно проявлена в отношении Сирии и Ирака, стран Персидского залива и в палестинско-израильском урегулировании. Целью этой политики является обеспечение безусловного лидерства "персов-шиитов на региональном уровне, то есть, прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке". При этом все отчетливее просматривается возможность реализации сценария "поглощения Ираном части территорий Ирака, Бахрейна, Омана, которые когда-то входили в Персидскую империю" [5]. О сдвиге парадигмы на Ближнем Востоке пишет, например, Б.Г. Табризи, указывая на призывы к формированию "единого фронта борьбы с региональными и глобальными амбициями Ирана" [8].

По мнению Х. Азизи, "Учитывая начало переходного периода в Сирии, Иран проявляет заинтересованность в сохранении Башаром Асадом президентского кресла на достаточно продолжительный период. Вместе с тем, вопреки расхожему мнению, расчеты Тегерана в этом отношении имеют, прежде всего, прагматическую, а не идеологическую основу" [1].

Другими словами, Исламская Республика Иран является влиятельным игроком, имеющим большое значение в развитии событий в Сирии. Продолжение кризисной ситуации сохраняет почву для активного влияния Ирана в Сирии.

Как представляется, не следует ожидать усиления исламской окрашенности иранской внешней политики в отношении Сирии и на Ближнем Востоке в целом. Хотя очевидно, что в конце 2010-х гг. использование различных видов конфессионализма для достижения своих внешнеполитических целей на Ближнем Востоке становится, особенно со стороны ведущих государств региона – Ирана и Саудовской Аравии, одним из основных подходов. В результате этого возник процесс изменения всей системы международных отношений, когда на смену внутриарабской и межгосударственной борьбы за лидерство пришло соперничество на основе суннитско-шиитского противостояния.

В целом, на современном Ближнем Востоке сложилась сложная многофакторная ситуация с участием Ирана как одного из ключевых акторов, динамику кото-

рой все заметнее определяет фактор конфликтности на конфессиональной основе. Сделан вывод о том, что Иран в союзе с Сирией желают увеличить свое влияние на Ближнем Востоке и среди ближневосточных стран.

Подход Ирана к сирийскому кризису основан, прежде всего, на конструктивном и прагматичном взаимодействии с международным сообществом с тем, чтобы сирийский народ сам определял свою будущую судьбу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азизи Хамидреза. За Ирак и Асада. 13.02.2018. // [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/13_a_11648143.shtml (дата обращения: 18.02.2018).
2. Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф или реальность. // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / под ред. Н.М. Мамедовой, Каменево М.С., Федоровой И.Е. М.: ИВ РАН; Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 52 – 57.
3. Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях". // Иран: история и современность / под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой; Сост. И.Е. Федорова, Л.М. Раванди-Фадаи. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 252 – 257.
4. Месамед В.И. Иран и саммит ЛАГ в Дамаске. // Институт Ближнего Востока: [сайт]. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/02-04-08.htm> (дата обращения 25.02.2018).
5. Региональная политика Исламской Республики Иран. 22.04.2013. // [Электронный ресурс] URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/484/regionalnaya-politika-islamskoj-respubliki-iran-4203> (дата обращения: 16.01.2018).
6. Саудовская Аравия и Иран: борьба за власть на Ближнем Востоке. Служба мониторинга Би-би-си. 11 ноября 2017 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41953451> (дата обращения: 03.02.2018).
7. Сотниченко Александр. Иранский фактор: какие цели преследует Иран на полях сражений в Сирии 8 июня 2017. // [Электронный ресурс] URL: <https://riafan.ru/811509-iranskii-faktor-kakie-celi-presleduet-iran-na-polyah-srazhenii-v-sirii> (дата обращения: 03.02.2018).
8. Табризи Б.Г. Сдвиг парадигмы на Ближнем Востоке: Иран – решение, а не проблема. 7 марта 2017. // [Электронный ресурс] URL: <http://geopolitica.info/sdvig-paradigmy-na-blizhnem-vostoke-iran-reshenie-a-ne-problema.html> (дата обращения: 16.01.2018).
9. Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). М.: РУДН, 2012. 385 с.
10. Abu H. Firas. Iran and the Arab Revolutions: positions and Repercussions // Arab Center for Research and Policy Studies. 2011. [electronic source]. Available at: <http://english.dohainstitute.org/file/get9a915419-721c-45ab-aa11-1cbac8dbaac3.pdf> (дата обращения: 04.04.2016).
11. Gause G. Is Saudi Arabia really counter-revolutionary? // The Middle East channel. // Foreign policy, 2011. [electronic source]. Available at: URL: <http://foreign-policy.com/2011/08/09/is-saudi-arabia-really-counter-revolutionary/> (дата обращения: 16.03.2017).
12. Houry N.A. The Arab Cold War Revisited: The Regional Impact of the Arab Uprising. // Middle East Policy, 2013. № 20 (2). P. 73 – 87.
13. Kurzman C. The Arab Spring: Ideals of the Iranian Green Movement, Methods of the Iranian Revolution // International Journal of Middle East Studies. 2012. Volume 44, Issue 1. P. 162 – 165. [electronic source]. Available at: DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020743811001346> (дата обращения: 10.12.2017).
14. Maltzahn N.V. The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. // Library of Modern Middle East Studies. London, New York: I.B. Tauris & Co Ltd., 2013. 288 p.

© Диансаи Бехзад, (behzaddiansaee@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С КИТАЕМ И ЯПОНИЕЙ В XXI ВЕКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

HISTORICAL RETROSPECTIVE OF RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH CHINA AND JAPAN IN THE XXI CENTURY THROUGH THE PRISM OF THE DEVELOPMENT OF THE FAR EAST

P. Egorov

Annotation

This article examines the dynamics of relations between Russia and the leading countries of North-East Asia (NEA) in the context of the development of the Far East. An analysis of the state and prospects of cooperation between the Far Eastern regions of the Russian Federation and China and Japan was carried out. In the Far East, Russia is interested in forcing the development of international relations with these countries. The most promising areas of cooperation are trade and economic, scientific and technical, as well as tourism and ecology. It is concluded that the success and duration of Russian accession to the APR as a full-fledged economic and political partner will largely depend on how the international ties between the economic leaders of the NEA countries are formed.

Keywords: Asian – Pacific area, North – East Asia, the Far East, Japan, China, the international cooperation, cross – border cooperation, Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China.

Егоров Павел Павлович

*Аспирант, Дальневосточный институт
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, ДВИУ РАНХиГС*

Аннотация

В данной статье рассматривается динамика отношений РФ и ведущих стран Северо-Восточной Азии (СВА) в контексте развития Дальнего Востока. Проведен анализ состояния и перспектив сотрудничества дальневосточных субъектов РФ с КНР и Японией. На Дальнем Востоке Россия заинтересована в форсировании развития международных отношений с указанными странами. Наиболее перспективными направлениями сотрудничества являются торгово-экономическое, научно-техническое, а также туризм и экология. Сделаны выводы, что от того, как сложатся международные связи между экономическими лидерами-странами СВА, будет во многом зависеть успех и продолжительность российского вхождения в АТР как полноценного экономического и политического партнера.

Ключевые слова:

Азиатско-Тихоокеанский регион, Северо-Восточная Азия, Дальний Восток, Япония, Китай, международное сотрудничество, приграничное сотрудничество, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

С начала XXI века география международного сотрудничества России непрерывно расширялась в сторону налаживания партнерских отношений с максимально возможным количеством стран. Во внешней политике Россия стала проявлять значительный интерес к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Здесь пересекаются политические, экономические и военные интересы ведущих стран мира. Складывающиеся отношения в этом регионе между ведущими державами (РФ, США, Китай, Япония) оказывают весомое влияние на мировое сообщество. Наиболее привлекательным вектором развития в этом направлении являются страны Северо-Восточной Азии (СВА).

Направление приоритетного вектора развития Российской Федерации между Европейским союзом и Азией – это, пожалуй, одна из самых обсуждаемых тем в средствах массовой информации и в экспертных кругах. Проблема выбора направления движения усугубляется

тем, что наша страна имеет самую протяженную в мире границу с другими государствами (более 60,9 тыс. км) и наибольшее количество соседей. В XXI веке подъему российского Дальнего Востока уделяется особое внимание, как со стороны федеральных органов власти, так и крупнейших национальных корпораций. Одним из важнейших факторов роста дальневосточной экономики является ее внешняя ориентация на рынки стран СВА.

Немаловажную роль играет территориальная близость, наличие общих границ дальневосточных субъектов РФ со странами СВА, наличие крупного незамерзающего морского порта и железнодорожная сеть с выходом к морскому побережью. Все это делает регион стратегическим транспортным узлом, непосредственно связывающим всю внешнюю торговлю РФ со странами СВА.

Сотрудничество со странами СВА на Дальнем Востоке помогает России развивать свои отдаленные регио-

ны. Можно с уверенностью говорить, что именно внешнеэкономический фактор служит одним из ключевых катализаторов экономического роста, повышающим качество жизни людей. Как говорил в октябре 2002 года на международной научной конференции министр экономического развития и внешних связей Хабаровского края А.Б. Левинталь: "интернационализация экономики становится одним из важнейших факторов поступательного экономического развития"[1]. Собственных ресурсов для развития этих регионов недостаточно. Финансирования не хватает, недостаточно развита инфраструктура, и главное – нехватка трудовых ресурсов. Добрососедские отношения со странами СВА в перспективе могут дать импульс для подъема национальной экономики и подъема восточных регионов страны. Торговые и энергетические договоры с Китаем снимают зависимость России от западных рынков. При этом именно приграничное сотрудничество субъектов Российской Федерации, в частности Хабаровского и Приморского краев, становится одним из наиболее важных каналов реализации стратегии России в СВА.

Еще в концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года отразилось стремление федерального центра повысить влияние в регионе СВА. В частности в тексте документа говорилось: "... важное и всевозрастающее значение во внешней политике Российской Федерации имеет Азия, что обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, необходимостью экономического подъема Сибири и Дальнего Востока"[2, С. 3–11].

В редакции 2013 года уже более предметно сказано, что возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике продолжают снижаться и происходит распределение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в АТР. Там же обозначена необходимость активизировать участие России в геополитических процессах, возникающих в СВА: "Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока..."[3].

Ключевыми странами СВА являются – Япония и Китай, которые находятся в первом десятке государств по развитию экономики. По прогнозам Китай может выйти в скором времени на первую ступень по уровню экономики. Помимо сельского хозяйства в регионе успешно развивается промышленность, а так же наукоемкие отрасли.

В 2012 году в Послании Федеральному Собранию Президент РФ подтвердил, в "XXI веке вектор развития

России – это развитие на восток. Сибирь и Дальний Восток – наш колоссальный потенциал. Это возможность занять достойное место в АТР – самом энергично и динамично развивающемся регионе мира"[4].

На Дальнем Востоке Россия заинтересована в формировании развития международных отношений со странами СВА. Наиболее перспективными направлениями сотрудничества являются торгово-экономическое, научно-техническое, а также туризм и экология. При этом, как отмечал А.Б. Левинталь "внешнеэкономический фактор становится важнейшим в развитии процессов интеграции"[1].

Стратегическим партнером России в настоящее время является Китай. Прежде всего, потому что мы географически "обречены" на сотрудничество.

Необходимость тесного и взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами обусловлена рядом веских причин:

- ◆ географическим положением (протяженность общей границы составляет около 4200 км, сухопутной – более 600 км.), что является объективным фактором способствующим развитию приграничного сотрудничества);
- ◆ исторический опыт строительства социализма;
- ◆ имеют большие перспективы сотрудничества со странами АТР;
- ◆ Россия заинтересована в развитии своих периферийных регионов, а Китай в развитии Северо-Восточного Китая;
- ◆ спрос со стороны Китая на российскую военную технику;
- ◆ общие интересы национальной безопасности. НАТО стремится реализовывать исключительно свои цели часто в ущерб интересам России и Китая;
- ◆ потребность Китая в энергоресурсах, металлах, лесной продукции.

В условиях экономических санкций против России, большая емкость внутреннего рынка Китая, высокая потребность в энергоресурсах может оказать содействие в устойчивом развитии экономики России в будущем.

В XXI веке российско-китайские отношения непрерывно углублялись. Отправной точкой можно считать "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой"[5, С. 244–251] от 16 июля 2001 года. Договор имеет для наших стран краеугольное значение.

Он способствует формированию совместного подхода двух стран ко многим вопросам, связанным с внутренней политикой и международными вопросами.

Договор стал базовым документом для конкретных принимаемых решений во многих сферах взаимодействия, включая торгово-экономическую и гуманитарную. В текущей сложной внешнеполитической обстановке и осложнением отношений с Западом – азиатские рынки нивелируют негативный санкционный эффект. Прикладной составляющей Договора можно считать "План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР"[6] на 2005–2008 гг., который обозначил и определил широту и формы межгосударственного и приграничного российско-китайского сотрудничества. В последствии, сторонами утверждались Планы действий на 2009–2012, 2013–2016 и 2017–2020 годы. Между Россией и Китаем заключено множество межправительственных договоров и соглашений, которые затрагивают практически все области сотрудничества. Китай традиционно является одним из важнейших торговых партнеров как для регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири, так и для России в целом.

Избранный в 2000 году Президентом РФ В.В. Путин в инаугурационной речи произнес: "У нас общие цели, мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной, страной, которой гордятся ее граждане и которую уважают в мире. Считаю своей святой обязанностью сплотить народ России, собрать граждан вокруг ясных целей и задач, и каждый день и каждую минуту помнить, что у нас одна Родина, один народ, у нас с вами одно общее будущее"[7]. Это выступление обозначило вектор перехода в развитии внешней и внутренней политики РФ в XXI веке.

В 2003 году Председателем КНР избран Ху Цзиньтао. С новым руководителем сотрудничество между нашими странами получило дальнейшее развитие. Отношения, возникающие между Китаем и Россией, являются одним из важнейших индикаторов обстановки в мире. То, какими они будут, очень сильно влияет не только на политическую, социально-экономическую обстановку в АТР, но и на общемировую политический климат.

Стоит отметить, что немаловажным фактом обоюдной заинтересованности сотрудничества со стороны Китая можно считать создание комплекса научных и образовательных учреждений, целью которых является изучение Дальнего Востока России, Сибири, всего региона СВА – Институт Сибири, Институт Северо-Восточной Азии, Институт истории Хейлунцзянской АОН, Институт России Ляонинского педуниверситета и многие другие.

В 2006 и 2007 годах горизонты сотрудничества двух стран расширились после проведения года Китая в Рос-

сии (2006 г.) и России в Китае (2007 г.), а также русско-го и китайского языков (2009–2010 гг.). Высокими темпами развивается сотрудничество в гуманитарной области. Успешно реализован масштабный межгосударственный проект – Годы дружественных молодежных обменов (2014–2015 гг.). 2016 и 2017 годы объявлены Годами российских и китайских СМИ. В рамках этих инициатив проведено большое количество мероприятий, которые привели к обоюдному увеличению общественного внимания друг к другу. Китайскими и российскими СМИ был организован автопробег по маршруту Пекин – Санкт-Петербург – Москва. Создавались совместные сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", посвященные национальным приоритетам и культуре КНР и РФ. Мероприятия в рамках образовательных программ стимулируют изучение китайского языка в РФ и русского языка в КНР, активизируют интерес к литературе обеих стран.

В 2017 году исполнилось 16 лет со дня подписания российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Россия и Китай придают большое значение этому одному из основополагающих документов двухстороннего сотрудничества. Договор создал дополнительные возможности для дальнейшего укрепления отношений между двумя странами путем наполнения их новым содержанием и выведения на качественно новый уровень.

Сегодня российско-китайские отношения находятся в наивысшей точке своего развития.

После его подписания в совместном заявлении лидеров двух стран 16 июля 2001 года, было озвучено, что подписание Договора "является важной вехой в истории отношений двух государств и знаменует собой начало нового этапа в отношениях между Сторонами"[8, С. 26–28]. В Договоре на основе истории взаимоотношений обобщены основополагающие принципы и достигнутые результаты двухсторонних связей, в юридической форме закреплена мирная идеология между государствами соседями: "преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы"[5, С. 245]. Договор предполагает создание прочного фундамента для развития российско-китайских отношений на долгие годы вперед и способствует переходу на качественно новый уровень сотрудничества. Его подписание, а также регулярные встречи В.В. Путина с руководителями КНР в промежутке с 2001 по 2017 годы, взаимная поддержка на международной арене подтверждают, какое большое значение придается двухсторонним отношениям. Концепция внешней политики РФ[3], утвержденная в 2013 году подчеркивала важность развития внешнеполитических и экономических связей с Китаем.

Несмотря на неблагоприятную международную обстановку, сложившуюся с введением санкций, обеим странам удалось сохранить взаимодействие во всех ключевых сферах сотрудничества. Также в 2015 году началось строительство трубопровода по поставкам российского природного газа в Китай по "восточному" маршруту (38 млрд. куб. м российского природного газа в год в течение 30 лет)[9].

Одной из ключевых составляющих российско-китайского стратегического партнерства стало взаимодействие по актуальным вопросам региональной и глобальной повестки дня. В контексте международных событий неоднократно подтверждалась близость принципиальных подходов двух стран к вопросам глобального управления и реформы мировой экономики. Поддерживался высокий уровень взаимной координации по вопросам ситуации на Корейском полуострове. Внешнеполитическая связка Москвы и Пекина энергично работала на продвижение сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС и формата Россия-Индия-Китай. На очередной ежегодной пресс-конференции на вопрос о развитии отношений с Китаем после выборов 2018 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, "...у меня есть полная уверенность в том, что развитие отношений с Китаем имеет в России общенациональный консенсус и вне зависимости от этих исходов выборной кампании, Россия и Китай будут оставаться именно стратегическими партнерами на длительную историческую перспективу"[10].

В политическом содружестве России и КНР задействован большой потенциал, тем не менее, существует ряд проблем, которые мешают расширению сотрудничества:

- ◆ ограниченность сотрудничества между странами в области высоких технологий, внешнеторгового кредитования, страхования, информационной сферы;
- ◆ торгово-экономические отношения Китая с другими странами по масштабам значительно больше нежели, чем с Россией. К примеру, по итогам 2015 года Россия в рейтинге основных торговых партнеров Китая занимала скромную 16[11] строчку. Ее опередили США, Гонконг, Япония, Республика Корея, Тайвань, Германия, Австралия, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Англия, Таиланд, Индия, Бразилия и Голландия.

В предыдущие годы позиции России хоть и выглядели внушительнее, но все равно были далеки от первых мест: 2014 год – 9 место[12]; 2013 год – 10 место[13]. Китай, в свою очередь, уже 7 лет подряд (с 2010 года) возглавляет рейтинговый список основных торговых партнеров России. Потеря позиций нашей страны в рейтинге торговых партнеров Китая связана, прежде всего, со снижением мировых цен на энергоресурсы. Кроме

того, внешняя торговля России с Китаем носит ограниченный, преимущественно сырьевой характер. Это важно понимать и говорить об этом. Высокие темпы роста китайской экономики порождает все большую энергетическую зависимость КНР. Современные тенденции политики КНР по сближению с РФ несут в себе, в том числе именно "ограниченный" характер. Принимая во внимание нестабильную международную обстановку, действующие санкции – это в свою очередь постепенно сводит интеграцию России в экономику стран АТР сквозь призму торговли сырьевыми ресурсами.

При этом, принимая во внимание темпы роста китайской экономики, как минимум в среднесрочной перспективе зависимость от сырьевых ресурсов должна все более возрастать. Поэтому и КНР крайне заинтересована в расширении торговых отношений с РФ и, особенно с дальневосточными субъектами РФ – основными площадками добычи, транзита и отправки ресурсов. В будущем такая тенденция создает одностороннюю выгоду исключительно для Китая в связи с ограниченностью ресурсов и ухудшением экологической обстановки. Уже сейчас можно сказать о планомерном увеличении доли Китая во внешней торговле России, например его доля во внешнеторговом обороте России увеличилась "с 11,3 % в 2014 г. до 14,9% в 2017 г." [14, С. 43].

Некоторые российские исследователи критически относятся к сближению России с Китаем и считают, что руководство этой страны заинтересовано только в природных ресурсах и необъятной территории России. Интересно мнение Е.Л. Андрейчука и Н.С. Лизунова: "российско-китайское сотрудничество в ближайшие 10 лет будут строиться по принципу "наше сырье – ваши технологии", поскольку внедрить их в Китае в несколько раз дешевле, чем на Дальнем Востоке, где территория плохо освоена и пока малопригодна для организации высокотехнологичных производств"[15, С. 87].

В унисон сказанному, В.Ф. Ефременко полагает, что: "Одним из ключевых факторов, сдерживающих развитие Дальнего Востока России, является невысокая степень диверсификации и инновационной региональной экономики, имеющей ярко выраженную ресурсную направленность..." [16, С. 21].

А.Л. Чечевишников считает, что нет никакой гарантии, что "через десять и через двадцать лет Китай останется союзником России, не изменит традиционному принципу не экспансировать за пределы своих исторических границ, не проведет открытую ревизию знаменитых 28-ми иероглифов Дэн Сяопина"[17, С. 66].

Вполне возможен сценарий, что в будущем Китай сможет обойтись без большого импорта российских ре-

сурсов. В последние годы Китай активно налаживает тесные связи с государствами Центральной Азии в области энергетики. Этот регион заслуживает особого внимания, так как первые сигналы уже начинают поступать: "В рамках взаимодействия со странами Великого шелкового пути в Узбекистане подписан 31 контракт на 15,5 млрд долл. в области добычи нефти, газа и золота. В Туркмении – 8 соглашений на 7,6 млрд долл., в основном в области добычи газа. В Казахстане китайская компания CNPC купила 8% акций одного из консорциумов, разрабатывающих месторождение каспийской нефти; сумма сделки – 5 млрд долл. Еще на 5 млрд долл. Китай подписал контракт на постройку газопровода в Киргизии"[18, С. 31].

Таким образом, существует большой спектр возможностей, способствующих развитию двухсторонних отношений между нашими странами. Однако нет единого подхода к оценке результатов сближения двух стран, мнения экспертов по этому вопросу расходятся. При очевидном взаимном интересе в торговле между обеими странами практически отсутствуют инвестиционные проекты совместного промышленного производства или производства с совместным разделением труда. Лишь один факт остается неизменным – обеим странам необходима поддержка и помощь своего соседа, именно поэтому Китай стал и на реально обозримое время останется стратегическим партнером России на Дальнем Востоке.

Обращая внимание на особенности стратегического партнерства между КНР и РФ, стоит отметить, что оно "из политической декларации последовательно трансформируется в конкретную политическую практику, в том числе в крупные совместные международные инициативы по упорядочению и гармонизации международных отношений.."[19, С. 32–33]. Если подходить к данному феномену международных отношений с указанной точки зрения, то в качестве главной особенности "доверительного партнерства" между двумя странами выделяется высокая степень политического сотрудничества и сравнительно весомое экономическое развитие отношений между двумя крупнейшими державами в СВА.

Президент РФ В.В. Путин в этой связи в одной из статей отметил, что "своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование. Китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка"[20].

Пристального внимания требуют взаимоотношения, возникающие между Россией и Японией. Это государство является важным партнером в СВА, с которым в на-

стоящее время Россия стремится укрепить взаимовыгодные отношения, несмотря на антироссийские санкции, к которым Япония присоединилась.

В 1998 году в ходе визита в РФ японского премьер-министра Кэйдзо Обути была подписана Московская декларация "Об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией". В этом документе впервые стороны поставили важную задачу – "установление долгосрочного созидательного партнерства"[21].

Последующее избрание Президентом РФ В.В. Путина и многочисленные встречи с руководством Японии не сдвинули с места проблему спорных территорий. Многократное возвращение к обсуждению мирного договора и территориальным претензиям ни к чему не приводили, так как позиции обеих стран непреклонны и диаметрально противоположны. При этом Россия готова строить диалог, полагаясь на декларацию 1956 года, Япония же уже много лет отвергло эту доктрину и вместо двух островов хочет вернуть все четыре.

Так или иначе, РФ и Японии предстоит еще долгое время строить свое взаимодействие с оглядкой на территориальную коллизию прошлого. В данной ситуации необходимо волевое политическое решение, которое сможет развязать узел противоречий и стать равно выгодным для обеих стран.

Экскурс в историю связан с высокой важностью взаимоотношений России с Китаем и Японией. По оценке Международного Валютного Фонда[22] по итогам 2017 года Китай занимает вторую строчку мирового ВВП, а Япония располагается на третьем месте. Связи с префектурами и провинциями этих ключевых для Российской Федерации стран СВА должны являться приоритетными во внешнеполитическом азиатском курсе. И одним из важных направлений взаимодействия РФ с этими ключевыми странами можно считать научно-техническое сотрудничество.

Таким образом, экономическая интеграция и углубление сотрудничества в АТР невозможны без развития соответствующих процессов в регионе СВА. Для России страны СВА являются стратегически важными партнерами. Такой интерес РФ формируется для углубления отношений во многих сферах и нахождения диалога в области стимулирования торговли, углубления экономических связей в регионе.

Как подчеркивал В.В. Чудесов: "В настоящее время ситуация такова: либо на основе имеющихся исторических достижений страны в этом регионе произойдет усиление социально-экономического развития Дальнего

Востока и усиление позиций России в АТР, либо у нас в очередной раз произойдет не выполнение намеченных планов преобразований и, соответственно, потеря страной очередного шанса укрепления геополитических позиций в бассейне Тихого океана..."[23, С. 139]. От того,

как сложатся международные связи между экономическими лидерами-странами СВА, будет во многом зависеть успех и продолжительность российского вхождения в АТР как полноценного экономического и политического партнера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Хабаровского края Ф. Р – 353: Министерство экономического развития и внешних связей Хабаровского края; Хабаровск, 1914–2011. Оп. 14. Д. 34. Л. 115.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 3–11.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. // Электронный ресурс – код доступа: <http://archive.mid.ru>.
4. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 года // Российская газета. – 2012. – № 287. 13 декабря.
5. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Московский журнал международного права. – 2001. – № 4. – С. 244–251.
6. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2005 – 2008 годы) // Сборник российско-китайских документов. 1999 – 2007. С. 297 – 317.
7. Инаугурационная речь Владимира Путина 7 мая 2000 года / Московские новости // Электронный ресурс – код доступа: http://www.mn.ru/blog_reference/20120507/317328193.html.
8. Московское совместное заявление глав государств России и Китая от 16 июля 2001 г. // Дипломатический вестник. – 2001. – № 8. – С. 26–28.
9. Внешнеполитическая деятельность Российской Федерации в 2014 году / Официальный сайт министерства иностранных дел Российской Федерации // Электронный ресурс – код доступа: <http://www.mid.ru>.
10. Большая пресс-конференция: президент выбрал самые острые вопросы // Электронный ресурс – код доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2966939&tid=111382>.
11. Аналитическая справка о российско-китайском торговом сотрудничестве в 2015 году / Официальный портал внешнеэкономической информации министерства экономического развития Российской Федерации // Электронный ресурс – код доступа: <http://www.ved.gov.ru>.
12. Информация о торгово-экономическом сотрудничестве России и Китая в 2014 год / Официальный портал внешнеэкономической информации министерства экономического развития Российской Федерации // Электронный ресурс – код доступа: <http://www.ved.gov.ru>.
13. Справка о торгово-экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Китаем (2013 год) / Официальный портал внешнеэкономической информации министерства экономического развития Российской Федерации // Электронный ресурс – код доступа: <http://www.ved.gov.ru>.
14. Гладков И.С. Внешняя торговля России в 2017 г.: разворот на взлет / И.С. Гладков // Власть. – 2018. – № 3. – С. 38–46.
15. Андрейчук Е.Л., Лизунов, Н.С. Перспективы развития торгового оборота между Россией и Китаем / Е.Л. Андрейчук Н.С. Лизунов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3 (60). – С. 82–92.
16. Ефременко В.Ф. Переход к инновационному типу воспроизводства на Дальнем Востоке России – объективная необходимость и реализация возможностей / В.Ф. Ефременко // Власть и управление на Востоке России. – 2017. № 1. – С. 21–27.
17. Чечевишников А.Л. Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока Сибири / А.Л. Чечевишников // Международные процессы. – 2014. – Т.12, № 1/2 (36/37): Январь–июнь. – С. 51–75.
18. Базаров Б.В., Базаров В.Б., Нолев Е.В. Новый шелковый путь: открытая политика открытого общества Китая / Б.В. Базаров, В.Б. Базаров, Е.В. Нолев // Власть. – 2015. – № 11. – С. 29–34.
19. Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок / М.Л. Титаренко, В.Е. Петровский // Международная жизнь. – 2015. – № 3. – С. 23–43.
20. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Электронный ресурс – код доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738>.
21. Японо-Российские отношения / Официальный сайт посольства Японии в Российской Федерации // Электронный ресурс – код доступа: <http://www.ru.emb-japan>.
22. Мировая экономика в цифрах 2017 г. и прогноз изменений на 2020 и 2030 гг. // Электронный ресурс – код доступа: <https://golos.io/ru--uekonomika/@gotarush/mirovaya-ekonomika-v-cifrah-2017-g-i-prognoz-izmenenii-na-2020-i-2030-gg>.
23. Чудесов В.В. Геополитический контекст реализации внешней политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе/ В.В. Чудесов // Власть и управление на востоке России. – 2017. – № 4 (81) – С. 134–141.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ДО ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

FROM THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE CHURCH IN PRE-IMPERIAL RUSSIA

T. Petukhova

Annotation

The article considers the relationship between the Church and the state during three stages of development: Kievan Rus, the period of feudal fragmentation, the Moscow Kingdom.

The author emphasizes the features of the manifestation of the Byzantine branch of the Church on the Russian soil, which do not claim to dominate.

Keywords: Church, old believers, the Zemsky Sobor, Turmoil, feudal fragmentation, the Kingdom.

Петухова Татьяна Николаевна
К.ю.н., доцент,
Уральский институт
ГПС МЧС России

Аннотация

В статье рассматривает взаимоотношения церкви и государства на протяжении трех этапов развития: Киевской Руси, периода феодальной раздробленности, Московского царства.

Автор подчеркивает особенности проявления на русской почве византийской ветви церкви, не претендующие на доминирование.

Ключевые слова:

Церковь, старообрядчество, Земский собор, Смута, феодальная раздробленность, царство.

Рассматривая проблему взаимоотношения церкви и государства, на наш взгляд, необходимо отталкиваться от исторических этапов формирования и развития российской государственности.

Этап Киевской Руси, условно обозначаемый IX – XII вв.

В современной российской исторической науке историками сформулировано несколько гипотез образования Древнерусского государства, обсуждение которых остается дискуссионным. Так, согласно норманской теории, опирающейся на "Повесть временных лет" XII века, многочисленные западноевропейские и византийские источники, на результаты исследований ономастики и археологии, государство было создано извне варягами – братьями Рюриком, Синеусом и Трувором в 862 году [3].

Не противоречит этим взглядам и точка зрения, связывающая образования Киевской Руси с родственником Рюрика Олегом, захватившим Киев в 882 году. В то же время некоторые представители норманизма, такие как Василий Ключевский, называют первоначальной формой Русского государства киевское варяжское княжество Аскольда и Диры, которое стало центром консолидации восточнославянских племён и княжеств в единое государство, а не Новгородское княжество Рюрика, которое они называют местным и кратковременным варяжским княжеством [4, 6].

В противовес этой теории М. Ломоносовым выдвинута антинорманская теория, основывающаяся на концепции невозможности привнесения государственности извне, на идее возникновения государства как этапа внутреннего развития общества.

В "Очерке истории русской культуры", написанном в 1914 году, М.Н. Покровский связывал возникновение государства с формированием феодальных отношений [8].

В церковной историографии образование государства связано с крещением Руси в 988 году [2].

Именно в этот период соединились интересы государства и церкви по объединению Руси. Так, "Повесть временных лет" упоминает попытку киевского князя Владимира Святославовича создать общегосударственный языческий пантеон ещё в 980 году. Он, став князем в Киеве, "поставил кумиры на холме за теремным дворцом: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами и Хорса, Дажьбога и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь" [7]. Однако, язычество не способствует единению племен под одним началом, и князь Владимир сделал выбор в пользу христианства по греческому обряду.

Согласно "Повести временных лет", в 6496 году от сотворения мира (т.е. приблизительно в 988 году н. э.) ду-

ховенство крестило киевских людей в водах Днепра и (или) Почайны.

В летописи отмечено, что князь во время крещения своего народа вознёс следующую молитву: "Боже великий, сотворивый небо и землю! Призри на новыя люди сия и даждь им, Господи, уведети Тебе, истиннаго Бога, якоже уведеша Тя страны христианския, и утверди в них веру праву и несовратну, и мне помози, Господи, на супротивнаго врага, да надеяся на Тя и Твою державу, победу козни его!".

В последующем киевские князья, в том числе Ярослав Мудрый, укрепляли единую христианскую веру, строя храмы в крупных древнерусских городах.

Так образовалась "симфония" государства и церкви.

Период феодальной раздробленности можно условно датировать XIII–XV вв.

Основные исторические события – монголо–татарское нашествие, борьба Александра Невского с шведским и немецким вторжением, возвышение Москвы.

Осенью 1236 г. татары заняли столицу Камско–Болгарского царства, а в 1237–м и в 1238 г. разрушили и сожгли Рязань, Владимир, Ярославль и земли Ростово–Суздальского княжества. Дойдя до Новгорода, татары повернули назад из–за многочисленных болот и разлива рек в окрестностях города. Зимой 1239 г. Батый опустошил южную часть Киевской Руси и в 1240 г. взял Киев.

Татары, являясь язычниками, относились с уважением к религиям и религиозным святыням других народов. Так, францисканский монах Рубруквис, посланный королем Людовиком Святым в 1263 г. к татарам в качестве миссионера, писал, что на вопрос хану, почему он так поспуает, хан ответил: "Есть четыре пророка, почитаемых и обожаемых четырьмя различными племенами мира: христиане почитают Иисуса Христа, сарацины – Мухаммеда, иудеи – Моисея, а у язычников самый высший бог – Согоном–баркан, а я почитаю всех четверых и молю о помощи себе того, кто в самом деле выше всех из них" [5].

Такое отношение к религиям установил для своей империи Чингисхан: соответствующий указ был зачитан на курултае 1206 г.

Вторжения завоевателей с запада и востока привели к экономическому и духовному упадку на Руси. В 1274 г. во Владимире созывается Собор епископов. Основной целью Собора было наведение должного порядка в Церкви и духовной жизни всего народа.

Необходимо подчеркнуть ведущую роль митрополита Кирилла в деле восстановления Церкви: ему удавалось не только смягчать положение христианства на Руси, но и проповедовать его в самой Орде. Принятый ханом Берга–

ем (к тому времени исповедующего ислам), он настоял на учреждении в столице Орды Сарае епископской кафедры с большими полномочиями. Сарайскому епископу подчинены были кавказские христиане, проживавшие между монголами, за ним же числилась прежняя Переяславская епархия. "Фактически это была узаконенная резидентура, и поэтому, когда с конца XIII столетия русские князья начнут регулярно ездить в Орду за ярлыками, они будут иметь всю необходимую информацию именно через представителей Русской Церкви" [1].

Поскольку Киев вошел в состав Великого княжества Литовского, кафедра митрополита перенесена в 1300 году во Владимир–на–Клязьме, который и становится столичным городом, а, благодаря активной деятельности московских князей по собиранию земель вокруг Москвы и расположению церкви, вскоре Москва формируется как административный и религиозный центр нового объединенного государства.

С 1308 года митрополит Петр не только получает от Орды подтверждение прежних грамот, освобождающих духовенство от дани, но и опережает послов папы, "которые могли испросить себе у хана вредные для Православия преимущества в южных областях Руси" [9]. С именем святителя Петра (1308–1326 гг.) связано окончательное перенесение центра Русской Митрополии из Владимира в Москву. Следовательно, интересы церкви и государства совпадают.

Митрополит Алексей, назначение которого санкционировал Константинополь, играл управленческую роль при малолетнем Дмитрии (будущий Дмитрий Донской), отстаивая его право на правление – благословил своего питомца на великое княжение чудотворною Владимирскою иконою Богоматери [9].

Церковь поддерживает стремление русских князей, увеличивших территорию государства, к независимости, учитывая ослабление монголо–татар, переживающих объективный период феодальной раздробленности, сопряженный после смерти хана Узбека с междоусобицами.

Цель Церкви начинает сводиться к сохранению христианских традиций и устоев для будущих поколений: "Неудивительно, что под игом тяжкого рабства, под властью дикого своеволия... бедные христиане восточной и средней России не имели мягкости в нравах. Отсюда нужда заставила добросердечного князя Дмитрия ввести смертную казнь, тогда как Мономах говорил: "не убивайте виновного, – жизнь христианина священна" [10].

Духовным лидером второй половины XIV века является игумен Сергей Радонежский, оказывающий несомненное влияние на церковные и государственные дела. Именно у него князь московский перед Куликовской битвой испрашивает благословение.

"Любовь и вера Донского героя к основателю Лавры Троицкой была так велика, что он имел преподобного Сергия восприемником детей своих от святой купели и свидетелем при своем духовном завещании" [9].

Переживающая упадок Орда уже не способна к тотальному нашествию, а ограничивается грабительскими набегами.

Великий князь Василий I в последний раз ездил в Орду с дарами к сыну Тохтамышу Зелени-Салтану. При Иване III, которого к решительным действиям подталкивал архиепископ Ростовский Вассиан, закончилось монголо-татарское иго стоянием на реке Угре.

◆ Царский период можно условно датировать XVI – началом XVIII вв.

◆ Царская эпоха начиналась с правлением первого царя Ивана IV Грозного, который стремится нивелировать церковную власть, контролировать её. С 1550 г. церкви запрещалось возводить новые слободы, а в уже имеющихся строить новые дворы.

В 1551 г. на Стоглавом Соборе установлены общие церковные обряды, осуждено стяжательство высших чинов церкви, разврат в монастырях, пьянство и сепаратизм. Вместе с тем, исходя из вызовов, с которыми столкнулся царь (боярский сепаратизм, осколки распавшейся Золотой Орды по периметру государства и т.д.), предпринятые действия Ивана Грозного в отношении церкви, полагаем, были обоснованными и необходимыми тем более, что священнослужители участвовали в управлении государством, входя в состав Земского собора наряду с земскими людьми и членами Боярской Думы.

При недолгом правлении Федора Иоанновича, сына Ивана Грозного, в 1589 г. учреждено первое в России патриаршество, которое было усвоено лично Вселенским Патриархом Иеремией II и подтверждено Соборами в Константинополе в 1590 и 1593 годах. Первым Патриархом становится святитель Иов.

Во время Смуты активно противостоял польскому нашествию третий патриарх Московский и всея Руси Гер-

моген (Ермоген, 1530–1612 гг.), решительно выступая против изменников родины и сторонников унии с католиками, за что и был насильственно низложен с патриаршеского поста и заточен в Чудовом монастыре.

С изгнанием поляков из Москвы 24 октября 1612 года II ополчением во главе с К. Мининым и Д. Пожарским воцарился избранный на Земском Соборе представитель новой династии Михаил Романов, который управляет государством совместно с отцом, патриархом Филаретом. Это был период соуправления государства и церкви.

При царе Алексее Михайловиче назрело противоречие между государством и церковью. Разбогатевшее, почувствовавшее силу и власть, дворянское сословие с вожделием посматривало на церковные земли. Монастырский приказ, специально созданный, ведал всеми церковными землями, но не патриаршими, налоговые льготы также остались только за владениями патриарха.

Набожный Алексей Михайлович принимает активное участие в церковной реформе по унификации церковных текстов и обрядов, проводимой возведенным в 1652 г. в сан патриарха Никоном, расколовшей верующих на новообновленцев и старообрядцев.

Никон обладал огромной властью: в отсутствии царя, управлял правительством, в своих проповедях в Успенском соборе Московского Кремля рассуждал о преимуществе священства над царством, небесного над земным, что и привело к разрыву отношений между царем и патриархом. В 1666 г. Никон на Соборе вселенских патриархов был лишен патриаршеского сана, там же определено, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх – в церковных.

Необходимо отметить, что за три периода русской истории – Киевская Русь, феодальная Русь, Московское царство – Церковь и Государство выступали как социальные институты, поддерживающие и взаимодействующие друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев М.Н. Русская История, ч 1. – М.: ПСТБИ,1999.
2. Карташёв А.В. История русской Церкви. Распространение христианства // Церковное управление в киевский период. Режим доступа: <https://azbyka.ru/>
3. Kievan Rus. Columbia Encyclopedia Архивировано 5 ноября 2013 г.
4. Ключевский О.В. Курс русской истории в 5 частях. – СПб. 1904–1922.
5. Кукушкин Л. История православия. – М.: Литагент "Фолио". 2010.
6. Петрухин В. Я. К начальной истории Русского государства, г // Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. – М. 1995.
7. Повесть временных лет, Ипатьевский список //ПСРЛ. – Т. 2. Ипатьевская летопись. – СПб. 1908.
8. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен, т. 1. – М. 1933.
9. Толстой М.В. История Русской Церкви. – М.: Изд. Спасо-Преображенского м-ря. 1991.
10. Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. История Русской Церкви. – М., 1999.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРОТЕСТАНТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

TO THE QUESTION OF METHODOLOGY
AND THE PRACTICAL RELEVANCE OF THE
STUDY OF RELIGIOUS POLICY AGAINST
THE PROTESTANTS OF NORTH-WEST
CAUCASUS

*T. Pismennaya
D. Chernyavskaya*

Annotation

In the article discusses the problems of methodology and historiography of the study of modern religious policy in the regions of Southern Caucasian Federal districts. The authors substantiate the viability of using different methodological approaches: modeling, constructivism, structure-function analysis, and the necessity of creating a unified information system, generalizing and systematizing information about regional features of Russian religious course. The work is formulated the conclusion about the insufficient level of knowledge of the topic, need further examination.

Keywords: North Caucasus, religious policy, methodology, unified information system.

*Письменная Татьяна Геннадьевна
К.и.н., доцент,
Филиал ФГБОУ ВО КубГУ
в г. Славянск-на-Кубани
Чернявская Дарья Константиновна
Аспирант, ФГБОУ ВО
"Кубанский государственный
университет", г. Краснодар*

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы методологии и практической значимости исследования современной конфессиональной политики в отношении протестантов Северо-Западного Кавказа. Авторы обосновывают перспективность использования различных методологических подходов: моделирования, конструктивизма, структурно-функционального анализа, а так же необходимость создания единой информационной системы, обобщающей и систематизирующей информацию о региональных особенностях модели общероссийского вероисповедного курса. В работе формулируется вывод о недостаточной степени изученности темы, необходимости ее дальнейшего исследования.

Ключевые слова:

Северо-Западный Кавказ, конфессиональная политика, методология, единая информационная система.

В последнее время проблема изучения конфессиональной политики в субъектах Южного федерального округа обретает особую актуальность. Указанная административная единица отличается сложным вероисповедным составом, пестрой национальной культурой, традициями управления отдельных территорий. Эти факторы обуславливают возникновение в каждом субъекте особых властных инициатив в области взаимодействия с религиозными группами, и, в частности, с протестантами, отражающих локальные особенности общероссийской системы государственно-конфессиональных отношений.

Немаловажной проблемой является распространение в субъектах ЮФО новых направлений протестантизма, число которых растет. Взаимодействие с данными вероисповедными группами, как правило, осложняется их слабой изученностью.

В настоящей статье авторы преследуют цель проанализировать методологические подходы и возможность

прикладного использования результатов исследования исторических аспектов конфессиональной политики в отношении протестантов Северо-Западного Кавказа.

Следует отметить, что история протестантизма в России нашла отражение в широком круге исследований. В трудах Гараджи, В. И. Халидовой О. Б., Штахта Я., Добренькова В. И. и др. уделено внимание отношениям религиозных объединений и власти [2, 5, 14, 15]. Серьезный вклад в исследование проблемы внесла О.А. Личенбергер [7].

Изучение такого многофакторного феномена как конфессиональная политика требует, на наш взгляд, использования комплексного методологического подхода. Для рассмотрения современных особенностей государственно-вероисповедного курса весьма перспективным видится использование различных методов моделирования. Значительный вклад в их осмысление внес М.С. Топчиев, проанализировавший труды С.Ц. Феррари, Т.Г. Человенко, Ж.Т. Тощенко и других авторов [13].

Среди существующих классификаций особый интерес представляет концепция С.Ц. Феррари.

Исследователь убедительно обосновывает существование трех возможных моделей конфессиональной политики:

- ◆ идентификационной, характеризующейся существованием в стране государственной религии, т. е. культуруобразующего вероисповедания, пользующегося особой поддержкой и покровительством властей;
- ◆ сепарационной – провозглашавшей официальное отделение религиозных объединений от государства;
- ◆ кооперационной – предполагающей развитие отношений государства и религиозных объединений на основе обоюдного сотрудничества.

В то же время нельзя не согласиться с Н.О. Шаховым, считающим, что в советское время существовал особый тип государственно-конфессиональных отношений – сегрегационный, выразившийся в целенаправленном искоренении религиозных представлений из общественного сознания [15].

Таким образом, обобщив указанные точки зрения, можно сделать вывод о существовании в России четырех моделей конфессиональной политики. Как-то: идентификационной (дореволюционной), сегрегационной (существовавшей с 1917 до начала перестройки 1985), сепарационной (нейтральной, начавшей складываться в период перестройки и просуществовавшей условно до 2012 г.), кооперационной, постепенный переход к которой наблюдается на современном этапе. Следует отметить, что предложенная нами периодизация носит условный характер, поскольку смена моделей – многофакторный процесс, протекавший с различной интенсивностью в отдельных регионах России. Так, определяя 2012 г. в качестве переходного, мы отталкиваемся от времени внедрения в учебный процесс всех общеобразовательных школ РФ курса ОРКЭ в качестве федерального образовательного компонента. В то же время, примеры сотрудничества государства и вероисповедных организаций в сфере образования начались в качестве эксперимента уже в 2010г.

Рассмотренный методологический подход интересен тем, что определяет в качестве главного фактора дифференциации моделей особую идеологическую основу, отражающую отношение правящей элиты к религиозным группам в ту или иную эпоху. Выделение главных идеологических концепций позволяет провести их сравнительное сопоставление с политическими инициативами региональных властей, формировавшимися и продолжавшимися формироваться под воздействием локальных геополитических условий и местного религиозного ландшафта.

В частности, среди доктрин религиозного курса, принятых на уровне субъектов ЮФО особого внимания заслуживают "стабилизирующие" концепции, преследующие главной целью поддержание этноконфессионального мира и согласия; "культурнические", провозглашающие культурное самоопределение народов, возрождение национальных традиций и "коммуникативные", направленные на гармонизацию межрелигиозных отношений.

Рассмотренный выше теоретический подход, может быть конкретизирован посредством метода структурного моделирования, предложенного Н.О. Шаховым, который помимо указанного выше базиса модели – ценностно-целевой (идеологической) основы, – выделяет так же нормативный, институциональный и функциональный ее компоненты [15]. Нормативный компонент включает законодательную базу, отражающую правовое положение религиозных объединений. Исследование институционального аспекта дает возможность оценить структуру правительственных институтов, реализующих вероисповедную политику, как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Изучение функционального компонента конкретизирует методы, используемые властями для взаимодействия с религиозными объединениями.

Воссоздание и описание указанных теоретических конструктов на уровне субъектов федеральных округов представляется важной академической задачей, решение которой даст возможность конкретизировать понятие "конфессиональная политика", свести его к пониманию модели, состоящей из постоянных элементов, но имеющих различное содержание в отдельные исторические периоды. Сравнение моделей позволит сделать вывод об эффективности локальных законодательных актов, регулирующих государственно-вероисповедные отношения, дать оценку сложившимся в субъектах ЮФО системам управления религиозной политикой. Рассмотренные методы моделирования могут быть полезны при разрешении конфессиональных противоречий, возникших на почве строительства новых культовых зданий, ношения в образовательных учреждениях религиозной одежды и пр.

Оценка эффективности конфессиональной политики требует анализа процессов, происходящих внутри религиозных групп, что представляется возможным посредством применения структурно-функционального подхода. Он позволяет рассматривать религию, как особую систему, состоящую из ряда элементов и функций: мировоззренческой, компенсаторной, регулятивной и культуротранслирующей.

Успешность создания правительством положительных социально-политических смыслов, их интеграция в

сознание вероисповедных групп, уровень сформированности государственно–конфессиональной идентичности населения могут быть исследованы на основе метода конструктивизма.

Одной из форм практического использования результатов исследования конфессиональной политики в субъектах ЮФО может стать создание информационной системы, обобщающей данные о моделях вероисповедного курса. Для этой цели необходимо выполнить проектирование традиционной модели реляционных баз данных, поддерживающей стандартную обработку языка SQL. В этом случае в качестве приоритетной технологии выступит выгрузка данных в формате гипертекста, предоставляющая широкие возможности публикации баз данных в Сети Интернет.

Предполагаемая информационная система может иметь следующие тематические разделы, снабженные гиперссылками и соответствующие логики построения структурной модели:

РАЗДЕЛ 1.

Общероссийская модель государственно–конфессиональных отношений.

1.1. Основные идеологические доктрины, обуславливающие главные направления вероисповедного курса в РФ.

1.2. Важнейшие законодательные акты РФ в области конфессиональных отношений.

1.3. Структуры органов федеральной власти, реализующих конфессиональную политику.

1.4. Основные формы и методы взаимодействия властей с конфессиональными группами на федеральном уровне.

РАЗДЕЛ 2. Реализация конфессиональной политики на уровне административного центра ЮФО.

2.1. Основные программы взаимодействия с религиозными объединениями, разработанные административным центром ЮФО на основе общероссийских доктрин.

2.2. Нормативные документы, конкретизирующие содержание общероссийских законов на уровне административного центра.

2.3. Структура органов власти административного центра ЮФО, координирующая действия федеральной власти и субъектов ФО в области конфессиональной политики.

2.4. Особые методы взаимодействия с конфессиональными группами, обусловленные религиозными процессами в ЮФО.

РАЗДЕЛ 3. Модели конфессиональной политики в субъектах ЮФО.

3.1. Модель вероисповедного курса в Краснодарском крае.

3.1.1. Краевые программы, отражающие принципы вероисповедной политики.

3.1.2. Нормативные акты локального уровня, определяющие развитие религиозного курса.

3.1.3. Структура краевых органов власти, осуществляющих конфессиональную политику.

3.1.4. Методы взаимодействия с религиозными группами, учитывающие местный конфессиональный состав населения.

В аналогичных по структуре разделах могут быть описаны модели других субъектов ЮФО: р. Адыгея, Ростовской области, р. Крым и г. Севастополя, Волгоградской области, Астраханской области, р. Калмыкия.

Таким образом, для исследования современных аспектов конфессиональной политики в ЮФО в отношении как протестантов, так и других религиозных групп высокую значимость имеет метод моделирования, позволяющий выявлять региональные особенности общероссийской модели государственно–конфессиональных отношений на уровне субъектов федеральных округов. Данный методологический подход, в совокупности с другими методами (структурно–функциональным, конструктивизма и пр.) позволит проводить сравнительный анализ локальных моделей, оценку их эффективности, а так же последующее компьютерное моделирование, имеющее важное прикладное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX в. Саратов : Политиздат, 2002. 439 с.
2. Гараджа, В. И. Критика новых течений в протестантской теологии. М. : Знание, 1977. 62 с.
3. Гедеон. Митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М. – Пятигорск, 1992. 192 с.
4. Гриценко Н. П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII – XIX вв. // Вопросы истории Чечено–Ингушетии. Грозный: Грозненское книжное издательство, 1977. Т. IX. С. 69–81.
5. Добренков В. И. Критический анализ авангардистских тенденций в современной протестантской идеологии М.: Знание, 1975. 64 с.
6. Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М. : Мысль, 1971. 273 с.

7. Лицинбергер О. А. Евангелическо–Лютеранская церковь в российской истории (XVI – XX вв.). М.: Издательство просветительского фонда "Лютеранское культурное наследие", 2003. 544 с.
8. Матвиенко В.А. Государственно–конфессиональная политика в современной России: приоритеты, особенности, тенденции: автореф. дис. ... к.п.н. Орел, 2006. 23 с.
9. Письменная Т. Г. Конфессиональная политика в отношении религиозных объединений Краснодарского края в 70–х годах XX в // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. № 5 (43). 2015. С. 37–43.
10. Письменная Т. Г. Особенности модели конфессиональной политики на Северном Кавказе в отношении исламских объединений в 1917 – 1930 гг. // Историческая и социально–образовательная мысль. Т. 7. –№ 8. 2015. С. 56–62.
11. Рудинский Ф. М. Институт свободы совести по советскому государственному праву. М., 1991. 54 с.
12. Тишков В.А. и др. Межэтнические и межконфессиональные отношения в ЮФО. Экспертный доклад. Москва – Ростов–н/Д, 2013. 114 с.
13. Топчиев М. С. Анализ и типологизация основных мировых моделей регулирования государственно–конфессиональных отношений // Гуманитарные исследования. М.: Ладомир, 2013. № 3 (47). С. 230–236.
14. Халидова О. Б. История протестантских общин на Северном Кавказе: возникновение, становление и развитие: вт. пол. XIX – нач. XXI в.: на примере Республики Дагестан : дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 180 с.
15. Шахов Н. О. Вероисповедная политика Российского государства. М.: Изд–во РАГС, 2003. С. 34.
16. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1916. 266 с.
17. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис: б/и., 1907. 658 с.
18. Ярославский Е. М. О религии. М.: Просвещение, 1958. 640 с.

© Т.Г. Письменная, Д.К. Чернявская, (danja.888@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

672003, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Трактовая, 35а
т. +7 (3022) 36-80-38, 36-76-20, e-mail: chita.office@alsglobal.com

www.als-russia.ru

ПРЕДОСТАВЛЯЕМ ЗАКАЗЧИКАМ ВЫБОР АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ:

РЕКЛАМА

- золота, платины и палладия
- золота и серебра с использованием гравиметрического окончания
- объемной плотности зерновых и бороздовых проб
- многоэлементный (до 35 элементов) анализ (почти полное разложение)
- общего, органического и карбонатного углерода
- железа магнетита и массовой доли оксида железа (II)
- следовых содержаний (литогеохимия, вторичные изменения)
- общей, сульфатной и сульфидной серы

РУКОПИСЬ "ПАНЬШИ-ДЗУН ЛУНЬ, ТО ЕСТЬ СОКРАЩЕННОЕ ДРЕВНЕЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ СОЧИНЕНИЕ АВТОРОМ ЯН ДЗЫ ПАНЬ ШИ ЖУНОМ С ОБСТОЯТЕЛЬНЫМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ" В ПЕРЕВОДЕ И.К. РОССОХИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КИТАЯ В РОССИИ XVIII В.

MANUSCRIPT "PANSHI ZONGLUN - SHORT VARIANT OF ANCIENT CHINESE HISTORY BY YANG ZI PAN SHI RONG WITH COMMENTS" BY I.K. ROSSOHIN, AS SOURCE ABOUT HISTORY OF CHINA IN RUSSIA IN THE XVIII TH. CENTURY

D. Tsvetkov

Annotation

This paper is based on research of manuscript "Panshi zonglun— short variant of ancient Chinese history by Yang Zi Pan Shi Rong with comments". This manuscript is a first Russian translation of Chinese historical book. It was translate from Manchu into Russian language in the 1746 by Illarion Rossohin. Today, there is only one copy of this text. It is kept in Saint-Petersburg department of Archive of Russian Academy of sciences. For many years scholars thought, what first books about history of China, translated into Russian language were "Baqi tongzhi" ("Description of eight—banner Manchu people and army") and "Zizhi tongjian gangmu" ("Comprehensive Mirror in Aid of Governance"). Both these text were translate to Russian by Rossohin too. But it was identificade, what first text about this theme, translated into Russian is "Panshi zonglun— short variant of ancient Chinese history by Yang Zi Pan Shi Rong with comments". Purpose of this paper is in learning of specifics on this manuscript. This paper is a first special research in Russian language about text "Panshi zonglun".

Keywords: source study, history of China, first Russian translations of Chinese literature, history of sinology, archive materials.

Цветков Дмитрий Владимирович
Аспирант,
Институт Восточных рукописей
Российской Академии наук

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию рукописи под названием "Паньши–дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями"– первому переводу на русский язык китайского исторического труда. Перевод был выполнен в 1746 г. Илларионом Калиновичем Россохиным. На сегодняшний день данный труд существует только в рукописном варианте, и хранится в Санкт–Петербургском отделе Архива РАН. В течение долгого времени считалось, что первыми произведениями по истории Китая, переведенными на русский язык были "Бацзи тунчжи" ("Обстоятельное описание маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящих") и "Цзычжи тунцзян ганму". Эти труды также были переведены И.К. Россохиным. Однако, было установлено, что именно перевод "Паньши–дзун лунь, то есть Сокращенного древней китайской истории сочинения автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями" является самым первым переведенным на русский язык, произведением по этой тематике. Целью данной работы является детальный анализ этой рукописи и выявление ее специфических особенностей. Данная статья претендует на роль первого специального исследования на русском языке, посвященном этому тексту.

Ключевые слова:

Источниковедение, история Китая, первые русские переводы китайской литературы, история китаеведения, архивные материалы.

Введение

Настоящее исследование посвящено исследованию русского перевода китайского исторического произведения "Паньши–дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями", выполненного Илларионом Калиновичем Россохиным (1717–1761 гг.)– учеником Второй Русской Православной миссии в Пекине. Перевод на русский язык был выполнен в 1746

г. с маньчжурской версии. Тематика данной статьи тесно связана с историей русского китаеведения.

Теме истории русской синологии посвящен целый ряд работ:

Фундаментальная монография П.Е. Скачкова "Очерки истории русского китаеведения", опубликованная в 1977 г. до настоящего времени остается непревзойденным источником по истории российского китаеведения [1].

Истории изучения Китая в России посвящены также монографии В.Г. Дацышена "Четыреста лет истории русско-китайских отношений"[2], "Изучение китайского языка в России"[3], "Изучение истории Китая в Российской империи", и статья И.Ф. Поповой "Изучение китайского языка в России" (Бобова "Эго Ханьюй яньцзю гайкуан")[4].

Интерес к истории русского китаеведения присутствует и среди китайских исследователей. На данный момент, наиболее крупными работами, написанными китайскими учеными по данной теме, являются монография профессора Пекинского университета иностранных языков Лю Жомэй "Связующий мост между китайской и русской культурами. Первые академические китаеведы России" (Лю Жомэй "Гоутун Чжунэ вэньхуа дэ цюлянь: Элосы ханьсюши шан дэ юаньши ханьсюэцзя")[5] и книга профессора Нанькайского университета Янь Годуна "История русского китаеведения" (Янь Годун "Эго ханьсюэши")[6].

Основными трудами, опубликованными на сегодняшний день о деятельности И.К. Россохина, являются: опубликованная в 1945 г. В. П. Тарановичем в журнале "Советское китаеведение" статья "Илларион Россохин и его труды по китаеведению", где приводится полный список как опубликованных так и неопубликованных трудов И.К. Россохина с указанием хранилищ, в которых находятся данные рукописи[7]. В 1950 г. в журнале "Советская этнография" А.В. Стрениной была опубликована статья "У истоков русского китаеведения", где идет речь об опубликованных трудах И.К. Россохина, в частности, говорится о его совместном с А.Л. Леонтьевым труде "Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего"[8]. В 1953 г. Н.П. Шастина опубликовала статью "Перевод И. Россохина источника по истории монголов конца XVII в.", в журнале "Ученые записки Института востоковедения"[9].

Поскольку текст "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями" был переведен Россохиным с маньчжурского языка, но при этом его оригинальный язык – китайский, настоящее исследование затрагивает и тему китайской классической литературы в маньчжурском переводе. На сегодняшний день, наиболее полной работой, посвященной маньчжурским переводам китайской классики является статья профессора Центрального университета народностей Цзи Юнхай "Исследование маньчжурских переводов китайской литературы в эпоху Цин" (Цзи Юнхай "Циндай маньши ханьцзе яньцзю")[10].

В данной работе затрагивается также тематика исторических трудов, написанных в средневековом Китае.

Здесь следует выделить статью китайского исследователя Цяо Чжичжун "Тенденция развития популярной исторической науки в эпоху Мин" (Цяо Чжичжун. "Миндай ши-сюэ фачжань дэ пуцзи син чаюлю")[11] и статью профессора Педагогического университета Цзянсу Ян Сюймина "Исследование в области частного редактирования, адаптации и дополнения произведений о древней истории в эпоху Мин" (Ян Сюймин. "Минчао сыцзя цзуань-сю, гайпянь хэ сюе цзюйши гайлунь") [12].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что история русского китаеведения является хорошо изученной темой. Однако, ни в отечественной, ни в китайской науке не существует специальных исследований, посвященных труду "Паньши цзунлунь" и его переводам. Таким образом, данная статья претендует на роль первого специального исследования, посвященного этому тексту и его переводу на русский язык.

Первые произведения по различным аспектам истории и культуры Китая на русском языке появились в XVIII в. Это касается как произведений, написанных русскими авторами, так и русских переводов китайских произведений. Значительная часть заслуг в этой сфере принадлежит Иллариону Калиновичу Россохину (1717–1761 гг.) – одному из первых русских профессиональных востоковедов – китаистов и маньчжуроведов, ученику II Русской православной миссии в Пекине. И.К. Россохин является автором переводов ряда текстов различной тематики с китайского и маньчжурского языков. Его перу принадлежат переводы свыше тридцати произведений, большая часть которых не была опубликована и, в настоящее время, хранится в архивах Санкт-Петербурга.

Из всех трудов Россохина было опубликовано лишь несколько: "Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у Калмыцкого хана Аюки на Волге"[13], "Атлас Китая", опубликованный в немецком журнале "Magasin fur die Historie und Geographie"[14] и "Описание Алтайских гор", опубликованное в академиком П.С. Палласом в "Neue Nordische Beytrage"[15].

Пожалуй, самым известным трудом И.К. Россохина является 17-томный перевод "Описания происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в осьми знаменах состоящего" (Бацзи тунчжи), опубликованный в 1784 г.[16]. Работа над переводом была начата в 1756 г. И.К. Россохин переводил данное произведение в соавторстве с Алексеем Леонтьевичем Леонтьевым. В данном труде дается подробное описание истории Китая с древнейших времен по период правления цинского императора Юнчжэна (1723–1735 гг.), по указу которого было написано данное сочинение. Особый упор в "Обстоятельном описании..." делается на описание различных аспектов истории, культуры, быта и этнографии маньчжу-

ров. Данное произведение не потеряло своей актуальности по сей день. В настоящее время, многие востоковеды продолжают обращаться к "Обстоятельному описанию..."[8]. На сегодняшний день считается, что данный труд является первым опубликованным русским переводом китайского исторического произведения.

Однако, при детальном изучении неопубликованного письменного наследия И.К. Россохина, становится очевидно, что произведения по тематике истории Китая переводились им и ранее. Это касается, прежде всего, двух текстов: "Китайская генеральная обо всех китайским государством владевших разных фамилий ханах и князьях история" и "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями".

"Китайская генеральная обо всех китайским государством владевших разных фамилий ханах и князьях история"[17] представляет собой русский перевод труда "Всеобщее зеркало, управлению способствующее" (Цзычжи тунцзянь ганму)– труда, написанного в XI в. сунским ученым Сыма Гуаном (1018–1086). Данный труд позиционировался как прямое продолжение "Исторических записок" Сыма Цяня. И.К. Россохин перевел это произведение в 1756 г. В настоящий момент, эта рукопись хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук.

Данная статья посвящена выяснению цели, с которой И.К. Россохиным был переведен труд "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями".

"Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями"– перевод текста "Общие рассуждения господина Паня" (Паньши цзунлунь), представляющего собой сокращенный вариант "Тунцзянь ганму" [18].

Другое название "Паньши цзунлунь": "Тунцзянь цзунлунь", что можно перевести как "Общие рассуждения о Всеобщем зеркале, управлению способствующем". Этот труд был написан в эпоху Юань Пань Жуном или Ян Цзепанем (псевдоним?).

Говоря о "Паньши цзунлунь" следует отметить, что этот текст относится к историческим произведениям, написанным частными лицами. В основном, эти труды писались на основе "Тунцзянь ганму" и позиционировались как его расширенные версии или дополнения к нему, и были рассчитаны на широкую публику. Расцвет этой практики относится к династии Мин, однако, тенденции к написанию подобных произведений появились значи-

тельно раньше– в эпоху Сун (960–1279 гг.). Потребность в написании произведений такого рода возникла в связи с изобретением книгопечатания при помощи подвижного шрифта и его распространением в эпоху Тан (618–908 гг.). В следствие этого, литература стала более доступна широким слоям населения. При династии Сун стало очевидно, что большинство исторических произведений, которые были представлены, в основном, династийными историями, являются слишком громоздкими и тяжелыми для восприятия, в связи с чем, возникла необходимость составления адаптированных исторических текстов, рассчитанных на широкую публику. Одни из первых "популярных" исторических произведений были написаны Оуян Сю (1007–1072 гг.). Китайский исследователь Цяо Чжичжун считает, что первыми историческими произведениями, рассчитанными на широкого читателя, можно назвать труды Оуян Сю "Записи об истории Пяти династий" (Удай шицзи), "Сохраненные труды и очерки" (Вэньчэн эр шилюэ) и "Наполовину уменьшенные истории предыдущих эпох" (Цзяньцзюй ши чжи бань) [11]. Профессор Педагогического университета Цзяньсю Ян Сюйминь отмечает, что авторы "популярных" исторических произведений преследовали в своей работе три цели: первая– адаптировать и дополнить исторические произведения написанные при предыдущих династиях; вторая– пересказ "Тунцзянь ганму"; третья– составление компилятивных трудов, описывающих общую историю Китая [12]. Авторы "популярных" исторических произведений провели масштабную работу по адаптации, дополнению, компиляции исторических материалов предыдущих эпох, а также по их сохранению.

В эпоху Юань, кроме "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями" был написан еще ряд исторических произведений, являвшихся сокращенными или адаптированными версиями "Тунцзянь ганму". Наиболее крупными из них являются "Извлечения из Всеобщего зеркала, управлению способствующего" (Тунцзянь цзэяо) и "Извлечения из Всеобщего зеркала, управлению способствующего, сделанные школой Шаовэй" (Шаовэй цзя шудянь сяо фу инь тунцзянь цзэяо) автора Цзян Чжи. Также среди юаньских исторических трудов можно выделить: "Извлечения из семнадцати историй с древности по настоящее время" (Шициши цзуань гуцзинь туньяо) Ху Игуй, "Общие исторические сокращения" (Лидай тунлюэ) Чэнь Ли, "Собрание сведений из Всеобщего зеркала, управлению способствующего" (Цзычжи тунцзянь ганму цзелань) Ван Юсюэ, "Собрание извлечений из записей о правителях" (Диван цзинянь цзуаньяо) Ча Ханя и др.

В сороковом году правления Цяньлуна (1775 г.) начался период т.н. "литературной инквизиции", в ходе которой была проведена масштабная ревизия всего письменного наследия Китая. Был составлен реестр запре-

ценной литературы. В реестре оказалось множество произведений, в том числе, и на историческую тематику. Такая участь постигла и другие труды, написанные на основе "Тунцзянь ганму". Среди них оказались произведения таких авторов как Ван Шигуан, Ли Тинцзи, Юань Хуан и др. В этот список попал и "Паньши цзунлунь". В своем докладе на имя императора, датируемые сорок пятым годом эры Цяньлун (1780 г.) генерал-губернаторы провинций Шэньси и Ганьсу отмечали, что те записи, которые содержатся в "Паньши цзунлунь" "необходимо вырвать с корнем". Также в докладе на имя императора, датируемом сорок шестым годом эры Цяньлун (1781 г.) генерал-губернатор провинции Хубэй заявлял, что "В "Паньши цзунлунь" содержатся недопустимые речи, которые необходимо искоренить".

В статье китайского исследователя Цзи Юнхя "Исследование маньчжурских переводов китайской классики, выполненных в Цинский период" говорится, что этот текст переводился на маньчжурский язык два раза [11]. Первый перевод был сделан маньчжуром по имени Дахай, являвшимся одним из наиболее известных переводчиков в цинском Китае, предположительно, в конце XVII в. Точный год неизвестен. Второй перевод был выполнен в 1707 г. Аситанем. Именно с версии Аситаня Россохин выполнил перевод. При сопоставлении оригинального китайского текста Пань Жуна, двуязычной китайско-маньчжурской версии, составленной Аситанем и перевода Россохина, становится очевидно, что во все вышеперечисленные версии значительно отличаются друг от друга.

В эпоху Цин текст "Паньши цзунлунь" был помещен в состав нескольких компилятивных трудов:

В версии Аситаня "Паньши цзунлунь" входит в состав компиляции текстов "Общее рассуждение господина Паня на маньчжурском и китайском языках" (Маньхань хэби Паньши цзунлунь), также известной под названием "Семь основных глав" (Ци бэнь тоу), куда помимо вышеупомянутого текста, входят также такие произведения как "Высочайше утвержденные трактаты о трех углах" (Юйчжи цзяосин лунь), "Канон сыновней почтительности" (Сяо цзин), "Рассуждения о скудной пище" (Цай гэн тань), "Правдивые записи об округе Хуанши" (Хуанши гунсу шу) [19].

Несмотря на небольшой объем – 75 листов, рукопись весьма информативна. Кроме собственно изложения истории Китая, в данном тексте присутствует описание различных аспектов китайской культуры и достижений цивилизации. В своем переводе, сразу после введения Аситаня, Россохин поместил состоящую из пяти пунктов статью, посвященную фонетике китайского языка "Как выговаривать китайская речи, писанные российскими литерарами для подлинного произношения" – первая по-

пытка систематизировать сведения о китайской фонетике. После статьи о фонетике следует таблица с хронологией китайских правителей, от Фуси до 1746 г., т.е. до Цяньлуна. Также там говорится что самоназвания китайцев – Хань-жэнь и мань-цзы. Слово "Китай", по мнению Россохина, имеет монгольское происхождение. В оригинальном тексте Пань Жуна присутствует множество комментариев. У Аситаня данные комментарии опущены. В переводе Россохина присутствует множество подстрочных комментариев. Эти комментарии не совпадают с теми, которые имеются в оригинальном китайском тексте, т.е. принадлежат авторству Россохина.

Текст самого "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями" состоит из двух разделов: первый раздел включает в себя три главы, где первая не имеет своего собственного названия и посвящена описанию истории Китая с эпохи Шан до Хань; вторая часть называется "О ханах, которые называли титул свое правительства Хань" [18, с.10], причем сразу после нее идет глава "О ханах, которые называли титул своего правительства Тан" [18, с.30], т.е. в тексте пропущен значительный промежуток времени (398 лет, включающий себя Троецарствие, династию Цзинь, Северные и Южные династии и династию Суй). После главы, посвященной династии Тан. Затем идет второй раздел, который в перевод Россохина называется "Здесь автор оставя ханов танской фамилии начинает говорить о ханах разных фамилий" [18, с. 40], включающий в себя безымянную главу, в которой описывается период с династии Цзинь по Суй. После нее следует глава, посвященная династии Сун "Отсюда начинает автор по порядку описывать о ханах сунской фамилии". Данный текст носит дидактически характер. В нем говорится что правитель должен быть умен, прозорлив, рассудителен, беспристрастен и опираться на помощь умных, прогрессивных, верных и честных людей, показываются конкретные исторические примеры того какое поведение правителей и сановников спасало страну, и какое приводило к бедствиям. Активно подвергаются осуждению даосизм и буддизм, которые, с точки зрения автора, являются рассадниками суеверий, и приводит лишь к бедствиям в стране. Таким образом, мы видим, что автор был убежденным конфуцианцем. В конце даются приложения, составленные самим Россохиным.

В рукописи Иллариона Россохина после текста самого перевода помещены две главы, посвященные дальнейшим периодам истории Китая вплоть до середины XVIII в.: "А понеже сочинитель сего исторического сокращения о тех фамилиях, которая после фамилии Сун одна по другой последовали нигде в

своим сокращением не упомянул, то я об оных фамилиях краткое известие к пополнению одного сокращения сюда же внести за потребно разсудил. (заканчивается 1740 г.)" и "О маньджурских ханах то есть о фамилии Дайцин, которая ныне владеет китайским государством". Эти главы написаны самим Россохиным.

В конце есть приложение, куда помещены сведения о системе мер и весов в Китае. Приводится также список провинций Китая, таблица с названиями столичных городов каждой провинции с приведением подробных статистических данных о том сколько в каждой губернии имеется городов, сколько каждый год собирается налогов, расстояние от Пекина до столичных административных центров каждой губернии, географические координаты административных центров, список городов, в разное время являвшихся столицами Китая. Приводится также таблица "На сколько провинций кочующая мунгальская владельцы разных фамилии или так называемая Великая Татария, состоящая под владением маньджурских ханов, разделяется и как она называется. (приводится сорок наименований на китайском, маньчжурском и русском языках)". В данном приложении все названия написаны на китайском и продублированы на маньчжурском.

Имеются также названия на монгольском языке.

◆ Рукопись "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями" носит смешанный характер, т.е. она состоит как из перевода оригинального текста, так и разделов написанных самим переводчиком, и структура самого перевода нелинейна, т.е. сначала идет речь о династиях Шан, Чжоу, Хань, Тан и Сун, и потом говорится о периодах Цзинь, эпохе Северных и Южных династий и династии Суй.

◆ В течение долгого времени считалось, что первым китайским историческим трудом, переведенным на русский язык было "Описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в осьми знаменах состоящего", перевод которого был закончен Алексеем Леонтьевым 1784 г., в то время как "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с

обстоятельными примечаниями" было переведено много раньше – в 1746 г.

◆ Читая данный труд становится очевидно, что Илларион Россохин обладал обширными знаниями в области истории и культуры Китая и сопредельных с ним народов, имел доступ ко многим письменным источникам по соответствующей тематике, и стремился сделать данную информацию доступной для широкой русскоязычной публики.

Перевод "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями" является важной вехой в истории русского китаеведения, поскольку, это первый труд по истории Китая, переведенный на русский язык.

Вполне очевидно, что И.К. Россохин неслучайно выбрал для перевода именно "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями". Учитывая, что данное произведение, по своему объему, является кратким и в то же время емким по содержанию, Россохин считал, что оно является наиболее удобочитаемым и стремился, переводя этот текст, познакомить широкого русскоязычного читателя с основными аспектами истории Китая и его культуры. Кроме того, перевод, выполненный Россохиным, отвечал государственным потребностям того времени: первая половина XVIII в. является периодом установления регулярных отношений России с Цинским Китаем, и российское правительство стремилось больше узнать об исторической и культурной специфике китайцев с целью обеспечения взаимопонимания и выстраивания благоприятных отношений. В XVIII – первой половине XIX вв. первые русские китаеведы переводили большое количество исторической и философской литературы с целью изучения особенностей исторического процесса и идеологии Китая. Россохин мог выбрать для перевода именно "Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями" в связи с краткостью и в то же время, содержательностью данного произведения. На это также указывают различные статистические данные, приведенные в рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скачков П.Е. Очерки по истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 503 с.
2. Дацышен В.Г. Четыреста лет истории русско-китайских отношений. Часть 1 : сборник статей . М. Берлин: Директ-Медиа, 2014. 316 с.
3. Дацышен В.Г. Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск.: Новосиб. гос. ун-т, 2011. 197 с.
4. Попова И.Ф. (Бобова). Это Ханьюй яньцзю гайкуан (Изучение китайского языка в России) // Азия бунка косе кэнкю. Вып. 8.157–168 с.
5. Лю Жомэй. Гутун Чжунэ взньхуа дэ цюлянь:Элосы ханьсюэ ши шан дэ юаньши ханьсюэцзя (Связующий мост между русской и китайской культурами) /Лю жомэй, Чжан сипин–Пекин.: вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ.,2010. 396 с.

6. Янь Годун. Эго ханьсюэ ши (История русского китаеведения). Пекин.:Жэньминь чубаньшэ.,2006.,731 с.
7. Таранович В.П. Илларион Россохин и его труды по китаеведению/В.П.Таранович/Советское востоковедение вып. III/М.,Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1945. 302 с., 225–241 С.
8. Стренина А.В. У истоков русского китаеведения (Россохин и Леонтьев и их труд "Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в осьми знаменах состоящего")/А.В.Стренина/Советская этнография вып.1 /М.:Издательство Академии наук СССР, 1950. 231 с.,170–177 С.
9. Шастина Н.П. Перевод И. Рассохина источника по истории монголов конца XVII в. /Н.П. Шастина/ Ученые записки Института Востоковедения. Том VI/ М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 275 с., 200– 211 С.
- 10.Цзи Юнхай. циндай мань ханьцзе яньцзю (Исследование китайской классики в маньчжурском переводе в эпоху Цин) // жэньминь фаньи. Пекин., 2009. № 3 (72). 41–49 с.
11. Цяо чжичжун. Миндай Шисюэ фачжань дэ пуцзи син чаолуй (Тенденция развития популярной исторической науки в эпоху Мин)// Чжунго лиши нэйцань. Вып.4. 145–160 с.
12. Ян Сюйминь. минчао сыцзя цзуаньсюй,гайпянь хэ сюйсе цзюйши гайлунь (Исследование в области частного редактирования, адаптации и дополнения произведений о древней истории в эпоху Мин) // Journal of Huaiyin teachers college. Social sciences. Vol. 3 (38). 342–346 с.
13. Описание путешествия 1764: Описание путешествия, коим ездили китайские по– сланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге. // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764
14. Atlas von China nebst einer geographischen Erlsuterung desselben. Abgefasset von einem gebohrnen Chinesischen zu Peking 1746 und aus der Chinesischen Sprache zu S.Petersburg 1756 von Rossochin in die Russische, aus dieser aber nun in die Deutsche ubersetzt// Magazin fur die neue Historie und Geographie. – 1769. – Вып. 3. с. 575–604
15. Neue Nordische Beytrage Zur Physikalischen Und Geographischen Erd– Und Volkerbeschreibung &c., Ed. by P.S. Pallas.– 1781.– с.375
16. Описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в осьми знаменах состоящего. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1784
17. Китайская генеральная обо всех китайским государством владевших разных фамилий ханах и князьях история Архив РАН. Разряд 2, опись 1, №117
18. Паньши–дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями. С манджурскаго на российский язык перевел прапорщик Ларион Разсохин. 1746. Разряд 1, опись 1, №113
19. Маньхань хэби Паньши цзунлунь (Общие рассуждения господина паня на маньчжурском и китайском языках), ИВР РАН. Маньчж. Шифр В 27.

© Д.В. Цветков, (dmitry.tswetckov@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Институт Восточных рукописей Российской Академии наук

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОМ ОБРАЗОВАНИИ ПРОТЕСТАНТОВ В СССР В 20-х гг. XX в.

THE QUESTION OF RELIGIOUS EDUCATION OF PROTESTANTS IN THE USSR IN THE 20-ies. XX CENTURY

D. Chernyavskaya

Annotation

In the article the problems of religious education of Protestants in the USSR in 20–e years of the XX century a special attention is paid preconfirmation learning process a brief catechesis of young people towards a conscious acceptance of religious norms. The author concludes that the authorities attempted to limit the acquisition of spiritual knowledge by seeing the rite of confirmation as a way of ideological influence on young people. For this reason, the justified arguments of the Evangelical Lutheran Church remained ignored and in response from Soviet officials followed opposition measures. The need for further study of the relationship between the state and Protestant groups in the 20–ies of XX century.

Keywords: confirmation, protestants, religion, Lutheran Church, confessional politics.

Чернявская Дарья Константиновна
Аспирант, ФГБОУ ВО
"Кубанский государственный
университет", г. Краснодар

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы религиозного образования протестантов в СССР в 20–е годы XX в. Отдельное внимание уделяется предконфирмационному обучению – процессу краткой катехизации молодых людей, направленному на сознательное принятие ими религиозных норм. Автор приходит к выводу о том, что власти предпринимали попытки ограничить получение духовных знаний, видя в обряде конфирмации способ идеологического воздействия на молодежь. По этой причине обоснованные аргументы Евангелическо–Лютеранской церкви оставались проигнорированы и в ответ со стороны советских чиновников следовали меры оппозиционного характера. Обоснуется необходимость дальнейшего изучения взаимоотношений между государством и протестантскими группами в 20–е годы XX в.

Ключевые слова:

Конфирмация, протестанты, религия, лютеранская церковь, конфессиональная политика.

В 20–е годы XX в. советской властью активно проводилась политика вытеснения религиозных норм из народного сознания. Данный процесс предусматривал ограничение религиозного образования, которое в протестантизме включало краткие курсы изучения Священного Писания перед обрядом конфирмации – сознательного принятия веры молодыми членами религиозных групп. Советские чиновники хорошо понимали, что конфирмация повышает степень религиозной грамотности, что повлекло сокращение предконфирмационного обучения в 1924 году с четырех недель до двух.

Пасторы протестантских церквей стремились воспрепятствовать этим нововведениям, подвергаясь осуждению за преподавание Священного Писания детям. Так, 19 мая 1926 года суд города Конотопа Украинской ССР приговорил пастора Мельманна к принудительным работам за обучение подростков 14–16 лет без официального разрешения власти [10, л. 377].

В связи с указанным фактом проблема предконфирмационной катехизации обсуждалась сначала летом 1926 года в президиуме ВЦИК, а затем осенью на конференции пробстов в Москве.

В настоящей статье автор преследует цель на основе документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) проанализировать процесс урегулирования вопросов предконфирмационного обучения.

Вопросы взаимодействия советского государства и Евангелическо–Лютеранской церкви изучены недостаточно. В тоже время отдельные аспекты религиозной жизни рассматривались в трудах Дитц Я [6], Черказьновой И. В [14], Ауман В. А. и Чеботарёвой В. Г [8]. Среди особых значимых трудов следует отметить книгу Лиценбергер О. А., в которой автор описывает взаимодействие советской власти и протестантской церкви. В данной работе подчеркивается, что власть всячески пыталась оказывать свое влияние во внутренние дела церковных общин [10].

Как уже отмечалось выше, в 1924 году советская власть предприняла попытки ограничить возможность лютеранских священников обучать детей верующих основам Священного Писания перед конфирмацией. Данное обстоятельство побудило епископа Евангелическо–Лютеранской церкви в СССР Ф. Ф. Мейера обратиться за разъяснениями к председателю отдела по вопросам

культов ВЦИК. В своем письме пастор сообщал, что разъяснения НКВД он получил, но они не удовлетворили верующих страны и вызвали тревогу среди лютеран. Опасения народа заключались в следующем: каждый пастор обслуживал население не менее 5000 тыс. человек, в числе которых молодые люди в возрасте от 15 до 18 лет, желавшие совершить обряд конфирмации, составляли не менее 100 человек, доходя в отдельных случаях и до 500 человек. В связи с тем, что подготовка к этому обряду по положению Евангелическо-Лютеранской церкви должна была осуществляться лично пастором и составлять не менее 30 часов, ее проведение представлялось невозможным в малых группах из двух, трех человек – максимальном количестве, предполагаемом НКВД. Пастор отмечал, что при большом числе конфирмантов обучение в малых группах является технически невыполнимым и превышает силы одного человека. Кроме того, обряд конфирмации по правилам церкви совершался один или два раза в год над всеми претендентами одновременно, что исключало возможность проводить его чаще, по мере окончания обучения отдельных групп. Ф.Ф. Мейер подчеркивал, что подобные занятия проводятся в здании церкви молитвенного дома, в помещениях при ней, а также на частной квартире пастора или церковного старосты, но отнюдь не в помещениях школы и поэтому носят не характер школьного преподавания, а духовного наставления, что не нарушает ст. 121 УК СССР. Пастор также отмечал, что в решении вопроса о конфирмации заинтересованной стороной, кроме коренного населения СССР выступают и граждане иностранных государств, преимущественно германцы, приезжающие на территорию Союза и исповедующие лютеранскую веру. Это обстоятельство актуализировало проблему обеспечения свободы совести, регламентированной в ст. 13 Конституции.

В заключении письма Ф.Ф. Мейер просил рассмотреть возможность проведения духовной подготовки к конфирмации молодых людей в возрасте от 15 до 18 лет в любых помещениях, кроме школьных, группами с неограниченным числом участников, а также в течение неограниченного времени.

В ответном письме епископу Мейеру Народный комиссариат внутренних дел сообщал, "что групповое преподавание вероучения, какие бы цели оно не преследовало, согласно Декрета об отделении церкви от государства воспрещено, вследствие чего подготовка несовершеннолетних лиц к конфирмации, может проводиться лишь частным порядком группами, состоящими не более чем из двух, трех человек".

С аналогичным заявлением обращался в НКВД и Евангелическо-Лютеранский высший церковный совет. В его письме говорилось о том, что в некоторых местно-

стях СССР местные власти не разрешают Евангелическо-Лютеранским пасторам подготовку юношей и девиц не достигших 18 лет к приобщению святых тайн, которому предшествует обряд конфирмации сопровождающийся духовными наставлениями. "Местные власти мотивируют свой отказ в разрешении совершения обряда конфирмации общим запрещением преподавания религиозных вероучений лицам, не достигшим 18 возраста. Однако, запрещение преподавания Закона Божьего содержится только в ст. 121 УК, в которой говорится исключительно о преподавании в школах. Независимо от того, что вопрос о совершении обряда конфирмации согласно вероучению Евангелическо-Лютеранской церкви был разрешен в положительном смысле без всякого ограничения по отношению к возрасту конфирмируемых в 2 сессии ВЦИК 10 созыва".

Евангелическо-лютеранский высший церковный совет, несмотря на известную власти позицию по данному вопросу, посчитал нужным представить дополнительные разъяснения. В них говорилось, что "...конфирмация является в Евангелическо-Лютеранской Церкви священным действием, существующем со времени ее существования, при чем по учению церкви этот обряд должен совершаться над грамотными юношами и девицами не моложе 15 и не старше 18 лет. Лица, желающие быть конфирмированными... не конфирмированные не могут считаться полноправными членами прихода"[5 л. 43].

Таким образом, конфирмация являлась, по мнению авторов документа, "одним из главнейших священнодействий Евангелическо-Лютеранской церкви, на котором зиждется сознательная и добровольная принадлежность к данному вероучению"[5 л. 43]. В письме подчеркивалось, что совершение этого обряда над лицами в возрасте от 15 до 18 лет свидетельствует о грамотности и сознательном выборе человеком веры. Молодежь, утверждали авторы письма, не занята заботами и интересами материальной жизни и имеет полную возможность сосредоточиться над решением духовных вопросов. Также совершение обряда конфирмации весьма сильно укоренилось в среде лютеранской церкви, так что не разрешение этого священнодействия "...наносит верующим весьма чувствительный удар" [5 л. 43–44]. В частности, в сельских приходах, где восемнадцатилетние юноши и шестнадцатилетние девицы уже вступали в брак, для брачующихся и их родных было весьма прискорбным, что до обряда конфирмации они лишались духовного благословения.

Далее авторы документа еще раз подчеркивали, что "...самой конфирмации должно предшествовать краткое групповое наставление в течение нескольких недель. Это наставление составляет одно неразрывное целое с

самой конфирмацией и существенно отличается от общего преподавания Закона Божьего" [5 л. 43–44]. Составители письма считали, что Декрет об отделении церкви от государства не имел ввиду, в чем-либо нарушать "внутреннюю исповедную организацию исповедных учений" [5 л.43–44], а центральная советская власть всегда предписывала местным органам управления не нарушать отправления религиозных обрядов.

В 1926 году президиум ВЦИК СССР постановил решить проводить в молитвенных лютеранских зданиях подготовку и ознакомление с молитвами и учением евангелическо-лютеранской церкви перед конфирмацией в течение двухнедельного срока в часы, не связанные со школьными учебными занятиями для лиц, достигших 15 летнего возраста. Постановление вменяло в обязанность народным комиссариатам внутренних дел и просвещения подготовить подробные инструкции этому вопросу в соответствии с предложенным проектом.

В первоначальном проекте внимание акцентировалось на следующих пунктах: подготовка перед конфирмацией должна была проводиться только в молитвенных зданиях, с предварительной постановкой в известность в каждом отдельном случае административного отдела местного исполкома. А также она должна была осуществляться в течение 2 недельного срока до обряда конфирмации и не могла затрагивать времени, отведенного на учебные занятия в школе. Важным пунктом являлось наличие добровольного согласия самих конфирмантов и их родителей. В данном обряде могли принимать участие лица обоего пола, достигшие возраста 15 лет. Здание, отведенное для этих целей, должно было соответствовать санитарным требованиям.

Инструкция предписывала местным органам НКВД и НКП следить за тем, чтобы в молитвенных зданиях не преподавали общеобразовательных дисциплин под видом подготовки к обряду конфирмации, а также не проводили занятия одновременно со школьными.

С постановлением об особенностях подготовки к конфирмации НКВД должны были познакомить краевые, областные и губернские отделы исполкомов. Однако, напряженная ситуация не была улажена.

В октябре 1928 г. секретариат президиума ВЦИК получил письмо от краевого прокурора Сибири, в котором говорилось о привлечении к уголовной ответственности пастора Евангельско-Лютеранского учения Дейчман Фридриха. Духовное лицо обвинялось в нарушении религиозного законодательства. В частности, ему вменялось в вину проведение занятий по Закону Божьему с детьми, не достигшими возраста 15 лет, что противоречило статье 122 УК СССР.

В ответном письме президиум ВЦИК, ссылаясь на имеющуюся жалобу высшего церковного совета Свободной Евангелической-Лютеранской реформаторской церкви конгрегационного положения (СЕЛРЦКП) в СССР от 18 апреля 1928 года № 67, сообщал, что нарушения имеют место быть вследствие того, что правительственное постановление об особенностях подготовки к конфирмации неизвестно на местах.

Незаконная деятельность пасторов обуславливалась также не вполне правомерными действиями чиновников., стремившихся воспрепятствовать развитию религиозной жизни. В частности, в жалобе представителей СЕЛРЦКП сообщалось, что "разные округа и районы СССР воспрепятствуют подготовке к обряду конфирмация в конфирмационном, т.е. 15 летнем возрасте. Этим препятствуют совершением символической обрядности. Со дня восстановления и учреждения реформационной церкви, восстановлен конфирмационный, 15 летний возраст, и верующие протестантских вероучений как лютеранского, так и реформаторского вероисповедания придерживались к этому возрасту. Через запрещение подготовки к конфирмации, данный обряд в некоторых округах должен совершаться в 18 летнем возрасте, что уже имело место в Карл-Либкнетском районе, Николаевского округа, и что является изменением символического протестантского вероучения. И таким образом это запрещение со стороны административных отделов есть вмешательство в церковное дело, что согласно декрета об отделении церкви от государства не может иметь место".

В 1928 г. закрытый президиум ЦИК АССР немцев Поволжья принял решение вновь обратиться в ВЦИК СССР с просьбой пересмотреть решение о сокращении срока подготовки к конфирмации. В документе указывалось, что, "...в дореволюционное время подготовка к конфирмации детей Евангелическо-Лютеранского вероисповедания на территории автономной ССР немцев Поволжья, как правило, производилась от 3 до 6 недель" [5 л.22] Таким образом, собрание просило "разрешить в молитвенных лютеранских зданиях подготовку перед конфирмацией в течении трехнедельного срока для лиц, достигших 15 летнего возраста"[5 л.22]. По мнению ВЦИК АССР немцев Поволжья "...в идеологическом воздействии разница между двумя и тремя неделями не может играть большой роли в то время, как самый факт изменения проектного порядка вызывает недовольство населения"[5 л.21]. Однако ВЦИК повторно отклонил просьбу немцев Поволжья, сославшись на то, что изменение сроков не является целесообразным.

Таким образом, власти СССР усматривали в обряде конфирмации возможность особо успешного идеологического влияния на молодежь. В этой связи убедитель-

ные доводы Евангелическо–Лютеранской церкви оставались без внимания и встречали всяческое противодействие со стороны советских чиновников. Необходимо

дальнейшее изучение отношений государства и протестантских групп в 20–е годы XX в. с целью восполнения существующих пробелов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсенкин А. В. Отношение Коммунистической партии и Советского государства к религии и церкви. Барнаул, 1959
2. Бобылев А. Евангелическо–Лютеранская церковь // Немцы России: энциклопедия. Т. I. М., 1999
3. Валентинов А. Религия и церковь в СССР. М., 1960
4. Вещиков А. Т. Советские законы о религиозных культах. М., 1962
5. Гарф Ф.1235 оп. 62. Д. 324
6. Дитц Я. История поволжских немцев–колонистов. М., 1997. С. 297–299.
7. Иванов А. И., Лобазов П. К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. М., 1973
8. История российских немцев в документах (1763–1992) / Сост. Ауман В.А., Чеботарёва В.Г. В 2–х тт. М., 1993–1994.
9. Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы России XVIII – XX вв. Исторический справочник. СПб., 2001.
10. Лиценбергер О. А. Евангелическо–Лютеранская церковь и Советское государство (1917–1939). М., 1999. С. 188–206.
11. Одинцов М. И. Государство и церковь 1917 – 1938 // Научно–популярная серия "Знание". М., 1991. № 11. Культура и религия.
12. Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958
13. Православная энциклопедия. К 2000–летию Рождества Христова / Под общей ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1–8. М.,
14. Черказьянова И. В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). С. 109.
15. Шаханович М. И. Коммунизм и религия. Л., 1966

© Д.К. Чернявская, (danja.888@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД с 1858 г. по 1938 г.*

* Статья написана для научного объекта:

1- Государственный Философский социальный научно-исследовательский объект «История китайских мигрантов в верховье и среднем течении реки Амур (с XIX в. до конца XX в.)». Номер объекта 16BMZ099; 2- Социально-гуманитарный научно-исследовательский объект Хэйхэского университета «Исследование вклада китайских мигрантов в культурное развитие провинции Хэйлунцзян». Номер объекта 18KYUWFCXY02.

Чжао Хуэйцин

Ст. преподаватель, Хэйхэский университет,
г. Хэйхэ (КНР), аспирант, Дальневосточный
федеральный университет, г. Владивосток

FORMATION AND DEVELOPMENT OF TRADE RELATIONS WITH CHINA IN THE FAR EAST IN THE PERIOD from 1858 to 1938

Zhao Huiqing

Annotation

The relevance of this article is seen in the fact that at the present time the development of trade relations, entrepreneurial activity are manifested more and more, which contributes to fundamental changes in the economic way of society. In addition, both economic globalization and regional economic integration have become the two pillars of economic development. This provision fully applies to the development of trade relations with China in the far East. Taking into account the currently developing trade relations with China in the far East, it seems topical to investigate the period of their formation from 1858 to 1938 in the historical aspect. The author comes to the conclusion that The Aigun Treaty concluded between Russia and China allowed to consolidate at the legislative level the developing trade relations between the agreed States, which became a significant milestone, contributing to the development of mutual trade relations. The author in the considered period since 1858. in 1938, the establishment and development of trade relations with China in the far East, distinguishes four stages of the legislative consolidation of mutual private trade and exchange of goods between the subjects of the two neighboring States to reduce activity in trade relations occurred under the rule of Chiang Kai-shek, who began a broad anti-Soviet campaign, including against economic institutions. As for the current stage of trade cooperation, the partnership between Russia and China should be consistently strengthened.

Keywords: trade relations, Aigun Treaty, historical aspect, Chinese, trade in the far East of Russia, regional integration, migration, merchants.

Аннотация

Актуальность настоящей статьи видится в том, что в настоящее время развитие торговых отношений, предпринимательская активность проявляются все сильнее, что способствует коренным изменениям в экономическом укладе общества. Кроме того, как экономическая глобализация, так и региональная экономическая интеграция стали двумя основными направлениями развития экономики. Данное положение в полной мере относится к развитию торговых отношений с Китаем на Дальнем Востоке. С учетом развивающихся в настоящее время торговых отношений с Китаем на Дальнем Востоке, представляется злободневным, исследовать период их становления начиная с 1858 г. по 1938 г. в историческом аспекте. Автор приходит к выводу, что Айгунский договор, заключенный между Россией и Китаем, позволил на законодательном уровне закрепить, складывающиеся торговые отношения между договорившимися государствами, что стало значительной вехой, способствующей развитию взаимных торговых отношений. Автор в рассмотренном периоде с 1858 г. по 1938 г., становление и развитие торговых отношений с Китаем на Дальнем Востоке, выделяет четыре этапа от закрепления на законодательном уровне взаимную частную торговлю и обмен товарами между подданными двух сопредельных государств до снижения активности в торговых отношения произошедшей при власти Чан Кайши, который начал широкую антисоветскую кампанию, в том числе против экономических институтов. Что касается современного этапа торгового сотрудничества, то партнерские отношения между Россией и Китаем следует последовательно укреплять.

Ключевые слова:

Торговые отношения, Айгунский договор, исторический аспект, китайцы, торговля на Дальнем Востоке России, региональная интеграция, миграция, купцы.

Россия, будучи евразийской державой, должна иметь стратегические интересы на Востоке, а не только на Западе. С точки зрения геополитики, т.е. сфере пространственных интересов и целей страны, в силу своего географического положения, и в силу своего расположения обречена на активное участие в политическом процессе как на Западе так и на Востоке, как в Европе так и в Азии. С момента возникновения Руси–России геополитическом смысле, это было взаимодействие двух семантических веществ – европейских лесов и азиатских степей [1, С.44].

В этой связи следует отметить, что межрегиональное сотрудничество России и Китая, является важной составляющей двусторонних связей и существенным фактором развития приграничных регионов, в том числе в сфере торговых отношений обеих стран. В настоящее время Китай (КНР) является одной из самых динамично развивающихся стран не только в регионе, но и во всем мире. Важность восточного направления межгосударственного сотрудничества выражена в необходимости создания благоприятных условий для развития российско-китайских отношений на Дальнем Востоке.

В этой связи исследование становления и развитие торговых отношений с Китаем на Дальнем Востоке в период с 1858 г. по 1938 г. в историческом аспекте приобретает особую актуальность.

История российско-китайских отношений, в том числе и торговых, насчитывает более 400 лет. Китай издавна являлся одним из самых "ранних соседей" России. Как отмечают русские историки, первые сношения России с Китаем относятся к царствованию Ивана Грозного, а именно к XVI в., когда в 1567 г. царем были посланы два казацких атамана – Петров и Бурнаша Ялышев, с целью исследования страны по ту сторону озера Байкал [2, С.7]. И хотя данная экспедиция не принесла Московскому государству каких-либо значительных плодов в торгово-экономической политической сферах, однако было положено начало сношениям подданных двух государств.

Следует отметить, что территория Российского государства на восток за Уральский хребет начала расширяться в XVI в. Поначалу власть к этому процессу отношения не имела. Ее притязания ограничивались установлением контроля над волжским торговым путем. Экспансию Дальнего Востока российские купцы начали самостоятельно по собственной инициативе, которую государство не сдерживало, но оставалось в стороне от процесса.

Поначалу присоединением Дальнего Востока занимались вольные люди, нанятые на купеческие деньги [3, С.223]. За купцами на присоединенные территории устремлялся народ. И только в 1858 году, когда был заключен Айгунский договор, а также 1860 г. когда был заключен Пекинский договор в состав России официально вошли дальневосточные территории.

Как подчеркивает Н.М. Коркунов, Россия "постепенно овладела своими окраинами ... на востоке в силу чисто политических побуждений как необходимым условием обеспечения своего могущества и независимости" [4, С.180]. В.О. Ключевский, придерживаясь Н.М. Коркунов, который, сравнивая специфику присоединения к Российской империи различных национальных окраин с условиями приобретения западными государствами колоний, отмечал, что в первом случае отсутствовал экономический фактор, во втором случае колонии приобретались для экономической эксплуатации в интересах метрополий. Россия постепенно овладевала своими окраинами на западе и на востоке в силу политических причин – заботясь об обеспечении своего могущества и независимости [4, С.185]. Однако, полемизируя с известным российским дореволюционным ученым Н.М. Коркуновым, следует отметить, что региональную политику определял все-таки экономический фактор.

Следовательно, расширение России на Дальний Восток происходит с целью развития торговых отношений, обретения контроля над мировыми коммуникациями, источниками сырья и рынками сбыта. Кроме того, переход правительства принципам свободной торговли и отказ от системы привилегий способствовал развитию частной инициативы в тихоокеанском бассейне. Освоение территорий и постоянное расширение империи – ведущий рос-

сийский региональный процесс, который приближает его к переселенческим странам, таким, как Китай.

Отличительной чертой заселения дальневосточного региона России являлось также одновременное его освоение русскими, а также иммигрантами из сопредельных азиатских государств, включая Китай.

Во второй половине XIX века правительство страны способствует иммиграции населения на Дальний Восток, а также организации предпринимательской и иной торговой деятельности. Цель такой политики заключалась в создании условий для расширения рынков сбыта и сфер применения капитала. Причины иммиграционной деятельности на Дальнем Востоке России были как негативными, так и положительными. Первая группа включала низкую заработную плату, безработицу, прогрессирующую конкуренцию в основных сферах предпринимательской деятельности, сложную социально-экономическую ситуацию. Вторая группа, представляющая собой позитивные факторы, включала предоставление новых возможностей в дальневосточном регионе.

Развитие торговых отношений с Китаем на Дальнем Востоке совпало с началом проведения в Российской империи реформ (1860 – 1870 гг.), что послужило не только увеличению роста иммиграции на Дальний Восток, но и тому, что экономическая обстановка и региональные особенности хозяйственного развития (например, освоение новых территорий) дальневосточного региона, как указывает Т.Э. Поздняк, привели к активизации торговых и миграционных процессов на Дальнем Востоке России [5, С.19]. В свою очередь, заключенные Айгунский и Пекинский договоры между Россией и Китаем, позволили на законодательном уровне закрепить, не только границы российских владений, но и торговые отношения между договорившимися государствами, что стало значительной вехой, способствующей развитию взаимных торговых отношений.

Статья 2 Айгунского договора разрешала взаимную торговлю между подданными государств в приграничных районах. Фактически администрация узаконила частную торговлю и обмен товарами между населением двух сопредельных государств, которая ранее находилась за пределами правового поля, и носила спонтанный характер. Со стороны администрации эта торговля должна была получить должное внимание и поддержку.

Сама торговля была объявлена свободной и беспогонной. Были также введены новые правила для российско-китайской торговли. Значительно расширилась торговля сухопутными границами с Китаем. Были сняты ограничения касательно количества привозимых товаров. Для российских судов были открыты некоторые китайские порты, например, Шанхай, Фу-чжоу-фу, Нин-бо, Сямынь, Тайвань-фу на острове Формозе, Гуандун, Цюньчжоу на острове Хайнане.

Для Китая, такое сотрудничество являлось важным каналом для реализации большого объема товаров и получения необходимого сырья. Кроме того, для обеих стран, приграничная торговля являлась важным факто-

ром занятости населения. Торговля способствовала снабжению населения не только промышленными товарами, но и продуктами питания, а также развитию сельского хозяйства и накоплению капитала, необходимого для дальнейшего прогрессивного развития дальневосточного региона.

На Дальнем Востоке развитие торговых отношений имело много особенностей из-за отдаленности региона от промышленных регионов страны, пограничной ситуации и недоразвитости местной промышленности. Самой отличительной чертой торговли в дальневосточном регионе было значительное влияние на нее изменений в общественно-политической жизни России и Китая. Например, в 1900 г. боксерское движение в Китае привело к быстрому отъезду китайцев, тем самым устраняя конкуренцию китайских торговцев, в результате чего цены и спрос на товары отечественных торговцев увеличились. Наводнение региональных городов сотрудниками КВЖД и их семей еще больше повысило цены на товары. Строительство Порт-Артура привело к увеличению внимания коммерческого капитала к полуострову Квантун и, как следствие, к ослаблению торговой активности во Владивостоке. Торговля в этом городе была значительно подорвана тем фактом, что в октябре 1905 года при погроме, начатом матросами, было уничтожено много коммерческих объектов. В условиях русско-японской войны импорт товаров был затруднен, что вызвало рост спроса и рост цен. Реализация реформ П.А. Столыпина в 1907 году способствовала увеличению численности населения Амурской области на 30%, что также существенно повлияло на состояние торговли [6, С. 331].

Торговля в Приамурье центральной России отличалась тем, что в течение значительной части времени она развивалась в условиях порт-франко. Ввиду неминуемого его закрытия в 1901 году из Китая было импортировано большое количество товаров, что привело к изменению профиля торговли для многих предпринимателей и к значительным финансовым затратам. Введение порто-франка в 1904 году и его упразднение в 1909 году привело к значительным изменениям в структуре дальневосточной торговли, предпринимателям пришлось менять торговые связи дважды за пять лет и устанавливать новые торговые маршруты. Такая лихорадка не могла благоприятно повлиять на развитие торговли [6, С. 331].

Основная масса товаров приходила морем. Как отмечает М. Целищев, грузооборот морского порта во Владивостоке достигал ежегодно 70–80 млн. пудов [7, С. 125]. Ввозимые российские товары, привезенные морем, тоже имели свою градацию, из них мануфактура занимала первое место, затем шла металлопродукция, машины и инструменты, табак, спиртные напитки и другие товары народного потребления. Из китайских товаров больше всех импортировался чай (так, например в 1906 году его привезли на 30 миллионов рублей), а также мануфактура (в том же году ее привезли на 20 миллионов рублей). Почти столько же было импортировано металлов, металлопродукции и техники [8, С.635].

В провинции товаров было не очень много, большинство из них проходили транзитом. Чай доставлялся в Сибирь и в европейскую часть России. Значительная часть товаров, ввозимых морем в дальневосточный регион, вывозилась из него вдоль сухопутной границы в Маньчжурию, и наоборот, товары из Маньчжурии ввозились за границу морем. Часть российских, особенно подакцизных товаров, которые прибывали морем, также отправлялась в Маньчжурию. Однако это не указывало на развитие торговых отношений между Амурской областью и этим регионом Китая. Торговля между ними была незначительной, и Амурская область получила больше товаров из Маньчжурии, чем отдала их им.

Следует отметить, что во второй половине XIX века торговля с местным населением была основана на бартере (обмене). К началу XX века уже была применена денежная оценка, но суть осталась прежней. Коренное население хорошо понимало местную цену меха, но плохо понимало цены на импортируемые товары – оружие, табак, ткань, украшения и так далее. Китайцы, якуты и русские купцы покупали мех. И последний все больше и больше вытеснял китайцев. На железнодорожной линии Уссури, главным образом на станции Иман, торговля с Китаем возглавлялась представителями коренного населения.

Главным поставщиком товаров в начале XX в. ввозимых в Россию был Китай. Однако, мировая империалистическая война, Синьхайская революция (1911 – 1913 гг. Китай) произошедшая в Китае, Октябрьская революция 1917 г. повлияли на внешнеторговые связи Дальнего Востока, поскольку портовый Владивосток стал главным портом страны, через который осуществлялись перевозки. Данное обстоятельство поспособствовало развитию торговли в дальневосточном регионе.

31 мая 1924 г. в Пекине было подписано Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой и прежние соглашения заключенные между двумя государствами были оставлены в силе.

Однако, в 1926 – 1929 гг. власти Чан Кайши начали широкую антисоветскую кампанию, в том числе против экономических институтов. Вооруженные провокации стали более частыми на дальневосточных границах Советского Союза. Советские пограничники и регулярные отряды Красной Армии дали сокрушительный отпор всем провокациям.

В результате победы Советской Армии над частями вооруженных сил Квантона в 1945 году в северо-восточных провинциях стало возможным воссоединить Маньчжурию со всем Китаем. Впоследствии между Советским Союзом и КНР был заключен ряд договоров и соглашений о сотрудничестве в различных областях, в том числе по вопросам торговли [9, С. 333].

Таким образом, Айгунский договор, заключенный между Россией и Китаем, позволил на законодательном уровне закрепить, складывающиеся торговые отношения между договорившимися государствами, что стало зна-

чительной вехой, способствующей развитию взаимных торговых отношений.

Что касается современного этапа торгового сотрудничества, то в конце XX в начале XXI вв., партнерские отношения между Россией и Китаем последовательно укреплялись. В настоящее время, как отмечают В.Н. Кузык, М.Л. Титаренко, указанные отношения "находятся в высшей точке своего развития" [10, С.14].

Таким образом, в настоящее время отношения между Китаем и Россией находятся на новом витке своего развития, что приносит реальную пользу народам двух стран, позволяя им успешно решать не только политические и культурные вопросы, но и развивать сотрудничество в экономической сфере, включая внешнюю торговлю и таможенное регулирование. На современном этапе Китай проводит активную политику по использованию потенциала приграничного сотрудничества, выраженную в предоставлении пограничным областям налоговых и таможенных преференций, дополнительных прав местным властям, касающихся расширения форм приграничного сотрудничества.

Торговые отношения, сложившиеся между Китаем и Россией имеют давнюю историю. В рассмотренный период с 1858 г. по 1938 г. становление и развитие торговых отношений с Китаем на Дальнем Востоке, как представляется можно подразделить на четыре этапа:

1 ЭТАП. 1858 г. – 1900 г. Заключение Айгунского договора, который на законодательном уровне разрешал в приграничных районах взаимную частную торговлю и обмен товарами между подданными двух сопредельных государств. До заключения Айгунского договора торговля носила спонтанный не урегулированный характер. На данном этапе развивается иммиграция населения на Дальний Восток, а также организации предпринимательской и иной торговой деятельности, что позволило создать условия для расширения рынков сбыта и сфер применения капитала обеих государств.

2 ЭТАП. 1901 г. – 1917 г. На торговые отношения в дальневосточном регионе значительное влияние оказывают изменения в общественно-политической жизни России и Китая, такие как боксерское движение в Китае

(1900 г.), приведшее к быстрому отъезду китайцев, погром начатый матросами, когда было уничтожено много коммерческих объектов (1905 г.), русско-японская война (1904–1905 гг.) в результате, которой импорт товаров был затруднен, столыпинская реформа и переустройство промышленности в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.). Все эти обстоятельства способствовали снижению торговой активности населения обеих государств.

3 ЭТАП. 1918 г. – 1925 г. – Синьхайская революция* произошедшая в Китае, Октябрьская революция 1917 г. повлияли на внешнеторговые связи Дальнего Востока.

Владивосток становится главным портом страны, через который осуществляются перевозки, что способствовало развитию торговли в дальневосточном регионе. Также в 1924 г. подписывается Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой, в соответствии с которым прежние соглашения заключенные между двумя государствами остаются в силе.

** В 1911 - 1913 гг. в Китае произошла Синьхайская революция.*

4 ЭТАП. 1926 г. – 1938 г. Власти Чан Кайши начали широкую антисоветскую кампанию, в том числе против экономических институтов. Данное обстоятельство повлияло на активность торговых отношений практически сведя их на нет, т.к. на дальневосточных границах стали происходить вооруженные провокации. Частная торговля начала носить более спонтанный характер.

В настоящее время можно утверждать, что тенденции в миграционных и торговых потоках Китай – Россия, в основном, имеет непосредственную связь с географическими данными и местонахождением китайских провинций. Таким образом, приграничное и межрегиональное экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке должно быть направлено на эффективное использование местных ресурсов и преимуществ.

Для обеспечения реализации предпринимательского потенциала налицо необходимость создания благоприятных правовых и экономических условий, которые будут способствовать интенсивному развитию бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М. Научная книга, 1997. С. 44 – 47.
2. Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай: Ист.-полит. исслед. СПб., 1881. С. 7.
3. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. С. 223
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб. типография М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 2. С. 180 – 185.
5. Поздняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2004. С. 19.
6. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. М., 1991. С. 331.
7. Целищев М. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток, 1925. С. 125.
8. Приамурье. (Факты. Цифры. Наблюдения.) М., 1909. Приамурье. С. 635–636.
9. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностр. гос-ми. Вып. XVI. М., 1957. С. 333 – 336.
10. Кузык В.Н., Титаренко М.Л. Россия – Китай 2050: стратегия сораживания. М., 2006. С.14

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (анализ зарубежной педагогической литературы)

INFLUENCE OF AFFECTIVE FACTORS
ON THE DEVELOPMENT OF STUDENTS'
COMMUNICATIVE COMPETENCIES WHILE
LEARNING FOREIGN LANGUAGES
(analysis of foreign pedagogical literature)

A. Voskovskaya

Annotation

The article contains the analysis of foreign pedagogical literature, devoted to affective factors, influencing the foreign language learning process. Special emphasis is given to such psychological problems as the low level of self-esteem and the high degree of anxiety among the learners. The correlation between these psychological components and their influence on academic achievements in learning foreign languages are considered in the article.

Keywords: affective factors, self-esteem levels, degrees of anxiety, academic achievements.

Восковская Анжела Сергеевна
К.п.н., доцент,
Финансовый университет
при Правительстве РФ

Аннотация

В статье приводится анализ зарубежной педагогической литературы, посвященной аффективным факторам, влияющим на продуктивность процесса изучения иностранных языков. Особое внимание уделяется таким психологическим проблемам как низкий уровень самооценки и высокая степень тревожности обучающихся; выявляется взаимосвязанность и влияние данных психологических компонентов на академическую успеваемость студентов и их успешность в изучении иностранных языков.

Ключевые слова:

Аффективные факторы, уровни самооценки, степени проявления тревожности, академическая успеваемость.

Долгое время исследователи в области методики преподавания иностранного языка особое внимание уделяли познавательным механизмам при обучении иностранному языку, игнорируя аффективные (эмоциональные) факторы. В настоящее время все больший интерес вызывает именно эмоциональная составляющая процесса обучения иностранному языку, ее взаимодействие с другими компонентами данного процесса с целью повышения эффективности преподавания иностранного языка [2]. Чаще всего к подобным факторам, связанным с психологическим состоянием обучающегося, относят уровень самооценки и степень проявления тревожности. Анализ зарубежной педагогической литературы в данной области подтверждает, что данные факторы являются взаимосвязанными и взаимозависимыми и могут существенно повлиять на формирование коммуникативных языковых компетенций обучающихся [3].

Дать краткие определения данным понятиям достаточно проблематично. Так, представление понятия тревожности варьируется от явных поведенческих характе-

ристик, которые можно подвергнуть психологическому анализу, до интроспективных наклонностей, которые представляется сложным оценить доступными методами. Е. Horwitz определяет тревожность как "субъективное чувство напряжения, страха, беспокойства, связанное с возбуждением вегетативной нервной системы" [5, с.125], при этом S. Coopersmith дает следующее определение самооценки: "персональная оценка ценности себя как личности выражается в отношении человека к самому себе и показывает до какой степени он верит в свои возможности и как определяет свою значимость и ценность для других" [4, с.34].

Результаты опытно-экспериментальных исследований зарубежных специалистов показывают, что высокая степень самооценки значительно влияет на качество обучения иностранному языку [6, 7, 8, 9]. Студенты с высоким уровнем самооценки испытывают низкую степень тревожности и, таким образом, пользуясь преимуществом своего психологически комфортного состояния, достигают большего успеха в изучении иностранного языка. Повышенная степень тревожности, возникающая в

процессе обучения, самым негативным образом влияет на механизмы запоминания и усвоения информации, а также тормозит развитие навыков и умений и негативно отражается на достижениях обучающегося в изучении иностранного языка [7, с.514]. Тревожность во время изучения иностранного языка проявляется в самовосприятии, выражении своих представлений, эмоций и поведенческих реакций, связанных с особой спецификой процесса овладения языковыми навыками. P. MacIntyre и R. Gardner выделяют три основные составляющие данного психологического феномена: 1) страх перед коммуникацией (communication apprehension); 2) боязнь негативной оценки (fear of negative evaluation) 3) негативное отношение к проверке (test anxiety) [7, с.515]. Студент, который испытывает трудности при общении с другими, будет ощущать страх перед коммуникацией на иностранном языке. Подобные негативные эмоции могут быть вызваны недостаточным уровнем знаний или стрессовой ситуацией. Из-за боязни негативной оценки многие студенты предпочитают молчать, опасаясь допустить ошибку. Такие обучающиеся не рассматривают ошибки как естественную часть процесса обучения иностранному языку, а относятся к ним как к угрозе их репутации и личному достоинству, исходящей как от преподавателя, так и от других студентов [1]. Такие студенты обычно не принимают участие в выполнении коммуникативных заданий, связанных со спонтанным говорением. Обучающиеся, которые негативно относятся к проверкам сформированности их навыков, будут избегать ситуаций, предложенных для говорения в процессе занятия по иностранному языку, так как будут воспринимать их в большей степени как тестовые задания, а не как возможность практиковать коммуникативные навыки.

Как правило, в психологической литературе выделяют два типа тревожности: личностную и ситуативную. Личностная тревожность выражается в склонности человека быть нервным и испытывать страх вне зависимости от ситуации, в которой он оказался, это личностное качество, свойство характера, более постоянная предрасположенность к такому роду негативных эмоций. Ситуативная тревожность проявляется при определенных обстоятельствах и, следовательно, не является постоянным проявлением качества личности. Это состояние напряжения и дискомфорта, возникающее в особый момент из-за воздействия извне. Тревожность, связанная с процессом обучения иностранному языку, относится ко второму типу и, следовательно, вполне возможно ее преодолеть.

R. Worde выявил следующие причины, объясняющие влияние таких психологических проблем: негативный опыт говорения в аудитории, страх негативной оценки при общении с носителями языка, негативный опыт общения с учителем иностранного языка [11]. M. Liu также отмечает, что наибольшую степень тревожности студенты испытывают, когда отвечают преподавателю или всей

группе [6, с.303]. Исследователи в этой области, K. William и M. Andrade, подтвердили тот факт, что источником тревожности чаще всего выступает сам преподаватель [10, с.185]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что преподавателю иностранного языка необходимо быть внимательным к своим высказываниям и оценкам деятельности студентов и своевременно определять источник тревожности и принимать меры по его устранению.

D. Brown понятие самооценки представляет на трех различных уровнях. Общая (глобальная) самооценка охватывает целостную личность и ее значение, касается эмоционально-ценностного уровня. Ситуативная самооценка проявляется при оценивании личностью обстоятельств, которые меняются в зависимости от ситуации, а также самооценка, проявляющаяся при выполнении конкретной задачи [3]. Многие исследователи установили, что существует взаимосвязь между самооценкой и проявлением тревожности во время изучения иностранного языка. Было доказано, что тревожность является главной причиной снижения самооценки. Так M. Patten, например, обнаружил негативную взаимозависимость между степенью проявления тревожности и общей (глобальной) самооценкой у участников его психологического эксперимента [8, с. 44]. Таким же образом O. Peleg выявил негативную взаимосвязь между боязнью проверок (test anxiety) и самооценкой; положительную взаимосвязь между самооценкой и академической успеваемостью [9, с.18]. Таким образом, было доказано, что когда обучающиеся воспринимают себя как способных успешно изучать язык, они естественно испытывают меньшую тревожность. Студенты с высокой самооценкой смогут преодолеть все трудности, возникающее в процессе овладения языковыми навыками, гораздо быстрее и соответственно испытывать меньше негативных эмоций.

Во многих исследованиях также поднимается вопрос об обратной зависимости между степенью тревожности, уровнем самооценки и академической успеваемостью. У студентов, имеющих высокий рейтинг успеваемости, снижается уровень тревожности. Так, студенты первого и второго курсов испытывают высокую степень тревожности по сравнению со старшекурсниками. Это может быть связано с тем опытом, который уже приобрели студенты третьих и четвертых курсов в процессе обучения, что значительно снижает уровень их тревожности. Очевидно, что обучающиеся с высокой степенью успеваемости приобретают и более высокий уровень самооценки. Когда студенты прогрессируют в процессе получения академического образования, они приобретают больше знаний и опыта, в том числе в изучении иностранного языка для профессиональных целей, и, следовательно, чувствуют себя более компетентными и способными к обучению. Более того, когда студенты сравнивают свои предыдущие достижения в изучении иностранного языка с тем, что они знают на данный момент, они начинают

воспринимать себя как профессионалов, и их уровень самооценки значительно повышается [3, 12].

Результаты вышеизложенных исследований зарубежных педагогов могут быть применены в педагогической практике в процессе обучения иностранным языкам. Преподавателю иностранного языка следует уделять особое внимание эмоциональным факторам, связанным с проявлением тревожности и снижением уровня самооценки обучающихся и своевременно оказывать

помощь и психологическую поддержку студентам, испытывающим трудности в процессе изучения иностранного языка. Необходимо помнить, что повышение самооценки приводит к снижению степени тревожности и способствует более продуктивному обучению. Преподаватель иностранного языка должен стремиться к устранению источников тревожности, к созданию благоприятной психологической атмосферы на своем занятии, которая способствовала бы поддержанию адекватного уровня самооценки обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восковская А.С., Карпова Т.А. Психологические аспекты преподавания иностранного языка в вузе // Международный журнал экономики и образования Том 3, Номер 1, Февраль 2017. ISSN: 2411–2046. – Ростов н/Д, 2017. С.55–66.
2. Мельничук М.В. Самоактуализация в процессе обучения иностранному языку в лингвистическом вузе // Педагогический журнал, 2016. Т.6. № 5А. С.151–160.
3. Brown D. H. Principles of Language Learning and Teaching (5th ed). Pearson: Longman. 2007.
4. Coopersmith S. The antecedents of self-esteem. San Francisco: W. H. Freeman and Company, 1967.
5. Horwitz E. K. Language anxiety and achievement // Annual Review of Applied Linguistics, 2001. № 21. P. 112–126.
6. Liu M. Anxiety in Chinese EFL students at different proficiency levels // System, 2006. № 34. P. 301– 316.
7. MacIntyre P. D., & Gardner, R. C. Language anxiety: its relation to other anxieties and to processing in native and second languages // Language Learning, 1991. № 41. P. 513–534
8. Patten M. D. Relationships between self-esteem, anxiety, and achievement in young learning disabled students // Journal of Learning Disabilities, 1993. № 16(1). P. 43–45.
9. Peleg O. Test anxiety, academic achievement, and self-esteem among Arab adolescents with and without learning disabilities // Learning Disability Quarterly, 2009. № 32. P. 11–20.
10. William, K. & Andrade, M. Foreign language learning anxiety in Japanese EFL university classes: Causes, coping, and locus of control // Electronic Journal of Foreign Language Teaching, 2008. № 5(2). P. 181–191.
11. Worde, R. V. Students' perspectives of foreign language anxiety // Inquiry, 2003. № 8 (1) Режим доступа: www.eric.ed.gov/?id=EJ876838
12. Melnichuk M.V., Osipova V.M., Kondrakhina N.G. Market-oriented LSP Training in Higher Education: Towards Higher Communicative Skills // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2017. Т. 13. № 8. С. 5073–5084

© А.С. Восковская, (angela_vos@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЕЙ ХИМИИ

ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF SPECIAL COMPETENCIES AT THE TRAINING OF CHEMISTRY TEACHERS

*I. Evstafyeva
I. Shkurchenko*

Annotation

In the current Federal state educational standard of higher education in the field of training 44.03.05 Pedagogical education, the profile of Biology – Chemistry, specifies the general cultural, general professional and professional competencies that a graduate must possess. All of them are pedagogically oriented. But the teacher of chemistry must have special professional competences, presupposing the availability of knowledge, skills necessary for the chemist. Taking into account the introduction of the new version of the professional standard 04.03.01 "Chemistry" one of the possible approaches to developing working programs for the study of chemical disciplines in the training of chemistry teachers is proposed. Formulations of some special competencies and corresponding descriptors are proposed.

Keywords: Federal state educational standard of higher education; professional competences, general professional competences, special professional competencies; descriptors.

*Евстафьева Ирина Таризльевна
Доцент, Иркутский
государственный университет
Шкурченко Ирина Владимировна
Доцент, Иркутский
государственный университет*

Аннотация

В действующем в настоящее время Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование указаны общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, которыми должен обладать выпускник. Все они несут педагогическую направленность. Но у будущего учителя химии должны быть сформированы и специальные профессиональные компетенции, предполагающие наличие знаний, умений и навыков, необходимых химику. С учетом введения новой версии профессионального стандарта 04.03.01 "Химия" предлагается один из возможных подходов к разработке рабочих программ по изучению химических дисциплин при подготовке учителей химии. Предложены формулировки некоторых специальных компетенций и соответствующих дескрипторов.

Ключевые слова:

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования; профессиональные компетенции, общепрофессиональные компетенции, специальные профессиональные компетенции; дескрипторы.

Действующий в настоящее время Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), в нашем случае – "Биология–Химия" от 09.02.2016 г. (далее ФГОС ВО) – выдвигает обязательные требования к результатам освоения программы бакалавриата в виде наборов общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций [1, 2]. Но подготовка учителя химии невозможна без формирования у него специальных профессиональных компетенций, отражающих химическую специфику, предполагающих наличие знаний, умений и навыков, необходимых для работы в области химии. Поэтому при разработке основных образовательных программ по дисциплинам химического цикла диктуемые стандартом наборы компетенций должны быть дополнены рядом специальных профессиональных компетенций (СПК), формулировки которых разрабатываются самостоятельно в каждом учебном учреждении с учетом требова-

ний профессионального стандарта "Химия". При этом программы изучения химических дисциплин должны быть направлены не на передачу суммы знаний в определенной области химии, а на формирование специальных профессиональных компетенций на материале каждой дисциплины химического цикла.

В данной статье предлагаются возможные подходы к разработке основных профессиональных образовательных программ нового поколения, направленных на подготовку учителей химии, с учетом введения новой версии профессионального стандарта 04.03.01 "Химия" [3, 4]. Необходимо отметить также, что без владения специальными химическими компетенциями невозможно формирование у будущих учителей навыков исследовательской деятельности в области химии, которые являются обязательным компонентом профессиональной подготовки современного учителя химии в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта нового поколе-

ния. О возможных способах решения этой задачи нами сообщалось ранее [5].

Не вызывает сомнений, что формулировки специальных профессиональных компетенций, которыми, наряду с профессиональными педагогическими компетенциями, обязан владеть учитель химии, должны разрабатываться на основе соответствующего профессионального стандарта. Поэтому введение нового профессионального стандарта "Химия", вступившего в действие в августе 2017 г. и имеющего ряд существенных различий с предыдущей версией, на наш взгляд, требует корректировки программ по всем химическим дисциплинам. Изменение стандарта влечет за собой изменение компетенций, формируемых в новых рабочих программах, и именно в той части, которая относится к специальным профессиональным химическим компетенциям.

Прежде всего, при разработке новых рабочих программ по химическим дисциплинам следует учитывать, что в новом варианте стандарта упраздняются все семь профессиональных компетенций (ПК), а именно: способность выполнять стандартные операции по предлагаемым методикам (ПК-1); владение базовыми навыками использования современной аппаратуры при проведении научных исследований (ПК-2); владение системой фундаментальных химических понятий (ПК-3); способность применять основные естественнонаучные законы и закономерности развития химической науки при анализе полученных результатов (ПК-4); способность получать и обрабатывать результаты научных экспериментов с помощью современных компьютерных технологий (ПК-5); владение навыками представления полученных результатов в виде кратких отчетов и презентаций (ПК-6) [6,7].

При этом формулировки оставшихся общепрофессиональных компетенций (ОПК) изменяются таким образом, что "поглощают", т.е. включают в себя основное содержание всех ПК, заявленных в предыдущей версии стандарта. В результате в новом варианте остается только шесть ОПК, разделенных на три группы: 1) общепрофессиональные навыки; 2) физико-математическая и компьютерная грамотность при решении профессиональных задач; 3) представление результатов профессиональной деятельности [3, 4].

При составлении программ по химическим дисциплинам, безусловно, наибольшее внимание нужно уделить формированию общепрофессиональных навыков (группа 1): ОПК-1 (способен анализировать и интерпретировать результаты химических экспериментов, наблюдений и измерений); ОПК-2 (способен проводить с соблюдением норм техники безопасности химический эксперимент, включая синтез, анализ, изучение структу-

ры и свойств веществ и материалов, исследование процессов с их участием); ОПК-3 (способен применять расчетно-теоретические методы для изучения свойств веществ и процессов с их участием с использованием современной вычислительной техники). Можно согласиться с тем, что формирование компетенций ОПК-1 и ОПК-2, связанных с навыками химического эксперимента, по сути дела является основной целью, к которой направлено изучение любых химических дисциплин, и, прежде всего, лабораторных практикумов по всем химическим дисциплинам. Осваивая эти дисциплины, студент постепенно переходит на более высокий уровень владения данными компетенциями. Процесс их формирования начинается с общей и неорганической химии, продолжается на органической и аналитической химии, затем следуют физическая и коллоидная, биохимия, прикладная химия и т.д.

Безусловным достоинством новой версии стандарта нам представляется то, что, при существенном уменьшении общего числа компетенций, представленные формулировки ОПК имеют обобщенный (унифицированный) характер. Поэтому при разработке программ по соответствующим химическим дисциплинам их можно использовать практически без изменения с добавлением названий объектов, которые изучаются в данной дисциплине. Например, для формирования ОПК-1 при изучении общей и неорганической химии предлагается следующая формулировка: "Способен анализировать и интерпретировать результаты химических экспериментов, наблюдений и измерений с использованием неорганических веществ".

Пример формулировки ОПК-1, подходящей для программы по аналитической химии: "Способен анализировать и интерпретировать результаты химических экспериментов, наблюдений и измерений при проведении качественного и количественного химического анализа". Другой вариант для формирования ОПК-2 при изучении аналитической химии: "Способен проводить с соблюдением норм техники безопасности химический эксперимент по установлению качественного и количественного состава веществ и смесей". Хотя специфика каждой дисциплины может отражаться не только в самой специальной компетенции, но и при формулировке дескрипторов (знает, умеет, владеет).

Например, для формирования компетенции "Способен анализировать и интерпретировать результаты химических экспериментов, наблюдений и измерений с использованием неорганических веществ" в рамках дисциплины "Общая и неорганическая химия" предлагается следующий набор дескрипторов:

◆ *знает*: основы атомно-молекулярного учения, свойства основных классов неорганических соедине-

ний, а также правила безопасного обращения с кислотами, щелочами, щелочными металлами и другими неорганическими веществами;

- ◆ *умеет*: проводить исследование химических свойств неорганических веществ, делать выводы на основании проведенных наблюдений и измерений; устанавливать связь между причиной и следствием при проведении химических реакций;

- ◆ *владеет*: навыками работы с лабораторным химическим оборудованием, проведения химического эксперимента с соблюдением правил техники безопасности.

Другим важным отличием нового стандарта является отсутствие в нем профессиональных компетенций, связанных с овладением химической теорией, которые присутствовали в предыдущей версии стандарта (ФГОС ВО 3+), например: способность использовать полученные знания теоретических основ фундаментальных разделов химии при решении профессиональных задач (ОПК-1); владение системой фундаментальных химических понятий (ПК-3); способность применять основные естественнонаучные законы и закономерности развития химической науки при анализе полученных результатов (ПК-4) [6, 7]. Между тем, не вызывает сомнений, что формирование профессиональных химических навыков должно базироваться на владении фундаментальными понятиями и законами химии.

По-видимому, предполагается, что владение общепрофессиональными навыками (ОПК-1, 2, 3), а также ОПК-4 (способен планировать работы химической направленности, обрабатывать и интерпретировать полученные результаты с использованием теоретических знаний и практических навыков решения математических и физических задач) должно основываться на соответствующей теоретической базе, формирование которой возможно в виде специальных компетенций (СПК), которые нужно вводить в программы для большинства химических дисциплин, например, для общей и неорганической химии: "Владеет системой фундаментальных химических понятий". Другой вариант: владение теорией может быть заложено в формулировке дескриптора "знает".

Например, для формирования компетенции ОПК-2 при изучении дисциплины "Аналитическая химия" предлагаются следующие дескрипторы:

- ◆ *знает*: теоретические основы химии, лежащие в основе химического анализа, а также правила безопасной работы в химической лаборатории;

- ◆ *умеет*: использовать фундаментальные законы химии и физики в процессе проведения химического анализа;

- ◆ *владеет*: навыками проведения химического

эксперимента по установлению качественного и количественного состава веществ и смесей с соблюдением норм техники безопасности.

Особое внимание следует уделить формированию ОПК-3: "Способен применять расчетно-теоретические методы для изучения свойств веществ и процессов с их участием с использованием современной вычислительной техники".

Нужно отметить, что в предыдущей версии стандарта компетенция, связанная с владением расчетными методами в химии, вообще отсутствовала. Между тем, на наш взгляд, именно при подготовке учителя химии она очень важна.

Поэтому в качестве начального этапа формирования этой компетенции мы предлагаем включать в программы большинства химических дисциплин такую формулировку специальной компетенции (СПК), направленную на овладение расчетными методами в химии: "Владеет способами решения расчетных задач с использованием содержания химических дисциплин". Мы считаем, что эта компетенция должна формироваться при освоении таких дисциплин как общая и неорганическая химия, аналитическая химия, прикладная химия, физическая химия и т.д.

Без сомнения, разные химические дисциплины обладают разными возможностями для формирования рассматриваемой компетенции, и в рамках какой-либо одной дисциплины это сделать невозможно. Тем более важным представляется систематическое и целенаправленное включение расчетных задач в программы большинства химических дисциплин с обязательным учетом специфики их содержания.

Формирование этой компетенции нужно начинать при изучении дисциплины "Общая и неорганическая химия", в ходе изучения которой закладываются основы всех приобретаемых в последующем химических знаний. Предлагаемые дескрипторы для данной компетенции в этом случае выглядят следующим образом:

- ◆ *знает*: основные количественные законы химии; имеет представление об атомно-молекулярном учении, периодическом законе и периодической системе элементов, химической кинетике, теории электролитической диссоциации; знает способы решения основных типов расчетных химических задач; основные формулы и законы, по которым проводятся расчеты;

- ◆ *умеет*: применять при решении задач важнейшие физические и химические законы; умеет логически мыслить; составлять химические уравнения и пропорции;

- ◆ *владеет*: приемами и способами решения химических расчетных задач.

Таким образом, в статье проводится сравнение новой версии профессионального стандарта "Химия" с предыдущей версией и предлагается один из возможных подходов, который можно использовать при разработке рабочих программ по химическим дисциплинам в процессе подготовки учителей химии с учетом введения но-

вой версии профессионального стандарта 04.03.01 "Химия". Предложены формулировки некоторых специальных компетенций, которые, по нашему мнению, необходимы учителю химии, а также формулировки соответствующих дескрипторов, раскрывающих содержание этих компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВО) по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), утвержденный приказом № 91 Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf> (дата обращения 1.03.2018)
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 9 февраля 2016 г. № 91 "Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата)" (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 2 марта 2016 г., регистрационный № 41305) [Электронный ресурс] URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_16/m91.html (дата обращения 1.03.2018).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 04.03.01 Химия, утвержденный приказом № 671 Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 июля 2017 г. [Электронный ресурс] URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/040301_B_3_09082017.pdf [Электронный ресурс] (дата обращения 1.03.2018).
4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 июля 2017 г. № 671 "Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 04.03.01 Химия" (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 2 августа 2017 г., регистрационный № 47644) [Электронный ресурс] URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/040301_B_3_09082017.pdf (дата обращения 1.03.2018).
5. Евстафьева И.Т., Шкурченко И.В. Формирование научно-исследовательских компетенций при подготовке учителей химии / И.Т. Евстафьева, И.В. Шкурченко // Дискуссия: политематический журнал научных публикаций. – 2016. – № 5. – С. 126–132.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 04.03.01 Химия, утвержденный приказом № 210 Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 марта 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/040301.pdf> [Электронный ресурс] (дата обращения 1.03.2018).
7. Приказ Министерства образования и науки РФ от 12.03.2015 г. № 210 "Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 04.03.01 Химия (уровень бакалавриата)" (зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 07.04.2015 г., регистрационный № 36766) [Электронный ресурс] URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/040301.pdf> (дата обращения 1.03.2018).

© И.Т. Евстафьева, И.В. Шкурченко, (mindofchem@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru

АСЭР
ГРУПП

**УГОЛОВНАЯ, ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ И
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА.
ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ КОМПЛАЕНС В КОМПАНИИ**

23 июля 2018

Конгресс-центр ГК "Космос", Москва

ГК Агентство Социально-
Экономического Развития
тел: (495) 971-5681
<http://www.asergroup.ru>

Реклама

ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ НА ОСНОВЕ АППРОКСИМАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ (начальный этап технического ВУЗ-а)

TEACHING LISTENING BASED
ON THE APPROXIMATION OF FOREIGN
LANGUAGE TEXTS
(Initial stage in a technical university)

*G. Maksimova
N. Tunanova*

Annotation

This paper discusses the important problem of authentic audiotexts selection considering foreign language teaching conditions during the first year studies in a technical university. The authors point out, that approximated authentic audiotexts proved to be the most efficient for the accomplishment of listening comprehension educational objectives in given circumstances. The approximation is considered in the context of definition "easy language". The authors describe common features of authentic approximated audiotexts on basis of the analysis of materials intended for the teaching of the German language available in the Internet and made according to the rules of "easy language". Using such audiotexts at the initial stage of technical university ensures skills forming on the level essential and sufficient for further training.

Keywords: technical university, initial stage, foreign language teaching conditions, listening, audiotext authenticity, audiotext approximation, Internet resources.

Аудирование иноязычных текстов относится к числу базовых умений владения иностранным языком студентами технических вузов, определяемых программой по иностранному языку для соответствующих направлений подготовки. Однако, как неоднократно отмечалось в проведенных исследованиях, формирование умений и навыков в данном виде речевой деятельности является весьма сложным процессом, представляющим серьезные трудности как для обучающихся, так и для обучающихся, особенно в неязыковом (техническом) вузе [4; 7; 12]. Это обусловлено, с одной стороны, объективной сложностью аудирования как вида речевой деятельности [5, с. 161–163], с другой стороны, – спецификой условий обучения иностранному

*Максимова Галина Александровна
К.п.н., доцент, Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский
университет), Калужский филиал
Тунанова Надежда Александровна
Ст. преподаватель, Московский
государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский
университет), Калужский филиал*

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема отбора иноязычных аудиотекстов с учетом условий обучения иностранному языку на 1 курсе технического вуза. Авторы отмечают, что наиболее оптимальными для достижения целей обучения аудированию в данных условиях оказываются аутентичные аппроксимированные аудиотексты. При этом аппроксимация рассматривается в контексте понятий "легкий/простой язык". Приводятся характерные особенности аутентичных аппроксимированных аудиотекстов на основе анализа материалов немецкоязычного Интернет-ресурса, созданных в соответствии с правилами легкого/простого языка. Использование таких аудиоматериалов на начальном этапе технического вуза позволяет обеспечить сформированность навыков и умений аудирования на уровне, необходимом и достаточном для дальнейшего обучения.

Ключевые слова:

Технический вуз, начальный этап, условия обучения иностранному языку, аудирование, аутентичность аудиотекста, аппроксимация аудиотекста, Интернет-ресурсы.

языку в техническом вузе. Как правило, наибольшие затруднения в обучении возникают на начальном этапе (1 курс). Следовательно, методическая организация процесса обучения аудированию должна быть ориентирована на достижение оптимального эффекта в заданных условиях обучения, чтобы обеспечить восстановление и/или коррекцию аудитивных навыков и умений, в той или иной степени сформированных в средней школе, и дальнейшее совершенствование умений восприятия на слух иноязычной речи.

Одним из факторов, способствующих решению этой задачи, является адекватный отбор аудиотекстов. С учетом условий обучения язык, содержание и предъявление

таких аудиотекстов должны быть облегченными, т.е. аппроксимированными. Вместе с тем, одним из основных требований, предъявляемых современной методикой к обучению иностранному языку в целом и аудированию в частности является требование аутентичности используемых аудиоматериалов как компонентов содержания обучения. Цель данной статьи – показать целесообразность использования аутентичных аппроксимированных аудиотекстов при обучении немецкому языку на начальном этапе технического вуза.

Актуальность проблемы обусловлена, во-первых, важностью начального этапа обучения в общей структуре учебного процесса по иностранному языку в техническом вузе, во-вторых, значимостью аудитивных навыков и умений в профессиональной деятельности будущих инженеров.

Овладение навыками и умениями аудирования иноязычных аутентичных текстов является неотъемлемым профессионально-значимым компонентом формирования речевой компетенции студентов неязыкового (технического) вуза. Как правило, основные трудности при овладении данным видом речевой деятельности возникают на начальном этапе (1 курс), что обусловлено целым рядом причин, в том числе:

- ◆ дефицитом учебного времени, т.е. малым количеством аудиторных занятий по иностранному языку в сопоставлении с объемом языкового и речевого материала, подлежащего отработке и усвоению в соответствии с требованиями учебной программы;

- ◆ значительной неоднородностью студентов-первокурсников по уровню сформированности иноязычной компетенции в целом, что требует решения задачи ее относительного выравнивания и доведения до уровня, необходимого для продолжения обучения в неязыковом вузе;

- ◆ дефицитом сформированности базовых умений и навыков аудирования у большинства первокурсников, в том числе в силу недостаточного внимания к нему в школе, что, помимо прочего, значительно снижает уровень мотивации студентов при овладении именно данным видом речевой деятельности.

Необходимо отметить, что недостаточная сформированность базовых умений и навыков восприятия иноязычной речи на слух у большинства первокурсников является далеко не единственной причиной низкой мотивации при овладении аудированием. Как представляется, не менее важным негативным фактором является своего рода "приобретенная беспомощность" или "выученная беспомощность" (в терминологии М. Селигмана [10]), когда длительное переживание неудачи в какой-либо деятельности приводит к снижению ожиданий относительно успешности ее выполнения. Это, в свою очередь, вызы-

вает снижение интереса к данному виду работы, вплоть до его полного отсутствия, и приводит к пассивности субъекта деятельности в аналогичных ситуациях.

Применительно к аудированию иноязычных текстов это означает в той или иной степени эксплицитно выраженное нежелание студента заниматься данным видом речевой деятельности, вызванное сложившейся в средней школе достаточно стойкой убежденностью обучаемого в своей неспособности понять содержание аудиотекста. В результате возникают боязнь и своего рода психологическое отторжение данного вида речевой деятельности. С данным фактом преподаватель иностранного языка в техническом вузе сталкивается достаточно часто, а преодоление негативного отношения студентов-первокурсников к аудированию требует значительных усилий и не всегда ведет к желаемому результату.

С учетом изложенного, особого внимания требует отбор аудиоматериалов для начального этапа обучения, с одной стороны, доступных для восприятия, с другой, удовлетворяющих требованию аутентичности. Одним из способов решения данной задачи может быть отбор аудиотекстов на основе принципа аппроксимации. В логике и философии аппроксимация определяется как "метод сознательного упрощения "слишком точного" теоретического знания с целью привести его в соответствие с потребностями и возможностями практики" [8]. В лингвистике этот термин используется либо при описании языковых единиц, передающих значение неточности, приближительности, либо при исследовании вторичных текстов, т.е. текстов, создаваемых на основе той или иной трансформации текста-оригинала [6, с. 2–3]. Как отмечает С.В. Ионова, аппроксимация – "это обусловленная потребностями практики замена одних объектов другими, свойства которых имеют качества подобия по отношению к свойствам исходных объектов" [6, с. 8]. Принцип аппроксимации в лингводидактике и методике обучения иностранным языкам традиционно связывается с обучением иноязычному произношению, ограниченному приближением к правильному (нормативному) произношению и допускающему фонетические ошибки, не нарушающие коммуникацию. При этом фонологические ошибки, т.е. искажения смыслообразительного характера, подлежат обязательной коррекции. [1, с. 18].

Таким образом, принцип аппроксимации в обучении иностранным языкам обычно относят к сфере говорения. Однако, по справедливому замечанию И. А. Амираслановой, принцип аппроксимации в равной мере может быть отнесен не только к говорению, но и к аудированию и чтению [2].

Трактовка аппроксимации как упрощения объекта усвоения позволяет провести аналогию с понятиями

"легкий язык" или "простой язык", принятыми зарубежными методистами для характеристики текстов для чтения/аудирования, созданных носителями языка для носителей языка, но предназначенных для специфической целевой аудитории, т.е. для специфических условий использования. К этим условиям относят, в первую очередь, особенности восприятия и переработки информации при чтении/аудировании людьми с ограниченными возможностями (особенностями развития), а также людьми, испытывающими трудности в обучении или в восприятии и усвоении новой информации [13; 14; 15]. В настоящее время понятия "легкий язык" или "простой язык" используют также применительно к ситуации усвоения неродного языка либо обучения ему в условиях естественной языковой среды [15]. Упрощение текста-оригинала производится в данном случае с целью сделать сложный в языковом и содержательном отношении текст (например, текст официального документа) максимально доступным для понимания. По существу, речь идет о своеобразном интралингвистическом переводе, в результате которого создается аппроксимированный вторичный текст. Актуальность такой задачи, в частности для Германии, подтверждается планами создания новой профессии – эксперта в области простого/легкого языка (Fachkraft für leichte Sprache) и подготовки соответствующих специалистов, основной задачей которых является проверка текстов на соответствие концепции и правилам легкого/простого языка [14].

Таким образом, основным результатом аппроксимации текста является его доступность для адресата, которая, в свою очередь, выступает в качестве базовой характеристики текста и основного критерия оценки его функциональности [11, с. 58].

Необходимо, однако, выделить одно существенное отличие рассматриваемых нами текстов от большинства текстов для чтения/аудирования, созданных в контексте понятий "легкий/простой язык". Это отличие заключается в том, что рассматриваемые нами тексты уже изначально создаются как аппроксимированные, т.е. в принципе не предполагают (хотя и не исключают) наличия какого-либо одного определенного текста-оригинала. При этом, как правило, отсутствуют ссылки на исходный текст либо на источник информации. Такие тексты, по существу, сами являются оригинальными (аутентичными) текстами. Для материалов подобного рода нами предлагается условное рабочее обозначение "аутентичный аппроксимированный текст", ни в коей мере не претендующее на статус исчерпывающего определения. Таким образом, под аутентичным аппроксимированным текстом мы понимаем текст, созданный носителями языка для носителей языка с целью максимальной доступности его содержания для адресата и характеризующийся, прежде всего, упрощенным языковым оформлением.

Правомерность использования таких материалов в обучении иностранному языку в искусственной языковой среде определяется тем, что они, будучи облегченными для восприятия, включают основные компоненты аутентичности, выделяемые Е.В. Носонович и Р.П. Мильруд в качестве основных характеристик аутентичных текстов, применяемых в учебном процессе, – культурологическую, информационную, ситуативную, реактивную аутентичность, аутентичность национальной ментальности, аутентичность оформления [9, с. 18–23]. Из этого списка мы сознательно исключаем аутентичность заданий к тексту, так как оригинальный аутентичный текст сам по себе не предполагает их наличия.

Существенную помощь преподавателю–практику в отборе соответствующих текстов могут оказать Интернет–ресурсы. Следует, однако, подчеркнуть, что по типу аппроксимации материалы Интернет–ресурсов, как правило, вторичны, т.е. созданы на основе вполне определенного исходного текста; в этом случае приводится текст–оригинал [17; 18], либо дается ссылка на него [16]. Кроме того, такие материалы предназначены, в первую очередь, для чтения, поэтому в связи с рассматриваемой проблематикой интерес представляют, прежде всего, аутентичные аппроксимированные тексты, предлагаемые одновременно в виде печатных и аудио–материалов.

При выборе преподавателем последних следует принимать во внимание как этап обучения, так и уровень подготовки учащихся. Так, для начального этапа обучения наиболее адекватными оказываются аудиотексты, обладающие следующими характеристиками: а) длительностью звучания не более двух–трех минут; б) актуальностью представленной в них информации; в) уровнем трудности не выше А2, обозначаемого как leicht/einfach в отношении аутентичных текстов на немецком языке [3, с. 14].

Среди множества Интернет–ресурсов для обучения чтению/аудированию аутентичных текстов на немецком языке следует выделить сайт nachrichtenleicht.de [19], материалы которого в значительной мере удовлетворяют приведенным выше требованиям. Данный сайт, созданный в 2010 году, с 2013 года продолжает работу в рамках совместного проекта службы радио Германии и Кельнского технического университета [20].

В качестве наиболее существенных преимуществ данного Интернет–ресурса для реализации целей обучения аудированию могут быть отмечены следующие:

1. большой массив аудиоматериала, соответствующего уровню "легкий"/ "простой" (leicht/einfach), что позволяет использовать тексты на начальном этапе обучения как в аудиторной, так и в самостоятельной ра–

боте при их дифференцированном отборе в соответствии с уровнем подготовки студентов;

2. разнообразие тематических рубрик и актуальность их информационного наполнения, что дает возможность отбирать тексты с учетом интересов обучаемых;

3. замедленный темп речи за счет удлинения пауз между смысловыми отрезками текста – синтагмами, предложениями (при этом сами отрезки произносятся в нормальном темпе), что максимально облегчает процесс рецепции иноязычной речи и в значительной степени способствует преодолению психологических барьеров восприятия;

4. наличие зрительной опоры в виде печатного текста, что важно для организации работы со слабоуспевающими студентами; использование зрительной опоры в виде печатного текста при одновременном восприятии на слух облегчает процесс образования устойчивых слухо–зрительных ассоциаций, что, в свою очередь, способствует совершенствованию техники чтения и формированию навыков орфографии;

5. наличие одноязычного глоссария после каждого текста, поясняющего реалии, термины и т.д., что способствует формированию фоновых знаний и расширению общего кругозора учащихся;

6. наличие, как правило, нескольких текстов по одной теме или проблеме, конкретизирующих и взаимодополняющих соответствующую информацию или описывающих какое–либо событие с определенным временным промежутком; это обеспечивает, во–первых, возможность оптимального выбора аудиоматериала для конкретного контингента обучаемых, во–вторых, позволяет использовать задания, предполагающие более высокий – по сравнению с обычными тестами – уровень обработки информации (сравнение, обобщение, объяснение, обоснование и т.д.).

Языковое оформление данных текстов характеризуется следующими особенностями:

◆ облегченной грамматикой с использованием преимущественно коротких простых предложений и сложных бессоюзных предложений, минимумом прида-

точных предложений в основном с союзами *dass* и *ob*, доминированием *Prasens* и *Perfekt Aktiv* в качестве основных временных форм глагола, достаточно редким использованием *Passiv* и *Konjunktiv*;

◆ использованием общеупотребительной лексики;

◆ повторяемостью наиболее частотных лексических единиц как в пределах одного текста, так и в других текстах.

Аутентичность (недидактизированность) текстов сайта *nachrichtenleicht.de* обуславливает отсутствие пред– и послетекстовых упражнений. При разработке соответствующих заданий преподавателю необходимо учитывать конкретные задачи обучения, которыми следует руководствоваться также при решении вопроса о временных границах применения аппроксимированных аудиотекстов. Очевидно, что в любом случае их использование носит вынужденный временный характер и должно обеспечить как можно более быстрый переход к аудированию текстов среднего (*mittel*) и высокого (*schwer*) уровней сложности.

Целесообразность использования аутентичных аппроксимированных текстов именно на начальном этапе обучения обусловлена тем, что облегчение условий восприятия:

◆ позволяет свести к минимуму количество предтекстовых упражнений, что особенно важно при дефиците учебного времени;

◆ повышает мотивацию учебной деятельности на основе преодоления психологических барьеров восприятия и способствует формированию адекватной самооценки;

◆ при наличии соответствующей системы заданий позволяет студентам выработать и закрепить определенный алгоритм учебных действий при работе с аудиотекстами, что важно для дальнейшего формирования и совершенствования умений аудирования и обеспечения преемственности между уровнями владения данным видом речевой деятельности и этапами обучения иностранному языку в техническом ВУЗ–е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство Икар, 2009. – 448 с.
2. И.А. Амирасланова. К вопросу об учете методического принципа аппроксимации в обучении французскому языку в неязыковых вузах с азербайджаноязычным контингентом [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uchete-metodicheskogo-printsipa-approksimatsii-v-obuchenii-frantsuzskomu-yazyku-v-neyazykovyh-vuzah-s-fixzz4UncMTzL5> (Дата обращения: 10.03.2018)
3. Биленко А.Ф., Максимова Г.А. Обучение аудированию иноязычных текстов на начальном этапе технического вуза // Перспективы развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам Международной научно–практической конференции 30 ноября 2017 г.: в 3 частях. Часть II.: "АР–Консалт", 2017. – 125 с. – С.12–16.
4. Гаврилова, А.В. Обучение аудированию иноязычной речи в условиях неязыкового вуза: на материале английского языка: дисс.... канд. пед. наук. – СПб., 2006. – 182 с.

5. Гальскова, Н.Д., Гез, Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика [Текст]: учебное пособие/ Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр "Академия", 2006. – 336 с.
6. Ионова, С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – Волгоград, 2006. – 37 с. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/approksimatsiya-soderzhaniya-vtorichnyh-tekstov>– (Дата обращения: 15.01.2018)
7. Михина А.Э. Методика формирования стратегий аудирования у студентов неязыкового вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Улан-Удэ, 2009. – 26 с.
8. Новая философская энциклопедия: В 4 тт./ Под редакцией В. С. Стёпина. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH6747acdc7baf38e6cfee67> (Дата обращения: 04.04.2018)
9. Носонович Е.В., Мильруд Р.П. Параметры аутентичного учебного текста// Иностранные языки в школе. – 1999. – № 1. – С.18–23.
10. Ромек В.Г. Теория выученной беспомощности Мартина Селигмана // Журнал практического психолога. – № 3–4. – 2000. – С. 218–235 [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://evolkov.net/practic.psychol/jpp/jpp.2000.html> (Дата обращения: 17.01.2018)
11. Титкова С.И. Доступность как базовая характеристика иноязычного учебного текста (из опыта обучения китайских магистрантов). Российско-китайская научно-методическая конференция "Проблемы лингводидактики в неязыковом вузе": сборник тезисов / Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Ассоциация технических университетов России и Китая, Харбинский политехнический университет. – Москва: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. – 296, [4] с. – С. 57–60.
12. Яковлева В.А. Обучение иноязычному профессионально-ориентированному аудированию на среднем этапе в условиях технического вуза: дисс. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 2003. – 252 с.
13. Das ist Leichte Sprache [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.leichte-sprache.org/das-ist-leichte-sprache/> (Дата обращения: 17.12.2017)
14. In Bayern gibt es bald "Fachkräfte für Leichte Sprache" [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://www.welt.de/regionales/bayern/article172007948/Neue-Ausbildung-In-Bayern-gibt-es-bald-Fachkraefte-fuer-Leichte-Sprache.html> (Дата обращения: 02.02.2018)
15. Kellermann, Gudrun. Leichte und Einfache Sprache – Versuch einer Definition [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.bpb.de/apuz/179341/leichte-und-einfache-sprache-versuch-einer-definition> (Дата обращения: 17.12.2017)
16. Kurze Hortexte für zwischendurch [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.deutsch-to-go.de/> (Дата обращения: 19.10.2017)
17. 346 Millionen junge Menschen sind ohne Internet [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://kurier.at/leben/unicef-bericht-346-millionen-junge-menschen-ohne-internet/301.650.804> (Дата обращения: 11.12.2017)
18. 346 Millionen Kinder und Jugendliche ohne Internet [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://kurier.at/einfache-sprache/346-millionen-kinder-und-jugendliche-ohne-internet/301.932.943> (Дата обращения: 11.12.2017)
19. Nachrichtenleicht [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.nachrichtenleicht.de/> (Дата обращения: 23.11.2017)
20. Was ist nachrichtenleicht? [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.nachrichtenleicht.de/was-ist-nachrichtenleicht.2053.de.html> (Дата обращения: 23.11.2017)

© Г.А. Максимова, Н.А. Туанова, (galya.maksimova.53@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

ОБУЧЕНИЕ ФОНЕТИКЕ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

PHONETIC TRAINING OF PRIMARY SCHOOL-AGED CHILDREN

E. Nabokova

Annotation

It is important to form phonetic skills at primary school age as at this age the speech of pupils, their pronunciation is formed. This problem is of great importance when training in a foreign language as mastering a sound system is an indispensable condition of communication of people in any form. At primary school it is represented different types of game activity as she corresponds to the age features of children proved to use.

Keywords: phonetic training, primary school age, playing teaching, phonetic skills.

Набокова Елена Николаевна

Ст. преподаватель,

Московский педагогический

государственный университет,

г. Москва

Аннотация

Формировать фонетические навыки важно именно в младшем школьном возрасте, так как именно в этом возрасте формируется речь учащихся, их произношение. Данная проблема имеет большое значение при обучении иностранному языку, так как овладение звуковым строем – это обязательное условие общения людей в любой форме. В младшей школе представляется обоснованным использовать различные виды игровой деятельности, поскольку она соответствует возрастным особенностям детей.

Ключевые слова:

Обучение фонетике, младший школьный возраст, игровой прием обучения, фонетический навык.

Знать иностранный язык – это значит уметь читать, писать и говорить на нем. Изучение английского языка несколько сложнее русского, особенно в обучении фонетике. И дело даже не в том, что английский для нас неродной язык. Древние люди сперва научились говорить, а потом уже придумали буквы для записи звуков. Дело в том, что в русских словах количество букв обычно совпадает с количеством звуков. В английских же словах очень часто количество букв не совпадает с количеством звуков, так как две или три буквы (буквосочетание) могут передаваться только одним звуком, а некоторые буквы произносятся по-разному, что зависит от их месторасположения в слове [2].

Работа с младшими школьниками требует от преподавателя иностранного языка особого подхода, который учитывал бы психофизиологические и психологические особенности учащихся, что будет являться залогом успешности обучения. Знание возрастных особенностей учащихся дает учителю возможность определить именно те приемы, формы и средства обучения, которые приведут к эффективному решению поставленных задач.

Психологические исследования свидетельствуют, что у учеников младшего школьного возраста доминирует самонепроизвольное запоминание. Ведь оно не требует волевых усилий, происходит, будто само по себе. Однако учителю иностранных языков в начальной школе стоит

понимать, что не весь учебный материал запоминается одинаково непроизвольно.

Прочность и длительность непроизвольного запоминания зависит от яркости, подвижности и других особенностей презентации материала. Например, младшие школьники непроизвольно запоминают все яркое, подвижное, что бросается в глаза. Сравнительно легко непроизвольно запоминаются такие предметы и явления, которые связаны с предыдущим опытом ребенка. Поэтому учителю следует это учитывать, чтобы использовать такие методы и приемы, которыми он поможет ученику запомнить и удержать в памяти языковой материал, который изучается непроизвольно. Целесообразно использовать яркую наглядность, дидактические, а иногда и подвижные игры, мультимедийные средства.

Планируя урок иностранного языка в начальной школе, необходимо учитывать также особенности внимания младших школьников.

Согласно психологической науке, внимание – это направленность и сосредоточенность сознания на каком-то предмете, явлении или деятельности. Она необходима в первую очередь ребенку для осуществления любой деятельности, в том числе учебной. Если объяснение учителя интересно, с элементами наглядности, ученики без всякого труда, внимательно слушают рассказ педагога и

сосредоточенно наблюдают за тем, что он показывает. Это – проявление так называемого непровольного внимания.

Исследователи сходятся во мнении, что на уроках иностранного языка целесообразно применять разнообразные игровые приемы, поскольку именно игра является в младшем школьном возрасте одной из ведущих форм деятельности, они интересна и понятна ученикам. Многообразие игровых средств оправдано в тех случаях, когда нужно раскрыть разные аспекты изучаемого предмета, и каждый из этих аспектов можно отобразить с помощью определенного вида игры. Учитывая возрастные особенности учеников начальной школы, учителю иностранного языка следует работать в направлении выработки сознательной мотивации изучения иностранного языка, постепенно открывая младшим школьникам необходимость его знания, показывая, как расширяется мир вокруг них, если они владеют иностранным языком.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу использования фонетических игр на уроке английского остановится кратко на основных принципах классификации английских согласных фонем:

1. По типу преграды и способу производства шума:
 - смычные: [p], [b], [t], [d], [k], [g], [m], [n], [ŋ];
 - щелевые: [f], [v], [s], [z], [j], [w], [l], [r], [θ], [ʒ], [h];
 - аффрикаты: [tʃ], [dʒ].
2. По работе активного органа речи и месту образования
3. преграды:
 - губно-губные: [p], [b], [m], [w];
 - губно-зубные: [f], [v];
 - переднеязычные:
 - межзубные - [θ], [ð], альвеолярные - [t], [d], [n].
4. По участию голосовых связок:
 - звонкие, слабые:
 - [b], [d], [g], [v], [ð], [z], [ʒ], [ʒ], [m], [n], [ŋ], [w], [r], [l], [j];
 - глухие, сильные: [t], [p], [k], [f], [h], [s], [tʃ], [θ], [ʃ].

Всего в английском языке насчитывается 24 согласных фонемы.

Основные принципы классификации английских гласных фонем:

- положение языка;
- положение губ.

Качество гласного определяется объемом и формой ротового резонатора, что в первую очередь зависит от положения языка и губ.

В отличие от русских гласных английские гласные делятся на долгие и краткие, мы говорим о наличии в английском языке исторически долгих гласных [i:, u:, a:, ɔ:] и исторически кратких гласных, которые контрастно отли-

чаются по длительности в одинаковом фонетическом окружении:

[pi:t - pit, ka:t - kat, do:tə - dɒtə, ku:l - kul].

Принцип стабильности артикуляции лежит в основе разделения гласных на монофтонги, дифтонги, дифтонгоиды:

- монофтонги: [ɪ], [ʊ], [e], [ə:], [ə], [ʌ], [ɔ:], [æ], [a:], [v];
- дифтонги: [ei], [ɔi], [aʊ], [əʊ], [iə], [εə], [və];
- дифтонгоиды: [i:], [u:] [ʒ].

Изучение фонетической стороны иностранного языка является труднейшей задачей. В отличие от других языковых аспектов, звуковые феномены требуют не только осознания на интеллектуальном уровне, но и особого "мышечного" чувства, рефлексорной памяти.

Рассмотрим примеры эффективных фонетических игр, предназначенных для формирования фонетических иноязычных навыков у младших школьников.

При выборе игры для урока иностранного языка, важным критерием является методическая цель, поэтому для практического применения, нам представляется целесообразным сгруппировать рассматриваемые игры соответствующим образом.

Целью данной игры является тренировка восприятия звуков на слух:

Игра "Аукцион".

Учитель готовит карточки с рисунками различных предметов, названия которых известны ученикам и раскладывает все эти карточки рисунками вверх.

Ученики садятся или становятся вокруг стола. Учитель произносит звук или звуко сочетание, от учеников требуется быстро отыскать на столе рисунок предмета, название которого начинается с этого звука (звуко сочетания). Тот, кто быстрее всего возьмет карточку, будет считаться самым ловким покупателем. Потом учитель называет другой звук, и игра продолжается.

Побеждает тот, кто "купил" наибольшее количество предметов.

Игра "Название слова".

Ученики становятся в круг. Один из игроков бросает мяч другому и произносит звук, например, [e]. Игрок, который поймал мяча, называет слово с этим звуком, например, "pet". Продолжая игру, он называет другой звук и бросает мяч соседу.

Цель игры заключается в усвоении транскрипционных знаков английских звуков:

Игра "Необычный телефон".

На доске на прикрепленном плакате (или на экране) изображен большой телефон. На его диске вместо цифр написаны транскрипционные знаки разных звуков.

Задание участников игры "набрать" за определенное время как можно больше слов с этими звуками и правильно произнести эти слова.

Целью игры будет формирование навыков фонематического слуха:

Игра "Поймай звук".

Учитель по очереди называет слова, в которых либо есть определенный звук, либо его нет, например, звук [г] или любой другой звук, артикуляция которого отрабатывается. Если ученики слышат данный звук – хлопают в ладоши, если нет – сидят тихо. Эта игра на внимание [6].

Игра "Какой звук задуман?".

Учитель называет цепочку слов, в которых встречается один и тот же звук. Ученики должны догадаться, что это за звук.

Игра "Широкие и узкие гласные".

Учитель называет слова. Ученики поднимают руку, если гласный произносится широко, если узко – руку поднимать нельзя. Выигрывает команда, которая допустила меньше ошибок [4].

Игра "Один лишний".

Учитель предлагает ученикам выбрать из трех или четырех слов то, в котором нет определенного звука (лишнее слово).

Например:

meet, sit, seal, veal (лишнее слово sit);

bat, and, pen, sad (лишнее слово pen).

Метод выделения "лишнего слова" может быть любой или же ученики могут просто назвать его.

Целью игры является формирование навыков фонематического слуха и правильной артикуляции звуков английского языка:

Игра "Эхо".

Отвернувшись в сторону, учитель четко произносит изученные звуки и звукосочетания шепотом. Дети, как эхо, повторяют каждый звук (звукосочетание) за учителем.

Игра "Испорченный телефон".

Учитель четко называет обрабатываемый звук или слово шепотом для каждого ряда. Дети пытаются как можно четче произносить шепотом услышанное слово, чтобы оно дошло до последнего игрока и сохранило свою первичную форму.

Побеждает тот ряд, последний игрок которого правильно назвал слово, которое дошло до него.

Цель игры заключается в формировании правильной артикуляции звуков английского языка:

Игра "Playing airplane".

Учитель спрашивает:

"Did you ever imitate a flying plane?".

The plane is travelling up in the sky:

"vvv - vvv - vvv",

Moving so fast, and ever so high:

"vvv - vvv - vvv".

But we always come back in time for tea:

"vvv - vvv - vvv".

Ребята учатся произносить звук [v], играя и имитируя звук летящего самолёта.

Игры "имитации" разнообразны и очень интересны для детей. Учитель предлагает упражнения на имитацию, объясняя ученикам, на что похоже произношение того или другого звука:

упражнение "Гуси" (звук [g]);

упражнение "Ежик" (звук [f]);

упражнение "Собака" (звук [r]);

упражнение "Мухи" (звук [э]);

упражнение "Насос" (звук [θ]);

упражнение "Воздушные шарики" (звук [s]).

Игра "The Funny Little Clown".

Учитель, изображает клоуна.

I am a funny little clown.

I say: "Ah - oo - ee - oo".

My mouth is open wide

When I say: "Ah, ah, ah".

I draw my lips far back

When I say: "Ee - ee - ee".

My lips are very round

When I say: "Oo - oo - oo".

"Ah - oo - ee - oo".

"Ah - oo - ee - oo".

I am a funny little clown.

Ученики вместе с учителем начинают изображать клоуна и повторять за ним звуки.

Игра используется для отработки учащимися правильной артикуляции звуков [i:], [o], [u:].

Игра "Рыбы".

Учитель предлагает детям поиграть.

Отработка звуков [w] и [ts].

Представьте, что вы – это огромные рыбы, которые лежат на дне моря и пускают огромные пузыри: "wo – wo". Губки трубочкой: "wo - wo"! Пузырь растёт, (руками учитель изображает растущий пузырь, а дети повторяют вслед за ним: "wo - wo") растёт... и лопаётся "ts" (при этом звуке руки расходятся в разные стороны) [7].

В процессе планирования урока учитель может самостоятельно подготовить подобные упражнения для отработки именно того материала, который изучается или подобрать эффективные фонетические игры в соответствии с педагогическими рекомендациями по отбору игр для младших школьников.

Основные положения отбора игр для урока в младшей школе:

- ◆ простота объяснения: правила игры должны быть простыми, лучше объяснить правила игры на родном языке, а оставшееся время потратить на саму игру;
- ◆ отсутствие дорогих и сложных материалов для игры;
- ◆ универсальность: игры, которые можно легко подстроить под количество, возраст и уровень знаний учеников [5].

Обучая иностранному языку, необходимо во время урока строить учебный процесс таким образом, чтобы он открывал ребенку "окно в другой мир" [4], чтобы это было интересно и познавательно.

Таким образом, формирование фонетических иноязычных навыков на начальном этапе играет важную роль в обучении иностранному языку, так как нарушение фонематической правильности речи и неправильное интонационное оформление ее говорящим ведет к недоразумениям и непониманию со стороны слушающего.

Игра, которая отвечает возрастным интересам детей, вызывает у них позитивное настроение и стимулирует готовность к иноязычной деятельности как к средству проведения игры.

Следует помнить, что игра не является самоцелью на уроке, это средство учебы и воспитания. Игру нельзя пу-

тать с развлечением, не следует рассматривать ее и как деятельность, которая приносит удовольствие ради удовольствия.

Проведенное исследование засвидетельствовало, что постановка избранной проблемы является правомерной, поскольку она предопределена потребностями дальнейшей теоретической и практической разработки подхода к использованию фонетических игр.

Выводы и материалы, представленные в данной работе, могут быть полезны как студентам, заинтересованным в том, чтобы стать достойными представителями профессии и, непосредственно, в накоплении методических материалов, так и всем учителям английского языка, стремящимся сделать свои уроки еще интереснее и эффективнее.

Для эффективного использования игр и для полноценной реализации всех ее функций важную роль играет подготовка учителя. Сегодня в педагогической и методической литературе молодой педагог может найти большое количество уже разработанных учителями с опытом интересных игр и на опыте предшественников сформировать свой собственный педагогический опыт. Поэтому будущим учителям следует уделять большое внимание данной работе. Такая работа должна проводиться, начиная еще со студенческих лет; молодому специалисту следует расширять свои теоретические знания об игре и ее проведении, а также формировать и совершенствовать свои практические умения и навыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безукладников, К.Э. Залог успешности овладения иностранным языком в начальной школе / К.Э. Безукладников // Начальная школа плюс до и после. – 2004. – № 5. – С. 37–43.
2. Дугин, С.П. Читать, писать, говорить по-английски / С.П. Дугин. – Сумы: ИТД "Университетская книга": Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 205 с.
3. Малышева, Н.К. Секреты английских звуков / Н.К. Малышева. – М.: Дрофа, 2006. – 64 с.
4. Маслыко, Е.А. Настольная книга преподавателя / Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская, А.Ф. Бутько, С.И. Петрова. – Мн.: Выш. шк., 1999. – 522 с.
5. Стайнберг, Дж. 110 игр на уроках английского языка / Дж. Стайнберг; пер. с англ. – М.: ООО "Издательство АСТ": "Издательство Астрель", 2004. – 124 с.
6. Федорова, Г.Н. Игры на уроках английского языка: пособие для учителя / Г.Н. Федорова. – Москва – Ростов-на-Дону: Издательский центр "МарТ", 2005. – 128 с.
7. Чугунова, А.Е. Методическая разработка раздела программы по английскому языку "Формирование фонетических навыков" у младших школьников / А.Е. Чугунова. Бор – 2013. – С. 19.

© Е.Н. Набокова, (7403130@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ КУРСАНТОВ

THE MECHANISM OF FUNCTIONING OF THE MODEL OF APPLICATION OF MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN THE TRAINING OF CADETS

S. Petryaev

Annotation

The article analyzes the model of using multimedia technologies in the course of fire training of cadets and a block of factors that ensure the effective use of multimedia. Great importance for the effective functioning of the model is the personal and pedagogical qualities of the fire training teacher. The paper shows the primary technologies for placing opportunities for stratification of the quality content of the learning process.

Keywords: microfinance organization loans risks borrowers to reduce risk.

Петряев Сергей Викторович
Преподаватель,
Саратовский институт
войск национальной гвардии

Аннотация

В статье анализируется модель применения средств мультимедийных технологий в ходе огневой подготовки курсантов и блок факторов, обеспечивающих эффективное применение мультимедиа. Большое значение для эффективного функционирования модели имеют личностные и педагогические качества преподавателя огневой подготовки. В работе показаны первичные технологии размещения возможностей по стратификации качественного наполнения процесса обучения.

Ключевые слова:

Мультимедийные технология, педагогические качества, модель применения, функционирования модели.

Личностные качества необходимые преподавателю огневой подготовки многогранны. Он должен глубоко знать учебный материал, владеть всеми видами штатного вооружения подразделений войск национальной гвардии, иметь опыт применения оружия в ходе выполнения служебно-боевых задач, представлять междисциплинарные взаимосвязи огневой подготовки с другими учебными дисциплинами, знать результаты отзывов из войск на выпускников в части их знаний и умений владения оружием, руководящие документы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, гавкомата войск национальной гвардии, касающиеся организации, содержания и методики огневой подготовки будущих офицеров. Важнейшей составляющей личностных качеств является владение персональным компьютером на уровне не ниже продвинутого пользователя, знание дидактических возможностей технического оборудования мультимедийных технологий, умение их использовать в подготовке дидактических материалов.

К педагогическим качествам преподавателя мы отнесим: сформированное педагогическое сознание, владение педагогической технологией и педагогической техникой преподавания огневой подготовки, навыки профессиональной самодиагностики и самообразова-

ния, стиль его отношений с курсантами. Он должен быть лицом заинтересованным в высоких результатах курсантов по владению оружием, активным в педагогической и общественной деятельности, знать характер взаимоотношений курсантов между собой, курсантов и командиров подразделений. Необходимо, чтобы педагог активно участвовал в общественной жизни будущих офицеров, в подведении итогов успеваемости за аттестационный период на собраниях учебных групп, а также приглашал командиров взводов и отделений на заседания кафедры при обсуждении успеваемости и поведения курсантов на занятиях по огневой подготовке. Преподаватель огневой подготовки должен быть поборником строгого воинского порядка, безупречного выполнения требований уставов, законов, курсов стрельбы и т.п. Своим видом, манерой общения он должен показывать пример уставных высоко нравственных отношений. Но, при этом, он должен быть общительным человеком, который всегда умеет найти правильный тон в беседах с курсантами, может потребовать от них в срок и качественно выполнить задание, проявляя при этом чуткость и уважая их личные достоинства.

При этом, мы считаем необходимым отметить, что выделение двух групп качеств (личностных и педагогических) преподавателя огневой подготовки условны. Они

тесно взаимосвязаны между собой, обуславливают наличие одна другой. Без необходимых личностных качеств, невозможно наличие педагогических качеств преподавателя, и наоборот. Более того, мы в этом открытом перечне качеств преподавателя, как бы не учитываем его индивидуальные психологические качества как человека – способности, темперамент, характер и т.д. Сделано это нами преднамеренно. Мы не ставим перед собой задачу исследования необходимых и достаточных качеств для преподавателя огневой подготовки. Это может быть темой вполне самостоятельного исследования. Мы выделили только те качества, без которых, на наш взгляд, применение средств мультимедийных технологий в огневой подготовке затруднительно.

Выделенные нами качества влияют на применение средств мультимедийных технологий как непосредственно, например, знание ПК, технического оборудования мультимедиа, так и опосредованно – заинтересованность в результатах, активность, знание и владение оружием и т.п. Но без тех и других активность и эффективность применения средств мультимедийных технологий в огневой подготовке просто невозможны. Нельзя понудить преподавателя применять мультимедиа, если он не знает ПК и не умеет им пользоваться. Нельзя требовать от преподавателя качественной подготовки дидактических материалов для мультимедиа, если он глубоко не знает вооружение, способы, приемы и правила его применения и т.д.

Курсант как "объект" и "субъект" применения средств мультимедийных технологий.

В рассматриваемом нами процессе курсант выступает одновременно "объектом" воздействия мультимедиа, и активным "субъектом" их применения. Как "объект" он подвергается влиянию комплекса дидактических средств – текстовой информации, цвета, звука, анимации, видео, с целью получения и запоминания большого объема теоретических знаний, формированию у него прочных навыков владения оружием, воспитания уверенности в своих способностях в огневой подготовке, в оружии, которым он овладевает. Как "субъект" он является активным и заинтересованным участником их применения. При этом, мультимедийные комплексы по огневой подготовке не должны рассматриваться им как "компьютерные игрушки", а как эффективное средство в изучении огневой подготовки. От него, как и от преподавателя, требуется хорошее знание персонального компьютера, уверенное владение им (с эти требованием в современных условиях, как правило, проблем не возникает, большинство курсантов, зачастую, владеют компьютером лучше, чем преподаватели), активное, целенаправленное и планомерное использование мультимедиа, как на занятиях, так и в ходе самостоятельной работы. Только при заинтересованном отношении курсантов к их использованию, мультимедийные технологии могут

рассматриваться как эффективное дидактическое средство в огневой подготовке.

Взаимосвязь деятельности преподавателя и курсанта на занятиях по огневой подготовке.

Данный компонент модели является центральным, он позволяет обеспечивать постоянную возможность вовлечения всех участников учебного процесса и каждого в отдельности в совместную деятельность с учетом личностного интереса, способностей, возможностей формирования целей и мотивов учебной деятельности. Основными формами организации такого взаимодействия являются:

- ◆ индивидуальная работа с курсантами, направленная на изучение их личностных и психологических качеств, учет их на занятиях по огневой подготовке;
- ◆ парная работа – "боевое товарищество" (в этом случае педагог предлагает типовое профессионально-ориентированное задание каждой паре курсантов, работа пар происходит одновременно, по окончании полученные результаты обсуждаются всем подразделением);
- ◆ решение профессионально-ориентированной задачи малой группой – 3–4 курсанта (в этих случаях педагог формулирует задание для каждой малой группы таким образом, чтобы результаты работы каждой из них дополняли друг друга и помогали принять общий алгоритм решения или же вызывали дискуссию);
- ◆ решение поставленной задачи всей учебной группой, то есть работа ориентирована на формирование единого мнения по какому-нибудь вопросу при участии каждого участника процесса обучения, в том числе и педагога;
- ◆ соревнование отделений учебного взвода на лучшее знание теоретических вопросов огневой подготовки, устройства и принципов действия оружия, правил его применения, навыков владения им;
- ◆ использование индивидуальных заданий, то есть курсанты в течение семестра (учебного года) готовят рефераты, конкурсные работы по теоретическим и практическим вопросам огневой подготовки, их мультимедийные презентации, затем выступают с ними на групповых занятиях, а лучшие на научных курсантских конференциях.

Нетрудно заметить, что учебная деятельность с применением средств мультимедийных технологий базируется на сочетании индивидуальной и групповой работы, с преобладанием групповой, что обусловлено, в наибольшей степени, ограниченным количеством мультимедийных средств, находящихся в распоряжении преподавателя на занятиях по огневой подготовке. В силу этого, организационно занятия проводятся по учебным точкам (учебным местам), на которых работают группы курсантов, отрабатывая разные аспекты изучаемой темы, как теоретических, так и практических по владению оружием.

Эффективность такой организации занятий во многом будет зависеть от того как созданы эти группы. По типам темперамента, что способствует более полному учету индивидуальных особенностей курсантов:

- ◆ по результатам социометрии и других специальных тестов, проводимых группой профессионально-психологического отбора, что обеспечивает эмоциональный комфорт в межличностных отношениях внутри групп;

- ◆ случайным образом, например, по рядам, на которых сидят обучаемые на занятии. Как отмечают некоторые исследователи, при таком создании групп, возможно возникновение эмоциогенной ситуации, при которой работа осуществляется со случайными людьми, иногда даже может быть не совсем приятными друг другу, несовместимыми, что привносит в занятие элемент эмоционального закалывания и адаптации к подобным ситуациям, которые нередки в профессиональной дея-

тельности при прохождении службы в войсках;

- ◆ по уровням подготовленности – высокому, среднему, низкому, что обеспечивает равноценное, активное участие курсантов в ходе занятий.

Таким образом, модель применения средств мультимедийных технологий в ходе огневой подготовки курсантов включает в себя два блока. Блок факторов, обеспечивающих эффективное применение мультимедиа. Блок механизма функционирования модели, включающего в себя: управляющий объект – преподаватель; объект управления – курсант; механизм взаимодействия между ними в ходе процесса "преподавание – учение" через формы обучения, методы применения и средства мультимедийных технологий; системы управления и обратной (внутренней и внешней) связи для оценки знаний, умений и навыков по огневой подготовке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалко В.П. Образование и обучение с участием компьютера* (педагогика третьего тысячелетия). – М. – 2002.
2. Ибрагимов И.М. Информационные технологии и средства дистанционного обучения. – М. – 2008. – 336 с.
3. Новосельцев С.К. Мультимедиа–синтез трех стихий. // Компьютер–Пресс. 1991. № 7.
4. Семенова Н.Г. Мультимедийные обучающие системы лекционных курсов: теоретические основы создания и применения в процессе обучения студентов технических вузов электротехническим дисциплинам: дис. ... д-ра пед. наук. Астрахань, 2007. 335 с.
5. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. – М. – 2007. – 616 с.

© С.В. Петряев, (Sergey-petryaev@bk.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Саратовский институт войск национальной гвардии

КОРРЕКЦИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ 7-10 ЛЕТ С ДИАГНОЗОМ ДЦП СРЕДСТВАМИ ВОЛНОВОЙ ГИМНАСТИКИ

CORRECTION OF MOTOR DISORDERS IN CHILDREN 7-10 YEARS OLD DIAGNOSED WITH CEREBRAL PALSY BY MEANS OF WAVE GYMNASTICS

*S. Semenova
V. Stepanov*

Annotation

The relevance of the search for inexpensive domestic techniques to conduct classes at home, to improve the motor abilities of patients diagnosed with cerebral palsy, reducing their level of social dependency is not in doubt. The aim of this study was to develop a method of correction of motor disorders of children with cerebral palsy through the complex use of wave gymnastics. The article reflects the structure and content of the methodology developed by us, as well as the dynamics of changes that occurred in the manifestation of motor functions at the first stage of the pedagogical experiment. The obtained results clearly reflect the prospects of using wave gymnastics in physical rehabilitation programs for children with cerebral palsy.

Keywords: movement disorders, cerebral palsy (cerebral palsy), muscle tone, ontogeny, gymnastics wave, wave simulator of Agashin.

*Семенова Светлана Александровна
К.п.н., доцент,*

*ГАОУ ВО Московский Городской
Педагогический Университет, Москва
Степанов Владимир Владимирович*

*Аспирант,
ГАОУ ВО Московский Городской
Педагогический Университет, Москва*

Аннотация

Актуальность поиска недорогих отечественных методик, позволяющих проводить занятия в домашних условиях, для повышения двигательных возможностей больных с диагнозом ДЦП, снижения их уровня социального иждивенчества не представляет сомнений. Целью данного исследования стала разработка методики коррекции двигательных нарушений детей с ДЦП посредством комплексного применения средств волновой гимнастики. В статье отражена структура и содержание разработанной нами методики, а также динамика изменений, произошедших в проявлении двигательных функций на первом этапе педагогического эксперимента. Полученные результаты наглядно отражают перспективность применения волновой гимнастики в программах физической реабилитации детей с ДЦП.

Ключевые слова:

Двигательные нарушения, детский церебральный паралич (ДЦП), мышечный тонус, онтокинез, волновая гимнастика, волновой тренажер Агашина.

ВВЕДЕНИЕ

Можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день детский церебральный паралич (ДЦП) занимает ведущее место среди причин, приводящих к инвалидности вследствие неврологических заболеваний. Число детей с ДЦП в Российской Федерации, по результатам исследований различных авторов, остается достаточно высоким, поэтому проблема организации эффективного процесса реабилитации и оздоровления детей приобретает в настоящее время государственное значение. [1]

Ведущим синдромом клинических нарушений при церебральном параличе является синдром двигательных расстройств. [2] Двигательные расстройства проявляются в виде парезов, параличей, насильственных движений. Существенно сложны нарушения регуляции тонуса, происходящие по типу спастичности, которые тесно связаны с задержкой патологических тонических рефлексов и несформированностью ценных установочных выпрямительных рефлексов. На основе указанных нару-

шений формируются вторичные изменения в форме деформации в мышцах, костях и суставах. Само проявление двигательных расстройств при ДЦП происходит в виде патологического перераспределения мышечного тонуса, снижения силы мышц, отсутствия взаимодействия между мышцами-антагонистами и синергистами. [6]

Выстраивая систему реабилитационных мероприятий, необходимо найти такой метод лечения, чтобы по возможности, не только восстановить поврежденную центральную структуру регуляции, но и активизировать работу перифокальных структур для компенсации утраченных функций [Кулеш Н.С., 2005, Семенова, К.А., Хатькова С.Е., 2007, Сологубов, Е.Г., Кожевникова В.Г., 2008].

Одним из средств системного воздействия на организм являются упражнения волновой гимнастики, однако эффекты этого воздействия на ребенка с ДЦП еще недостаточно изучены в научной литературе. Именно этой цели и посвящено данное исследование.

Организация исследования

Исследование производилось на базе ФГБУ "РОССИЙСКИЙ РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР "ДЕТСТВО" г.Москва. Для проведения работы были отобраны 10 детей с ДЦП в форме спастическая диплегия, 10 детей с ДЦП в форме спастическая гемиплегии, а также 10 детей с ДЦП в форме спастический тетрапарез в возрасте 6 –11 лет. Экспериментальная методика применялась как составная часть комплексной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях реабилитационного центра.

Занятия назначались в зависимости от клинических проявлений заболевания, индивидуально и проводились по пять раз в неделю, срок реализации программы составил один календарный год, в два заезда, по двадцать один день. Объём и интенсивность биоволновых физических нагрузок заключались в клинических проявлениях заболевания и конкретном адаптационном потенциале ребёнка. Для каждого занимающегося был разработан индивидуальный план восстановительного лечения комплексного характера с набором доступных средств, с преимуществом Волнового тренажёра Агашина [4]. Также следует сказать, что методика применения "Биоволновой механотерапии", заключается в применении специального устройства в виде тренажёра с двумя рукоятками. Ребёнок должен взять рукоятки биоволнового тренажёра в обе руки и произвести движение сотрясения, что и вызывает соответствующую механическую волну. Поступающая в мозг пульсация, окажет своё влияние на структуры мозга, контролирующие данные группы мышц, что и вызовет в свою очередь, снижение тонуса этих мышц и их расслабление. Особенностью волнового упражнения является вовлечение в двигательный процесс всего организма занимающегося вызывая заданную рефлекторную двигательную волну по всему телу, что способствует восстановлению нервно-мышечной про-

водимости и вызывает отклик в паретичных конечностях. Когда активное выполнение упражнений затруднено вследствие ограничения двигательных функций применяется активно- пассивный (фиксация тренажёра к конечности) и пассивный (с помощью инструктора) режимы выполнения упражнений. Перед началом работы с тренажёром и, по необходимости, между подходами нами проводилось точечное расслабление мышц по методике К.А. Семёновой [2], расслабление на мяче и суставная гимнастика. Также во время проведения исследования нами было отмечено, что если у ребенка имеются функциональные контрактуры, то для достижения наилучшего эффекта необходимо перед биоволновой тренировкой, провести процедуру разогревания с помощью эзакерита, парафина, либо лечебных грязей. Начинать работу с тренажёром рекомендуется с верхних конечностей сначала локально (кость, локоть, плечо), затем работа с тренажёром в двух руках. Выполнение упражнений по мере их освоения выполняется в различных исходных положениях. Вертикализация пациентов, не способных осуществлять опорную функцию произволилась с помощью тренажёра "Гросса", "Атлант", функциональной кушетки. Далее следует переходить к нижним конечностям. Усложнение упражнений осуществлялось эволюционным путём. Между подходами выполнялись разработанные нами упражнения волновой гимнастики.

Обсуждение результатов

Для оценки уровня моторного развития использовалась методика, разработанная Т.В.Кожевниковой [5]. Уровень онтокинезиологического развития оценивался по 9 параметрам: 1) стабилизация положения головы; 2) торзии; 3) развитие свободного сидения на стуле или кушетке; 4) вставание на четвереньки; 5) передвижение на четвереньках; 6) стойка на коляях; 7) вертикальная стойка; 8) ходьба; 9) функции верхних конечностей. Результаты исследования приведены в табл. 1.

Таблица 1/1.

Динамика уровня моторного развития детей с ДЦП до и после курса занятий волновой гимнастикой (в баллах).

Параметры развития		Диплегия (n= 10)		Тетроплегия (n= 10)		Гемипарез (n= 10)	
		до	после	до	после	до	после
1	Хср±m	3,91±0,06	4,04±0,06	3,39±0,07	3,72±0,09	3,30±0,08	3,9±0,04
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	
2	Хср±m	2,91±0,06	2,94±0,06	2,34±0,42	3,42±0,84	2,7,±0,82	3,30±0,42
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	
3	Хср±m	3,21±0,12	3,84±0,09	2,43±0,15	3,02±0,29	3,01±0,28	3,78±0,14
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	

Таблица 1/2.

Динамика уровня моторного развития детей с ДЦП до и после курса занятий волновой гимнастикой (в баллах).

Параметры развития		Диплегия (n=10)		Тетроплегия (n=10)		Гемипарез (n=10)	
		до	после	до	после	до	после
4	Хср±m	3,01±0,61	3,82±0,32	3,39±0,17	3,72±0,36	3,30±0,08	3,9±0,04
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	
5	Хср±m	2,51±0,06	3,92±0,06	3,09±0,07	3,72±0,09	2,8±0,98	3,09±0,44
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	
6	Хср±m	2,48±0,62	3,10±0,26	2,92±0,77	3,12±0,91	2,38±0,78	3,09±0,44
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	
7	Хср±m	3,16±0,56	3,74±0,75	3,19±0,17	3,92±0,41	2,8±0,32	3,39±0,72
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	
8	Хср±m	1,96±0,44	2,34±0,86	1,65±0,72	2,72±0,91	1,43±0,48	1,9±0,38
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	
9	Хср±m	3,61±0,24	4,12±0,36	3,92±0,87	4,02±0,39	3,25±0,43	3,72±0,64
	P	< 0,05		< 0,05		< 0,05	

Таблица 2.

Изменение подвижности суставов у детей с ДЦП в процессе занятий волновой гимнастикой (n=30).

Сустав	Двигательное действие	Прирост от исходного значения (%)
Тазобедренный левый	Сгибание	14*
	Разгибание	15*
	Отведение	9
	Ротация	5
Тазобедренный правый	Сгибание	18*
	Разгибание	12*
	Отведение	9
	Ротация	8
Коленный правый	Сгибание	14*
	Разгибание	16*
Коленный левый	Сгибание	12*
	Разгибание	16*
Голенистоопный правый	Сгибание	8
	Разгибание	4
Голенистоопный левый	Сгибание	9*
	Разгибание	4
Локтевой правый	Разгибание	18*
Локтевой левый	Разгибание	21*

Обозначения: * - достоверные различия по T-критерию Уайта.

Как следует из приведенных данных, положительные изменения произошли по всем параметрам онтокинеза, однако распределение внутри каждой группы очень неоднородно. Было отмечено, что наибольшие сдвиги регистрировались у тех, кто выполнял упражнения в активном и активно-пассивном режимах. Поэтому большое значение нами уделялось выбору исходных положений на начальных этапах выполнения упражнений. Предпочтения на начальном этапе отдавались исходным положениям устраняющим действие центра тяжести.

Основным показателями эффективности применения экспериментальной методики являлось, уменьшение ограничений в крупных суставах. Нами были проведены измерения угла движений в суставах нижних и верхних конечностей занимающихся. Значение исследуемых суставных углов у каждого занимающегося перед началом занятий принято за 100 процентов. Полученные изменения в конце эксперимента для всех испытуемых с диагнозом ДЦП приведены в табл. 2.

Наиболее выраженные изменения произошли в сгибании разгибании всех крупных суставов, что показывает эффективность проводимых нами мероприятий.

Выводы

У детей младшего школьного возраста с ДЦП после применения экспериментальной методики произошло повышение активных двигательных действий в крупных суставах, что дало существенную нормализацию жизненно важных двигательных действий. Полученные показатели позволяют предположить, что в условиях ре-

билитационного центра существует возможность производить коррекционно-реабилитационную деятельность средствами адаптивной физической культуры доступного и нетрадиционного характера, произвести снижение спастичности мышц и повысить функцию опорно-двигательного аппарата, постепенно приближая её клиническую оценку к норме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нэнси Р. Финни. Ребёнок с церебральным параличом. Помощь. Уход. Развитие. 2017 г.
2. Семёнова К.А. Восстановительное лечение детей с перинатальным поражением нервной системы и с детским церебральным параличом. 2007 г.
3. Семенова, С.А., Степанов, В.В. Повышение двигательных возможностей взрослых больных с диагнозом ДЦП средствами волновой биомеханики /С.А. Семенова, В.В. Степанов // Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции с международным участием "Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения". – М.: 2017. – С. 451–453.
4. Семенова С.А., Степанов В.В. Технологический подход к проведению занятий физическими упражнениями для лиц с ДЦП /С.А. Семенова, В.В. Степанов // Материалы международной научно-практической конференции "Перспективы и технологии развития педагогики и психологии". – Нижний Новгород. – 2018. – С. 25–28.
5. Кожевникова В.Т. Современные технологии в комплексной физической реабилитации больных ДЦП. – М. – 2005. – 213 с
6. Baxter P. The Definition and Classification of Cerebral Palsy. Электронная версия: URL: <http://www.fizjoterapeutom.pl/files/29/Bax%20M%202007%20The%20Definition%20and%20Classification%20of%20Cerebral%20Palsy.pdf> (дата обращения: 15.01.2018).

© С.А. Семенова, В.В. Степанов, (stepanov.kinesio@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ГАОУ ВО Московский Городской Педагогический Университет

АКТУАЛЬНОСТЬ КУРСОВОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ И ЗАЩИТЫ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

ACTUALITY OF COURSE TRAINING
IN CIVIL DEFENSE AND PROTECTION
FROM EMERGENCY SITUATIONS:
FROM HISTORY TO MODERNITY

*E. Solovyeva
M. Druzhinina*

Annotation

This article analyzes the concept of "courses of training", carried out a comparison with the concept of "training", and defines the role of educational centers for civil defense and emergencies as one of the institutions of additional professional education. On the basis of theoretical study of legal acts and scientific literature on the education and the training of students in the field of civil defense and protection against emergencies proposed differentiation of concepts and released a new form of training in the field of civil defense and protection from emergency situations: training for the course of study.

Keywords: courses of training, training, training center, continuing professional education, training and methodological support.

Соловьева Елена Эдуардовна

*Ст. преподаватель, УМЦ ГБУ
Архангельской области "Служба спасения
им. И.А. Поливаного"*

Дружинина Мария Вячеславовна

*Д.п.н, профессор, Северный
(Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск*

Аннотация

В данной статье проводится анализ понятия "курсовое обучение", осуществляется сравнение с понятием "курс обучения", а также определяется роль учебно-методических центров по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям как одного из учреждений дополнительного профессионального образования. На основании теоретического исследования нормативно-правовых актов и научной литературы об образовании и сфере подготовки обучающихся в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций предлагается дифференциация понятий и выделяется новая форма обучения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций: повышение квалификации по курсу обучения.

Ключевые слова:

Курсовое обучение, курс обучения, учебно-методический центр, дополнительное профессиональное образование, учебно-методическое обеспечение.

Масштабность и сложность последствий современных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера предъявляют повышенные требования к обучению слушателей в области гражданской обороны (ГО) и защиты от чрезвычайных ситуаций (ЧС). Проведенный анализ литературы в сфере подготовки слушателей в области ГО и защиты от ЧС [9, 11, 16, 17] показал, что в образовании и педагогических науках проблема подготовки слушателей в области ГО и защиты от ЧС не изучена в полной мере. При организации процесса обучения слушателей в области ГО и защиты от ЧС нельзя не принимать во внимание все возрастающие требования нормативно-правовой базы системы образования. Этот вопрос приобретает все большую актуальность в связи с положениями методических рекомендаций МЧС России по введению в учебно-методических центрах по гражданской обороне, чрезвычай-

ным ситуациям и пожарной безопасности субъектов РФ (УМЦ) и курсах гражданской обороны муниципальных образований (курсы ГО) "курсового обучения". Исходя из актуальности проблемы и недостаточной степени ее научной проработанности, нами проведен анализ развития понятия "курсовое обучение" в образовании, в области ГО и защиты от ЧС на основе изучения нормативно-правовой базы и научной литературы.

История создания учебно-методических центров по гражданской обороне и защите от чрезвычайных ситуаций субъектов Российской Федерации начинается с Указа Президента Российской Федерации от 08 мая 1993 года № 643 "О гражданской обороне", на основании которого курсы гражданской обороны республик, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга были преобразованы в

учебно-методические центры по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям (в наст. пер. Указ не действует). В настоящее время УМЦ являются образовательными организациями дополнительного профессионального образования (ДПО) или структурными подразделениями организаций, осуществляющих образовательную деятельность и реализуют дополнительные профессиональные программы повышения квалификации (ДПП ПК) [2, ст. 2]. Заметим, что в Организационно-методических указаниях по подготовке населения Российской Федерации в области гражданской обороны (ГО), защиты от чрезвычайных ситуаций (ЧС) и безопасности людей на водных объектах на 2016–2020 годы выделен как недостаток тот факт, что есть УМЦ, которые "по своей организационно-правовой форме не имеют права реализовывать дополнительные профессиональные программы в области ГО и защиты от ЧС, т.к. не отвечают требованиям Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" [5, с. 3]. Таким образом, в соответствии с Организационно-методическими указаниями МЧС России на 2016–2020 годы, все УМЦ должны иметь лицензию на реализацию программ ДПО.

Приказ Минобрнауки России от 01.07.2013 г. № 499 "Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам" (Порядок) определяет, что "дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки" [4, п. 6]. Порядок установил минимально допустимый срок освоения программ повышения квалификации – 16 часов. По окончании обучения проводится итоговая аттестация в форме, определенной образовательной организацией. Обучающимся, "успешно освоившим соответствующую дополнительную профессиональную программу и прошедшим итоговую аттестацию, выдаются документы о квалификации: удостоверение о повышении квалификации [4, п. 19]. В УМЦ процесс обучения заканчивается итоговой аттестацией и слушателям, успешно прошедшим аттестацию, выдается удостоверение о повышении квалификации в области ГО и защиты от ЧС по соответствующей категории.

Исследуя нормативно-правовую базу системы образования, было выявлено, что "реализация программы повышения квалификации направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышения профессионального уровня в рамках имеющейся компетенции [4, п. 6]. Соответственно, обучиться в УМЦ по программам повышения квалификации в области ГО и защиты от ЧС могут слушатели, которые впервые назначены на должность в данной сфере дея-

тельности. Периодичность повышения квалификации для учителей основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ) составляет 1 раз в 3 года, для всех остальных категорий – 1 раз в 5 лет.

Проведенный нами анализ нормативно-правовой базы показал, что в настоящий момент УМЦ являются образовательными организациями ДПО или структурными подразделениями организаций, осуществляющих образовательную деятельность, реализуют дополнительные профессиональные программы повышения квалификации в области ГО и защиты от ЧС, имеют лицензию на осуществление образовательной деятельности по программам ДПО. Возникает вопрос: уместно ли внедрение курсового обучения в систему ДПО в области ГО и защиты от ЧС?

Проанализируем историю развития понятия "курсовое обучение". В Российской Федерации курсовое обучение было организовано в 70-е годы прошлого века непосредственно на предприятиях для получения новой специальности и считалось одной из форм ученичества.

Во время исследования литературы по курсовому обучению мы столкнулись с трудностями в определении понятия "курсового обучения". Нами было выявлено, что в современных научных источниках нет понятия "курсовое обучение". Данная дефиниция характерна для литературы по охране труда и технике безопасности второй половины XX века. Так, П.А. Долин определяет курсовое обучение как "подготовку нового персонала или повышение квалификации работающего в учебных комбинатах или на постоянно действующих курсах с отрывом (без отрыва) от производства" [8, с. 92]. К.Н. Гусов добавляет, что "курсовое обучение производится по особо сложным профессиям" [10, с. 206]. Из других источников мы выяснили, что "курсовое обучение в строительстве проводится после вводного инструктажа на рабочем месте, но не позднее, чем в трехмесячный срок со дня зачисления рабочего в штат" [7, с. 205]. Таким образом, из исследуемых источников, изданных до 2000 года, следует, что подготовка новых рабочих – это профессиональное обучение людей, ранее не имеющих профессии или специальности. Отметим, что за последние 10 лет в существующей научной литературе отсутствует понятие "курсовое обучение", а в структуре системы образования нет уровня начального профессионального образования [2, ст. 10, п.5]. Анализируя Трудовой Кодекс Российской Федерации, мы выяснили, что статья 196 разделяет понятия "подготовка работников (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительное профессиональное образование" [1, ст. 196]. Согласно статье 198 ТК РФ: "работодатель имеет право заключить ученический договор на получение образования с кандидатом на рабочее место" [1, ст. 202].

Здесь же определены формы ученичества: индивидуальное, бригадное и курсовое обучение.

В словаре Д.Н. Ушакова ученичество понимается как "обучение квалифицированному труду; школа фабрично-заводского ученичества; бригадное ученичество" [18, с. 834]. Словарь русского языка представляет ученичество как "пребывание в положении ученика; обучение квалифицированному труду" [15, с. 543].

В Словаре профессионального образования ученичество определяется как "краткосрочная форма подготовки или переподготовки работников простых видов труда, преимущественно ручного; подразделяется на групповое и индивидуальное" [14].

Таким образом, ученичество – это обучение под руководством более опытного работника (мастера, наставника) на рабочем месте в процессе производственной деятельности.

Рекомендации по организации и проведению курсового обучения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций от 02.12.2015 года № 2-4-87-46-11 (Рекомендации) определяют курсовое обучение как "целенаправленный процесс организации деятельности по овладению соответствующими группами населения знаниями и умениями в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций, а также приобретению опыта их применения в интересах личной защиты от опасностей, возникающих при военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях, а также выполнения возлагаемых на них обязанностей в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций" [6, с. 4]. Раздел II Рекомендаций п. 2.1 дополняет: "Курсовое обучение не является образовательной деятельностью и лицензированию не подлежит", "курсовое обучение завершается контрольным занятием с выдачей справки о прохождении курсового обучения" [6, п. 2.1, п.2.11].

Проведенный анализ нормативно-правовых и научных источников в области образования и безопасности жизнедеятельности позволяет сделать вывод о том, что курсовое обучение в области ГО и защиты от ЧС не является образовательной деятельностью, не лицензируется и осуществляется как ученичество. Таким образом, курсовое обучение в области ГО и защиты от ЧС может проводиться только в отношении тех категорий обучающихся, обучение которых проводится на объекте (предприятии, производстве). К таким категориям слушателей относятся: работающее население, личный состав нештатных аварийно-спасательных формирований (НАСФ) и нештатных формирований по обеспечению выполнения мероприятий гражданской обороны (НФГО). Подготовка этих категорий слушателей является обязанностью организаций, проводится на объекте ежегод-

но по рабочим программам, не лицензируется и относится к профессиональному обучению. Курсовое обучение в области ГО и защиты от ЧС в организации проводят руководители занятий по гражданской обороне, руководители и специалисты структурного подразделения, уполномоченного на решение задач в области защиты населения и территорий от ЧС и ГО, председатели комиссий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности организации.

Следовательно, курсовое обучение не предназначено для слушателей, которые обучаются в УМЦ по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации в области ГО и защиты от ЧС. Предлагаемое понятие "курсовое обучение" вступает в противоречие с имеющимся накопленным опытом в практике образовательной деятельности в области ГО и защиты от ЧС. По нашему мнению, требуется дополнительное обсуждение вводимого понятия в систему ДПО и УМЦ, где, как правило, идет речь о повышении квалификации.

Нами проанализировано учебно-методическое обеспечение УМЦ, собственный многолетний опыт работы в УМЦ. Выяснилось, что созданная система обучения слушателей в УМЦ динамично реализуется, соблюдается периодичность, обязательность и ответственность должностных лиц и работников в области ГО и защиты от ЧС по повышению квалификации в этой сфере деятельности.

Проанализировав опыт образовательной деятельности и процесса обучения других УМЦ, мы выяснили, что понятие "курсовое обучение" широко не используется. Опрос коллег, собеседования со слушателями показали, что УМЦ пока не готовы активно использовать понятие "курсовое обучение" в практике образовательной деятельности.

Исследуя проблему курсового обучения в области ГО и защиты от ЧС мы выявили, что ФЗ-273 "Об образовании в Российской Федерации" определяет: "Примерная основная образовательная программа – учебно-методическая документация (примерный учебный план, примерные рабочие программы учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), определяющая рекомендуемые объем и содержание образования определенного уровня и (или) определенной направленности, планируемые результаты освоения образовательной программы, примерные условия образовательной деятельности..." [2, ст. 2]. При реализации программ ДПО "структура дополнительной профессиональной программы включает цель, планируемые результаты обучения, учебный план, календарный учебный график, рабочие программы учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), организационно-педагогические условия, формы аттестации,

оценочные материалы [4, п. 9]. Отсюда следует, что дополнительная профессиональная программа повышения квалификации состоит из рабочих программ по курсу обучения. Появляется новое понятие – курс обучения, которое также необходимо проанализировать.

Новый словарь методических терминов и понятий определяет курс обучения как "систему знаний, разработанную в соответствии с Госстандартом и учебным планом для различных учебных заведений. Курс обучения рассчитан на определенный период времени и состоит из ряда общеобразовательных и специальных дисциплин" [12, с. 118]. Словарь профессионального образования трактует курс обучения как "цикл, состоящий из учебных дисциплин, предметов и тем, предусмотренных определенной образовательной программой; точно очерченный круг знаний, умений и навыков по какому-либо учебному предмету или научной дисциплине" [14].

Толковый словарь Ожегова дает такие понятия: "Курс – группа учащихся этой ступени; курс – законченный цикл, весь объем специального обучения; курс – это изложение дисциплины в высшей школе, в специальном учебном заведении. Прочитать, прослушать курс лекций" [13, с. 309].

С нашей точки зрения, для каждого курса обучения в области ГО и защиты от ЧС составляется дополнительная профессиональная программа повышения квалификации для группы слушателей по соответствующему направлению обучения.

Таким образом, в системе подготовки в области ГО и защиты от ЧС программа повышения квалификации по курсу обучения будет соответствовать конкретным целевым группам слушателей, к которым относятся [3]:

1. Главы местных администраций, руководители организаций;
2. Председатели и члены комиссий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности (КЧС и ОПБ);
3. Работники, уполномоченные на решение задач в области ГО и защиты от ЧС федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и организаций;
4. Руководители нештатных аварийно-спасательных формирований (НАСФ), нештатных формирований по обеспечению выполнения мероприятий по гражданской обороне (НФГО), спасательных служб гражданской обороны (ССГО);

5. Руководители эвакуационных органов;
6. Председатели комиссий по повышению устойчивости функционирования организаций, отнесенных к категориям по ГО, а также продолжающих работу в военное время;
7. Работники, осуществляющие обучение в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций;
8. Руководители (специалисты) ДДС организаций и ЕДДС ОМСУ.

Более того, указанные категории слушателей имеют среднее профессиональное или высшее образование и неуместно рассматривать их обучение на уровне "ученичества". Ценностная составляющая понятия "курс обучения" значительно объемнее, чем "курсовое обучение" и, на наш взгляд, применение этого понятия более рационально.

Проведенный анализ нормативно-правовой базы и научной литературы выявил отличительные особенности понятий "курсовое обучение" и "курс обучения".

Курсовое обучение и курс обучения – понятия разных уровней системы образования. Курсовое обучение относится к профессиональному обучению, не лицензируется, осуществляется непосредственно на объекте в форме ученичества или на курсах дополнительного образования взрослых по соответствующим программам. По окончании курсового обучения выдается справка, свидетельство или сертификат. Курсовое обучение – это обучение на рабочем месте под руководством более опытного работника в процессе трудовой деятельности, что, на наш взгляд, недостаточно полно раскрывает существенные характеристики процесса повышения квалификации в области ГО и защиты от ЧС.

Используемое понятие "курс обучения" в области ГО и ЧС как компонент системы ДПО в настоящий период уместно, рационально и, самое главное, понятно и прозрачно как для преподавателей, так и для самих слушателей. Обсуждения требуют внедрение понятия "курсовое обучение" в систему ДПО среди широкого круга заинтересованных лиц научной и образовательной среды.

По нашему мнению, перспективным развитием анализируемого понятия следует считать разработку специальных моделей курсового обучения, их "пилотную" апробацию и критическую оценку их эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
2. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 № 273-ФЗ.
3. Постановление Правительства РФ от 02.11.2000 г. № 841 "Об утверждении Положения о подготовке населения в области гражданской обороны".

4. Приказ Минобрнауки России от 01.07.2013 № 499 "Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам".
5. Организационно-методические указания по подготовке населения Российской Федерации в области гражданской обороны, защиты от чрезвычайных ситуаций и безопасности людей на водных объектах на 2016–2020 годы от 12.11.2015 г. № 43–5413–11. М.: МЧС России. – 19 с.
6. Рекомендации по организации и проведению курсового обучения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций от 11.12.2015 г. № 43–5942–11. М.: МЧС России. – 17 с.
7. Васильев, В.П. Справочник монтажника. М.: Недра, 1975. – 224 с.
8. Долин, П.А. Справочная книга по технике безопасности в энергетике. Книга 1. М.: Издательство "Энергия", 1978. – 656 с.
9. Домницкий, Н.К. Системный взгляд на проблемы содержания обучения в субъектах Российской Федерации для подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций / Н.К. Домницкий // Технологии гражданской безопасности. – 2015. – № 2 (44). – с. 92–97.
10. Гусов, К.Н. М.: Трудовое право России. 1999. – 480 с.
11. Кузьмин, А.И. Обучение руководителей гражданской обороны /А.И. Кузьмин // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2015. – № 1 (24). – с. 8–12.
12. Новый словарь методических терминов и понятий. – М.: Издательство ИКАР. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. 2009. – 448 с.
13. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры: – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
14. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М.: МНЦ СПО. С.М. Вишнякова. 1999 [Электронный ресурс] URL:http://professional_education.academic.ru/2673 (дата обращения 20.12.2016).
15. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русс. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. Т-4. С-Я. 1984. – 794 с.
16. Твердохлебов, Н.В. Внедрение новых организационных форм подготовки некоторых групп населения в области гражданской обороны – объективная реальность / Н.В. Твердохлебов // Технологии гражданской безопасности. – 2015. – № 2 (44). – с. – 86–90.
17. Твердохлебов, Н.В. Проблемы подготовки населения муниципальных образований в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций и возможные пути их решения / Н.В. Твердохлебов, М.Е. Норсеева // Технологии гражданской безопасности. – 2014. – № 1 (39). – с. 58–61.
18. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл.", ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935–1940. (4т). – 1562 с.

© Е.Э. Соловьева, М.В. Дружинина, (solovjeva_elena@bk.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

АВТОНОМИЯ СТУДЕНТОВ - ВЫЗОВ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Хамова Светлана Николаевна
К.с.н., доцент, Российский
химико-технологический университет
им. Д.И. Менделеева

STUDENTS` AUTONOMY IS A CHALLENGE FOR TEACHERS

S. Khamova

Annotation

Challenges for English language teachers in developing students` autonomy are covered in the article. Quantitative and qualitative methods were employed in the study. The findings indicate that teachers at D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia have to cope with four challenges: teachers are supervisors, they dominate in all aspects of students` learning; students are consumers of education services and passive participants in the educational process; self-study is not actively incorporated in learners` language acquisition, so personal learning platforms are not built and new technologies in language teaching are not applied on a large scale. Some steps to promote learner`s autonomy aimed at improving their performance are offered in the article.

Keywords: higher education, English language, students` autonomy, survey, challengers.

Аннотация

Проблемы развития автономии студентов при обучении английскому языку в Российском химико-технологическом университете им. Д.И.Менделеева рассмотрены в статье. В исследовании были использованы методы количественного и качественного анализа. Было выявлено четыре основных фактора, сдерживающих развитие автономии студентов: доминирующая роль преподавателя в процессе обучения; роль студентов в образовательном процессе сводится, в большей степени, к потребительской; пассивное инкорпорирование автономии студентов в образовательный процесс, что приводит к отсутствию индивидуальных образовательных траекторий и ограниченное использование новейших информационно-коммуникационных технологий. В статье предложены меры по развитию автономии студента при изучении английского языка в университете.

Ключевые слова:

Высшее образование, английский язык, автономия студента, опрос, вызовы.

Введение

Система высшего образования сегодня испытывает кризис [1]. Она должна соответствовать, с одной стороны, стандартам высшего образования, с другой стороны, на систему оказывают значительное влияние экономические факторы.

Стандарты высшего образования нацелены на обеспечение качественного образования для студентов высшего учебного заведения, приобретение ими для будущей профессиональной деятельности компетенций и навыков; соответствие образовательных программам требованиям и контроль над всеми составляющими компонентами образовательного процесса.

Эффективность системы – это важный экономический фактор, который определяет развитие системы образования. Данный фактор является, в свою очередь, стимулом для агентов образовательного процесса (команды управленцев, преподавателей) оптимизировать затраты системы, обеспечив при этом высокие стандарты качества образования обучающихся. Данный процесс неизбежно приводит к необходимости развития автономии студента.

Цель данного исследования: выявить вызовы, связанные с активным внедрением автономии бакалавров и магистров в процесс обучения иностранному языку в Российском химико-технологическом университете им. Д.И.Менделеева и предложить способы их преодоления. Метод, который использовался в исследовании, это опрос.

Обзор литературы

Термин `автономия студента` обсуждается в контексте высшего образования. Сак?с?, D.[2] считает, что данный термин означает активную вовлеченность учащегося в образовательный процесс. Студенты берут на себя ответственность за цели и стратегии [3] своего образования. Автономия является `двигателем` развития навыков, мотивации и уверенности [2]. Она помогает им сконцентрироваться на их собственных задачах, выстроить индивидуальные образовательные траектории и стратегии обучения, а также оценить свои достижения и сопоставить их с достижениями других студентов. Автономный студент дистанцируется от группы и следует своим маршрутом [10].

Возникает ряд проблем, связанных с автономией обучающихся в рамках академического обучения бакалав-

ров и магистров [4]. Ученые и специалисты–практики едины во мнении, что должен произойти значительный сдвиг в соотношении между часами аудиторных занятий и самостоятельной работы студентов в сторону самостоятельной работы. При этом должны быть соблюдены важные условия: организация учебного процесса должна соответствовать требованиям качества и оптимизации. Для осуществления сдвига в сторону автономии студента предлагаются разнообразные стратегии. Online платформы дают студентам возможность создавать свою собственную образовательную среду [9]. Материалы для самостоятельной работы, разработанные с учетом потребностей студентов, являются существенным вкладом в развитие автономии обучающихся. Университеты – лидеры на рынке предоставления образовательных услуг, предлагают модули, дополнительные online курсы, материалы для самостоятельного образования студентов, а также тесты для самооценки своего уровня владения иностранным языком [5]. Студенты могут быть членами образовательных сообществ [6], вести дневник, составлять самоотчеты [7] и формировать индивидуальный портфолио [8]. Электронные средства связи и сообщества (Интернет, социальные сети) являются неопценимым вкладом в развитие автономии студента [9]. В целом, *“learning to learn means learning to use appropriate strategies to realize desired learning objectives”* (самостоятельное обучение предполагает использование соответствующих стратегий для достижения поставленных целей обучения) [6, p.176].

Преподаватели неоднозначно относятся к развитию автономии студента. Одна группа преподавателей полностью поддерживает ее необходимость и рассматривает ее активное внедрение в образовательный процесс с позитивной точки зрения. Например, внедрение образовательной среды *“Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment” = “MOODLE”* в широком масштабе [11], которая ориентирована на создание долгосрочных паритетных взаимоотношений между преподавателями курса и студентами.

Другая группа обучающихся приводит весомые аргументы против развития автономности студентов, полагая, что студенты не в состоянии взять на себя ответственность за индивидуальные образовательные стратегии [7] и траектории; значительно возрастает спрос на материалы для самостоятельного обучения [11] и изменение основной функции преподавателя от обучающей к консультационной потребует специалистов с иными профессиональными навыками.

Методология исследования

Бакалавры и магистры химических, технологических, экономических и юридических направлений Российского химико–технологического университета им. Д.И. Менделеева

приняли участие в опросе. Было опрошено 318 студентов. 138 студентам первого года обучения (октябрь – февраль, 2018), 146 студентам второго года обучения (октябрь – февраль, 2018) и 34 магистрам первого курса (февраль, 2018) было предложено ответить на семь открытых вопросов:

1. Сколько времени вы тратите на изучение английского языка в неделю (в университете и дома)?
2. Сколько времени вы готовы потратить на изучение английского языка в неделю?
3. Считаете ли вы необходимым увеличение числа занятий в университете по английскому языку в неделю?
4. Могли бы вы оценить свои знания по английскому языку (0>5=уровень *“Advanced”* по Общеввропейской системе оценки знания иностранных языков)?
5. Обеспечивают ли предложенные материалы для самообучения повышение уровня иностранного языка?
6. Какие факторы мотивируют вас заниматься английским языком?
7. Какова роль преподавателя в процессе обучения английскому языку?

Результаты опроса

Результаты эмпирического исследования показывают, что 47% студентов тратят от 4 до 6 часов в неделю на изучение английского языка (в университете и дома). 34% обучающихся занимаются языком менее 3 часов в неделю. Только 8.5% ребят тратят на изучение английского языка более 10 часов в неделю.

26% бакалавров и магистров считают необходимым увеличить время, потраченное на изучение английского языка до 5 часов в неделю. 21% студентов планирует целевое увеличение часов до 10.

57% опрошенных полагают, что их уровень английского соответствует уровню *“Intermediate”*. Менее 19% бакалавров и магистров уверены, что их уровень языка – *“Elementary”*. Только 7% считают, что их уровень владения языком соответствует уровню *“Advanced”*.

Около половины студентов (52%) находят помощь при изучении английского языка в материалах для самостоятельной работы. Вместе с тем, 91% ждет эту помощь от преподавателя иностранного языка.

Мощным стимулом при изучении языка является профессиональный рост в перспективе для 54% студентов и саморазвитие для 51% опрошенных. Слабыми стимулами интервьюируемые считают: доступ к англоязычной информации (9%), изучение культуры англоязычных стран (7%) и возможность трудоустройства за рубежом (3%).

Перспектива быстрого карьерного роста в профессиональной сфере является основной причиной для 52%

студентов настаивать на увеличении количества семинарских занятий в неделю по английскому языку. 30% студентов, с другой стороны, выразили желание оставить два часа в неделю английского языка по учебному плану.

Результаты исследования

Результаты исследования показывают, что большинство студентов (26%+21%=47%) заинтересованы в повышении уровня владения английским языком и развитии связанных с ним навыков, применимых в различных профессиональных сферах деятельности. Основным мотивирующим фактором изучения языка для всех опрошенных студентов является возможность занять управленческую позицию в компании с хорошей репутацией и с высокими финансовыми показателями. На такой позиции, по их мнению, будут востребованы знания о культуре иных народов и приняты во внимание их высокая мотивация к саморазвитию.

Результаты исследования выявили, что материалы для самостоятельной работы студента недостаточно удовлетворяют потребности почти половины опрошенных студентов. Бакалавры и магистры уверены, что преподаватель – это ключевая фигура в образовательном процессе. Для 91% участников опроса данное положение является аксиомой. Студенты доверяют и следуют образовательным стратегиям, которые выбраны преподавателем. Они, соответственно, считают, что в зону ответственности преподавателя входит обучение их востребованным в перспективе профессиональным навыкам, обеспечение доступа к отобранной преподавателем актуальной информации, определение и повышение их уровня владением английским языком.

Направляющая роль преподавателя определила для 52% студентов необходимость увеличения аудиторных занятий по английскому языку.

Результаты опроса продемонстрировали, что самостоятельная оценка студентом уровня владения иностранным языком сведена к минимуму и, более того, является проблемой для большинства опрошенных (за исключением 7%). 93% отметили, что они не владеют методикой оценки своих знаний и не имеют такого опыта, при этом 57% студентов уверены, что их уровень владения английским языком соответствует уровню `Intermediate`. Анализ соотношения этих данных подтверждает тот факт, что преподаватель ответственен за оценку знания и навыков студентов. Студенты, в свою очередь, полностью полагаются на оценку преподавателя.

Результаты опроса показывают, что автономия студентов в Российском химико-технологическом университете им. Д.И.Менделеева ставит перед преподавателями четыре основных проблемы:

1. Студенты являются пассивными участниками образовательного процесса. Их образовательные стратегии при изучении английского языка и приобретаемые навыки определяются преподавателями.

2. Роль преподавателя в процессе обучения английскому языку ключевая. Принцип `преподаватель передает знания – студент получает` доминирует. Преподаватель выступает конструктором и гарантом карьерного продвижения выпускников в профессиональной сфере в перспективе.

3. Соотношение аудиторных часов и самостоятельной работы студента имеет значительный сдвиг в сторону аудиторных часов.

4. Новые подходы в преподавании английского языка для поколения `digital` (`цифровое`) используются очень ограниченно.

Заключение

В эру трансформации Российского химико-технологического университета им. Д.И.Менделеева в 3D университет автономия студентов является одной из его приоритетных задач. Университет и все агенты образовательного процесса (администрация, преподаватели и студенты) должны выстраивать свою деятельность в трехмерном пространстве: образовательном, научном и предпринимательском. `Двигателем` трансформации выступает относительная автономность всех участников процесса. Уровень автономии каждого агента коррелируется с уровнем и скоростью его развития и определяет гибкость университета и каждого агента образовательного процесса, т.е. насколько университет и каждый агент способны отвечать на вызовы времени и, вместе с тем, стабильно развиваться. Чем выше способность студентов в принятии решений при выборе образовательных программ и учебных курсов; принятии ответственности за уровень владения иностранным языком, тем более он автономен и гибок.

Совместные усилия всех агентов образовательного процесса должны быть направлены на развитие автономии студента. Выделены три основных направления этой целеполагающей деятельности в рамках обучения английскому языку:

- ◆ сотрудничеству преподавателей и студентов должно строиться на принципе паритета в разделении ответственности за выстраивание образовательных стратегий и достижении образовательных целей;

- ◆ вовлечь студентов в образовательный процесс в качестве активных его участников, сотрудничая с ними, в частности, в создании единого образовательного пространства, разработке инновационных образовательных платформ, и трансформируя, тем самым, статус преподавателя из обучающего и контролирующего в соучастника процесса и консультанта;

◆ разработать материалы для самостоятельной работы студентов, преследуя образовательные цели курса по изучению иностранного языка и принимая во внимание индивидуальные стратегии развития бакалавра и магистранта.

Созданные и модифицированные учебные и для самостоятельной работы платформы, курсы и материалы позволят сократить количество занятий английским языком в аудитории и поддерживать оптимальный баланс между аудиторными часами и часами самостоятельной работы студента при сохранении высокого качества об-

разования и оптимизации расходов на него.

Автономия студентов в изучении иностранного языка является мощным стимулом для активизации их деятельности за пределами одного предмета и образовательной среды университета. Она стимулирует бакалавров и магистров приобретать знания, осваивать новые навыки и реализовывать их в образовательной, научной и предпринимательской деятельности. Автономия студента – это основа профессионального успеха молодого специалиста. В перспективе она позволит им «вписаться в общий контекст» профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарья Карманова. Кризис российского высшего образования: к проблеме аспектизации. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 78–84. <http://journal-labirint.com/?p=522>
2. Çakırcı, D. (2015). Autonomy in language teaching and learning process. Inonu Universitesi Egitim Fakultesi Dergisi, 16(1), 31–42. <http://efdergi.inonu.edu.tr/article/download/5000080070/5000127474>
3. Holec, H. 1981. Autonomy in Foreign Language Learning. Oxford: OUPinThanasoulas, Dimitrios (2000). "What Is Learner Autonomy And How Can It Be Fostered?" The Internet TESL Journal, Vol. VI, No. 11, November 2000. <http://iteslj.org/Articles/Thanasoulas-Autonomy.html>
4. Smith, R. C. (2000). Starting with ourselves: teacher-learner autonomy in language learning. 99. https://warwick.ac.uk/fac/soc/al/people/smith/smith_r/pre-2002/smith_2000.pdf
5. Балацкий Е.В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России: Социология. Этнология. 2015. № 4. С. 72–98. <https://cyberleninka.ru/article/v/novye-trendy-v-razviti-i-universitetskogo-sektora>
6. Kumaravivelu, V. (2006). Understanding language teaching: From method to postmethod. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers 2006, Mahwah, New Jersey London. <https://livelongday.files.wordpress.com/2011/08/kumaraposmethod.pdf>
7. Balçıkkanlı, C. (2010). Learner Autonomy in Language Learning: Student Teachers' Beliefs. Australian Journal of Teacher Education, 35(1). <http://dx.doi.org/10.14221/ajte.2010v35n1.8>
8. International conference on new horizons in education, 2012. Autonomous learning: A teacher-less learning! Nima Shakouri Masouleh, Razieh Bahraminezhad Jooneghani. Procedia – Social and Behavioral Sciences 55, Elsevier Ltd (2012) 835 – 842. https://ac.els-cdn.com/S1877042812040323/1-s2.0-S1877042812040323-main.pdf?_tid=8321b566-0fe1-11e8-8529-00000aacb362&acdnat=1518432368_b1ba5a332a71a48d9645b1103d17b88e
9. Nowlan, A. (2008). Motivation autonomy: Activities to encourage independent study. The Internet TESL Journal 16 (10). <http://iteslj.org/Techniques/Nowlan-Autonomy.html>
10. InnaV. Atamanova, Sergey A. Bogomaz, NataliaV. Kozlova, Valentinal. Kashirina Tomsk State University, Procedia – Social and Behavioral Sciences 200, the XXVI Annual international academic conference, Language and culture, 27–30 October, 2015, 236 – 242 https://ac.els-cdn.com/S1877042815047060/1-s2.0-S1877042815047060-main.pdf?_tid=7068cb8e-1221-11e8-a367-00000aacb35f&acdnat=1518679726_411e2ebee9795320cc35a046040e1c5
11. Antamoshkina Ol'ga Igorevna, Zinina Ol'ga Vjacheslavna. The problems of formation of individual educational trajectory of masters of a direction "Management" // Современные технологии управления. №3 (75), Article № 7504, 2017–03–20. <http://sovman.ru/en/article/7504/>
12. Stella M. Flores, Jeanne Batalova and Michael Fix. The Educational Trajectories of English Language Learners in Texas, Washington, DC: Migration Policy Institute, 2012 <https://www.migrationpolicy.org/pubs/TexasELLS.pdf>
13. Крутских А.В. Иностраный язык как компонент профессиональной подготовки в ВУЗе// Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. №41. С. 135–139.

ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САТИРЫ КАЗАТА АКМАТОВА

Исаков Каныбек Абдуваситович
Д.филол.н.,
Ошский государственный
университет, Кыргызстан

IDEOLOGICAL AND THEMATIC FEATURES OF SATIRE KAZAT AKMATOV

K. Isakov

Annotation

The article is devoted to the study and research of the ideological and thematic features of the works of the fable genre of the famous national writer of Kyrgyzstan, playwright Kazata Akmatova. Although K. Akmatov is known as the author of a number of novels and novels, plays and screenplays, by the end of the twentieth century he is turning to fable. One of the features of his work is that he wrote in Kyrgyz and Russian. The appeal of K. Akmatov to the fable genre is not an accidental phenomenon. As a former party worker, he knew all the shortcomings of a rotting socialist society, so he was one of the first to join the struggle for a new life, heading the Democratic Movement of Kyrgyzstan in the early 90s of the twentieth century. His fable-parable "New fables or parables of the new century", consisting of three books, brought him new fame, the readers saw in him a fabulist. Through his fables-parables the author expresses his opposition view on the negative phenomena of a new era. By narrating the story, the author adds his subjective opinions, personal Democrat-Akmatov views on this or that event. Another feature of the fables of K. Akmatov, which immediately catches your eye, is that if in the majority of classical fables the allegoricality of animals or things revolves around them, then the Akmatov allegory, moving away from the initial prototypes, appears as the person himself, say, as Ivan Ivanovich or Asan Asanovich. One can confidently say that Kazat Akmatov, a well-known prose writer, playwright and screenwriter, became one of the Kyrgyz fabulists because of these three books, as an author who has his own handwriting in this ancient genre of literature. Thus, he made a great contribution to the development of Kyrgyz fable creativity.

Keywords: allegory, fable, fable genre, democracy, new era, perestroika, prose, prototype.

Аннотация

Статья посвящена изучению и исследованию идейно-тематических особенностей произведений басенного жанра известного народного писателя Кыргызстана, драматурга Казата Акматова. Хотя К.Акматов известен как автор ряда романов и повестей, пьес и киносценариев, к концу XX века обращается к басне. Одна из особенностей его творчества заключается в том, что писал на кыргызском и русском языках. Обращение К.Акматова к басенному жанру явление не случайное. Как бывший партийный работник он прекрасно знал все недостатки гниющего социалистического общества, поэтому одним из первых встал в ряд борцов за новую жизнь, возглавив Демократическое Движение Кыргызстана в начале 90-х годов XX века. Его басня-притча "Новые басни или притчи нового века", состоящая из трёх книг, принесла ему новую известность, читатели увидели в нём баснописца. Через свои басни-притчи автор выражает свой оппозиционный взгляд на негативные явления новой эпохи. Повествуя сюжет, автор добавляет свои субъективные мнения, личные демократ-акматовские взгляды по поводу того или иного события. Ещё одна особенность басен К.Акматова, которая сразу бросается в глаза, заключается в том, что, если в большинстве классических басен аллегоричность животных или вещей вертятся вокруг них, то акматовская аллегоричность, отдаляясь от исходных прототипов, выступает как сам человек, допустим, как Иван Иванович или Асан Асанович. Можно уверенно сказать, что Казат Акматов, известный прозаик, драматург и киносценарист, благодаря этим трём книгам вошёл в число кыргызских баснописцев, как автор, имеющий свой почерк в этом древнейшем жанре литературы. Тем самым он внёс большой вклад в развитие кыргызского басенного творчества.

Ключевые слова:

Аллегоричность, басня, басенный жанр, демократия, новая эпоха, перестройка, прозаическое, прототип.

Казат Акматов дебютировал в литературе как прозаик в 1974 году, когда вышел в свет первый сборник его рассказов "Боз улан" ("Юноша"). Он является автором более ста прозаических произведений, театральных постановок, художественных и документальных фильмов. К.Акматов считается одним из родоначальников кыргызской демократии. Первый председатель Движения Демократический Кыргызстан (ДДК), которое являлось движущей силой при становлении нынешнего строя Кыргызстана.

Известны его произведения, как романы "Мезгил" (1979) (на русском языке под названием "Время земное", 1982), "Мунабия" (1987), "Годы вокруг солнца" (1988), "Архат" (2006) и др. Он является автором сценария кинолент "Белый табун", "Гибель во имя рождения" (1988) и др. Повесть "Две строки жизни", опубликованная в "Роман-газете" в 1978 году, удостоена всесоюзной Литературной премии имени Николая Островского. В этом же году он был принят в Союз писателей СССР.

Народный писатель Казат Акматов также внес огромный вклад в кыргызскую журналистику, проработав более трех лет старшим редактором комитета Гостелерадио Кыргызской ССР. В 2013 году в Лондоне публикуется последнее произведение драматурга, писателя и сценариста "13 шагов Эрики Клаус" в переводе на английский язык.

Приход К.Акматова в басенный жанр не случайно. Как бывший партийный работник он прекрасно знал все недостатки гниющего социалистического общества, поэтому одним из первых встал в ряд борцов за новую жизнь, возглавив Демократическое Движение Кыргызстана в начале 90-годов XX века.

В 1985 году в СССР началась перестройка, лозунгами дня стали гласность и демократия. Поднимали проблему национальной чести, на фоне которой писатели вышли на авансцену, обновляя тематику своих сочинений, активно начали "штурмовать" темы, запрещенные советской цензурой.

В 2003–2004 годах мы, читатели, увидели еще одну сторону творчества прозаика, драматурга, общественно-го деятеля Казата Акматова – баснотворчество. Был издан его сборник из трёх книг "Новые басни или притчи нового века" [1; 2]. В первую книгу вошли басни "Начали рассказ с событий на птичьем рынке", "Частный магазин сороки", "Ословские решения", "Карьерист щенок", "Вороны снова голодные сидят", "Завещание свиньи", "Кёксерек", "В чём счастье свинёнка?" и др.

Сравнивая со стандартами классических басен, мы выявляем следующие особенности басен К.Акматова:

1. Отсутствует мораль в конце басни.
2. Событие повествуется прозаически.
3. Название "притчи нового века" дает сам автор рядом с кыргызским названием, отсюда следует, что он пытается показать недостатки молодого, нового государства.
4. Басни К.Акматова посвящены детям, параллельно даются тексты на кыргызском и русском языках, книга в формате А–4 проиллюстрирована цветными рисунками.
5. Через свои басни–притчи автор выражает свой оппозиционный взгляд на негативные явления новой эпохи.
6. Повествуя сюжет, автор добавляет свои субъективные мнения, личные демократ–акматовские взгляды по поводу того или иного события.
7. Еще одна особенность басен К.Акматова, которая сразу бросается в глаза заключается в том, что, если в большинстве классических басен аллегоричность животных или вещей вертятся вокруг них, то акматовская аллегоричность, отдаляясь от исходных прототипов, выступает как сам человек, допустим, как Иван Иванович или Асан Асанович. Тот конкретный человек работает в

ГУБЭП, вводит санкции на задержание, станет главарём партии, общества, говорит на законной основе согласно авторским правам. Занимается рэкетирством на базаре, тайно голосует и участвует в счёте бюллетеней, смотрит телепередачи. Заканчивает Бишкекскую консерваторию, играет "Лунную сонату" Бетховена, одна Ворона играет известные мелодии (наигрыш на комузе) "Насыйкат", "Маш ботой", "Камбаркан", Обезьяны и Змеи откроют совместно малое предприятие и т.д.

8. Если в классических баснях место происхождения, время и пространство излагаемого события абстрактны и это считается событием, которое может произойти в любое время, в любой точке мира, то у К. Акматова смысловому читателю проясняются конкретная Родина (Кыргызстан) и конкретное время (последнее десятилетие XX века и начало XXI века) происходящего.

9. Писатель не только излагает событие, герои вступают в разговор друг с другом, превалирует диалог.

10. В особенностях создания образа и описания автора заметно влияние дидактических сказов и риваятов (притч) древневосточной литературы.

Во вторую книгу К.Акматова вошли басни–притчи "Кому какие знания нужны?", "Карр–карр", "Что делать тут воробью?", "Муха и комиссия", "Свинёнок–путешественник", "Неумный телёнок", "Судьба коровы Таргыл" (таргыл – полосатый), "Красавицу называют, оказываются, красавицей", "Сорока" и др.

В третью книгу "новых притч" вошли также 12 басен: "Козуке", "Волки–рэкетеры", "Кукушка", "Верблюд–инвалид", "День рождения Лисы", "Нора Таракана", "Материнское молоко", "Ограждения Зайца", "Пчелы–захватчики", "Спор уток", "Сайгаки".

Как мы видим, К.Акматов называет свои басни нетрадиционно, не как "Волк и ягнёнок" или "Осёл и соловей". Есть тут даже названия, похожие на название рассказов на экологическую или пейзажную темы ("Нора таракана", "Материнское молоко") или же названия с включением вопросительных предложений ("Кому какие знания нужны?", "Что делать тут воробью?", "В чем счастье свинёнка?"). А также басни имеют названия, совсем не похожие на тему произведения ("Начали рассказ с событий на птичьем рынке", "Вороны снова сидят голодные", "Карр–карр" и др.).

Еще раз хотим напомнить, что эпоха и объект изображения в баснях–притчах не пресловутое советское время, а жизнь в рыночных условиях. Те же Свинья, Сорока, Корова, Воробей и другие – все изменились, все попросили "вкус" демократии и вышли на рынок. Бывший охранный колхозного склада Момолой (мышь) теперь уже другой Момолой, молчаливый Свинёнок – теперь бунтовщик, прожорливая Сорока – теперь бизнесмен и т.д.

Переход к общей демократии изменил кыргызскую жизнь: но до сих пор многих из нас мучает вопрос о том, в лучшую или худшую сторону эти изменения? Вот как высмеивается один из случаев "кыргызской демократии" в басне "Сорока":

" - Сейчас демократия! Сейчас демократия! Кто хочет - учится, кто не хочет - нет! Никто никого не должен заставлять!" - кричит Сорока, пролетая туда и обратно.

Услышавшие это собаки поленились и перестали ходить в школу "Повозка саней".

"- Правильно! Правильно делаете! Сейчас демократия!" - еще сильнее кричит Сорока. Курс для собак был четырёхмесячным. Но в течение всех четырёх летних месяцев они ходили в школу с большими перебоями, увлекались играми.

Вот и наступила зима. Выпал обильный снег. Всем живым существам нужно жить. Люди вышли с санями и пытались привязать их к собакам, но собаки не научились ничему: надевать снаряжение, строиться в ряд, возить сани. И так, люди не смогли поехать на отдаленные рынки, чтобы купить муку, сахар, чай и другие продукты питания. Жизнь будто остановилась... И сами собаки голодные. А Сорока все ещё поёт свою песню "Сейчас демократия! Сейчас демократия!" [5, 28]. Отличие суверенной Сороки от советской заключалось лишь в том, что стала кричать "Сейчас демократия! Сейчас демократия!". Эта песня её повлияла на Собак и они ничему не научились в школе "Повозка саней". Если они не умеют возить сани, то какая польза от них людям? Таким образом, агитируемая Сорокой демократия привела к ликвидации должности Собак и люди остались голодными.

Еще в одной басне Свинята услышат, что "на всех регионах Кыргызстана началась перестройка. Все устаревшие порядки и положения сменяются новыми", решили провести собрание сами, без участия родителей. На собрании приняли решение о том, чтобы Кабан прекратил быть первым везде. А то он всегда первым начинает хавать, первым входит в воду, первым валяется в грязи. После этого первыми будем мы, свинята, сами. Мать их Мегилжин сказала: "Прекратите, мои милые. Следуйте давнишним отцовским традициям. Что вы еще надумали?... Не нужна нам такая перестройка". Но свинята нового времени не согласились и "приступили к выполнению принятых на собрании программ". Но разъяренный Кабан-отец напал на полуголых свинят и затоптал их [2, 20-21]. Перестройка свинят, таким образом, закончилась трагедией для них самих и сохранилась традиционная жизнь. Политика свинят, направленная на реформирование жизни и быта, закончилась: они получили ранения и перелом ног, лечились в больнице. И, действительно, в жизни Кыргызстана такое мы увидели не раз.

В басне "Ословские решения" детёныши Осла Кодик и Такай, объединившись, создают Общество ослов. Такай принимают программу, начинают критиковать ослов и

переходят на атаку против них. "Ослы-ученые писали нашу историю с искажениями, а на самом деле наша история славная и великая, нежели история лошадей; в газетах не пишут о скачке Ослов, а в цирке Ослы поют лучше всех; брочка, привязанная к ослам, эффективнее и дешевле брочки, привязанной к лошадям. Осел ест самое вкусное на свете, но издевательски к нам относятся, молоко и мясо Осла веками не оцениваются, как следует", - говорили молодые историки-Такай и собрание принимает следующее решение: "Оставить кобылье молоко и сделать кумыс из ослиного молока, приготовить все блюда в столовых из ослитины".

Здесь автор хочет высмеивать глупые поступки молодых ученых, научных сотрудников, журналистов и писателей в первые годы суверенитета. Так как в эти годы представители всех родов и племен сочиняли санжыра, оды, пьесы, даже энциклопедии, восхваляющие свой род, племя и регион. Ставили памятники малоизвестным "героям". Они поступали так же, как и Такай в басне К.Акматава.

Осёл, как герой басни, встречается у многих баснописцев. Известный русский баснописец С.Михалков не в одной басне использовал образ осли: "Коза, Медведь и глухой Осёл", "Нужный Осёл", "Слон, заяц и Осёл", Осёл в обойме", "ослы", "Собака и Осёл". Вот что пишет поэт Е.Исаев о творчестве С.Михалкова: "Он - не только знаток и слуга этого старинного жанра, но и довольно смелый его новатор. Одним из новшеств, привнесённых Михалковым в этот давно установившийся жанр, я бы назвал, например, его отход от сугубо традиционного ряженчества басенных персонажей под всевозможных зверей. Михалков нередко берёт на себя смелость вести тему прямо, без всяких там звероколичностей, без игры в зоопарк. Больше того, он иногда персонажами своих басен делает даже неодушевленные предметы, приближая таким образом басню к нашей изрядно замеханизированной современности" [3, 9]. "...Большая басня нашла себя в Михалкове и большой Михалков нашёл себя в басне" [3, 5].

Верно, что михалковские Ослы несут груз традиционных ослов, которые известны из классики всем читателям известными качествами. Осёл Казата Акматава - Осёл нового времени, новой эпохи. Осёл, который знает "вкус" демократии.

Еще одна беда, выпавшая на долю суверенного Кыргызстана - это усиленные действия криминальных групп, рэкетиризма. Это составляет стержень басни "Кёксерек" (Кёксерек - кличка волка). Кёксерек явился на базар и начал требовать, чтобы торговцы ежедневно давали ему по десять сомов. Привыкнув к вымогательству, он постепенно поднимает сумму сбора - по пятнадцать сомов, по двадцать сомов и т.д. Торговцы-животные, не выдержав

ежедневную оплату такого "налога", вышли на восстание. Пригласили Кёксерека в дом Кобеля. Когда он зашёл, Кошка резко закрыла дверь и под рёв и визг избили рэкетира так сильно, что пошла кровь изо рта. После этого события животные разговаривают:

" - Всё, теперь попадём все под суд! - заплакала бедная Овца.

- Не плачь! - успокоил его Петух, - судье все мы распишем документально. За свои проделки даже до сегодняшнего дня Волк достоин смертной казни!

- Если смеют судить за одного рэкетира, то пусть судят всех нас, сидящих на базаре! - рассвирепела Кошка.

- Но согласно Уголовному кодексу такое наказание преступника не допускается! - сказал Жираф. Сами знаете, Жираф хорошо знает все законы...

Итак, я тоже ломаю голову. Правильно или неправильно, наказать или убить без суда таких нахальных рэкетиров, как Кёксерек?" [1, 20–21]. Последнее слово автора в конце басни как-то не соответствует басне, это и моралью не является, что характерно для басен. Но изложение целиком басня–притча. Подобные случаи в Кыргызстане произошли не раз. Например, в периодической печати писали о том, что в с.Бакайыр Бакай–Атинского района Таласской области жители убили одного джигита, забросав камнями. Такие сенсационные явления в народе послужили темой для писателя и подтолкнули на сочинение басни. Поэтому считаем, что басня есть влиятельный, поучительный, литературный и оперативный жанр, который чувствует пульс Вселенной, выводит теневые стороны жизни на свет.

Ликвидация планового экономического управления и влияния Москвы привело к ослаблению ряда крупных предприятий в Кыргызстане, резко, тысячами сократилось количество служащих и рабочих. Чтобы добывать себе средства на проживание и пропитание, люди массовым образом вышли на рынок. Общая территория нового Кыргызстана превратилась в огромный стихийный базар. В этот процесс К.Акматов включает корову Таргыл. И она пошла на базар, как и другие. Она начала продавать своё

молоко, добавляя воду. Хотя покупатели предупреждали, Таргыл, привыкшая к легко добываемым деньгам, еще больше стала добавлять воду. Потом она потеряла своих клиентов. Они, оказывается, перешли к другой корове – Ала–Бёйрёк, которая продавала молоко чистым, без никаких примесей. Увидев это, Таргыл тоже стала выносить молоко без примеси, но теперь никто не смотрит на её молоко [2, 24–25].

Таким образом, Казат Акматов, сочинив басни–притчи на двух языках в форме прозы, сумел показать своё стремление к новому через критическое, патриотическое и сатирическое изображение действительной картины жизни своего времени. В то же время умелый подбор слов, удачно построенные предложения и доступная стилистика опытного прозаика придают басням–притчам образность, раскрывают красоту слова. Но адресаты автора – дети. Нельзя сказать, что они все правильно понимают идеи и образы басен–притч, так как в некоторых его произведениях встречаются не совсем понятные детям слова и выражения, порой и глубокие философские мысли, аллегорические ситуации, образы (ГУБЭП, авторское право и др.). Несмотря на это труд К.Акматова в области старейшего, испытанного литературного жанра басни признан и уже широко известен.

Таким образом, можно утверждать, что Казат Акматов, известный прозаик, драматург и киносценарист, благодаря этим трём книгам вошёл в число кыргызских баснописцев, как автор, имеющий свой почерк в этом древнейшем жанре литературы. Он попробовал себя в качестве баснописца. И это у него получилось. Книга басен–притч К.Акматова в трёх томах пришлась читателям по душе. Автор гениальных романов продолжил традицию классической басни в новом духе, привнёс в неё своё. Он сумел показать отрицательные явления в быту и нравах, в общественно–политической жизни нового государства, подвергая осмеянию непривлекательные черты в характере и поступках человека переходного периода. Тем самым он внёс большой вклад в развитие кыргызского басенного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акматов К. Жаны тамсилдер же притчи нового века. 1–китеп. Тамсилдер [Текст] – Бишкек., 2003. –24 с. (на кырг.языке)
2. Акматов К. Жаны тамсилдер же притчи нового века. 2–китеп. Тамсилдер [Текст] – Бишкек., 2004. –28 с. (на кырг.языке)
3. Исаев Е. Поучительная, но не поучающая... [Текст] //В кн.: С.Михалков. Басни.–М., 1984. –190 с.
4. Мотышов И. На линии огня [Текст] //В кн.: С.Михалков. Моя профессия. –М., 1974. –254 с.
5. Рысбаев Ж. Президент болом деп... [Текст] // Алиби, 2009. 19–авг. (на кырг.языке)
6. Садыков А. Адабий сын айдынында [Текст] – Фрунзе: Илим, 1979. –166 с. (на кырг.языке)
7. Темишов Б. Эшектин чечими [Текст] – Ош, 1993. –78 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ГЕРМАНИИ: НАРУШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Иценко Александра Викторовна

Аспирант,

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

LANGUAGE FEATURES OF MODERN NEWSPAPERS PUBLISHED BY RUSSIAN GERMANS IN GERMANY: LANGUAGE NORM MISTAKES

A. Itcenko

Annotation

The article deals with characteristics of the use of the Russian language abroad analysed on modern Russian-language newspapers published in Germany. This paper presents the interpretation of Russian standard language norm mistakes in media language. The errors are revealed in different language system levels: lexical and grammatical, as well as in graphical form, spelling and punctuation.

The modern Russian-language newspapers "Pereselencheskiy Vestnik" (2016) and "Novye Zemlyaki" (2017) were chosen as the sources of analysis due to their strongly pronounced peculiarity and the fact that they had not been studied before. The primary audience of these newspapers is Russian Germans who emigrated from Russia to Germany in 1990s and presented the fourth Russian emigrant wave.

The author considers Russian standard language norm mistakes as an active process in the use of the Russian language abroad and points out probable causes of their appearance.

Keywords: Russian language abroad, Russian-language emigrant press, Russian Germans, language features, language norm mistakes, speech mistakes.

Аннотация

Статья посвящена особенностям функционирования русского языка в зарубежье на материале современной русскоязычной прессы Германии. Представлен опыт интерпретации ошибочных употреблений в языке СМИ, которые нарушают норму современного русского литературного языка. Ошибочные употребления выявляются на разных уровнях языковой системы – лексическом и грамматическом, а также в графике, орфографии и пунктуации.

Источником для анализа послужили современные русскоязычные газеты Германии "Переселенческий вестник" (2016) и "Новые Земляки" (2017), обладающие ярко выраженной языковой спецификой и не выступавшие прежде объектом лингвистического исследования. Основной целевой аудиторией этих газет являются российские немцы, эмигрировавшие в Германию в 1990-е гг. и представляющие четвертую волну русской эмиграции.

Нарушения норм современного русского литературного языка автор рассматривает как активный процесс, происходящий в русском языке эмиграции, и указывает на возможные причины их появления.

Ключевые слова:

Русский язык в зарубежье, русскоязычная эмигрантская пресса, российские немцы, языковые особенности, нарушения языковой нормы, речевые ошибки.

Язык современных русскоязычных газет, которые издаются за рубежом, представляет большой интерес для исследователей. Изучению языковой специфики газет в зарубежье посвящены работы А.В. Зеленина [1], Е.Ю. Протасовой [2], А.Н. Шовгенина [3, 4], Е.А. Шовгениной [3], К. Менг [4], Е.А. Оглезневой [5, с. 81–162], А.С. Смоляровой [6], А.В. Иценко [7] и др.

Интерес исследователей связан с особой средой, в которой функционирует русский язык в зарубежье: он окружен другими языками, необязательно родственными, находится с ними в постоянном контакте, оторван от языка метрополии, его носители обладают разными языковыми компетенциями. Находясь в особых условиях, русский язык претерпевает изменения, которые отличают его от русского языка метрополии.

Изучая язык русскоязычной зарубежной прессы, исследователи обратили внимание на лексические и грамматические особенности языка. Кроме того, отмечалось частотное нарушение норм современного русского литературного языка.

Понятие языковой нормы или нормы литературного языка, как пишет К.С. Горбачевич, – явление "сложное и диалектически противоречивое". Обычно языковая норма характеризуется устойчивостью, типичностью, распространённостью, общеупотребительностью, узусом функционирования и другими признаками [8, с. 7, 17].

Несмотря на относительную устойчивость, очевидно, что языковая норма изменяется вследствие языковой эволюции, в этом и заключается ее противоречивость.

Под нормой литературного языка, вслед за К.С. Горбачевичем, понимаем "относительно устойчивый способ (или способы) выражения, отражающий исторические закономерности развития языка, закрепленный в лучших образцах литературы и предпочтительный образованной частью общества" [8, с. 19].

Л.П. Крысин отмечает, что термин "языковая норма" понимается лингвистами в двух смыслах – узком и широком. В широком смысле норма – это "такие средства и способы речи, которые стихийно, спонтанно формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других" [9]. В просторечии, диалектах, как и в литературном языке существуют такие языковые явления, которые являются нормой для данной разновидности национального языка.

В узком смысле норма – "это результат кодификации языка" [9]. В таком понимании норма связана с понятием литературного языка, который является кодифицированным: его нормы зафиксированы в академических грамматиках, справочниках, словарях.

Очевидно, что любое правило и любая норма могут быть нарушены, в результате чего возникают ошибки. Ошибка – это "нарушение правила (нормы)" [10, с. 13].

Речевые ошибки, в свою очередь, "являются нарушением правил языка" [10, с. 20]; это "любые случаи отклонения от действующих языковых норм" [11, с. 3]. Речевые ошибки проявляются как в устной, так и в письменной речи.

Изучением речевых ошибок, их типологией занимались многие отечественные ученые (Ю.В. Фоменко, С.Н. Цейтлин и др.). Так, Ю.В. Фоменко отмечает, что типы речевых ошибок должны дифференцироваться в соответствии с типами правил языка, поэтому выделяет восемь типов речевых ошибок: произносительные (орфоэпические), лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические, орфографические, пунктуационные, стилистические [10, с. 13–14]. В то же время С.Н. Цейтлин классифицирует речевые ошибки в зависимости от того, какие именно нормы были нарушены и к какой форме языка принадлежат ошибки (устной и/или письменной). Автор подробно рассматривает только те ошибки, которые свойственны обеим формам речи, и условно называет их "собственно речевыми": словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, фразеологические, стилистические. Другие типы ошибок исследовательница относит либо к устной, либо к письменной форме речи: ошибки, характерные для устной формы (орфоэпические и акцентологические) и ошибки, которые свойственны только письменной речи (пунктуационные и орфографические) [11, с. 12–14].

Таким образом, речевые ошибки классифицируются учеными в зависимости от типов правил языка, от видов нарушенных норм, от принадлежности к той или иной форме речи – устной и письменной, а также от причин возникновения ошибок, от вида речевой деятельности и др.

Большинство исследователей рассматривают речевые ошибки в соответствии со структурно-системным подходом к языку. При анализе ошибочных употреблений в русскоязычных газетах российских немцев Германии мы также используем структурно-системный подход.

Задача настоящей статьи – проанализировать ошибочные употребления в современных русскоязычных газетах российских немцев Германии на разных уровнях языковой системы, а именно – нарушения нормы русско-го литературного языка.

Обращение к языку русской зарубежной прессы обусловлено интересом современной лингвистической науки к изучению феномена русского языка в зарубежье. Русский язык таких газет обладает ярко выраженными особенностями, которые отличают его от русского языка метрополии. Нарушения русской языковой нормы – одна из таких особенностей.

Анализ проводился на материале газет "Переселенческий Вестник" и "Новые Земляки", которые издаются в Германии в 2016–2017 гг. и которые еще не выступали объектом лингвистического описания. Эти газеты имеют особую целевую аудиторию – российских немцев, эмигрировавших в Германию в 1990–е гг. и представляющих четвертую волну русской эмиграции. О волнах русской эмиграции см. [12, с. 35–49].

При анализе языка названных газет были выявлены нарушения русской языковой нормы в лексике и грамматике, а также в графике, орфографии и пунктуации, проявившиеся в различного рода ошибках.

Лексические ошибки

Под лексическими ошибками мы, вслед за Ю.В. Фоменко, понимаем "нарушение правил лексики, прежде всего – употребление слов в несвойственных им значениях, а также искажение морфемной структуры слов и нарушения правил смыслового согласования" [10, с. 25].

Среди распространенных лексических ошибок, встречающихся в современных русскоязычных газетах российских немцев Германии, можно назвать следующие:

1. неточный выбор лексико-семантического варианта слова: лечение суставов и позвоночника, неврологии (вм. невралгии, невралгических болей) [13, с. 3];
2. нарушение лексической сочетаемости: Звоните нам по информативному телефону [14, с. 64]; Несмотря

на позитивные приговоры, квартиросъемщик может быть обязан сделать косметический ремонт (вм. положительные решения суда) [15, с. 8]; Хорошего Вам аппетита! (вм. приятного аппетита!) [15, с. 26]; долголетний опыт работы (вм. многолетний) [13, с. 2];

З. плеоназм – лексическая избыточность, которая возникает за счет использования близких по значению слов: Уникальные природные ресурсы и исключительный ландшафт этих мест, издавна привлекают отдыхающих посетить Бирштонас и его окрестности [16, с. 39].

Грамматические ошибки

Нарушения языковых норм в грамматике включают в себя синтаксические, морфологические, словообразовательные ошибки.

А. Синтаксические ошибки – несоблюдение синтаксических норм языка, результатом которого является нарушение построения предложения или словосочетания и смысловая рассогласованность.

В нашем материале были обнаружены следующие нарушения синтаксических норм:

1. нарушение причинно-следственной связи в сложноподчиненном предложении из-за неправильного выбора подчинительного союза: Александр Добриндт привел к краху проект, который он сам инициировал и поддерживал, потому что частные предприниматели вынуждены объявить банкротство, считает М.Шульц [17, с. 5];

2. нарушение порядка слов: С четырнадцати лет вынужден был он тяжело работать, в конце 1942 г. был мобилизован в трудовую бригаду в Западную Сибирь, в тяжелых условиях трудился под землей в шахтах Прокопьевска [17, с. 12];

3. несогласованность видо-временных форм глагола в составе предложения: Обученный медицинский персонал определит наличие старческого слабоумия, даже если больной пытается скрыть его, и учитывает деменцию в процессе лечения [17, с. 50];

4. нарушение предложного управления: Поездки в Украину на комфортабельных автобусах [18, с. 65]; посылки в Украину [19, с. 1].

Б. Морфологические ошибки – несоблюдение морфологических норм языка (нарушение употребления словоформ). В анализируемых газетах встретились следующие случаи ошибочного употребления:

1. неправильный выбор формы падежа имени существительного: Перезаключение договора для Вас будет осуществлено банком бесплатно, так как при неправильном разъяснении Ваших прав, банк не имеет право требовать с Вас компенсацию (Vorfalligkeitsentschädigung) за досрочное расторжение договора [15, с. 15]; Лучшие санатории в Карловы Вары, Светлогорское, Друскининкае, Евпатории и др. [13, с. 13];

2. неправильный выбор формы числа (множественное вместо единственного): Профессиональное становления старшего сына, развивающееся на глазах, убедило ещё раз в том, что знание языка никогда не бывает лишним [17, с. 37].

В. Словообразовательные ошибки – нарушение словообразовательных норм языка, проявляющееся в использовании одного производного слова вместо другого, производного от той же основы: востребование документов (вм. истребование документов) [19, с. 8]. Пример является единичным.

Графические ошибки

Под графическими ошибками мы понимаем несоответствие требованиям графики русского языка, которое проявляется в несоблюдении существующих в русском языке правил написания слов. Приведем примеры:

1. использование разных графических знаков для обозначения одного звука в одной и той же лексеме (часть – в пределах одного текста): Цена без учета сборов аэропортов – Parkplatz в любом аэропорту Германии [19, с. 3]; Egle +, Егле, Эгле [13];

2. написание имен и фамилий в соответствии с немецким произношением и написанием: агентство Светланы Зименс – в русской традиции первый звук в немецкой фамилии "Siemens" произносится как [с`], тогда как в немецком языке согласная "s" в начале слова должна звучать как [з`] [15, с. 2]; Александр Добриндт – в немецком языке имя "Александр" пишется "Aleksander" [17, с. 5];

3. пропуск или неверный выбор графического знака: съемная ручка [сковороды] [17, с. 63];

Орфографические ошибки

Под орфографическими ошибками мы понимаем нарушение орфографических норм русского языка. Укажем на такие случаи:

1. написание двух согласных вместо одной: контролируем вес [15, с. 11]; была ли отремонтирована квартира [15, с. 8];

2. написание двух гласных вместо одной: ситуация на рынке координально изменилась [15, с. 17];

3. неправильное написание безударных гласных: близлежащий банк [15, с. 17];

4. неправильное написание непроизносимых согласных: агентство [13, с. 2; 15, с. 2];

5. написание мягкого знака в возвратных глаголах 3 лица ед.ч.: Работа очень нравится [15, с.12];

6. ошибки в написании наречий: Золото немцев держат за границей на "черный день", на случай непредвиденного кризиса [17, с. 4]; Возможно, у читателей возникнет логичный вопрос: зачем закупать куриные яйца за границей, если немецкие фермерские хозяйства способны удовлетворить запросы населения? [17, с. 43];

7. неправильное написание частицы не- с другими словами: До выборов в Бундестаг осталось совсем не много времени [17, с. 10];

8. неверный выбор гласной после приставки на твердую согласную: безисходно [15, с. 23];

9. нарушение правил переноса слов: контролы со стороны го-сорганов не существует [15, с. 8];

10. немотивированный выбор написания слов с дефисом / без дефиса:

- ◆ в сложных словах без соединительных гласных -о, -е: мастер класс, онлайн бронирование, онлайн сервисы, авто кредит, СПА процедуры. Встречается неединообразное написание одних и тех же слов в пределах одного текста: онлайн-видеотека, но онлайн сервисы [13, 15, 19–21]; био-физикальная диагностика, но биорезонансная терапия [22, с. 69];

- ◆ в частицах: так-же [13, с. 19];

11. неединообразное сокращение русских и казахских топонимов, которое встречается в рекламных объявлениях в рамках одной газеты: Ст. Петербург, С.-Петербург, С.Петербур.; У.Каменогорск, У.-Каменогорск, У.-Каменог. [13–22]. Наличие в изучаемом материале не только русских, но и казахских топонимов связано с тем, что значительная часть этнических немцев проживала в Казахстане, куда была депортирована из европейской части России в годы Великой отечественной войны.

12. неединообразное написание казахских топонимов в соответствии со старыми и новыми нормами русского языка: Алматы и Алма-Ата, Костанай и Кустанай (название города до 1997 г.) [13, 15, 19–21];

13. неверное сокращение имен нарицательных, часто – прилагательных, образованных из двух или более слов, которые обозначают равноправные понятия: ж./д. билеты (общепринятые в русском языке сокращения слова "железнодорожный" – ж.-д. и ж/д) [21, с. 7].

Пунктуационные ошибки

Пунктуационные ошибки – нарушение правил пунктуации. Наш материал показал частотное употребление лишних знаков препинания: Спать, просто некогда [15, с. 25]; Уникальные природные ресурсы и исключительный ландшафт этих мест, издавна привлекают отдыхающих посетить Бирштонас и его окрестности [16, с. 39] и др.

Многие из зафиксированных лексических, грамматических, графических, орфографических и пунктуационных ошибок могут быть выявлены и при анализе современных российских газет. Однако частотность и однотипность их проявления в газетах российских немцев Германии свидетельствуют о последовательном расшатывании русской языковой нормы в письменной речи эмигрантов четвертой волны на тех или иных "языковых участках". Ошибки могут быть следствием недостаточного внимания к культуре собственной русской речи, недо-

статочной устойчивости нормы русского литературного языка в условиях существования в среде другого языка и под его влиянием.

Появлению ошибок могут способствовать и такие экстралингвистические факторы, как различная языковая компетентность представителей четвертой волны эмиграции из России, уровень образования, профессия, тип культурно-языкового поведения в эмиграции и др. Ученые указывают на неоднородность состава эмигрантов четвертой волны, основную часть которой составляли российские немцы [1, с. 5–8; 12, с. 43–49].

Языковая ситуация, в которой оказались российские немцы после переселения в Германию в 1990-е гг., вполне можно охарактеризовать как состояние "языкового (лингвокультурного) шока", о котором писали М.Я. Гловинская [23, с. 341], А.В. Зеленин [1, с. 24–25]. Активное воздействие иноязычной среды на русский язык приводит к тому, что в нем проявляются специфичные процессы на так называемых "слабых" участках языковой системы, на которых быстрее всего проявляются речевые ошибки.

Однако после переселения российских немцев в Германию, представляющих четвертую волну русской эмиграции, прошло более двадцати лет. Нарушения языковой нормы русского языка, зафиксированные нами в современных русскоязычных газетах российских немцев, имеют не только социолингвистическую природу и уже не могут быть объяснены через состояние "языкового шока" и недостаточного внимания к языку. На наш взгляд, эти ошибки во многих случаях обусловлены продолжительным нахождением российских немцев в иноязычной среде и влиянием этой среды на их русский язык.

В этой связи обращают на себя внимание ошибки, причиной которых может быть влияние немецкого языка на русский: написание имен и фамилий на русском языке в соответствии с немецким произношением и написанием, нарушение порядка слов – построение повествовательного предложения по немецкому образцу, нарушение лексической сочетаемости и некот. др.

Большинство зафиксированных ошибок встречается в рекламных текстах, причем как небольших (объявления), так и объемных (статьи, опубликованные на правах рекламы). Обычно реклама в газетах не подвергается редакторской правке и представляет собой образец "живого" русского языка в его письменной форме, носителями которого являются простые "обыватели". В тоже время ошибки встречаются и в редактируемой части издания – статьях новостного характера, письмах читателей, мемуарах. Этот факт является более надежным свидетельством процессов, происходящих в русском языке зарубежья.

Кроме того, следует принять во внимание и письменный характер ошибок. Письменная речь, зафиксированная в текстах газет, в отличие от устной, свидетельствует "об устойчивости отмеченных особенностей и аномалий", как писала М.Я. Гловинская [23, с. 348]. Письменная речь контролируется больше, чем устная. Ошибки в газетных текстах даже после своеобразного контроля со стороны автора (или редактора) "свидетельствуют о языковой тенденции не только в момент, когда они были сделаны, но и в момент, когда не привлекли к себе внимания при чтении" [23, с. 348].

Таким образом, в результате анализа современных русскоязычных газет российских немцев Германии нами выявлена такая их языковая особенность, как частотные нарушения норм современного русского литературного языка, которые были отмечены на разных уровнях языковой системы (а именно – лексическом и грамматическом), а также в графике, орфографии и пунктуации. Ошибки в письменных текстах российских немцев Германии являются свидетельством процессов, происходящих в русском языке эмиграции, и имеют как собственно лингвистическую, так и экстралингвистическую природу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). – СПб.: Златоуст, 2007. – 380 с.
2. Протасова Е.Ю. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Известия АН. Серия литературы и языка, 2000. Т. 59. № 4. С. 49–60.
3. Shovgenin A. N., Shovgenina E. A. The newspapers of russian-speaking diaspora in Germany and its sociolinguistic space // Russian linguistic bulletin. 2015. № 4. P. 17–21.
4. Шовгенин А.Н. Немецкоязычные элементы в русскоязычных газетах Германии / К. Менг, А.Н. Шовгенин // Вестн. Волгogr. гос. ун-та Сер. 2, Языкознание. 2006. Вып. 5. С. 105 – 114.
5. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 352 с.
6. Смолярова А.С. Проблемы трансляции демократических ценностей в текстах русскоязычных газет в Германии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22. С.173–179.
7. Иценко А.В. Современные русскоязычные периодические издания российских немцев в Германии в контексте исследований языка русского зарубежья // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 11 (188). С. 9–17.
8. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка / К.С. Горбачевич. – Л.: Просвещение, 1971. – 264 с.
9. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. Выпуск № 2 (23) 2005. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/azykovaya-norma-i-rечеvaya-praktika> (дата обращения: 09.04.2018)
10. Фоменко Ю.В. Типы речевых ошибок. Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1994. – 60 с.
11. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1982. – 143 с.
12. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 498 с.
13. Газета "Переселенческий Вестник" (Zeitung "Aussiedlerbote"). № 114, январь 2016. – 32 с.
14. Газета "Новые земляки". № 8, август 2017. – 72 с.
15. Газета "Переселенческий Вестник" (Zeitung "Aussiedlerbote"). № 116, март 2016. – 32 с.
16. Газета "Новые земляки". № 11, ноябрь 2017. – 72 с.
17. Газета "Новые земляки". № 9, сентябрь 2017. – 72 с.
18. Газета "Новые земляки". № 10, октябрь 2017. – 72 с.
19. Газета "Переселенческий Вестник" (Zeitung "Aussiedlerbote"). № 115, февраль 2016. – 32 с.
20. Газета "Переселенческий Вестник" (Zeitung "Aussiedlerbote"). № 117, апрель 2016. – 32 с.
21. Газета "Переселенческий Вестник" (Zeitung "Aussiedlerbote"). № 118, май 2016. – 32 с.
22. Газета "Новые земляки". № 12, декабрь 2017. – 72 с.
23. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – С. 341 – 492.

© А.В. Иценко, (itsenko@spu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский международный книжный салон

Время читать!
Time to read!

"Ни о чем не думает лишь тот, кто ничего не читает."
Д.Дидро

Реклама

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ СОЦИУМЕ (на примере слова "НЕНАВИСТЬ")

MORAL AND ETHICAL CONCEPTION
IN RUSSIAN AND ENGLISH SOCIETIES
(in terms of the word HATRED)

A. Korlykova
S. Babdzan

Annotation

The article considers the results of a linguistic experiment aimed at finding shades of meaning and personal implications correlated with the word "hatred" in moral and ethical conceptions of Russian and English societies. A conducted experiment showed us the way different cultures (Russian and English) assess the world picture and their personal perception of shades of meaning of moral and ethic words due to national and cultural differences.

Keywords: semantic components, assesment, world pictures, moral and ethical value.

Корлякова Алла Фирсовна

К.филол.н., доцент,

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Бабаджан Сергей Савельевич

Доцент,

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Аннотация

Статья посвящена результатам лингвистического эксперимента, целью которого была характеристика морально-этических представлений, отраженных в семантике слова "ненависть" в русском и английском социуме. Проведенный эксперимент позволил построить модель оценочной картины мира представителей разных культур (русских и англичан) и выявить национально-культурную специфику значений и личностных смыслов, закрепленных за словами морально-этической направленности, которые демонстрируют национальные и культурные различия.

Ключевые слова:

Семантические компоненты, оценка, картина мира, морально-этические ценности.

Одной из важных составляющих языковой картины мира является категория оценки – система ценностей общества и личности, объективированная в единицах языка. Некоторые ученые считают категорию оценки настолько важной для языкового сознания, что наряду с языковой картиной мира выделяют ценностную, т.е. наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [2, с. 141–142]. Оценочные компоненты значения в картине мира являются теми координатами, на базе которых строится мировоззрение человека и конфликт которых приводит к невозможности или сложности понимания друг другом представителей разных культур. В аспекте поставленной задачи особый интерес вызывают морально-этические представления и ценностные установки социума, а также их закрепление в лексических значениях отдельных слов, а именно слов морально-этической направленности, таких как *добро, зло, гнев, стыд, совесть, скромность, любовь, ненависть, гордость, терпимость*. Анализ значений такого рода слов и их вариаций в разных национально-культурных общностях по-

зволят существенно дополнить результаты изучения языковой картины мира и языковой оценки в целом.

В данной статье будут рассмотрены результаты лингвистического эксперимента, целью которого было выявление национально-специфических особенностей значений и личностных смыслов, закрепленных за словом ненависть в морально-этических представлениях в русском и английском социумах. Анализ результатов эксперимента позволил реконструировать фрагмент картины мира представителей русской и английской культуры и выявить оценочный аспект данного явления. Материалом исследования были толкования слова *ненависть* полученные от русских и английских информантов и данные словарей. В эксперименте участвовало 96 информантов. Выборка информантов была сбалансирована по социобиологическим факторам.

В ходе эксперимента полученные толкования слова *ненависть* были проанализированы с целью выявления семантики. Выделение сем в толкованиях слов, на наш взгляд, является эффективным методом изучения отно-

шения говорящих к толкуемому явлению. При этом толкования рассматриваются как "частично вербализированный внутренний когнитивный контекст языкового и практического опыта испытуемых, который дает представление о том фрагменте индивидуального знания, которое актуализировалось в процессе установления его значения "для себя" [1, с. 116; 3]. Полученные семы объединялись в семантическое поле значения слова. Распределение частот реакций информантов позволило выделить следующие три зоны в семантическом поле каждого слова: первая зона включает самые частотные реакции, определяющие те или иные самые частотные семы, которые, как правило, встречаем в словарных дефинициях слов; вторая зона – зона актуальных смыслов, в ней отмечаются важные для информантов смыслы с достаточно высокой частотой реакций и третья зона – индивидуальных реакций, в которых выделяемые семы каким-либо образом уточняют актуальные смыслы слова. Таким образом, в семантическом поле каждого слова выделенные семы имеют различную степень значимости и выстраиваются в зависимости от частоты встречаемости в толкованиях.

Распределение сем по зонам позволяет выявить актуальные семантические компоненты в понимании слов, отражающих морально-этическую оценку. Границы зон определялись в соответствии с перепадами на графиках распределений. Рассмотрим понимание слова *ненависть* в русском социуме. МАС дает следующее определение слова *ненависть*: *чувство сильнейшей вражды, неприязни*. В Oxford English Dictionary представлена такая дефиниция слова *ненависть* (*hatred*) – *intense dislike (сильная неприязнь)*.

Рассмотрим понимание слова *ненависть* русскими и английскими информантами. Для того чтобы показать распределение частот встречаемости сем, выделенных в ходе эксперимента из толкований информантов, построим табл. 1. В ней также представлены типы оценок, присутствующих в английских и русских толкованиях. Общее количество сем, выделенных методом семного анализа толкований, – 24, частота встречаемости – 178 реакций.

В русской группе информантов нами было выделено 87 реакций, в английской – 91. Графики частоты встречаемости сем в толкованиях слова *ненависть* в каждой группе показаны на рис. 1.

Рассмотрим распределение сем, полученных в ходе толкования русскими информантами слова гордость, по семантическим зонам.

В первой зоне выделены следующие семы: отрицательные эмоции (16 реакций), неприятие (11 реакций), чувства (9 реакций).

Во второй зоне определены семы: злоба / злость (7 реакций), злопамятность (7 реакций).

В третьей зоне находятся следующие семы: отрицательное (5 реакций), желание зла (5 реакций), сильное (4 реакции), вражды (4 реакции), отвращение (3 реакции), неприязнь (3 реакции), состояние (2 реакции), отторжение (2 реакции), контролируемая (2 реакции), противоположно любви (2 реакции), неконтролируемая (1 реакция), отсутствие (1 реакция), справедлива (1 реакция), вред для себя (1 реакция), качество (1 реакция).

Анализ сем, отнесенных нами к первой зоне, демонстрирует, что для русских ненависть, прежде всего, отрицательные эмоции (16 реакций из 24): *ненависть – отрицательная эмоция, выражающая себя в негативных проявлениях по отношению к чему-либо или к кому-либо*. Ненависть – это и *зависть, страдания, негодование, отвращение: Ненависть – глубокая обида и разочарование, которое не может отпустить, не забывается*. Ненависть вызывает отрицательное отношение, неприятие поступков, качеств человека (11 реакций из 12): *ненависть – неприятие отдельных качеств поведения человека, доведенное до крайности, выражающееся в резко негативном восприятии человека; Стойкое неприятие человека или явления, порождающее жажду мести и уничтожения (физического); Чувство резкого неприятия*. Актуальным для информантов является то, что ненависть – это чувство злобы (7 реакций из 8), недоброжелательность к другому человеку, раздраженно-враждебное чувство (4 реакций из 7): *Чувство сильной злобы, вражды; Чувство злости по отношению к кому-либо или чему-либо; Чувство глубокого презрения, злобы к кому-либо, вражды*.

Ненависть в русском сознании ассоциируется с неприятием зла, обид, злопамятностью (7 реакций и отсутствие таковых в английской группе): *ненависть – неспособность прощать поступки, отсутствие снисхождения к слабостям; Когда ты помнишь, что кто-то сделал тебе больно, и не можешь этого забыть; Это чувство, которое испытывает человек по отношению к другому человеку, который совершил поступок, который тот не может простить*. Семы, относимые нами к зоне индивидуальных смыслов, называют, что ненависть – чувство отрицательное (5 реакций из 12): *Язва желудка; Дитя гордыни в зените; Ненужное качество для духовно продвинутого человека или музыканта; Плохо, когда она есть*. Это чувство приносит вред самому человеку: *Душераздирающее, подавляющее, разрушающее чувство, способное довести человека, обладающего им, до настоящей беды* (1 реакция).

Информанты указывают на то, что ненависть – это желание зла объекту ненависти (5 реакций из 10): *Стойкое неприятие человека или явления, порождающее жажду мести и уничтожения (физического); Желание унижить человека, уничтожить его, его личность, заставить страдать и получить от этого удовольствие; Желание стереть в порошок все, что мешает в какой-либо степени осуществлению подсознательных желаний; Ненависть – когда ты в постоянном поиске сделать гадость другому*.

Таблица 1.

Количество сем, выделенных из толкований информантов, отражающих типы оценок в слове ненависть.

Семы	Всего	Национальность		Типы оценки									
		Р	А	эмоц.		интел.		этич.		утил.		норм.	
				Р	А	Р	А	Р	А	Р	А	Р	А
Отрицательные эмоции	24	16	8	16	8	0	0	0	0	0	0	0	0
Неприязнь	23	3	20	3	20	0	0	0	0	0	0	0	0
Сильное	20	4	16	0	0	0	0	0	0	0	0	4	16
Чувство	18	9	9	9	9	0	0	0	0	0	0	0	0
Отрицательное	12	5	7	5	7	0	0	0	0	0	0	0	0
Неприятие	12	11	1	0	0	0	0	11	1	0	0	0	0
Желание зла	10	5	5	0	0	0	0	5	5	0	0	0	0
Злоба, злость	8	7	1	7	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Злопамятность, Непрощение	7	7	0	0	0	0	0	7	0	0	0	0	0
Вражды	7	4	3	0	0	0	0	4	3	0	0	0	0
Противоположно любви	6	2	4	0	0	0	0	2	4	0	0	0	0
Презрение	5	0	5	0	0	0	0	0	5	0	0	0	0
Отвращение	5	3	2	3	2	0	0	0	0	0	0	0	0
Отторжение	4	2	2	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0
Через качество	3	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2
Контролируемость	2	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
Нетерпимость	2	0	2	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0
Состояние	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0
Эмоция	2	0	2	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0
Вред для себя	2	1	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
Падение	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Неконтролируемость	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Справедлива	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
От противного	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
<i>ВСЕГО</i>	178	87	91	46	51	3	1	30	20	1	1	7	18

Это чувство очень сильное (4 реакции из 20), глубокое, резкое, требуются определенные усилия, чтобы его преодолеть, справиться, совладать, выдержать: *ненависть - чувство непреодолимой неприязни к кому-либо. Оно может быть контролируемым (2 реакции и отсутствие таковых в английской группе) и неконтролируемым (все-го 1 реакция): ненависть - разрушающая стихия, направленная на кого-либо или что-либо. Может быть сознательной или неосознанной; Контролируемая отрицательная эмоция.*

Ненависть по своей силе противоположна любви (2 реакции из 6). Она так или иначе предполагает любовь:

ненависть к злу предполагает любовь к добру. Подтверждение тому находим в реакциях информантов: ненависть - два взмаха от любви; Противоположность любви. Ее испытывают лишь в порывах гнева или злости. Дается и положительная оценка этого чувства в 2 реакциях: ненависть - сильное чувство, его можно уважать, когда оно не вытекает в мелочность; Иногда справедлива.

Анализ реакций информантов показывает, что понимание слова *ненависть* информантами соответствует словарной дефиниции. Тем не менее, в толкованиях информантов присутствуют семы (относимые нами к зоне

актуальных смыслов), характеризующие такие черты ненависти, как злопамятность, злость, злобу. Семы, находящиеся в зоне индивидуальных смыслов, подчеркивают глубину проявления этого чувства и индивидуальные оттенки его восприятия.

Рассмотрим распределение сем, выделенных в толкованиях слова ненависть английскими информантами, по семантическим зонам.

В первой зоне представлены следующие семы: неприязнь (20 реакций), сильное (16 реакций).

Во второй зоне находятся семы: чувство (9 реакций), отрицательные эмоции (8 реакций), отрицательное (7 реакций).

В третьей расположены семы: желание зла (5 реакций), презрение (5 реакций), противоположно любви (4 реакции), вражда (3 реакции), нетерпимость (2 реакции), отторжение (2 реакции), качество (2 реакции), неприятие (1 реакция), злоба, злость (1 реакция).

Анализ сем первой зоны показал, что ненависть для английских информантов – негативное чувство (9 реакций из 18): *Horrible cross feeling (сильное чувство недовольства)*; *A poisonous quality (отравляющее чувство)*; *Strong emotion felt towards people you don't like (сильное чувство к людям, которые тебе не нравятся)*; *Deeply felt bad feelings (глубокое переживание плохих чувства)*.

У человека, испытывающего ненависть, наблюдается всплеск отрицательных эмоций (7 реакций из 12): *negative feelings, often accompanied by rage / anger (отрицательные чувства, сопровождающиеся гневом, яростью)*; *Hatred is when one can react to a thing or a person only with rage (ненависть - это, когда ты реагируешь на вещь или человека с яростью)*; *Focused rage / anger, usually directed toward another person (направленный гнев, ярость обычно на другого человека)*.

Это чувство сильной неприязни (20 реакций из 23): *Intense dislikes for somebody or things (сильная неприязнь к кому-либо или чему-либо)*; *Very deep dislike (очень глубокая неприязнь)*; *When one dislikes someone intensely (когда кто-то не переносит кого-то очень сильно)*; *Strong dislike for someone / something (сильная неприязнь к кому-либо или чему-либо)*.

В зоне индивидуальных реакций отмечается, что это чувство связано с желанием зла объекту неприязни (5 реакций и отсутствие у русских): *Ненависть - wishing harm to an object of your anger (желание зла объекту твоей неприязни)*; *An aversion to someone which causes you to wish bad things on them or treat them badly (неприязнь к кому-либо, заставляющая желать зла или плохо относиться)*.

Это глубокое пренебрежительное отношение к кому-либо, презрение (5 реакций и отсутствие у русских): *ненависть - deep dislike, despise of something or someone (неприязнь, презрение кого-либо или чего-либо)*; *Powerful disdain (сильное презрение)*. Это и нетерпимость: *ненависть - total intolerance for someone or something (полная непереносимость кого-либо или чего-либо)*; *Absolutely no tolerance for something or someone (полное отсутствие терпимости к кому-либо, чему-либо)*.

Вызывается это чувство отсутствием любви, страданиями, по силе оно противоположно любви (4 реакции из 6): *ненависть - emotion stemming from fear, lack of love, great suffering, which must be solved before turning into violence (это чувство происходит от страха, отсутствия любви, мучение, и с этим надо справиться, прежде чем это перерастет в насилие)*; *Unloving - opposite of love (нелюбящий; противоположно любви)*; *An absolute lack of love (полное отсутствие любви)*.

Семантический анализ реакций показывает, что понимание испытуемыми слова ненависть в основном соответствует словарной дефиниции. Актуальным для информантов является то, что ненависть – это сильное чувство неприязни, презрения, чувство, вызывающее отрицательные эмоции. Семы, отнесенные нами к зоне индивидуальных реакций, подчеркивают желание зла объекту, вызывающему это чувство; кроме того, отмечается, что это чувство вражды, отторжения, нетерпимости, оно противоположно любви.

С целью выявления различий рассмотрим распределение частот сем в обеих группах на общем графике (рис. 1).

Анализ частот реакций показывает, что для русских ненависть, прежде всего, отрицательные эмоции (16 реакций у русских и 8 у англичан), которые вызывают отрицательное отношение к человеку, неприятие его поступков, качеств (11 реакций у русских и 1 у англичан). Ненависть – это чувство злобы, недоброжелательного отношения к другому человеку, раздраженно-враждебное чувство, настроение (7 реакций у русских и 1 у англичан). Ненависть в русском сознании ассоциируется с неприятием зла, обид (7 реакций и отсутствие таковых в английской группе). Для группы английских информантов ненависть, как и для русских, – это негативное чувство (по 9 реакций в каждой группе). Подчеркнуть силу его проявления англичанам более важно, чем русским (16 реакций у англичан и 4 у русских). Для англичан, по сравнению с русскими, это чувство неприязни (20 реакций у англичан и 3 у русских) и выражение презрения (5 реакций у англичан и отсутствие реакций у русских).

Анализ реакций, полученных в ходе эксперимента с русскими испытуемыми, показал, что в их толкованиях преобладает эмоциональная оценка, она выражена в 46 реакциях. Например: *ненависть - отрицательная эмоция, чувство, злоба, злость, отвращение, неприязнь, отторжение, неконтролируемая*. Этическая оценка нашла отражение в 30 реакциях. Например: *ненависть - неприятие, злопамятность, непростение, вражда, противоположно любви*. Нормативная оценка выражена в 7 реакциях: *ненависть - сильное, состояние, качество*. Утилитарная оценка представлена в 1 реакции: *ненависть - вред для себя*.

В английской группе информантов эмоциональная оценка является ведущей, она выражена в 51 реакции. Например: *ненависть - чувство, неприязнь, отрицательные эмоции, отторжение, отвращение, злоба*.

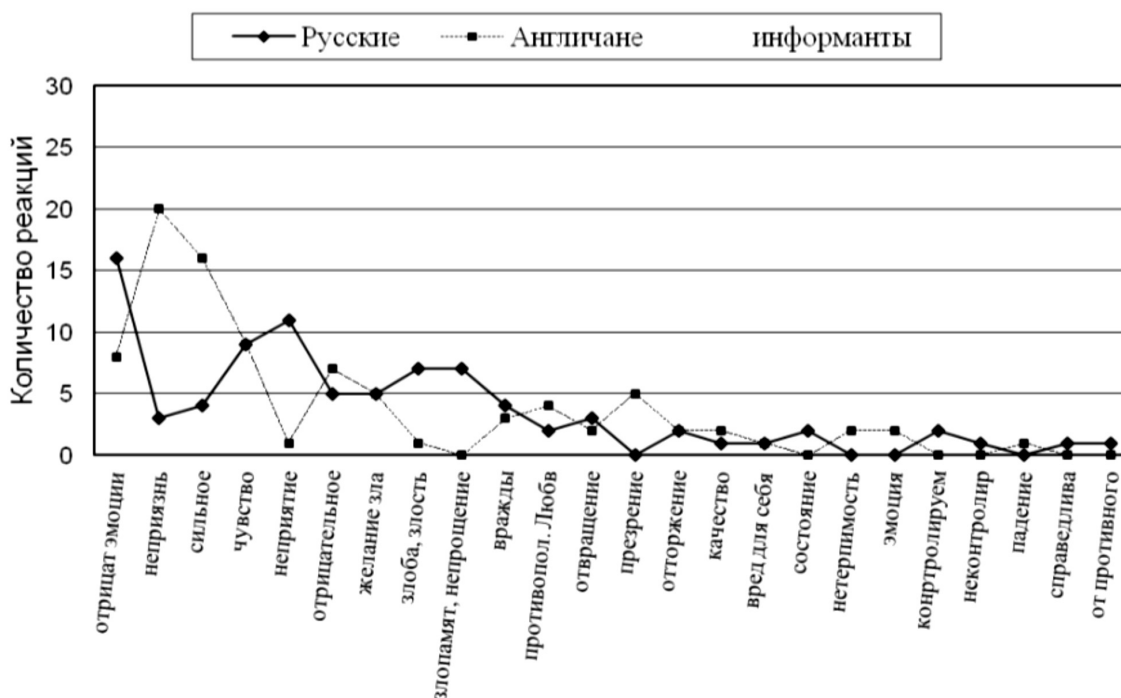

Рисунок 1. Распределение частот сем в толкованиях слова *ненависть* русских и английских информантов.

Этическая и нормативная оценки представлены почти в равных количествах – в 20 и 18 реакциях соответственно. Например, этическая оценка: *ненависть - вражда, противоположно любви, желание зла, презрение, нетерпимость*. Нормативная оценка также присутствует: *ненависть - сильное, качество*. Утилитарная и интеллектуальная оценки выражены в 1 реакции: *ненависть - вред для себя; Ненависть - падение*.

Сравнительный анализ реакций информантов показывает, что основным типом оценки при толковании этого слова в обеих группах информантов является эмоциональная оценка (в 46 реакциях у русских и в 51 у англичан). Этическая оценка чаще встречается в толкованиях русских информантов (в 30 реакциях), т.е. ненависть рассматривается с позиции нравственных принципов, таких как неприятие, непрощение, злопамятность. В группе английских информантов на втором месте по значимости находятся этическая и нормативная оценки, вы-

раженные в почти в равных количествах (в 18 и 20 реакциях). Это можно объяснить тем, что в английском социуме отношение к ненависти основывается на этической норме.

Таким образом, для толкования слова *ненависть*, выражающего чувства-отношения, базовыми являются эмоциональная, этическая и нормативная оценки, это можно объяснить тем, что данное чувство характеризуется эмоционально-духовной напряженностью, определенным эмоциональным состоянием и проявляется в отношении к другому человеку. Итак, в моральных представлениях обеих культур существует много общего. Полагаем, это можно объяснить тем, что морально-этические ценности являются базовыми составляющими для любой культуры, однако существуют национальные особенности, нюансы восприятия моральных ценностей и свойств личности, это находит отражение в специфике выражения оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2011. 240 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
4. Collins H. Cobuild English Dictionary [Электронный ресурс] // Электронный словарь ABBYLingvo ?3. URL: <http://www.lingvo.ru/>
5. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] // Электронный словарь ABBYLingvo ?3. URL: <http://www.lingvo.ru/>
6. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. 1 оптический компакт-диск.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НЕЙМИНГА В ДИСКУРСЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

EXTRALINGUISTIC AND INTRALINGUISTIC FACTORS OF NAMING IN THE COMPUTER GAME DISCOURSE

I. Korolev

Annotation

The article examines extralinguistic and intralinguistic factors of naming of notions and objects of notions in products of the computer game development industry. Extralinguistic and intralinguistic factors of choosing nominative meanings, how they are motivated and conditioned are described in the article. The main patterns of nomination are analyzed and classified as well as the motivational basis of naming in the computer games.

Keywords: naming, computer games discourse, motivational relations, objects of nomination, factors of nomination.

Королев Игорь Олегович
Аспирант,
Кубанский государственный
университет, Краснодар

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию экстралингвистических и интралингвистических факторов нейминга понятий и объектов номинации в продуктах компьютерно-игровой индустрии. В ней рассматриваются экстралингвистические и интралингвистические факторы выбора номинативных значений, мотивированность и обусловленность их выбора. Проанализированы и классифицированы основные паттерны номинации. Выведена мотивационная основа нейминга в дискурсе компьютерных игр.

Ключевые слова:

Нейминг, компьютерно-игровой дискурс, мотивационные отношения, объекты номинации, факторы мотивированности.

Сейчас номинация, как таковая, понимается как процесс исторический и как современный. Историческую мотивированность появления тех или иных слов и понятий, относящихся к первичной номинации, сейчас отследить достаточно сложно, разве что посредством методов этимологического анализа. Однако же текущие темпы развития различных сфер деятельности человека побуждают возникновение целого ряда новых понятий и значений, требующих соответствующего наименования. Например, сфера компьютерных игр, которая за последние десятилетия расширилась в десятки раз и на текущий момент представляет собой не только социокультурное, но и лингвистическое явление благодаря тому, что игровая аудитория насчитывает миллионы игроков.

Появление такого рода явления сопровождается целым рядом как экстралингвистических, так и интралингвистических факторов, и проблем, представляющих особый интерес для исследований. К одной из таких проблем относятся экстралингвистические и интралингвистические факторы нейминга игровых понятий и явлений.

В данном исследовании предпринята попытка доказать, что в рамках дискурса компьютерных игр процесс номинации происходит как с позиции внелингвистической, так и лингвистической мотивации.

В работах по проблемам нейминга различные ученые приводят разные классификации факторов номинации.

Например, Г.В. Колшанский (1975) разделяет такие факторы на субъективные и объективные [1], О.П. Сологуб (1987) объединяет субъективные и национальные факторы [2], С.О. Горяев (2000) выделяет три основных, определяющих фактора номинативной ситуации – субъект, объект и адресат названия [3].

Конечно, в зависимости от объекта исследования, впоследствии могут выделяться и более частные факторы или синонимичные им, однако в целом выбор мотивировочного признака в процессе номинации можно разделить на две категории: языковая, то есть внутренняя, интралингвистическая, и внеязыковая, то есть внешняя, экстралингвистическая.

Материалом для исследования понятий и объектов номинации стал терминологический глоссарий трех социально-игровых проектов компании-разработчика с ежедневной аудиторией активных пользователей в количестве 250 миллионов игроков. Понятия и терминологические единицы из предоставленного глоссария для анализа были отобраны методом сплошной выборки в размере 500 словоформ.

Создание компьютерно-игровых продуктов подразумевает постоянную генерацию объектов наименования, то есть реалий, каждая из которых требует выбора соответствующего имени для обозначения того или иного понятия. Хотя каждый созданный игровой мир и представляет собой отдельный феномен, во многом с уникаль-

ми моделями и факторами номинации, все же, в рамках текущих классификаций и научных подходов к данной проблеме, представляется возможным вычлениить общие закономерности.

То, какая именно форма нового наименования будет выбрана, во многом определяется набором реализуемых смыслов мотивирующих факторов, а также доступными способами номинации в том или ином языке, с соответствующими им языковыми средствами. По сути, создание номинаций в играх представляет собой создание и предложение конечным игрокам вариантов названий тех или иных понятий. Использование мотивированно верных и обоснованных наименований во многом влияет на принятие их сообществом. Экспликация данного процесса на язык и языковые процессы в целом не только показывает их фундаментальное соответствие, но и представляет компьютерно-игровую номинацию процессом, который, сохраняя соответствие, протекает в разы быстрее.

Мотивированность в процессе номинации компьютерно-игровых понятий в большей степени означает экспликацию наиболее важных и существенных сторон именуемого предмета. Нельзя не отметить прагматический фактор номинации в таком случае, когда выбор мотивирующего признака обуславливается не только смысловым намерением (что именно выразить) и коммуникативным заданием (как и для чего выразить), но и той точкой зрения, "с которой человек смотрел при создании наименования" [4, с. 273].

Наименования исследуемой группы достаточно противоречивы с точки зрения определения их характера и места по отношению к другим, более конвенциональным объектам номинации. Например, по характеру соотношения с действительностью наименования данной группы скорее попадают под неавтономную номинацию, так как соотносятся с обозначаемым косвенно, только в контекстуальных рамках. С другой стороны, этим наименованиям присуща автономность, так как те же самые словоформы зачастую используются в литературном языке как самостоятельные языковые единицы.

Экспликация наиболее важных и существенных сторон именуемого объекта в данном дискурсе может иметь совершенно разнообразные мотивационные экстралингвистические факторы:

1. По признаку схожести с представителями животного мира:

◆ рус. Ястреб, англ. Hawk, нем. Falke – в исследуемом семантическом поле в компьютерно-игровом дискурсе дано как наименование для особого вида войск, использующих стрелковое оружие. Мотивированность наименования в данном случае определяется по признаку поведенческой схожести ястреба и стрелка. В исследуемом контексте наименование "Ястреб" проявляет не-

автономные характеристики, в то же время такая же словоформа вне контекста проявляет уже автономные признаки, то есть может использоваться как самостоятельная языковая единица.

◆ рус. Волк, англ. Wolf, нем. Wolf – в исследуемом семантическом поле в компьютерно-игровом дискурсе дано как наименование для особого вида войск, использующих скрытность и адаптацию для разведки за врагом. Мотивированность наименования в данном случае определяется по признаку поведенческой схожести волка и шпиона. Понятие "волк" вызывает ассоциации тихого, крадущегося животного, охотящегося преимущественно ночью, что подтверждается различными исследованиями зоологов. [5]

2. По признаку схожести с мифологическими и изотерическими понятиями:

◆ рус. Демон, англ. Demon, нем. Dämon – в исследуемом семантическом поле в компьютерно-игровом дискурсе использовано как наименование для особого вида войск, имеющих высокие боевые характеристики, то есть убийц. Мотивированность в данном случае определяется по признаку выстраивания ассоциативных рядов с негативной коннотацией. 1). "Демон – злой искуситель, существо, обладающее таинственной силой, которое побуждает к чему-нибудь недоброму, злему." [6] 2). "Злой дух: Черт, Сатана, Дьявол и т.п. (по христианским представлениям)." [7]

◆ рус. Фантом, англ. Phantom, нем. Phantom – в исследуемом семантическом поле в компьютерно-игровом дискурсе использовано как наименование для особого вида войск, предназначенных для шпионажа за противником и получения разведывательных данных. Мотивированность в данном случае определяется схожестью функции отряда с незримостью и бестелесностью фантома. "Фантом – в традиционных представлениях душа или мифическое существо, проявляющееся в видимой или другой форме, от невидимого и неосязаемого присутствия до практически реалистичных наблюдений." [7]

3. По принципу схожести с историческими понятиями:

◆ рус. Йомсвикинг, англ. Jomsviking, нем. Jomsvikinger – в исследуемом семантическом поле в компьютерно-игровом дискурсе использовано как наименование для особого вида войск, которые используют боевую мощь для победы над врагом. Мотивированность в данном случае определяется схожестью силы данного вида пехотных войск с историческим явлением – полулегендарным братством викингов, существовавшим в X–XI веках.

◆ рус. Легионер, англ. Legionary, нем. Legionar – в исследуемом семантическом поле в компьютерно-игровом дискурсе использовано как наименование для особого вида войск, которые используют количество бойцов

в качестве основного источника силы для победы над врагом. Мотивированность в данном случае определяется исторической и поведенческой схожестью этого вида войск. Легион – основная организационная единица в армии Древнего Рима времен республики и империи, насчитывавшая от 2 до 10 тысяч пехотинцев.

Все приведенные примеры было бы несправедливо рассматривать с конвенциональной точки зрения и в рамках того же семантического поля, в котором они используются как автономные объекты номинации в литературном языке, так как вне компьютерно-игрового контекста они утрачивают свое приобретенное номинативное значение. Более того, в данных примерах представлены номинативные единицы со свойственной им вариативностью. Номинативные единицы, представленные в виде одних и тех же словоформ, используются для решения разных коммуникативных задач и рассмотрены преимущественно с позиции исследуемого компьютерно-игрового дискурса.

Исследование интралингвистических факторов позволяет выделить следующие виды мотивации:

1. Формальная:

С формальной точки зрения, производная номинация мотивирована формой производящего слова и формой производящего аффикса. Так, например, слово *легионер* мотивировано формой производящего слова *легион* и формой производящего аффикса *-ер*, то же применимо и к английскому, и к немецкому вариантам: *legion + ary, Legion + ar*. Другой пример, слово *налетчик* мотивировано формой *налет* и формой производящего аффикса *-чик*, то же применимо и к английскому, и к немецкому вариантам *raid + er, Plunder + er*.

2. Семантическая или ассоциативная:

Под семантической мотивацией понимается соотнесенность производной единицы с каким-либо словом,

несущим в себе ее семантический мотивирующий признак, либо номинация на основе сравнения или смежности с использованием полисемии. Например, "Оракул" – в исследуемом материале наименование здания, в котором игрок получает новые знания, от наименования оракул – прорицалище, то есть место, где оглашалось предсказание (новое знание).

3. Синтаксическая:

С точки зрения синтаксиса, производная номинация может мотивироваться необходимой синтаксической функцией обозначаемого понятия. Так, например, наименование "Перемещение" (англ. Relocation, нем. Umzug), обозначающее внутриигровой предмет–понятие, мотивировано функцией подлежащего или дополнения, в то время как глагольная номинация "переместить" (англ. to relocate, нем. zu umziehen), выполняет функции сказуемого.

4. Структурная:

Структурным видом мотивации является использование в процессе номинации тех или иных моделей. Так, например, продуктивная модель "существительное + суффикс *-иц-* (*-ниц-*)" для слов "Воительница" (англ. Shieldmaiden, нем. Kriegerin), "Хищница" (англ. Predatress, нем. Jagerin).

Таким образом, факторы номинации в компьютерно-игровом дискурсе обширны и разнообразны. Мотивационная основа для нейминга представлена по большей части экстралингвистическими факторами, вариант частичной классификации которых был представлен в данном исследовании.

Следует отметить, что описанными в работе примерами игровая лексика не исчерпывается, а, наоборот, представляет собой обширную и разнообразную сферу для исследования функционирования языка в столь большом социальном коллективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 232 с.
2. Сологуб О.П. Типология принципов номинации (на материале русских народных названий птиц): автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 1987. 17 с.
3. Горяев С.О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации: (На материале рус. прагмонимов): Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 20 с.
4. Буслаев Ф.И. Материалы для русской стилистики // Преподавание отечественного языка. М., 1992. 512 с.
5. М.П. Павлов. Волк. М.: ВО "Агропромиздат", 1990. 372 с.
6. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=12125> (дата обращения 18.01.2018).
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-19318.htm>. (дата обращения 18.01.2018).

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭПИТЕТОВ В РОМАНАХ М. БРЭДБЕРИ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ

LINGUO-STYLISTIC ANALYSIS OF EPITHETS
IN NOVELS BY M. BRADBURY AND THEIR
TRANSLATIONS INTO RUSSIAN
AND GERMAN

*I. Kurbanov
K. Baranova*

Annotation

The aim of the article is to observe the translation peculiarities of epithets from English into Russian and German. We are to reveal the stylistic aspects of the novels and to study the style of Malcolm Bradbury. The aim of the research is achieved due to the linguo-stylistic analysis of the epithets and their translations from English into Russian and German. As we discovered the epithets in the novels fulfill the aesthetic function and express the author's attitude to different things in the text. The translation of epithets obliges translators to use different translation transformations.

Keywords: Epithet, translation transformation, change of grammatical and semantic forms, concretization, generalization, aesthetic function of the literary text, pragmatics.

*Курбанов Ибрагим Алиевич
К.филол.н., профессор,*

*Сургутский государственный
университет*

*Баранова Кристина Романовна
Аспирант,*

*Сургутский государственный
университет*

Аннотация

Цель научной статьи – рассмотреть особенности перевода эпитетов с английского языка на русский и немецкий языки. Задачей является выявление стилистических особенностей рассматриваемых произведений, а также изучение индивидуального авторского стиля М. Брэдбери. Цель достигается при помощи лингво-стилистического анализа эпитетов и их переводов на русский и немецкий языки. Проведя лингво-стилистический анализ, отметим, что в художественном произведении эпитеты, прежде всего, выполняют эстетическую функцию, выражая авторскую оценку к тому или иному предмету или явлению. Перевод эпитетов ставит перед переводчиком дополнительную задачу и требует использование различных переводческих трансформаций.

Ключевые слова:

Эпитет, переводческая трансформация, функциональная замена, конкретизация, генерализация, эстетическая функция, прагматика художественного произведения.

Интерес к данному тропу возник еще в Древней Греции, в высказываниях Аристотеля, Гермогена, Деметрия, Квинтилиана. В современной науке следует отметить работу А.П.Лободанова "К исторической теории эпитета", а также работы В.М.Жирмунского и А.Н.Веселовского.

Рассматривая эпитет как атрибут поэтической речи, А.П.Лободанов приходит к выводу, что первоначально термин "эпитет" означал прилагательное к какому-либо имени другое имя, употребленное в одной из своих акциденций*. Таким образом, в античности не было прилагательного как такового, а был эпитетон как то, что приложено, прибавлено к имени [6].

* Акциденция - свойство, которое специфицирует имя, указывает его качество.

В словаре С.И. Ожегова эпитет рассматривается с точки зрения поэтики и является определением, прибав-

ляемым к названию предмета для большей образности. Постоянный эпитет (в народной поэзии), непостоянный эпитет (о неодобрительной характеристике кого-либо, чего-либо) [10]. Советский энциклопедический словарь дает эпитету следующее определение: "Троп, образное определение, дающее дополнительную художественную характеристику предмета или явления в виде скрытого сравнения (например: чистое поле, парус одинокий)" [7].

В энциклопедии по литературоведению "эпитет – художественно-стилистический прием; образное определение". В энциклопедии также различается 1) "украшающий" эпитет, обозначающий постоянный признак предмета: "широкая степь", "белый снег", "прозрачные воды". Такого рода эпитеты типичны для традиционалистской словесности, начиная с гомеровского эпоса и до 18 века – начала 19 века, являя собой поэтический троп – синекдоху [11].

Синтаксическая функция эпитета заключается в его "прибавленности" к определяемому слову.

Роль эпитета в художественном тексте (прозе, поэзии) до сих пор окончательно не решена. К этому вопросу обращается В.П.Москвин. Ученый утверждает, что если из художественного произведения, будь то проза или поэзия убрать все эпитеты, то текст перестанет быть художественным, а составляющие его обороты речи, описания превратятся в "простые надписи". "Этот пример показывает, насколько велика роль образных определений в художественной, в частности, поэтической речи" [9].

Л.Г.Бабенко и Ю.В.Казарин в своей монографии, исследуя роль эпитетов в поэтическом тексте, подчеркивают: "эпитеты – художественные определения, которые задают тональность всей строфы" и вводят понятие "качественная доминанта художественного текста", под которым понимают такое высказывание, где преобладает характеристика объектов действительности посредством указания на качественный признак [2].

Эпитеты, образуя ядро качественной доминанты текста, организуют пространство повествования, центрируя на себе внимание читателя. Качественная доминанта текста представляет собой основное поле функционирования эпитета, в котором он наиболее последовательно реализует свой художественный потенциал. Предикативная и атрибутивная функции эпитета, дополняя друг друга, позволяют объемно и полно передать авторское отношение к миру, а сознательный выбор адъективной лексики способствует прямой номинации этого отношения – эпитет становится важным средством создания образности.

Анализируемый нами троп традиционно рассматривается как атрибут, не просто характеризующий объект с какой-либо стороны, а выражающий его свойства, пропущенные сквозь призму эмоционально-психологического и индивидуально-авторского видения мира. "Эпитет как атрибутивное слово не только несёт какую-либо информацию об объекте, его свойствах и отношении к нему говорящего, но и является знаком завершения определённого этапа парцелляции окружающего мира на дискретные объекты, исследования и включения выделенного объекта в определённую концептуальную и эмоционально-оценочную системы [6].

В художественном тексте эпитет выполняет следующие функции: когнитивную (эксплицирует личность как субъект творческой деятельности, направленной на познание объекта, его квалификацию), эстетическую функцию (дает оценку тому или иному объекту с точки зрения эстетических принципов) и коммуникативную (оценка деятельности, направленной на выражение полученных наблюдений языковыми средствами и их передачу адресату) [5].

Основную трудность при выделении эпитетов в художественном тексте составляет разграничение смежных понятий, логическое определение и эпитет. В.И.Корольков намечает три различия между определением и эпитетом.

Во-первых, с познавательной точки зрения, определение добавляет к содержанию понятия признак, который ограничивает его объем, то есть осуществляет логическую классификацию. Эпитет же выделяет, усиливает типичный признак, выступая в качестве экономичного средства создания художественного образа.

Во-вторых, с коммуникативной точки зрения, определение отрешено от всех сторон личности, кроме чисто интеллектуальных. Эпитет обычно выявляет целостное отношение субъекта, осуществляет ценностную, аксиологическую квалификацию объекта.

В-третьих, с лингвистической точки зрения, определение и определяемое – двухсловное обозначение, относящееся к бытовой номенклатуре, к научной терминологии ... Эпитет и характеризуемое представляет собой "свободное словосочетание, в идеале – свежее "речение", отличающееся оригинальностью" [12].

Например, в произведении М. Брэдбери "Профессор Криминале": "...*ancient, wine-soaked evening finery...*" [13] прилагательное "*ancient*" может рассматриваться, как простое определение к определяемому "*evening finery*", но рассматривая данную фразу в пределах контекста, мы понимаем, что перед нами эпитет, который подчеркивает качество определяемого, совершая свою эстетическую функцию, усиливает также и эмоциональный эффект. Данный эпитет мастерски передан и в переводе на русский язык "*ancient - заскорузлый*", эмоционально окрашенное прилагательное, является синонимом к словам "*отсталый, неразвитый*", однако переводчик выбирает именно "*заскорузлый*", подчеркивая и доказывая, что перед нами троп – эпитет, а не простое определение.

Являясь стилистически-маркированными единицами ОЯ [8], при переводе эпитеты передаются с учетом их структурных и семантических особенностей (простые и сложные прилагательные; степень соблюдения нормативного семантического согласования с определяемым словом; наличие метафоры, метонимии, синестезии), с учетом степени индивидуализированности (устойчивый эпитет фольклора, традиционный эпитет-поэтизм, традиционный эпитет данного литературного направления, сугубо авторский), с учетом позиции по отношению к определяемому слову и функций [1].

Рассмотрим особенности перевода эпитетов на конкретных примерах. Для этого обратимся к романам современного английского писателя Малькольма Брэдбери (1932–2000).

"Профессор Криминале" (Doctor Criminale, 1992) – одно из самых известных произведений писателя, являет собой остроумный, изящный, увлекательный роман. "Профессор Криминале" – своеобразная панорама политической и литературной жизни конца XX века, блестящий образец нового европейского романа. Герой произведения – не совсем удачный английский журналист Фрэнсис Джей, прагматик и философ, из-за своего откровенного и неудачного интервью оказывается безработным. Он случайно впутывается в историю о загадном Профессоре Криминале и отчаянно пускается на его поиски. Фрэнсис Джей, безусловно, предстает архетипом человека 90-х годов минувшего столетия.

Проведем лингво-стилистический анализ следующей отрывка текста *"And each day...I sat down in the country kitchen of the town house...reading and nothing, sifting and filing, computing and scrolling, trying to find my way around and into the complicated and mythical figure of Bazlo Criminale"* [13]. В данном примере выделим следующие эпитеты: *complicated, mythical*, которые определяют имя собственное *Bazlo Criminale*. В данном случае, выделенные нами прилагательные являются эпитетами, так как в данном контексте выполняют эстетическую функцию, давая оценку герою романа – Профессору Криминале и подчеркивая его неуловимую и загадочную личность.

Рассмотрим перевод данного отрывка текста на русский и немецкий языки: *"А я просыпался все более измотанным...усаживался за стол для загородных пикников...и брался за непривычное дело: читал и конспектировал, выискивал и подшивал, копал и кумекал - тщился нащупать слабое место в окутывающей персону Басло Криминале ауре недоговоренностей и мифов...[3]"/ "Und ich setze mich, jeden Tag...in die Landhausküche des Stadthauses...Ich las und machte mir Notizen, sortierte und ordnete, erstellte Computerdateien und startete Suchlaufprogramme, um die komplexe, mythische Figur von Bazlo Criminale einzugrenzen und zu durchdringen [14]".*

В случае перевода с английского на немецкий язык очевиден полный перевод данного предложения. Это обусловлено совпадением правил сочетаемости лексических единиц в ОЯ и ПЯ. Сохранен порядок слов, рассматриваемые нами эпитеты *"complicated", "mythical"* переведены соответствующими лексическими единицами немецкого языка *"komplexe", "mythische"*.

Проанализируем перевод данного предложения с английского языка на русский язык. В данном случае переводчиками было произведено целостное преобразование, на семантическом уровне. Однако была использована функциональная замена, а именно прилагательное *"mythical"* в ОЯ в ПЯ становится существительным во множественном числе, родительном падеже *"мифов"*, что говорит об изменении морфологического статуса лексической единицы.

По нашему мнению, перевод с английского языка на немецкий язык можно считать репрезентативным, адекватным, а использованные трансформации уместными.

С учетом проведенного лингво-стилистического анализа перевода с английского языка на русский язык, мы предлагаем следующий построчный перевод: *"А я просыпался все более измотанным...усаживался за стол для загородных пикников...и брался за непривычное дело: читал и конспектировал, выискивал и подшивал, копал и кумекал, пытался найти хоть какую-нибудь зацепку о сложной и мифической персоне Басло Криминале"*.

В построчном переводе, мы также произвели целостное преобразование в части *"...trying to find my way around and into..." - "...пытался найти хоть какую-нибудь зацепку о..."*, однако в остальной части предложения нами были применены следующие переводческие трансформации: калькирование *"mythical"* – "мифический", *"complicated"* – "сложной", семантическая замена существительного *"figure"* – "персона" и частичная транслитерация при переводе имени собственного *"Bazlo Criminale"* – "Басло Криминале".

В построчном переводе нами были полностью сохранены и переданы эпитеты, благодаря чему достигается максимальная полнота передачи стилистически маркированных единиц в ПЯ.

Проведем анализ следующего предложения из романа "Профессор Криминале". *"Yes, they were a flamboyant crowd"* [13]. Прилагательное *"flamboyant"* (яркий, пышный) определяет существительное *"crowd"* (толпа) и дает ему эстетическую оценку, следовательно, является эпитетом. Эпитет, как троп, обладает образностью и экспрессивностью.

При переводе данного предложения на русский и немецкий языки получаем: *"Да, это была колоритная толпа"* [3]. / *"Ja, es war wirklich eine Gruppe von Paradiesvögeln"* [14].

Для перевода эпитета с определяемым словом *"a flamboyant crowd"* с английского языка на русский язык в условиях совпадения лексических и грамматических форм был осуществлен полный перевод. Мы считаем перевод тропа (эпитета) репрезентативным, полностью отвечающим правилам ПЯ. Что касается остальной части предложения, а именно грамматической основы, то здесь переводчик прибегнул к функциональной замене личного местоимения третьего лица, множественного числа *"they"*, на указательное местоимение единственного числа "это". По нашему мнению, данной функциональной замены можно было избежать, в связи с этим предлагаем свой построчный перевод *"Да, они были колоритной толпой"*. Таким образом, перевод максимально точно передает содержание исходного текста.

Проведем лингво–стилистический анализ перевода эпитета и определяемого слова *"flamboyant crowd"* на немецкий язык *"eine Gruppe von Paradiesvogeln"*. Отметим изменение морфологического статуса прилагательного *"flamboyant"*, в ПЯ получаем сложное существительное во множественном числе *"Paradiesvogeln"*, состоящие из двух основ *"Paradies"* и *"Vogeln"* (досл. райские птицы), однако, согласно немецко–русскому словарю под редакцией Л.С. Блиновой в немецком языке данное существительное имеет второе значение – "яркий, эксцентричный человек". В данном случае можно говорить о том, что эпитет в ОЯ был заменен метафорой в ПЯ. Отметим, что определяемое слово *"crowd"* в немецком переводе подверглось лексико–семантической замене (конкретизации) – *"eine Gruppe"*. Несмотря на это, перевод на немецкий язык – репрезентативный и сохраняет эстетическую и прагматическую функции исходного текста в тексте на ПЯ.

Роман М. Брэдбери "Историческая личность" (The History man, 1975) – произведение автора, удостоенное Букеровской премии. Работа была переведена на русский язык в 2002 году И. Гуровой. Как выразился современный российский журналист и литературный критик Лев Данилкин "... роман о современниках–нигилистах. Классика "кампусовой" прозы, университетского романа... Горвард Кэрк (главный герой произведения) – полуподлец–полуневежда, точно схваченный исторический тип. Он жонглирует цитатами из Маркса, Фрейда и Маркузе; провозглашает права женщин... балаболя о свободе выбора, сметает с пути всех инакомыслящих...". В своих произведениях М. Брэдбери с легкой иронией описывает всех подобных "борцов за справедливость", но в тоже время автор сдержан в своих оценках, тем самым, давая пищу для размышления самому читателю.

Проведем лингво–стилистический анализ эпитетов и их переводов на русский и немецкий языки в романе "Историческая личность". *"From time to time, being passionate, liberated, consciousness-conscious people, they live apart, or with someone else, for a spell"* [15]. Так автор уже с первых страниц описывает своих главных героев – семью Кэрков, о жизни которых в дальнейшем пойдет речь. В данном описании нас интересуют прилагательные: *"passionate, liberated, consciousness-conscious"*, которые являются определениями к существительному во множественном числе *"people"*. Представленные прилагательные являются эпитетами и содержат авторскую оценку к героям романа, создавая их образы и подчеркивая экспрессивно–стилистическую неординарность М. Брэдбери.

При переводе данного предложения на русский и немецкий языки получаем: *"Время от времени, будучи страстными, освобожденными, сознательно сознательными людьми, они живут отдельно или с кем-нибудь еще"* [5]. / *"Als leidenschaftliche, emanzipierte, bewußtseins-bewußte Menschen leben sie von Zeit zu Zeit eine Weile getrennt oder mit jemand anderem"* [16].

В переводе на русский язык эпитеты *"passionate"* и *"liberated"* были переведены при помощи словарных соответствий "страстный" и "освобожденный", однако перевод третьего эпитета *"consciousness-conscious"* вызывает интерес. Стоит отметить, что данное словосочетание – авторское приложение, которое было создано из двух разных частей речи, заключающих в себе некую игру слов *"consciousness"* – существительное и *"conscious"* – прилагательное. В переводе на русский язык переводчик изменил морфологический статус первого составляющего эпитета, а именно: существительное *"consciousness"* на ОЯ было переведено наречием "сознательно" на ПЯ. Данная функциональная замена уместна, перевод на русский язык является репрезентативным, так как полностью соответствует лексическим и грамматическим нормам ПЯ, передавая при этом эстетическую и прагматическую функцию анализируемых тропов (эпитетов).

Проведем анализ перевода данного предложения на немецкий язык. Эпитеты *"passionate, liberated, consciousness-conscious"* были переведены прилагательными *"leidenschaftliche, emanzipierte, bewußtseins-bewußte"* соответственно. В данном случае, для перевода эпитета *"passionate"* на немецкий язык было подобрано словарное соответствие *"leidenschaftliche"*, для перевода авторского эпитета–приложения *"consciousness-conscious"*, была использована калька, в ПЯ сохранены части речи (существительное + прилагательное). При переводе эпитета *"liberated"*, описывающего свободолюбивый характер героев романа была использована лексико–семантическая замена (конкретизация) – *"emanzipierte"*. Это подтверждается лексическим значением прилагательного, а именно: *"emanzipierte"* (эмансипированный) – свободный, уравнивший в правах [7], в то время как прилагательное *"liberated"* имеет значение "свободный от чего–либо". С нашей точки зрения перевод с английского языка на немецкий язык – репрезентативный, однако функциональной замены можно было избежать, подобрав прямое словарное соответствие для эпитета *"liberated"*.

Проведем лингво–стилистический анализ 300 эпитетов в романах М. Брэдбери и их переводов на русский и немецкий языки, мы пришли к тому, что в большинстве случаев переводчики пытаются сохранить эпитет в ПЯ и дают полный перевод, подбирая подходящее словарное соответствие. Однако, в условиях не совпадения лексических и грамматических норм различных языков это не всегда удается. Таким образом, переводчики в русском и немецком языках используют переводческие трансформации.

Самая частая переводческая трансформация при переводе с английского языка на русский (62%) и немецкий языки (57%). Вторая по частотности трансформация с английского на русский язык – добавление (24%), при этом, отметим, что данная трансформация не использо–

валась при переводе на немецкий язык, это объясняется большим различием в лексико-семантическом строе русского и английского языков. На втором месте по частотности при переводе с английского языка на немецкий – конкретизация (25%). Переводчикам приходилось подбирать слова с более узким лексическим значением, для сохранения образности эпитета, а также следуя правилам лексической сочетаемости в ПЯ. Следующая трансформация, к которой приходилось прибегать для перевода эпитета с английского языка на русский язык – калькирование (9%). В большинстве случаев калькирование использовалось для перевода сугубо авторских эпитетов соответствующими элементами русского языка. В свою очередь, при переводе эпитетов на немецкий язык также использовалась модуляция (10%). При не возможности сохранения тропа, переводчики прибегали к замене слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Такая трансформация хоть и нарушает эстетическую функцию эпитета, однако сохраняет информативную функцию художественного текста. При переводе эпите-

тов с английского языка на русский и немецкий языки использовалась генерализация (3%) и (8%) соответственно. В переводе с английского на русский был использован нулевой перевод (2%), однако процент использования нулевого перевода невелик, чем объясняется стремление переводчиков наиболее полно передать не только содержание художественного текста, но и сохранить выполняемую им эстетическую и прагматическую функции.

Проведенный нами лингво-стилистический анализ тропов в романах М. Брэдбери подтверждает то, что перевод тропов в художественной прозе ставит перед переводчиком дополнительную задачу, решение которой ведет к использованию различных преобразований текста на всех языковых уровнях. Авторы перевода стремятся с максимально возможной полнотой передать всю информацию, заключенную в исходном тексте, соблюдая при этом нормы ПЯ. Мы также руководствовались данным правилом при создании собственного построчного перевода некоторых отрывков текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. – СПб. : Перспектива, Издательство "Союз", 2008. – 288 с.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л.Г.Бабенко, Ю.В.Казарин. – М. : "Флинта: Наука", 2006. – 496 с.
3. Брэдбери М. Профессор Криминале. – М.: Иностранная литература, 2000. – 468 с.
4. Брэдбери М.С. Историческая личность / М.С. Брэдбери. – М. : "Домино, Эксмо", 2016. – 368 с.
5. Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н.Есина: Автореферат дисс. . канд. филол. наук / В.Г. Глушкова. – Белгород, 2000. 23 с.
6. Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты дис. канд. филол. наук. – Самара, 2009.
7. Зворыкин А. А., Шаумян Л. С. / А.А. Зворыкин. – М. : Издательство "Советская энциклопедия", 1971. – 1567 с.
8. Казакова Т.А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб. : "Издательство Союз", 2000. – 320 с.
9. Москвин В.П. Эпитет в художественной речи / "Русская речь". – Российская академия наук, Москва 2001. Вып4. С. 28–34.
10. Ожегов С.И. Словарь Русского Языка 18-е изд., стереотип. / С.И. Ожегов – М. : Рус.яз., 1986. – 797 с.
11. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры / А.А. Потебня. – Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1905. – 234 с.
12. Сурков А.А. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т.8. – М. : Издательство "Советская энциклопедия", 1962–1971. – 1039 с.
13. Bradbury M. Doctor Criminale / M. Bradbury. – L. : Penguin Books, 1992. – 344 p.
14. Bradbury M. Doctor Criminale / M. Bradbury. – B. : Aufbau Taschenbuch Verlag, 1995. – 430 s.
15. Bradbury M. The History Man / M. Bradbury. – L. : Penguin Books, 1992. – 368 p.
16. Bradbury M. Der Geschichte Man / M. Bradbury. – B. : Aufbau Taschenbuch Verlag, 1993. – 450 s.

© И.А. Курбанов, К.Р. Баранова, (ibragimkurbanov@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ АГРЕССИВНОГО ОБРАЗА ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА "АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ" И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ (Т. Уитни, 1974) И НЕМЕЦКИЙ (А. Петурниг, 1974) ЯЗЫКИ

A ZOOMORPHIC METAPHOR AS MEANS OF MODELLING OF AGGRESSIVE IMAGE OF THE SOVIET AUTHORITY ORGANS IN A.I. SOLZHENITSYN'S NOVEL "THE GULAG ARCHIPELAGO" AND ITS TRANSLATIONS INTO ENGLISH (Th. P. Whitney, 1974) AND GERMAN (A. Peturnig, 1974)

*I. Kurbanov,
V. Salo*

Annotation

In fiction works authors widely use metaphoric items not only for creating the target image, but also for communicating their attitude to the depicted phenomenon/ object. The given article looks into specifics of zoometaphor creating the image of the organs of the Soviet authorities in the corresponding period. The article deals with equivalence and adequacy of zoometaphor translation into English and German. It analyses possibilities to translate the original metaphor without losses.

Keywords: cognitive linguistics, a metaphor, modelling, frame, slot.

*Курбанов Ибрагим Алиевич
К.филол.н., профессор,
Сургутский государственный
университет
Сало Виктория Эдуардовна
Аспирант, Сургутский
государственный университет*

Аннотация

В художественных текстах авторы широко используют метафорические средства не только для создания целевого образа, но также в целях передачи своего отношения к описываемому объекту/ явлению. В рамках данной статьи была рассмотрена специфика зооморфной метафоры, создающей образ органов советской власти описываемого периода. Особое внимание уделяется эквивалентности и адекватности перевода данного типа метафоры на английский и немецкий языки. Анализируются возможности сохранения оригинальной метафорической модели в языках перевода.

Ключевые слова:

Когнитивная лингвистика, метафора, моделирование, фрейм, слот.

Произведение А.И. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" повествует о системе тоталитаризма, доносов и пыток. События, описываемые в произведении, охватывают временной период с 1918 по 1956 года, то есть первые годы советской власти и времена культа личности. При создании произведения автор преследовал цель изобличить советскую репрессивную систему, несправедливое отношение органов государственной власти к гражданам. Слово "ГУЛАГ" до сих пор является синонимом советской диктатуры.

Для формирования образа органов советской власти (далее – "органы власти") автор прибегает к широкому использованию метафорических средств концептуального характера. Метафора представляет собой троп или средство воздействия на сознание и эмоциональный мир человека. С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора помогает познавать действительность и структурировать знания о явлениях действительности. С точки

зрения традиционной лингвистики в сфере анималистической лексики и фразеологии можно выделить номинативную и экспрессивно-оценочную типы метафоры (как наиболее свойственные зоонимам). В номинативной метафоре преобладает функция названия и вычленения фрагментов внеязыковой действительности и формирова- ния соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц. Приведем примеры: созвездия – Большая медведица (северное созвездие), Созвездие Большого пса; растения – петушии косы (травянистое растение), кукушкин лен, вороньи глазки (папоротник) и др.; бо- лезни – заячья губа, заячий глаз, курья слепота (диал. ирк.), свинья заушница (свинка) и др.). Основная цель экспрессивно-оценочной метафоры – дать характеристику и выразить оценочное восприятие объекта, поэтому ее можно назвать эвалюативной. В фокусе такой метафоры находится понятие, представляющее собой свойство предмета, вызывающее оценочную реакцию. В оце-

ночных суждениях часто присутствует экспрессивный момент, связанный с выражением эмоций говорящего и воздействием речевых факторов на чувства. Интерпретация такой метафоры прежде всего опирается на знание образной символики данного языка. Внелингвистические знания входят в семантику слов в качестве коннотаций. Сема "хитрость" не является ведущей в значении существительного лиса, она является коннотативной и связана с ассоциациями, внушаемыми самими реалиями. Эти ассоциации, реализующие в коннотативных семах, участвуют в создании образной символики языка, зависят от условий жизни и традиций носителей языка и значительно разнятся от культуры к культуре, от языка к языку. Если для русских, к примеру, осел – символ упрямства, то для народов Средней Азии – символ терпения. Необходимо отметить, что образность присуща практически всем зоосемизмам и метафоризация является той языковой основой посредством которой оформляется эта образность. Она происходит в двух вариантах: 1) путем метафоризации всего зоонима – "волк в овечьей шкуре", "красный петух" и т. д.; 2) метафоризацией одного компонента – "старый пес (кобель, осел)". В некоторых случаях метафора осложняется гиперболой ("как сельдей в бочке" – *to be packed like sardines*) или литотой (стилистическим преуменьшением) ("кот заплакал" – *enough to make a horse laugh*).

Символика анималистической лексики достаточно хорошо исследована в сопоставительном аспекте в современной лингвистике. В данной статье мы пользовались исследованиями Курбанова И.А., посвящённые анализу национально-культурной специфики зоонимов (зоосимволов) русского, английского и других языков [3–7].

В рамках данного произведения органы власти метафорически представляются как "животное", причём животное, которое ведёт себя агрессивно, соответственно эта модель несёт исключительно негативную оценку.

При сборе материала для данной статьи использовался метод сплошной выборки, необходимый для выявления типов метафоры, используемой для описания органов власти, и определения частотности и продуктивности различных фреймов. При осуществлении классификации авторы опирались на работу А.П. Чудинова [10]. Целью данного исследования является поиск ответа на вопросы: сохраняется ли метафорическая модель в языке перевода, если нет, то как она трансформируется.

В ходе исследования было проанализировано 234 концептуальные метафоры, моделирующие образ советской власти. Из них 67 приходится на зооморфную метафору. В рамках этой группы было выявлено 5 фреймов.

1. Фрейм "состав царства животных"

Слот 1.1. Агрессивные/ дикие животные

Выбор автора в качестве сферы источника метафорического моделирования именно образа диких животных можно объяснить намерением автора сделать акцент

на враждебном отношении органов власти к гражданам. Органы власти позиционируются как "волки", "полканы":

"Волчьим смехом расхохоталось собрание, и со всеми шестью своими ртами пошел новый орденоседец в ссылку" [9, 88]. – "A wolflike laugh rocketed through the hall, and the newly decorated hero went off to exile, together. with all six of those dependent mouths" [12, 76]. – "Wolfisches Gelächter schlug ihm entgegen, und es wanderte der neue Ordensträger samt seinen sechs Maulern in die Verbannung" [13, 81].

"<...> вместо себя сажая полканами выводных" [9, 146]. – "<...> leaving guards to act as watchdogs in their place" [12, 139]. – "<...> als Kettenhund bleibt ein Posten zuruck" [13, 140].

"То <...> было совершено не одним злодеем, не в одном потаенном месте, но десятками тысяч специально обученных людей-зверей над беззащитными миллионами жертв" [9, 105]. – "What <...> was all being practiced <...> not by one scoundrel alone in one secret place only, but by tens of thousands of specially trained human beasts standing over millions of defenseless victims" [12, 93–94]. – "<...> das wurde <...> nicht von einem einzelnen Bosewicht, nicht an einem einzelnen verborgenen Ort, sondern von Zehntausenden darauf gedrihten Menschenbestien an wehrlosen Millionen von Opfern" [13, 98].

"<...> доказать своему монстру-следователю <...>" [9, 145] – "<...> to prove to his monster of an interrogator <...>" [12, 138] – "<...> dem uniformierten Monstrum vor sich zu beweisen <...>" [13, 138]

Практически во всех примерах в рамках данного слота переводчики применили приём калькирования без семантических и коннотативных потерь. Лишь в последнем переводе на немецкий язык "монстр-следователь" заменяется на "информированный монстр".

2. Фрейм "объединения животных"

Руководимые инстинктами представители органов власти объединяются в группы, проявляющие враждебность и агрессию по отношению к гражданам.

"<...> какие-то косяки гебистов должны были класть головы с неуклонностью <...>" [9, 161]. – "<...> a certain number of "schools" of gaybisty had to sacrifice themselves" [12, 156]. – "<...> zwang bestimmte Fischschwarme von Gebisfen, ihre Haut zu Markte zu tragen" [13, 156].

"Это волчье племя – откуда оно в нашем народе взялось?" [9, 164] – "Where did this wolf-tribe appear from among our people?" [12, 160] – "Diese Wolfsbrut – woher kommt sie in unserem Volke?" [13, 159]

В немецком переводе А. Петурниг вместо полного соответствия "der Stamm" использует "die Brut" ("alle jungen Tiere, die aus Eiern schlupfen"[2]) – "выводок (птенцов), приплод (перен. о потомстве человека)" [1].

"Отчего они все такую рьяной упряжкой включились в эту гонку не за истиной, а за ЦИФРАМИ обработанных и осужденных?" [9, 152] – "What prompted them all to slip

into harness and pursue so zealously not truth but totals of the processed and condemned?" [12, 146] – "Warum haben sie sich alle bloß so wild ins Zeug gelegt, nicht die Wahrheit, sondern die Ziffern der Verarbeiteten und Verurteilten zu erzielen?" [13, 146]

В данном случае А. Петурниг, переосмыслив подтекст зооморфной метафоры, делает выбор в пользу разговорного фразеологического оборота "sich ins Zeug legen" ("взяться за дело засучив рукава" [1]).

3. Фрейм "части тела животных"

Слот 3.1. Органы агрессии

При описании органов власти сквозь зооморфную призму продуктивно используются названия частей тела животных, используемых для проявления агрессии. Собирательный "животный" образ властей складывается из таких составляющих как: "пасть", "щупальцы", "когти", "копыта".

"Членок за членком прожевав с хвоста, доберется пасть и до собственной головы" [9, 66]. – "<...> and, limb by limb, beginning with its own tail, the ravenous maw would devour itself . . . right up to its head" [12, 52]. – "Solcherart Glied um Glied vom Schwanz her verschmausend, arbeitet sich der Rachen bis zum eigenen Haupt vor" [13, 59].

"Итак, если мы знаем, что Органы <...> не отмирали ни единым щупальцем, но напротив наращивали их и крепили мускулатурой, – легко догадаться, что они упражнялись постоянно" [9, 41]. – "Therefore, if we know that the Soviet Security organs, or Organs <...> have not died off even to the extent of one single tentacle, but, instead, have grown new ones and strengthened their muscles—it is easy to deduce that they have had constant exercise" [12, 25]. – "Wenn wir also wissen, daß den Organen <...> kein winziger Fuhler abstarb, sondern umgekehrt, immer neue erwachsen, muskelstark und beweglich, durfte es uns nicht schwerfallen zu erraten, daß sie standig in Übung waren" [13, 34].

"...ведь разведка может протянуть щупальцы к своему любимцу и в лагерь..." [9, 77]. – "... for, after all, an intelligence service might reach out its tentacles to its protegee even in a camp..." [12, 64]. – "... der fremde Geheimdienst konnte ja die Faden zu seinem Schutzling bis ins Lager hinein spinnen..." [13, 70].

В немецком переводе А. Петурниг в одном случае использует кальку "щупальцы" = "Fuhler", в другом случае отдаёт предпочтение функциональной замене, также обладающей долей метафоричности, но другого характера, "щупальцы" = "die Faden" ("нить, волокно" [1]).

"МГБ же не искало истины и не имело намерения кого-либо взятого выпустать из когтей" [9, 151]. – "The MGB wasn't interested in the truth and had no intention of letting anyone out of its grip once he was arrested" [12, 145]. – "Dem MGB war die Wahrheit egal, und es hatte nicht die Absicht, einen einmal Verhafteten wieder aus den Klauen zu lassen" [13, 145].

В английском переводе "когти" заменяются на лекси-

ческую единицу "grip" ("хватка, захват" [8]), происходит функциональный перенос значения.

4. Фрейм "поведение животных"

Слот 4.1. Агрессивные действия

Действия органов власти, зачастую демонстрирующие суть их отношения к гражданам, в основном обозначаются зооморфной метафорой, что позволяет выразить безраспространённость и необоснованную агрессию. Наиболее распространённые обозначения:

"Едва смершевцы кончили меня потрошить <...>" [9, 35]. – "Hardly had the SMERSH men finished "plucking" me <...>" [12, 18] – "Nachdem die Smersch-Leute aufgehört hatten, mich auszuweiden ..." [13, 28]

Т. Уитни отдаёт предпочтение глаголу "to pluck" ("ощипывать птицу"[8]) вместо "disembowel" ("to take the stomach, bowels and other organs out of a person or animal"[11]).

"ГПУ запыхалось хватать и таскать вредителей" [9, 59]. – "The GPU puffed and panted in its efforts to grab off and drag off the "wreckers"" [12, 44]. – "Die GPU geriet außer Atem vor lauter Jagd auf Saboteure" [13, 52].

В английском языке путём добавления "in its efforts" к устойчивому словосочетанию "to puff and pant" ("тяжело дышать"[8]) Т. Уитни передаёт образность происходящих действий. В немецком языке происходит ассоциативная замена агрессивных действий "хватать и таскать" на "die laute Jagd" ("шумная охота"[1]).

"Я сидел и гадал: чью незаурядную жизнь в эту ночь привезли на истязание, на растерзание и на сожжение потом" [9, 144]. – "I sat there and I wondered: Whose extraordinary life had they brought in for torment, for dismemberment, and then for burning?" [12, 137] – "Da saß ich und grubelte: Wessen außergewöhnliches Leben haben sie in dieser Nacht herbeigeschleppt, daß es gefoltert und geschunden werde und am Schluß in Rauch aufgehe?" [13, 137–138]

Несмотря на то, что более точным соответствием "растерзания" в английском языке является "tearing to pieces", Т. Уитни использует лексическую единицу "dismemberment" ("расчленение, разделение на части"[8]). Немецкий глагол "schinden" ("разг. мучить, терзать, эксплуатировать"[1]) максимально сохраняет метафоричность оригинала (наблюдается лишь конверсия: замена существительного на глагол).

"Тебе никто слова человеческого не говорил, на тебя человеческим взором никто не глянул – а только выклевывали железными клювами из мозга твоего и из сердца, ты кричал, ты стонал – а они смеялись" [9, 183]. – "All they did was to peck at your brain and heart with iron beaks, and when you cried out or groaned, they laughed" [12, 181]. – "Keiner sprach zu dir ein menschliches Wort, keiner schenkte dir einen menschlichen Blick, sie fraßen dir bloß mit eisernem Schnabel das Hirn und das Herz ab, du schriest, du stohntest – und sie lachten" [13, 179].

Немецкий перевод "abfressen" ("обгладывать, обгрызть" [1]) (действие, осуществляемое животным [2]) не является полным эквивалентом глагола "выклевывать", который описывает действия птиц.

"Ею пугают нашего брата, её имя выговаривают следователи со зловещим шипением" [9, 183] – "Its very name was used to intimidate prisoners; interrogators would hiss it threateningly" [12, 181]. – "Damit drohen sie unsereinem, die Untersuchungsrichter; ein boses Zischen, wenn sie den Namen aussprechen" [13, 179].

В данном примере используются полные соответствия.

"Сейчас прошипит надзиратель: "на Сэ!", "на Зэ!". Но надзиратель не шипел" [9, 225]. – "Now the jailer would whisper: "Name with 'S'? Name with 'Z'?" But the guard did not whisper anything" [12, 228]. – "Gleich wird der Aufseher hereinzischen: "Einer auf S? Auf S–S–S einer?" Doch der Aufseher zischte nicht" [13, 221–222].

В данном случае в английском языке происходит деметафоризация образа надзирателя.

Стоит отметить, что не было выявлено ни одной метафоры, демонстрирующей попытку достижения согласия и компромисса. Таким образом, слот "неагрессивное взаимодействие" оказывается пустым.

Слот 4.2. Физиологические потребности

Коннотация агрессивности усиливается использованием метафорических единиц, описывающих физиологию животных. Органы представляются вечно голодным зверем, питающимся людьми и при определённых обстоятельствах готовым съесть даже себя.

"Членик за члеником прожевав с хвоста, доберется пасть и до собственной головы" [9, 66]. – "(The nonexistent "rightist opposition" would come later,) and, limb by limb, beginning with its own tail, the ravenous maw would devour itself . . . right up to its head" [12, 52]. – "Solcherart Glied um Glied vom Schwanz her verschmausend, arbeitet sich der Rachen bis zum eigenen Haupt vor" [13, 59]

В английском переводе используется эквивалент "to devour" ("пожирать; пожирать, жадно есть" [8]), в немецком переводе "прожевать" заменяется на "sich vorarbeiten" ("продвигаться вперёд (преодолевая препятствия)" [1]).

"Отведен новый вкус, и возник новый аппетит" [9, 58]. – "A new taste had been acquired and a new appetite began to grow" [12, 43]. – "Einmal auf den neuen Geschmack gekommen, entwickeln wir neuen Appetit" [13, 51].

"...Указы <...> поставившие для ненасытного Архипелага избыточный человеческий материал" [9, 99]. – "...decrees <...> which supplied abundant human material for the insatiable Archipelago" [12, 86–87]. – "<...> Sie hatten dem unersättlichen Archipel Menschenmaterial im Überfluß geliefert" [13, 91].

Слот 4.3. Образ жизни животных

"Но что за лай собак?" [9, 71] – "But what's that dog howling out there?" [12, 58] – "Doch still! Woher plötzlich das Hundegebell?" [13, 65]

Т. Уитни заменяет "лай" на "to howl" ("выть, завывать" [8]) = "of a dog/ wolf: to make a long, loud sound" [11]), в данном случае наблюдается не только конверсия, но и подмена семантического значения.

"А в Восточной – не слышно, значит перековались, ценят их на государственной службе" [9, 178]. – "Meanwhile, in East Germany, nothing of the sort is to be heard. Which means that there they have been shod with new shoes; they are valued in the service of the state" [12, 175]. – "Von der DDR aber hort man darüber wenig. Sind wohl umerzogen worden, stehen hochangesehen in staatlichen Diensten" [13, 173].

Русский глагол "перековать" (в переносном значении "коренным образом изменить, перевоспитать") имеет близкое соответствие в немецком языке "emerziehen", в английском языке эквивалент "to shoe" не несёт в себе коннотации "изменения/ пересмотра своих взглядов в неких корыстных целях".

5. Фрейм "обращение с животными"

Слот 5.1. Животные как объект агрессии

В рамках данного фрейма органы опять-таки выступают источником агрессии, а граждане примеряют на себя роль животного-жертвы, на которого идёт охота.

"Это – и признак качества их работы и колки для накидывания новых арканов" [9, 136]. – "That is the mark of quality of their work, and these are also new patches of woods in which to set out snares" [12, 129]. – "Es ist die Qualitätsmarke ihrer Arbeit und der Angelpunkt für neue Fänge" [13, 130]

"Колки" заменяется на "snare" ("западня, ловушка" [8]). В немецком переводе происходит замена с переносом по функции: вместо "арканов" используется "Fänge" (ловля).

"Что надо, чтобы быть сильнее следователя и всего этого капкана?" [9, 137] – "What do you need to make you stronger than the interrogator and the whole trap?" [12, 130] – "Was braucht einer, um starker zu sein als der Verhörende mitsamt seiner ganzen Mausefalle?" [13, 131]

"Следователю моему не нужно было поэтому ничего избреть для меня, а только старался он накинуть удавку на всех, кому когда-нибудь писал я или кто когда-нибудь писал мне" [9, 141]. – "Therefore my interrogator did not have to invent anything. He merely tried to cast his noose around everyone I had ever written to or received a letter from" [12, 135]. – "Er brauchte sich daher für mich nichts einfallen zu lassen und versuchte bloß, die Angel nach jedermann auszuwerfen, dem ich jemals geschrieben, bzw. von dem ich jemals einen Brief erhalten habe" [13, 135].

"И теперь третий раз бессовестно она их предала, заманив материнской любовью ("Родина простила! Родина зовет!") и накиннув удавку уже на границе" [9, 235]. – "The Motherland calls you!" and snared them the moment they reached the frontiers" [12, 240]. – "Die Heimat ruft euch!", um ihnen an der Grenze schon die Schlinge um den Hals zu werfen" [13, 233].

"Пойманный кролик, трясущийся и бледный, не имеющий права никому написать, никому позвонить по телефону, ничего принести с воли <...>!" [9, 144] – "Trembling and pale, the rabbit who had been caught, deprived of the right to write anyone, phone anyone, bring anything with him from freedom <...>". [12, 138] – "Das eingefangene Karnickel, <...> zitternd und blaß <...>, das niemandem schreiben darf, und niemanden anrufen, und nichts mitbringen von zu Hause <...>!" [13, 138]

Слот 5.2. Животные как объект ухода

В рамках данного слота при формировании образа органов акцент сделан на их несамостоятельности и зависимости от внешних обстоятельств.

"<...> этот поток до самого 1945 года кормил следователей Москвы и Ленинграда" [9, 93]. – "<...> a wave which kept on providing fodder for the interrogators of Moscow and Leningrad right up to 1945" [12, 80]. – "<...> dieser Strom ernährte bis 1945 die Untersuchungsbehörden von Moskau und Leningrad" [13, 85].

"Низкие же цифры вели бы к разгону и разжалованию, к потере этой кормушки <...>" [9, 152]. – "Low totals led to their being kicked out, to the loss of their feedbag" [12, 147]. – "Niedrige Ziffern hingegen führten zur Entlassung und Degradierung, zum Verlust besagten Futtertrogs <...>" [13, 147].

В рамках данного слота исследуемые единицы сохраняют как лексическое значение, так и коннотации.

Основные результаты и выводы

Не принимая во внимание грамматические трансформации, можно сделать вывод, что в английском переводе было сохранено 22 (71%) метафорические единицы, а в немецком переводе – 22 (71%) метафоры. При этом в английском языке зафиксировано 2 случая деме-тафоризации, и 7 случаев подмены метафорического образа. В немецком языке – при переводе 9 метафор переводчик использовал функциональную замену.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой немецко–русский словарь. 11–е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2004. 1040с.
2. Большой толковый словарь немецкого языка: для изучающих немецкий язык. / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. М.: Издательство Март, 1998. 1248 с.
3. Курбанов И.А. О специфике символического применения зоонимов "животное", "зверь" и "скот" в произведениях русской литературы. Исследование различных типов и жанров текста. Межвузовский сборник научных статей. Сургут: Сургутский госуниверситет, 2000. С. 27–32
4. Курбанов И.А., Матулевич Т.Г. Национально–культурная специфика зоонимов русского и английского языков: Учебное пособие для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. Часть II: Материалы к словарям. Сургут: РИО СурГПИ, 2002. С. 92
5. Курбанов И.А. Национально–культурная специфика оценки эмоциональных, волевых, интеллектуальных действий и состояний человека, его душевного склада и характера (на примере анималистической лексики русского и английского языков). Проблемы культуры монолической и диалогической речи: Материалы конференции. Сургут: РИО СурГПИ, 2002. С. 40–56
6. Курбанов И.А. Национально–культурная специфика зоонимов русского и английского языков: учеб.пособие / И.А. Курбанов; Сургут. гос. ун–т. ХМАО – Югры. Сургут : Изд–во СурГУ, 2009. С. 86
7. Курбанов И.А. Зоосимволы русского и английского языков: Анималистическая фразеология и паремиялогия в контексте культуры: [монография]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, cop. 2012. 434 с.
8. Мюллер В.К. Новый англо–русский словарь / Издательство "Русский язык", В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. 9–е изд. М.: Рус.яз., 2002. 880с.
9. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. В 3 т. Т.1. Ч. 1–2. М.: ПРОЗАИК, 2011. 592с.
10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. университет. Екатеринбург, 2001. 238с.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. / Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
12. Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago 1918–1956: An experiment in literary investigation. [Vol. 1], [Parts] 1, 2 / A. I. Solzhenitsyn / Translated by Thomas P. Whitney. N.Y.: Harper & Row Publishers, 1974. 660p.
13. Solschenizyn A. I. Der Archipel GULAG / A. I. Solschenizyn /Übersetzung von Anna Peturnig. Bern, München: Scherz Verlag, 1974. 621s.

СТИЛЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ И МОДУС ФОРМУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

COMMUNICANTS' STYLE AND VERBAL BEHAVIOUR AND MODE OF FORMULATION IN POLITICAL INTERVIEWS: CORRELATION OF TERMS

N. Lavrinova

Annotation

The article reviews the terminology necessary for the linguistic analysis of speech behavior of communicants in various pragmatically oriented text types. As an example, political interview is described as a special type of text functioning within the framework of political discourse and media discourse. At the same time, a major research interest lies within linguistic and textual elements which reflect the peculiarities of the mode of formulation of this text type, related to the implementation of persuasive function towards a potential addressee, which is dictated by the main aim of political communication.

Keywords: political interview, mode of formulation, speech behaviour, political discourse, text analysis.

Лавринова Наталья Игоревна
К.филол.н., ст. преподаватель,
Северный (Арктический)
Федеральный университет
им. М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье проводится обзор терминологии, необходимой для лингвистического анализа речевого поведения коммуникантов в различных прагматически-ориентированных типах текстов. В качестве примера приводится политическое интервью как особый тип текста, функционирующий в рамках политического дискурса и дискурса СМИ. При этом наибольший исследовательский интерес вызывают лингвистические средства и текстовые элементы, которые отражают особенности модуса формулирования текстов данного типа, связанные с реализацией в интервью воздействующего назначения по отношению к потенциальному адресату, что продиктовано основной задачей политической коммуникации.

Ключевые слова:

Политическое интервью, модус формулирования, речевое поведение, политический дискурс, анализ текста.

В последние десятилетия анализ различных явлений, связанных с функционированием понятия "политическое интервью", находит достаточно широкое отражение в научной литературе. Так, в работах [11], [13], [14] политическое интервью рассматривается в аспекте так называемой "теории уклонения" (equivocation theory), когда речевое поведение участников интервью демонстрирует коммуникативно-речевые сигналы уклончивости и двусмысленности. Особенности построения имиджа политика в политическом интервью анализируются в таких работах как [16], при этом целью исследователей-прагмалингвистов ([8], [9]) становится диагностирование личностных качеств участников интервью и составление их речевых портретов. Речевое поведение участников политического интервью рассматривается также с позиции принятия ими коммуникативной нейтралитета либо выбора коммуникативной стратегии противостояния, соперничества ([12], [15], [6], [7]).

Обращаясь к анализу речевых действий, предпринимаемых субъектами коммуникации и актуализируемых в текстовой ткани политического интервью, целесообразно определить соотношение таких понятий как речевое по-

ведение, формулирование и стиль, которые становятся базовыми в подобной системе рассуждений.

В свете последних лингвистических разработок анализ такого феномена как речевое поведение субъекта не может быть достаточно полным без привлечения понятий "стиль текста" и "модус формулирования текста" – в дополнение к традиционным терминам "текст" и "дискурс".

Стиль, являясь одной из базовых лингвистических категорий и фундаментальным понятием стилистики, не имеет единого определения, что обусловлено многомерностью феномена и изучением его с различных точек зрения. Многочисленные подходы к пониманию и определению его приведены, например, в энциклопедической статье "Стиль" [5, с. 507–513], поэтому не будем останавливаться на них подробнее. Отметим лишь, что в традиционном плане стиль определяют как "общественно осознанную, исторически сложившуюся, объединенную определенным функциональным назначением и закрепленную традицией за той или иной из наиболее общих сфер социальной жизни систему языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления"

[там же: 508]. Говорят также о стиле как индивидуальной манере речевой деятельности, употребления языка, запечатлеваемой в тексте [там же: 510, 511].

Мы же, вслед за Е.А. Гончаровой, придерживаемся понимания стиля применительно к лингвистике как "особого способа речевых действий, предпринимаемых неким речевым субъектом в процессе формулирования текста с целью решения определенных когнитивно-коммуникативных задач" [2, с. 13].

Такое определение стиля, во-первых, делает его связующим звеном между текстом и дискурсом. Как отмечает Е.А. Гончарова, "то обстоятельство, что стиль в качестве специального научного объекта возник в лингвистике одновременно с ее обращением к вопросам функционирования языковых единиц в речевых произведениях, потребовавшим выхода языкознания за границы собственной системы и привлечения к анализу экстралингвистических факторов", позволяет судить о "зарождении явлений, определяемых традиционно в качестве стилистических, в рамках дискурса и тем самым о значении стиля для анализа различных "дискурсивных практик". В то же время свою "материальную оболочку", письменную или устную фиксацию, стиль получает в тексте" [3, с. 102].

В связи с этим все ведущие исследователи текста также подчеркивают, что только текст имеет стиль. Стиль проявляет себя только на уровне текста. Стилистическая информация – это дополнительная информация прагматического рода, всегда характеризующая отношения между субъектом текстотворчества, используемыми им средствами языковой системы и адресатом сообщения (см., например: [5], [10]).

Во-вторых, подобная трактовка стиля позволяет нам рассматривать речевое поведение субъекта коммуникации как особенности его стиля. В свою очередь, понимание стиля как "особого способа речевых действий" требует от исследователя выявить, описать, систематизировать те языковые средства, тактики и, шире, стратегии, которые лежат в основе коммуникативной речевой деятельности любого речевого субъекта.

Таким образом, новые и новейшие тенденции развития лингвистики текста и стилистики связаны с переосмыслением понятия "стиль", которое в последнее время получает новое наполнение и коррелирует с понятием "модус формулирования текста", введенным в научный оборот в отечественной науке Е.А. Гончаровой ([1], [3]). Предпосылки подобного переосмысления подробно освещены в работе [3], а потому здесь рассмотрим лишь моменты, имеющие прямое и непосредственное отношение к тем случаям, когда перед исследователем стоит задача раскрыть специфику речевого представления,

т.е. модуса формулирования текста в связи с особой коммуникативно-функциональной ситуацией его возникновения и использования.

Определяя формулирование текста как "языковую объективацию производства текста и языковую репрезентацию текста при его восприятии" [4, с. 13], Е.А. Гончарова подчеркивает существование результативного и процессуального аспектов данного явления и далее уточняет это понятие с помощью термина "модус", под которым понимается преходящее свойство, присущее некому предмету (в нашем случае тексту) лишь в некоторых его состояниях, в отличие от постоянных признаков. Т.е. модус формулирования текста в его результативном аспекте возникает на основе тех свойств текста, которые он получает в дополнение к обязательным текстообразующим характеристикам. Таким образом, использование понятия "модус формулирования текста" делает акцент на особых, дополнительных характеристиках текста политического интервью, надстраивающихся на его базовые, текстообразующие свойства.

Что касается процессуального аспекта, то в данном отношении модус формулирования текста предстает как "способ действий, предпринимаемых речевым субъектом для достижения стоящих перед ним когнитивно-коммуникативных целей средствами языка" [там же: 14]. И в этом смысле модус формулирования текста предстает как понятие, синонимичное понятию "стиль текста", и позволяет высветить те дополнительные формально-структурные и содержательно-семантические характеристики политического интервью, которые являются результатом прагматически ориентированного взаимодействия его автора и адресата (-ов).

Следовательно, именно анализ особенностей, дополнительных к базовым черт конкретных текстов способен дать исследователю представление о стиле языковой личности – создателя текста, проявляющемся в особенностях его формулирования. Поэтому мы понимаем задачу лингвистического анализа конкретного текста в том, чтобы раскрыть специфику речевого представления, специфику "модуса формулирования" текста в связи с особой коммуникативно-функциональной ситуацией возникновения и использования текста, включающей его предмет и потенциального адресата.

Соответственно, для научного описания модуса формулирования текста, а также стиля, необходим анализ тех дополнительных структурно-семантических особенностей текста, которые способны дать информацию стилистического характера. Для подобной стилистической интерпретации текста требуется рассмотрение следующих параметров: субъект речи и его интенциональность, явные и возможные скрытые цели; предмет/тема высказывания; особенности речевой деятельности субъек-

та, ориентированные на собеседника и на адресата. В отношении текстов политических интервью такой анализ может быть посвящен особенностям речевого поведения интервьюера и интервьюируемого, связанным с их ориентацией на потенциального адресата; также логично рассматривать коммуникативные отношения двоих непосредственных участников интервью между собой, их взаимодействие, что позволяет судить о стиле речевого поведения, избранном каждым из них по отношению к собеседнику.

Подводя итог на данном этапе рассуждений, обозначим то соотношение понятий стиль, модус формулирования и речевое поведение, на котором представляется логичным строить исследование взаимодействия коммуникантов в политических и иных прагматически-ориентированных текстах.

В качестве ключевого определения мы понимаем стиль как особый способ речевых действий, предпринимаемых речевым субъектом в процессе формулирования текста с целью решения определенных коммуникативных задач. В соответствии с таким пониманием, "стиль" соотвечает термину "модус формулирования текста". Последний также обозначает особый способ организации текста речевым субъектом, к которому он прибегает в определенных условиях для решения некой коммуникативной задачи.

В свою очередь, речевые действия субъекта коммуникации, предпринимаемые им при формулировании текста, характеризуют его речевое поведение. Иначе говоря, под речевым поведением субъекта мы понимаем его стиль, проявляющийся в особенностях формулирования им текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia linguistica*. Вып. 8. СПб.: Тригон, 1999. С.146–154.
2. Гончарова Е.А. Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // *Текст – дискурс – стиль*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С.9–23.
3. Гончарова Е.А. Текст – дискурс – стиль // *Studia linguistica*. Вып. 13. СПб.: Изд-во РГПУ, 2004. С.96–103.
4. Гончарова Е.А. Медиаальный аспект модуса формулирования текста как проблема стилистики // *Stil*. Beograd, 2008. Вып. 7. С.11–20.
5. Кожина М.Н. Стиль // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта: Наука, 2006. С.507–513.
6. Лавринова Н.И. Речевое поведение политического деятеля в интервью конфронтационного типа // *Известия СПбГУЭФ*, №2. СПб, 2008. С.188–191.
7. Лавринова Н.И. Особенности речевого поведения коммуникантов в англоязычном политическом интервью: конфронтация и нейтралитет // *Американистика: исторические и лингвистические аспекты*. Вып. 6. Изд-во Северного Арктического Федерального университета, 2012. С.48–67.
8. Михальская А.К. О речевом поведении политиков // *Независимая газета*. 03.12.1999. http://www.ng.ru/ideas/1999-12-03/8_politics.html. (Дата обращения: 10.04.2018)
9. Мкртчян Т.Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. – 24с.
10. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом "Либроком", 2009. – 248с.
11. Чуриков М.П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. – 22с.
12. Юрина М.В. Средства языкового выражения стратегии принятия нейтралитета партнерами в немецкоязычном политическом интервью // *Вестник СамГУ*. № 5/1 (45). Самара, 2006. С.125–131.
13. Bull P., Elliott J. Level of threat. A Means of Assessing Interviewer Toughness and Neutrality // *Journal of language and social psychology*. Vol. 17(2). Sage Publications, 1998. – p.220–244.
14. Bull P. Slipperiness, Evasion, and Ambiguity: Equivocation and Facework in Noncommittal Political Discourse // *Journal of language and social psychology*. Vol. 27(4). Sage Publications, 2008. – p.333–344.
15. Rendle-Short J. Neutralism and adversarial challenges in the political news interview // *Discourse and communication*. Vol. 1(4). Sage Publications, 2007. – p.387–406.
16. Simon-Vandenberg A.–M. Image-Building Through Modality: The Case of Political Interviews // *Discourse and society*. Vol.7(3). Sage Publications, 1996. – p.389–415.

ПРОЕКТ ПЕРЕВОДОВ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

PROJECT OF TRANSLATIONS OF SINO-RUSSIAN LITERARY COOPERATION

*Liu Yankun
Cheng Jing*

Annotation

"Aroma of books on China's New Silk Road" is one of the important projects of Chinese–Russian cooperation. Back in 2013, China and Russia signed a "Memorandum of Cooperation on a project for the mutual transfer of classical and contemporary literary works." The organizers of the event were: the State Administration of Press, Publishing, Broadcasting, Cinematography and Television of the People's Republic of China and the Federal Agency for Press and Mass Communications of the Russian Federation with the participation of the Chinese Society for the Collective Management of Copyright Rights for Literary Works and the Institute of Translation of Russia. Both sides agreed that in six years the translation will cover at least 100 literary works. The first batch of books translated and published includes Cao Xueqin – "Dream in the Red Chamber" ("Hong Lou Meng"), Luo Guanzhong – "Three Kingdoms", Lao She – "Notes on Cat City", Tie Ning – "Cotton Stack", Mo Yan – "Tired of being born and dying" and others. All these traditional classical and modern works are the embodiment of the development of literature from different eras and different currents, and great important to the Sino–Russian cultural exchange and study. Chinese works in Russia have become accessible to the general public, largely due to the active participation of the Russian government. It is also the embodiment of friendship between the two countries, which continues to be strengthened, contributing to bilateral mutual understanding.

Keywords: cultural communication, friendship, translation, project, Sino–Russian cooperation.

Лю Янькунь

*Аспирант, Пермский
государственный национальный
исследовательский университет*

Чэн Цзин

*Аспирант,
Восточно–Китайский педагогический
университет, Шанхай*

Аннотация

"Аромат книг нового шёлкового пути Китая" является одним из важных проектов китайско–русского сотрудничества. Ещё в 2013 году Китай и Россия подписали "Меморандум о сотрудничестве по проекту взаимного перевода классических и современных литературных произведений". Организаторами этого мероприятия выступили: Главное государственное управление по делам прессы, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения КНР и Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации при участии Китайского общества по Коллективному управлению авторскими правами на литературные произведения и Института перевода России. Обе стороны договорились о том, что за шесть лет перевод охватит по крайней мере 100 литературных произведений. В число первой партии переведенных и изданных книг входит Цао Сюэцинь – "Сон в красном тереме" ("Хун лоу мэнь"), Ло Гуаньчжун – "Троецарствие", Лао Шэ – "Записки о кошачьем городе", Те Нин – "Цветы хлопка", Мо Янь – "Устал рождаться и умирать" и другие. Все эти традиционные классические и современные произведения являются воплощением развития литературы разных эпох и разных течений, имеют огромное значение для китайско–русского культурного обмена и изучения. Китайские произведения в России стали доступны для широкой публики, в значительной степени это является результатом активного участия российского правительства. Это также воплощение дружбы между двумя странами, которая продолжает укрепляться, способствуя двустороннему взаимопониманию.

Ключевые слова:

Культурная коммуникация, дружба, перевод, проект, китайско–русское сотрудничество.

В истории публикации переводов в рамках китайско–русского культурного сотрудничества с момента создателя нового Китая до настоящего времени можно выделить два этапа. Первый этап – это сотрудничество нового Китая и Союза Советских Социалистических республик, который характеризовался совместными переводами классических и современных литературных произведений. Это проект значительно способствовал укреплению дружбы и взаимного доверия,

имея в своей основе значительную идеологическую подоплеку.

Второй этап сотрудничества начался в мае 2013 года, когда Китай и Россия подписали "Меморандум о взаимном переводе и издании произведений китайской и российской классической и современной литературы". Стороны договорились о том, что за шесть лет будет переведено и опубликовано не менее 100 книг. Этот проект

должен расширить культурную коммуникацию и упрочить взаимопонимание двух сторон.

Литература – дружеский и духовный мост между двумя странами. После подписания Меморандума русские переводчики проделали большую работу – в течение последних трех лет в России изданы в переводе на русский язык 18 книг китайских авторов. Среди них давно не переиздававшиеся произведения китайской классики: "Речные заводы", "Сон в красном тереме", "Троецарствие", "Неофициальная история конфуцианства", а также произведения современных китайских авторов: сборник "Проза эпохи Тан и Сун", "Десятилетие бедствий (Записки о культурной революции)" Фэн Цицзя; "Заговор" Май Цзя; "Путешествие Лао Цаня" Лю Э; "Братья" Юй Хуа; "Сестрички с Севера" Шэн Кэи; "Метаморфозы, или игра в складные картинки" Ван Мэна; "Цветы хлопка" Те Нин; "Слезы-золото" Хэ Цзяньмин; "Устал рождаться и умирать" Мо Яня. В 2016 году вышел перевод книги "Песнь о Бесконечной Тоске" известной китайской писательницы Ван Аньи. Кроме того, в рамках проекта сотрудничества опубликовали такие произведения, как "Хуайнаньцзы", "Китайская часть международного коммунизма" и т.д. Тираж выпуска китайской классики в России за три года проекта практически равняется суммарному тиражу за предыдущие десять лет.

Одновременно и в Китае за последние три года также были переведены и изданы произведения 26 российских авторов: Романа Сенчина "Елтышевы"; Игоря Волгина "Сага о Достоевских"; Валерия Попова "Третье дыхание. Повести и рассказы"; Олега Павлова "Казенная сказка"; Олега Ермакова "Знак зверя"; Сергея Есина "Имитатор"; Германа Садулаева "Одна ласточка не делает весны"; Антона Уткина "Самоучки" и "Хоровод"; Евгения Шишкина "Бесова душа"; Владимира Шарова "Будьте как дети"; Михаила Попова "Идея"; Альберта Лиханова "Девочка, которой все равно" и Павла Санаева "Похороните меня за плинтусом". Все эти произведения китайских и российских авторов были представлены в Москве на 29-й Международной книжной ярмарке и получили глубокое читательское признание.

В ходе проекта российские переводчики переводили китайские классические произведения, например, "Сон в красном тереме" – наиболее известный из четырех классических романов в Китае. Первые 80 глав книги принадлежат перу Цао Сюэциня и вышли в свет под названием "Записки о камне" незадолго до его смерти. Почти тридцать лет спустя, в 1791 году, писатель Гао Э дополнил ещё 40 глав и завершил полную сюжетную историю этого романа.

"Сон в красном тереме" – это произведение, рассказывающее об упадке аристократического семейства Цзя, живописно представляя жизнь трёх поколений большой

семьи и огромного множества их родственников. В отличие от традиционных китайских романов, в "Сне в красном тереме" автор пользуется чёткой сюжетной линией и продуманной композицией, он подробно описывает ощущения и настроения героев. В романе произвольно смешаны компоненты осязаемого бытописания и иллюзии, повседневные мелочи чередуются с древними легендами. Роман много раз запрещался к изданию в Китае из-за неблагопристойности содержания.

В романе подробно излагается судьба двух ветвей богатого аристократического семейства Цзя – чертога Жунго и чертога Нинго в городе Пекине. Прежние поколения Цзя были князьями и вельможами и добились придворных титулов. В самом начале романа члены семейства Цзя относятся к одним из самых благородных и знатных родов в городе Пекине. Дочь главы рода Цзя становится наложницей императора, и в честь её возвращения домой решено построить роскошный сад. В начале произведения огромное богатство семейства Цзя изображено в натуралистичном стиле, а затем, в дальнейшем развитии судеб трёх десятков главных героев и четырёх сотен второстепенных показано падение рода, впадение в немилость к императору и конфискация недвижимости.

Роман "Сон в красном тереме" является высоко идейным и художественным великим произведением. Это литературное произведение детально описывает феодальное общество, раскрывая особенности быта и культуры, общественного строя, жизненный уровень людей и другие общественные явления. Одновременно автор глубоко критикует различные недостатки феодального общества и завуалированно высказывает идеи и воззрения демократизма. Эти идеи и воззрения являются отражением, пока еще слабого, процесса зарождения и роста капиталистической экономики.

На примере истории двух семейств, от процветания до упадка, автор намекнет на тенденцию обязательной гибели всего феодализма. Он успешно создает многочисленные образы героев и достигает самых высоких вершин китайских классических романов. Именно поэтому роман "Сон в красном тереме" называют энциклопедией китайского феодального общества.

"Троецарствие" – знаменитый исторический многоглавый роман древнего Китая, созданный на основе хроникальных записей, на рубеже окончания Ханьской – начала Минской династий, состоящий из почти восьмисот тысяч иероглифов. Автором романа является Ло Гуаньчжун. Впервые кириллическое издание романа появилось в России в 1821 году, будучи купленным в Пекине прикомандированным к русской духовной миссии чиновником Азиатского департамента МИД Е. Ф. Тимковским. Оно носило заглавие "История Трёх царств".

Ло Гуаньчжун создал много классических романов. Главным из них считают роман "Троецарствие". В романе изображена борьба за власть, за единое государство, хитросплетение дипломатических интриг, которые имели место в конце династии Хань и в период Троецарствия, когда единый Китай распался на 3 враждующих между собой царства: князя княжества Шу Лю Бэя; князя княжества У Сунь Цюаня и князя княжества Вэй Цао Цао. Междоусобные войны продолжались вплоть до объединения царств династией Цзинь. "Троецарствие" является первым самым знаменитым и историческим многоглавным романом древнего Китая и одновременно вехой литературы древнего Китая, а имя автора Ло Гуаньчжуна стало "синонимом" древней китайской литературы.

Мо Янь, самый известный современный писатель Китая, родился в марте 1955 года в уезде Гаоми провинции Шаньдун. Его главные произведения включает в себя "Красный гаолян", "Чесночные баллады", "Тринадцать шагов", "Страна вина", "Травоядная семья", "Рыжий лес", "Сандаловая смерть", "Устал рождаться и умирать", "Лягушка" и другие известные произведения. В 1986 году Мо Янь издал роман "Красный гаолян", 36 лет спустя, в 2012 году Мо Янь за это произведение был награжден Нобелевской премией по литературе. Сегодня Мо Янь самый известный писатель современного Китая.

Наряду с деятельностью российско-китайского межгосударственного проекта необходимо отметить плодотворную работу российских ученых-китаистов, работающих вне рамок проекта. Б.Б. Виногородский перевел ки-

тайскую классическую "Книгу перемен" (И-цзин), первый переводчик произведений писателя Мо Яня И.А. Егоров и знаменитый китаист А.И. Кобзев, работающий над переводом классического произведения "Дасюэ" – все они являются любителями и проводниками китайской классической и современной литературы. Особенно стоит отметить Б.Б.Виногородского, известного российского китаиста, который в течение десятков лет прилежно и неутомимо переводил многие древнекитайские классические литературные произведения, среди них это "И-цзин", "Дао дэ цзин", "Военная стратегия Сунь Цзы". В этом смысле он весьма отвечает званию "народного посланника культурных обменов Китая и России".

Последние несколько лет в китайско-российском литературном сотрудничестве наблюдается тенденция бурного развития. Тиражи выпусков китайской классики и современной литературы постоянно растут, подтверждая большой интерес российской читательской аудитории к литературному наследию Китая.

Издательский проект переводов в рамках китайско-российского литературного сотрудничества можно назвать успешным, мы накопили богатый опыт, установили много драгоценных китайско-российских контактов. Опираясь на накопленный опыт, мы искренне надеемся на плодотворное сотрудничество по проекту взаимного перевода классических и современных литературных произведений с Россией и создание с ней прочных взаимовыгодных отношений. Китайско-российскую дружбу может укрепить создание литературного моста!

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Изд.-во МГУ, 1990.
2. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 1, 2. М., 2002, 2003. Бао Чан. Ши "Цзоу-юй" (Разъяснение "Цзоу-юй") // Нанькай да-сюэ сюэ-бао (Вестник Нанькайского университета). 1978, № 6.
3. Андреев А. Л. "Мы" и "Они": отношение россиян к другим странам мира // Обновление России: трудный поиск решений. – М., 1996.
4. Арденс Н. Я. Н. Толстой в Китайской Народной Республике // Новый мир. 1954.–№5.–С. 269–271.
5. Лихтман В.В. Пространственные модели шанцев и чжоусцев (На материале "Канона Стихов") // Девятнадцатая НК ОГК. М., 1988. Ч. 1. С. 60–67.
6. Шу Цзинной. Издательский проект перевода китайско-российского литературного сотрудничества. Чтение Китая, 2016.
7. Кобзев А.И. Бай-ху // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2: Мифология. Религия. М., 2007. С. 367–368.
8. Кравцова М.Е. "Ши цзин" // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 3: Литература. Язык и письменность. М., 2008. С. 588–594.
9. Янь Минмин. "Не говорящий" – Российская интерпретация Мо Янь. Роман отзывы, 2013, № 6.

© Лю Янькунь, Чэн Цзин, (15945607187@163.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

**ПЕРМСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
Классика будущего

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ENGLISH LANGUAGE AS A PHENOMENON OF LINGUISTIC DOMINATION IN THE MODERN SOCIETY

*L. Meyer
E. Shevchenko*

Annotation

The article reveals the content of the notion "global language" and describes the main characteristics typical for global languages. It reviews the interaction between the "first", "second" and foreign languages within one territorial community. The authors analyzed the key prerequisites for linguistic domination on the example of the English language.

Keywords: global language, lingua franca, official language, foreign language, second language, club of world languages.

Мейер Лариса Хамитовна

К.с.н., доцент,

*Институт сервиса, туризма и дизайна
(филиал) Северо-Кавказского федерального
университета в г. Пятигорске*

Шевченко Елена Михайловна

К.и.н., доцент,

*Институт сервиса, туризма и дизайна
(филиал) Северо-Кавказского федерального
университета в г. Пятигорске*

Аннотация

В статье раскрывается содержание понятия "язык международного общения", выявлены основные характеристики, присущие языкам международного общения. Рассматривается взаимодействие между "первым", "вторым" и иностранным языками на одной территориальной общности. Авторами проанализированы предпосылки возникновения явления лингвистического доминирования на примере английского языка.

Ключевые слова:

Язык международного общения, лингва франка, официальный язык, иностранный язык, второй язык, клуб мировых языков.

Язык получает статус языка международного общения, когда он успешно справляется с этой особенной ролью и его статус безоговорочно признаётся во всех странах. С одной стороны, понятие "особенной роли" языка международного общения кажется вполне очевидным, с другой стороны, у этого понятия есть множество граней. Статус языка международного общения ярко отслеживается в тех странах, где большое число людей пользуются одним определённым языком как своим родным – в случае с английским языком в качестве примера можно привести такие страны, как США, Канаду, Великобританию, Ирландию, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку. И в то же время нельзя сказать, что любое использование некоего языка как родного языка большой частью населения определённой территории придаёт этому языку статус языка международного общения. Чтобы получить особый статус, язык должен быть признан в этом статусе другими странами мира. Население других стран должно позволить этому языку занять особое место в своих обществах, даже несмотря на то, что этот язык используется в качестве родного языка меньшей частью населения или вовсе не используется в качестве родного языка на данных территориях.

Существует два основных способа приобретения языком "особенной роли". Первый, когда язык становится официальным языком страны и находит своё применение в правительстве, в правоохранительной и образовательной системах, в средствах общественной информации. Официальный язык часто называют "вторым языком", поскольку он является комплиментарным по отношению к родному, "первому языку" [4]. В Финляндии два официальных языка – финский и шведский, – притом, что 91% населения составляют финны и 6% – шведы. В Бельгии два государственных языка: французский и фламандский, или нидерландский, при этом 39,1% населения являются франкоязычными валлонами, а 50,7% – фламандцами [1]. Отношения между "первым" и "вторым языком" на территории одного государства представляют собой отдельную интересную тему для размышлений, поскольку сбалансированного двуязычия в современном мире нет. Полной симметрии в социально-этнических условиях сосуществования двух языков в одном обществе практически не бывает.

Английский язык сегодня является самым ярким примером этой ситуации, поскольку он получил роль языка с особым статусом в более чем 70 странах мира.

Ни один язык не может сравниться с английским на этой стезе, хотя французский, немецкий, русский, арабский, испанский языки тоже используются в качестве официальных языков в мире.

Второй способ заключается в том, что определённый язык становится приоритетным в системе изучения иностранных языков внутри страны. Этот язык не имеет статуса официального языка. Но именно этому языку приоритетно будут обучать детей и в школе, его будут преподавать в университетах, он будет наиболее доступным для изучения иностранным языком для взрослых людей в этой стране. Например, русский язык имел такой привилегированный статус в течение многих лет на территории республик бывшего СССР. Китайский язык имеет этот статус сейчас в странах юго-восточной Азии. Что касается английского языка, то его преподают в более чем 100 странах, причём существует тенденция, когда английский вытесняет другой иностранный язык, традиционно изучаемый в стране. Так, в 1996 г. английский заменил французский язык в алжирских школах. Согласно статистическим данным, в 2017 г. английский язык изучали более 1 миллиарда людей по всему миру. По недавним прогнозам, количество населения, изучающего английский язык в качестве второго или иностранного языка, к 2020 г. удвоится и составит уже 2 миллиарда человек [5]. Поскольку спрос на английский язык растёт в геометрической прогрессии от Индии до Сомали, потребность в учителях английского, готовых путешествовать по миру и делиться своими знаниями, очень высока.

Часто язык, используемый на определенной территории, классифицируют как "первый", "второй", "иностран- ный" язык. Это определение может быть удобным, но не стоит поддаваться соблазну всегда использовать эту упрощённую градацию. В некоторых случаях эта классификация "не работает". Особенно, когда мы пытаемся выделить разницу между "вторым" и "иностран- ным" языком, используя как меру различия понятия "бег- лость" или "языковую способность". Можно предполо- жить, что в странах, где английский является официаль- ным языком, люди лучше владеют английским, чем в тех странах, где этот язык не имеет статуса официального языка. Однако это предположение не всегда верно: на- пример, в скандинавских странах и в Нидерландах, где английский язык никогда не был официальным, населе- ние демонстрирует отличное владение этим языком.

Почему тот или иной язык становится языком между- народного общения совершенно не связано с количест- вом людей, которые говорят на этом языке. Скорее это связано с тем, что за люди говорят на нём и каков их статус. В Римской империи международным языком был латинский, хотя количество римлян, для которых латин- ский язык был родным, было гораздо меньше, чем коли-

чество людей, которых они поработили. Позже, когда Римская империя потеряла свою военную мощь, латин- ский язык оставался международным языком образова- ния в течение тысячелетия только благодаря власти римско-католической церкви.

Существует теснейшая связь между лингвистичес- ким доминированием и высоким экономическим, техно- логическим и культурным уровнем развития страны, язык которой стал доминантным в мире. Без опоры на сильную власть любого рода язык не сможет стать язы- ком международного общения. Так как язык не существ- вует в некоем автономном пространстве, независимо от людей, говорящих на нём, то язык способен занять до- минантную позицию в мире лишь при условии, что нация, использующая его, процветает и достигает прогресса.

Эта гипотеза нам кажется сейчас наиболее очевид- ной, однако ранее была распространена теория, соглас- но которой язык международного общения должен не- пременно воплощать в себе лучшие эстетические каче- ства, ясность, литературную экспрессию и/или иметь высокий религиозный статус. Этому набору качеств каждый в своё время идеально соответствовали иврит, греческий, латинский, арабский и английский языки. Ча- сто озвучивалось мнение, что английский язык обладает красивой логической по своей природе структурой и именно поэтому он получил такое широкое употребле- ние: "В нём меньше грамматики, чем в других языках"; "Английский не имеет множество разнообразных окон- чаний в словах, также он не имеет различий между муж- ским, женским и средним родом, поэтому его легче из- учать" [4] и т.п.

Эти аргументы не выдерживают критики. Латынь бы- ла основным языком международного общения, несмот- ря на сложную грамматику, окончания для изменения иностранного языка не имеет ничего общего с его пер- спективами стать доминирующим языком общения. Де- ти из разных культур и языковых общностей начинают говорить примерно в одно и то же время, независимо от грамматических различий в их языках. Утверждение, что в английском меньше грамматики, чем в других языках, покажется шуткой, если мы взглянем на большой учеб- ник английской грамматики "The Comprehensive gram- mar of English language", в котором 1800 страниц и бо- лее 3500 грамматических толкований.

Конечно, у языка международного общения должны быть определённые качества, которые делают его при- влекательным для всех. Например, изучающие англий- ский язык люди часто подмечают "знакомость" англий- ских слов: это связано с тем, что этот язык веками обо- гащал свой словарь за счет заимствований из других иностранных языков. Английский, в отличие от других

языков, особенно от французского, всегда был открыт для иностранных заимствований. Его космополитичный характер создаёт очень привлекательный в мире имидж. С лексической точки зрения английский скорее романский язык, нежели германский. Если обратить внимание на другие структурные аспекты, то, к примеру, в английском отсутствует система кодирования различий по классовому признаку, за счёт чего он кажется более демократичным.

В большинстве европейских языков в качестве обращения используются два личных местоимения ты и вы, а в английском только одно – you. Тенденция к "демократизации" – это один из самых ярких процессов изменений, которые происходят с современными языками. В Дании форма du (ты) вытеснила De (Вы) во второй половине 60-х годов XX века из-за молодежной, студенческой революции. Молодёжь протестовала против авторитарности и давления старших за право участвовать в руководстве университетами и за свободу личности, выбора образа жизни и жизненного пути. Когда в конце 70-х годов всё успокоилось, одним из последствий стал культурно-языковой факт, что в Дании отношения между людьми разных возрастов стали гораздо менее формальными и все перешли на du, а более почтительное De вышло из употребления [2].

На противоположную чашу весов привлекательности английского языка с его открытостью, "знакомостью" и демократичностью можно с уверенностью поместить сложную систему английской орфографии, полную правил и исключений из правил.

Однако ни внутренние структурные особенности языка, ни объём его лексических единиц, ни его принадлежность к великой культуре или религии не оказывают такого влияния на перспективы языка стать доминантным в мире как военный, политический и, что наиболее актуально в наши дни, экономический успех нации, говорящей на этом языке. Военная власть необходима, чтобы придать языку доминантный статус на определённой территории. Чтобы поддерживать и развивать лингвистическую доминанту, нация должна неоспоримо обладать экономическим преимуществом. В XIX и XX вв. новые коммуникационные технологии, появление телеграфа, телефона и радио сыграли решающую роль. Появились крупные международные организации. Индустриальный рост и интенсивные деловые контакты привели к зарождению международного маркетинга. Беспрецедентная власть современных СМИ, особенно цифровых СМИ, в буквальном смысле стирает национальные границы государств.

К началу XIX в. Великобритания стала ведущей индустриальной и торговой державой в мире. К концу этого столетия население США, приближающееся к отметке

100 миллионов человек, превосходило по количеству население любой другой западной страны. Американская промышленность была самой быстрорастущей на планете. Британский политический империализм превратил английский язык в язык, "над которым никогда не заходит солнце" [4]. В течение всего XX в. американский доллар поддерживал статус английского языка как международного.

Так ли необходим человечеству язык международного общения? Профессию переводчика можно с уверенностью назвать древнейшей. Еще в дописьменные времена контакты разноязычных племен приводили к тому, что наиболее мобильные и интеллектуально активные мужчины овладевали чужим языком и таким образом выполняли функции переводчиков. Встречу вождей племён, монархов, дипломатов в течение тысячелетий трудно представить без скромной, часто незаслуженно остающейся в тени фигуры переводчика. Чем больше лингвистически смешанным становится общество, тем менее оно может полагаться на индивида-переводчика, обеспечивающего коммуникацию между группами людей. В обществах, где между собой контактируют два или три языка, билингвальность или трилингвальность является хорошим решением, когда дети в раннем возрасте естественным образом усваивают два и/или три языка. В обществах, где присутствует контакт множества языков, например, в Африке или юго-восточной Азии, билингвальность или трилингвальность уже не решают проблему общения [3]. Традиционно такие общества используют "лингва франка".

В современной социолингвистике термином "лингва франка" называют любой устный язык-посредник в межэтническом общении. Лингва франка может восходить к языку одного из народов данного региона, однако большинство использующих его людей воспринимают его как нейтральный, "ничей" [1]. Иногда сообщества, поддерживающие торговые отношения друг с другом, используют упрощенный язык "пиджин" (Прим.автора: Гибридный язык.), который содержит элементы двух различных языков. Известны случаи, когда один из местных языков выступает в роли лингва франка. Это, как правило, язык самой влиятельной этнической группы в этом регионе: так произошло с китайским языком в юго-восточной Азии. Географические границы влияния лингва франка определяются исключительно политическими факторами: ареалом распространения может быть пара этнических групп на территории одной страны, несколько торгующих друг с другом стран или целая империя (Римская империя, например).

Необходимость появления лингва франка международного уровня стала очевидна в 50-е гг. XX века. 1945-й – год рождения главного международного форума для политических дискуссий Организации объеди-

нённых наций. После ООН появились другие международные организации: Мировой банк, Юнеско, Юнисеф, Международная организация здравоохранения, Международное агентство по атомной энергии, Евросоюз. Чтобы обеспечить комфортное общение для представителей множества стран одновременно, необходим некий универсальный язык. Устройства для многостороннего перевода в этой ситуации – очень дорогая и непрактичная альтернатива.

Обычно официальными языками для проведения международных мероприятий избираются ограниченное количество языков. Международные языки, вышедшие за пределы своих регионов, и становятся мировыми (глобальным) языками, образуя так называемый "клуб мировых языков". Количество таких языков не выходит за пределы "магического числа" 7 2.

В настоящий момент в ООН 6 официальных языков: английский, французский, испанский, русский, арабский и китайский [6]. Иногда "клуб мировых языков" отождествляют с официальными и рабочими языками ООН. Однако даже в "клубе мировых языков" наблюдается тенденция к сжатию. Как правило, половина бюджета международного мероприятия уходит на переводческие расходы. Попытки сэкономить на переводческих услугах представляют собой деликатную и непростую задачу, поскольку любая нация желает, чтобы её язык имел высокий международный авторитет и хочет видеть свой язык в списке официальных языков. Дилемма между языковыми амбициями и практичным желанием удешевить и упростить международное общение чаще всего в современном обществе решается в пользу второго пункта. И чаще всего универсальным языком общения становится английский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 259 с.
3. Baker C., Prys Jones S. Encyclopedia of bilingualism and bilingual education. – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – 784 p.
4. Crystal D. English as a global language. – NY: Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
5. www.thoughtco.com
6. www.un.org

© Л.Х. Мейер, Е.М. Шевченко, (lara_m2013@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПОЭМ А.С. ПУШКИНА "ЦЫГАНЫ" И "МЕДНЫЙ ВСАДНИК" С РАННИМИ ПОЭТИЧЕСКИМИ СБОРНИКАМИ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

INTERTEXTUAL RELATIONS OF THE POEMS
"THE GYPSIES" AND THE "THE BRONZE
HORSEMAN" BY PUSHKIN WITH THE EARLY
POETIC SERIES BY B.L.PASTERNAK

T. Melikyan

Annotation

In this article intertextual relations between the works by Pasternak and Pushkin are observed on the examples of the poems "The Gypsies" and "The Bronze Horseman" by Pushkin and the early poetic works by Pasternak. Pasternak's series "The Theme with the variations" includes a large number of characters by Pushkin. In "The Gypsies" Pushkin speaks about the attempt of man's return to the spontaneous primeval world, Pasternak repeats this idea in "The Theme with the variations" and writes about the malignity of returning to the nature and the revival of the low-lying wild instincts.

Keywords: intertextual relations, traditions, poems, poetic series, conventional world, reality, illusion, gypsy theme, poet, freedom.

Меликян Тамара Амаяковна

К.п.н., доцент,

*Ширакский государственный
университет им. М. Налбандяна,
г. Гюмри, Республика Армения*

Аннотация

Интертекстуальные связи между произведениями Б.Л.Пастернака и А.С.Пушкина рассматриваются в данной статье на примере поэм А.С.Пушкина "Цыганы" и "Медный всадник" и ранних поэтических сборников Пастернака. Цикл Б.Л.Пастернака "Тема с вариациями" содержит большое количество пушкинских образов. В "Цыганах" Пушкин пишет о попытке возвращения человека в стихийный первозданный мир, Пастернак повторяет эту мысль в теме с вариациями и пишет о пагубности возвращения в природу и возрождении самых низменных диких инстинктов.

Ключевые слова:

Интертекстуальные связи, традиция, поэмы, поэтический цикл, условный мир, реальность, иллюзия, цыганская тема, поэт, свобода.

Интертекстуальность – термин, введенный теоретиком Ю. Кристевой в 1967 г., сегодня стал одним из основных в анализе художественных произведений. Кристева сформулировала свою концепцию интертекстуальности как идею диалога, когда писатель имеет дело с предшествующей и современной ему литературой. Интертекстуальность может отличаться повышенной цитатностью, наличием аллюзий и реминисценций.

Цикл "Тема с вариациями" буквально пропитан пушкинскими текстами, он содержит массу реминисценций из хрестоматийных произведений Пушкина, таких как стихотворения "К морю", "Пророк", поэмы "Цыганы", "Медный всадник". Реминисценции должны быть прочитаны, аналогии угаданы, ведь интертекстуальность строится "на взаимопроникновении текстов разных временных слоев, и каждый новый слой преобразует старый, в этом случае возникает переключка чужих голосов, многоголосие" [7, с. 36]. Обращение Б. Пастернака в пушкинском "Цыганам" не случайно.

Поэма "Цыганы" – завершение спора с Дж.Г. Байроном, который наметился в первой "южной" поэме А.С. Пушкина "Кавказский пленник". Не выходя за рамки романтизма, но превращая его в "романтизм критический", Пушкин показывает в этой поэме, что мечты Байрона и его кумира Руссо о возврате человека в "естественное состояние", по существу, являются игрой "на понижение". Она ведет человека не вперед, а назад: это измена высшему предназначению, к которому зовет нас морская стихия голосом Творца, заключенным в ней.

Революция воспринималась Пастернаком как та же игра на понижение, но весьма далекая от идеализма Руссо. Д. Быков в книге "Борис Пастернак" писал: "Революция для Пастернака – и это роднит его с Блоком, Цветаевой, Ахматовой – явление стихийное, иррациональное, неизбежное, и относится он к нему фаталистически. То, чего нельзя изменить, бессмысленно принимать или не принимать: это данность, и надо жить, исходя из нее. Революция была отражением глобального русского кризиса, явлением неизбежным; но революция – это миг. То,

что настает следом за ней, – уже дело рук человеческих и подлежит этической интерпретации; ранний Пастернак склонен был многое прощать большевизму – за попытку предложить позитивную программу.

Поздний знал цену этой позитивной программе. И в ранние, и в зрелые годы он не осуждал и не приветствовал Октябрь – он относился к нему как к землетрясению или урагану. Одна из главных особенностей поэтики и мировоззрения Пастернака, как мы увидим в дальнейшем, при анализе "Высокой болезни", – любовь к катастрофе, подспудная тяга к ней, ибо во время катастрофы выходит на поверхность все подлинное и отмечается мнимое; но там, где для Блока и Ахматовой наступает расплата, конец света, крах всей прежней жизни, – Пастернаку уже мерещится начало новой; для него всякий кризис есть только начало. Года до 1937-го Пастернак склонен был считать события 1918–1921 годов неизбежным этапом на пути России, видел в большевизме черты Петровских реформ, признаки величия и освобождения" [2, с.156].

В цикле "Болезнь", следующем непосредственно за "Вариациями", много примет восемнадцатого года, болезни, бреда, – но есть и намек на примирение с жизнью, на то, что отчаяние восемнадцатого несколько схлынуло:

*"Тот год! Как часто у окна
Нашептывал мне, старый: "Выкинься".
А этот, новый, все прогнал
Рождественскою сказкой Диккенса.*

*Вот шепчет мне: "Забудь, встряхнись!"
И с солнцем в градуснике тянется
Точь-в-точь, как тот дарил стрихнин
И падал в пузырек с цианистым.*

*.....
Ведь он пришел и лег лучом
С панелей, с снеговой повинности.
Он дерзок и разгорячен,
Он просит пить, шумит, не вынести.*

*Он вне себя. Он внес с собой
Дворовый шум и - делать нечего:
На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не вылечивал" [4, с.192].*

Если Пастернак писал о пагубности возвращения в природу и о возрождении самых низменных, диких инстинктов, опираясь на то, что видел вокруг себя, то Пушкин на собственном опыте испытал возможность возврата человека в стихийный, неупорядоченный мир. Будучи в Кишиневе, поэт несколько недель провел в цыганском таборе. В "Цыганах" Пушкин осудил эту прихоть, как слабость, как самодовольство и эгоизм. Алеко, утверждающий свободу для себя среди нетронутых цивилиза-

цией "естественных" людей в цыганском таборе, не терпит никаких ограничений этой свободы и тем самым становится деспотом по отношению к Земфире и молодому цыгану, ее любовнику. Двойное убийство, совершенное Алеко, вызывает осуждение старого цыгана:

*"Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли" [5, с. 193].*

Для Пастернака тоже важен суд над гордым и превратившимся в дикаря Алеко:

*"Табор глядит исподлобья,
В звезды мониста вперив" [4, с.187].*

Пушкинский Алеко с самого начала не просто окружен другими героями: эти герои выступают и как носители самостоятельных точек зрения. Столкновение этих героев с эстетически равноправной по отношению к ним точкой зрения Алеко определяет содержание пушкинской поэмы. Пастернаковский Алеко ведет спор с самим собой, его внутренним "Я":

*"Это ведь кровли халдеи
Напоминает! Печет,
Лунно; а кровь холодеет.
Ревность? Но ревность не в счет!*

*Стой! Ты похож на сирийца.
Сух, как скопец-звездочет.
Мысль озарилась убийством.
Мишень? Но мишень не в счет!" [4, с. 187].*

Упоминание скопца-звездочета – отсылка к пушкинской "Сказке о золотом петушке". Исследователь творчества А.С. Пушкина В.С. Непомнящий предлагал читать сказку как изображение своего рода "перевернутого", механизированного мира, с выхолощенным позитивным содержанием. Дадон – герой иллюзорный, мнимый, мнимы его поступки и самое существование. Все, окружающие его, – звездочет, Петушок, Шамаханская царица – "не "персонажи", а лишь зеркало, лишь эхо, которое издает мир в ответ на поведение и желания героя"[3, с. 122].

Если условный мир сказки существует как особая реальность, далеко не тождественная с реальностью бытовой, а лишь преломляющая ее, то условно-поэтический мир пастернаковской четвертой вариации – проекция реального мира, заключенная в пушкинские образы. Цыганский табор напоминает "кровли Халдеи" не случайно.

Известно, что халдейские маги и восточные цари, следуя указаниям путеводной звезды, пришли в Вифлеем, чтобы преклонить колени перед новорожденным Мессией и воздать ему принесенные дары. Получается, что в пушкинских "Цыганах" убита не просто Земфира – убита Богородица, убита вера как таковая. Поэтому преступление "ушедшего в народ" Алеко приобретает все-ленские масштабы.

В "Вариации 4" мы усматриваем и переключки с поэтическим творчеством Блока. Пастернак цитирует Блока: "Я – Гамлет. Холодеет кровь..." [8] в строке "...Лунно; а кровь холодеет..." [4]. Наличие блоковского–шекспировского слоя в "Вариациях" Пастернака подтверждают и ключевые для трагедий Шекспира мотивы и образы ревности, мщенья, тени, яда и самоубийства, присутствующие и у Пастернака:

*Тень как навязчивый евнух.
Табор покрыло плечо.
Яд? Но по кодексу гневных
Самоубийство не в счет!* [4, с. 187].

В "Цыганах", по мнению Ю. Н. Тынянова, Пушкин становится перед вопросом об изменении героя под влиянием появления второстепенных персонажей. Вне соотношения Алеко с Земфирой и ее отцом восприятие образа героя невозможно. Столкновение же Алеко со старым цыганом, рассказавшим ему историю своей любви к Мариуле, наиболее полно обнаруживает полярность их точек зрения как представителей различных мироощущений. Это исключает не только взаимопонимание, но и вообще соприкосновение внутреннего мира обоих действующих лиц.

Пушкин снимает намеченное ранее указание на такую возможность, заменив, после некоторых колебаний, стихи черновой редакции "Не плачь; унынье безрассудно – Мы любим горестно и трудно, А сердце женское шутя" [5, с. 193] окончательным текстом: "Твое унынье безрассудно: Ты любишь горестно и трудно, А сердце женское – шутя" [5, с. 193].

У Пастернака свой взгляд на, казалось бы, решенную Пушкиным проблему. В "Вариации 4", написанной в контексте пушкинской поэмы "Цыганы" читаем:

*Тень, как навязчивый евнух.
Табор покрыло плечо.
Яд? Но по кодексу гневных
Самоубийство не в счет!*

*Прянул, и пыхнули ноздри.
Не уходился еще?
Тише, скакун, – заподозрял.
Бегство? Но бегство не в счет!* [4, с. 187].

Кодекс гневных – это Кодекс викинга, свод правил и советов из Старшей Эдды, в котором о преступлении говорится: "Брата убийце, копь встречен он будет, горящему дому, коню слишком резвому: конь захромает – куда он годится – всему, что назвал я, верить не надо!" [6, с. 144]. Ни бегство, ни самоубийство не снимут с преступника греха, грех снимается раскаянием и покаянием. Раскаяния у Алеко нет, следовательно, его грех сродни греху Каина и Иуды.

Тема свободы и несвободы от судьбы связывают поэму "Медный всадник" с поэмой "Цыганы", образы которой присутствуют и в пятой вариации:

*Там мрело море. Берега
Гремели, осыпался гравий.
Тошило гребни изрыгать,
Барашки грязные играли.*

*И шквал за шабо бушевал,
И выворачивал причалы.
В рассоле крепла бечева,
И шторма тошнота крепчала.*

*Раскатывался балкой гул,
Как баней шваркнувшая шайка,
Как будто говорил кагул
В ночах с очаковской чайкой* [4, с. 187].
Море такое же гневное, как и в "Медном всаднике":

*"Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь"* [5, с. 215].

Реминисценции к "Медному всаднику" позволяют говорить о стилистической игре автора "Тем с вариациями". В четвертой вариации можно усмотреть исток будущей поэмы "Лейтенант Шмидт", потому что "Кагул" – название крейсера, который 5 марта 1907 г. переименован в "Память Меркурия". Одновременно с этим мятежный крейсер "Очаков" был переименован в "Кагул". Поэтому "говорящий в ночи" с "очаковской чайкой" Кагул вводит нас в семантику сюжета еще не написанной поэмы.

Фаустовский мотив в последней вариации позволяет вспомнить о двух стихотворениях, которые в книге "Темы и вариации" располагаются перед разбираемым циклом – "вариациях" на гетевские темы: "Маргарита" и "Мефистофель". Пастернак соединяет образ Фауста с обозначением "начала" поэтического пути Пушкина:

*"Когда он – Фауст, когда – фантаст?
Так начинаются "Цыгане".
Так открываются, паря
Поверх плетней, где быть домам бы
Внезапные, как вздох, моря.
Так будут начинаться ямбы"* [4, с. 189].

Прочитав последнюю строку, можно предположить, что ямбами здесь обозначен не только самый распространенный размер русской поэзии, которым написаны и "К морю", и "Евгений Онегин", и "Цыганы", и "Медный всадник", но и цикл стихотворений Александра Блока "Ямбы".

Связь Пушкина и Блока можно разглядеть и в самом цикле "Тема с вариациями", а в образе поэта у "свободной стихии" (моря и творчества) – просматривается не только Пушкин, но и Блок.

Собственно говоря, образ сфинкса в пастернаковском стихотворении "Тема" может напомнить тоже не только Пушкина, но и Блока, его Россия – это "сфинкс" [1, с. 145].

*"Это - звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.*

*Это - древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне"[1, с. 145].*

Блок прощается с Пушкинским домом, как Пушкин с морем, и в его стихотворении появляются, как и у Пастернака, и сфинкс, и "Медный всадник":

*"Это - древний сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне"[1, с. 145].*

Пятая вариация Пастернака, продолжающая цыганскую тему, начинается строками: "Цыганских красок достигал, / Болел цингой и тайн не делал..." [4, с. 189]. Упоминание цинги, хотя и легко вписывается в излюбленный Пастернаком прием паронимических сближений (цыган-

ских – цинга), едва ли может быть связано с Пушкиным, но, естественно, напоминает о болевшем цингой Блоке.

У Пастернака пушкинские аллюзии и реминисценции встречаются на протяжении всего его литературного пути: и в ранних стихотворениях, и в стихотворениях первой книги стихов "Венеция" и "Близнецы"[4, с. 189], и во многих позднейших текстах. Во второй книге стихотворений "Поверх барьеров" Пастернак публикует стихотворение "Возможность", в котором памятник Пушкину на Тверском бульваре в Москве оказывается воплощением бессмертия поэта:

*"В девять, по левой, как выйти со Страстного,
На сырых фасадах - ни единой вывески.
Солидные предприятия, но улица - из снов ведь!
Щиты мешают спать, и их велели вынести.*

*Сукончики, С.Я., то есть сыновья суконщиков
(Форточки наглухо, конторщики в отлучке).
Спит, как убитая, Тверская, только кончик
Сна высвобождая, точно ручку.*

*К ней-то и прикладывается памятник Пушкину,
И дело начинает пахнуть дуэлью,
Когда какой-то из новых воздушный
Поцелуй ей шлет, легко взмахнув метелью.*

*Во-первых, он помнит, как началось бессмертье
Тотчас по возвращеньи с дуэли, дома,
И трудно отвыкнуть. И во-вторых, и в-третьих,
Она из Гончаровых, их общая знакомая"[4, с. 39].*

Пушкинская тема – один из ключевых кодов лирики Пастернака. В цикле "Темы с вариациями" Пастернак переходит от тем судьбы поэта и свободы, связанной со "свободной стихией", к образам поэмы "Цыганы", где темы судьбы и свободы (и ее ограничений) были центральными. "Цыганская" тема была для Блока не менее значимой, чем для Пушкина и Пастернака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Пушкинскому дому // Блок А. А. Лирика. М., АСТ, 2011
2. Быков Д. Борис Пастернак. М., Молодая гвардия, 2008
3. Вацуру В. Э. Сказка о золотом петушке. Опыт анализа сюжетной семантики // Вацуру В. Э. Избранные труды. М., Издательство "Языки славянской культуры", 2004
4. Пастернак Б. Л. Темы с вариациями // Пастернак Б. Л. Собрание сочинений в пяти томах. М., Художественная литература, 1989, т. 1
5. Пушкин А. С. Медный всадник // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-томах. Т. 4
6. Старшая Эдда. М., Азбука-классика, 2008
7. Фесенко Э. Я. Теория литературы. М., Академический проспект, 2008
8. Блок А. А. Я Гамлет, холодеет кровь // Блок А. А. Лирика. М.: АСТ, 2011. С. 123.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДЧИНЁННО-ОСЛОЖНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С АДЪЕКТИВНЫМИ СТРУКТУРАМИ

Николаева Татьяна Геннадьевна

К.филол.н., доцент,

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

THE SEMANTIC AND SYNTACTICAL ANALYSIS OF THE SUBORDINATELY COMPLICATED SENTENCES WITH ADJECTIVAL STRUCTURES

T. Nikolaeva

Annotation

The article is devoted to the analysis of both semantic and syntactical features of the subordinately complicated sentences with adjectival structures. The included predicate in such sentences is expressed by adjectives in the functions of an attribute and a predicative attribute as of two kinds of the independent detached structures.

The similarity of the adjectives and the verbs both in a functional and in a semantic aspect is shown. Besides, the interconnection of the attributive and the predicative meanings is revealed. It is proved that the reason of the realization of the predicative potential of the detached attribute is the transposition of the predication into the sphere of the determination.

The analysis of the empirical data is given on the base of a number of categorial type of the semantic predicate of the matrix sentence: static or dynamic character, the abstractness from the progression in time; absolute-ness or relativity; active or non-active nature.

It was concluded that the general type of a macro-situation depends on the semantic characteristics of the predicates. The results of the research make contribution to the semantic analysis of the English sentence and to the semantic syntax in the whole.

Keywords: included predicate, adjectival complicating structures, attributive semantics, complicator, predicativity, matrix sentence.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению семантико-синтаксических особенностей подчинённо-осложнённых предложений с адъективными структурами. В данных предложениях включённый предикат выражен прилагательным в функциях определения и предикативного определения, т.е. двух видов свободных обособленных структур.

Показано сходство прилагательных и глаголов в функциональном и в семантическом аспектах, а также рассмотрена взаимосвязь атрибутивного и предикативного значений. Доказано, что причиной реализации предикативного потенциала обособленных атрибутов является транспозиция предикации в сферу детерминации.

Анализ эмпирического материала производится с учётом категориального типа семантического предиката матричного предложения по ряду релевантных признаков: статичность / динамичность / абстрагированность от непосредственного протекания во времени; абсолютность / относительность; активность / неактивность.

Сделан вывод об обусловленности общего типа макроситуации семантическими характеристиками предикатов. Статья вносит вклад в семантический анализ предложения, а также в развитие современного семантического синтаксиса.

Ключевые слова:

Включённый предикат, адъективные осложняющие структуры, атрибутивное значение, компликатор, предикативность, матричное предложение.

Актуальность семантико-синтаксического исследования английских адъективных осложняющих структур объясняется тем фактом, что в лингвистической литературе до настоящего времени не проводился детальный анализ подчинённо-осложнённых предложений, в которых включённый предикат выражен обособленным прилагательным в функциях атрибута и предикативного атрибута.

При этом необходимо указать на положение о сходстве прилагательных и глаголов как в функциональном, так и в семантическом аспектах. На взаимосвязь атрибутивного и предикативного значений указывал ещё А.А.

Шахматов, высказывая мысль о том, что атрибутивное отношение потенциально предикативно [11].

На наш взгляд, данные положения объясняются тем фактом, что признак как мыслительная категория, характеризующая предмет мысли, является двуединым по своей природе, поскольку отличается двумя формами репрезентации: предикативной и атрибутивной [10, с. 110].

Предикативным потенциалом прилагательные обладают в функции обособленного определения, где им свойственна двойная соотнесённость с именем и глаголом, а также в функции предикативного определения, что

позволяет интерпретировать их (прилагательные – Т.Н.) как репрезентанты второго признакового сказуемого. Сходным образом, как один из главных семантико-синтаксических признаков отношений "полупредикативности" указан определительный характер прилагательных и в работе А.А. Камыниной, которая считает, что сказуемое отношение возникает на основе определительного [5, с. 29].

Мы придерживаемся более нейтральной позиции, различая уровни представления предложения с соответствующими каждому из них единицами. При этом мы разделяем точку зрения В. Грабе о том, что причина реаллизации предикативного потенциала обособленных определений состоит в транспозиции предикации в сферу детерминации [4]: прилагательные (как и причастия) выражают предикатив составного именного сказуемого, и эта их синтаксическая функция сохраняется и в их позиции обособленных определений [2].

Адъективное осложнение представляет собой простой по синтаксической структуре, но обладающий сложной смысловой структурой тип компликаторов. Обособление не только разрушает формально-синтаксические связи в структуре адъективного компликатора, но и влечет за собой значительные функционально-синтаксические сдвиги. Обособленный атрибут уже не выполняет идентифицирующую функцию. Он приобретает функцию дополнительного к предикативному сообщения об объекте, уже получившем определённое наименование [9, с. 160]. Основная роль таких субпредикативных синтагм не просто характеризующая или эмоционально-оценочная, а скорее уточняюще-характеризующая, поскольку обособленные атрибуты-прилагательные служат, как правило, для более детальной конкретизации уже названного понятия.

При описании пропозициональной структуры предложений с указанными компликаторами целесообразно принять следующие критерии в качестве главных параметров:

- ◆ отношение небазисных пропозиций к определённому члену синтаксической структуры матричного предложения;
- ◆ отношение небазисных пропозиций к определённому актанту в пропозициональной структуре матричного предложения;
- ◆ актантные роли компонентов небазисной пропозиции;
- ◆ количественный состав небазисных пропозиций в пределах целостной семантической структуры предложения.

Выбор данных критериев обусловлен тем, что комплексное описание субпредикативных синтагм дает возможность более детально раскрыть их семантико-син-

таксическую природу. Однако, следует уточнить, что в настоящей статье анализ подчинённо-осложнённых предложений с адъективными компликаторами осуществляется с опорой, главным образом, на первые два критерия, лежащих в основе различения добавочной и дополнительной предикативности.

В сфере добавочной предикативности целесообразно учитывать грамматическую семантику слов в данной функции, поскольку, как показывает анализ фактического материала, семантико-синтаксические характеристики предложений с подлежащим, выраженным именем существительным одушевлённым, в определённой мере отличаются от таковых для предложений с подлежащим, выраженным именем существительным неодушевлённым или местоимением.

Описание языкового материала основывается на категориальном типе семантического предиката матричного предложения по указанным признакам: статичность / динамичность / абстрагированность от непосредственного протекания во времени; абсолютность / относительность; активность / неактивность.

При активном динамическом абсолютном предикате матричного предложения в нашем материале не представлены случаи семантической симметрии включённого предиката, поскольку это – абсолютный статический предикат. Это даёт возможность говорить о градации семантической симметрии как в сфере семантических предикатов (поскольку два признака здесь совпадают), так и в сфере других признаков матричного и включённого предложений.

Среди данных предложений, в зависимости от семантики добавочного предиката, выделяются, прежде всего, те, в которых субъект матричного предложения является носителем неактивного признака – состояния, а именно, внутреннего состояния:

Vaguely uneasy, she read for a while [13, с. 56].

В подобных предложениях лексико-семантическая соотнесённость добавочного предиката характеризует душевно-эмоциональное состояние субъекта. Что касается хронологических отношений матричного и включённого признаков, то в этом случае налицо их одновременность.

Подобные предложения отличаются единством процессуальной и стативной семантики. Таким образом, семантический субъект является здесь носителем одновременно данных предикативных признаков. На пропозициональном уровне он соединяет такие аргументные роли как агенс и экспериенсив. Оба предикативных признака отличаются одинаковой смысловой значимостью: базисная и небазисная пропозиции являются равноз-

начными, равнообъёмными перекрещивающимися пропозициями [1, с. 79].

Несмотря на различную общую семантику матрично-го и включённого предложений, они относятся к одному семантико-синтаксическому типу предложений – с отношением собственно предикации, который репрезентирует макроситуацию модифицирующей характеристики к одушевленному носителю указанных предикативных признаков, характеризуя не только его, но и сами предикативные признаки. Дополнительная ситуация передаёт такой специфический признак основной ситуации как лёгкое беспокойство субъекта при чтении, являющийся существенным в момент коммуникации. Данный добавочный признак осуществляет уточняющую характеристику и приписывается реальному субъекту в конкретно взятый промежуток времени. То есть здесь наблюдается некое коммуникативное включение частного признака в более общее содержание, что позволяет говорить о наличии между основной и дополнительной ситуациями, осмысливаемыми как пропозиции, отношения включения.

В макроситуации модифицирующей характеристики восприятию в единстве образующих её событий способствует тот факт, что одно из них является облигаторным фоном для другого [7, с. 97], вот почему в качестве обобщённого наименования подобных макроситуаций принимается "событие (основная ситуация) на фоне факта (дополнительная ситуация)".

В следующих предложениях в составе субпредикативной синтагмы обстоятельство причины структурирует на уровне категориальных семантических компонентов каузативный конкретизатор, что влечёт определённые модификации в небазисной пропозиции, и дополнительной ситуации, в частности, и для смысловой структуры всего предложения в целом:

At last, Gino, hungry as wolf from his four hours in the movies, leaped up the stairs [14, с. 233].

Wild with grief, Olive turned to him [15, с. 62].

В подобных предложениях содержатся усложнённая небазисная пропозиция и усложнённая дополнительная ситуация, поскольку их можно эксплицировать в виде цепочки причинно-следственных связей: *Gino spent four hours in the movies > therefore he was hungry; Olive grieved > as a result she became wild.*

Таким образом, признаки "четырёхчасовое пребывание в кино" > "голод", "горе" > "бешенство" находятся в таксисном отношении предшествования – следования, на которое наслаиваются причинно-следственные отношения, что обуславливает наличие во включенном предложении не только диктумной, но и логической пропозиции, а ситуацию, отображённую в данной пропозиции, можно трактовать как макроситуацию причины второго

порядка с противоположными позициями её типизированных элементов: факт на фоне события.

Саму ситуацию причины можно описать так, что факт существования или возникновения какого-либо объекта или состояния реальности влечёт за собой возникновение другого факта (явления), что согласуется с обобщённым наименованием макроситуации второго порядка, предложенным выше. Следовательно, в подобных предложениях наблюдается последовательная взаимообусловленность небазисных пропозиций, их совместная соположенность с базисной пропозицией, что позволяет, в свою очередь, интерпретировать ситуацию, репрезентируемую подобными предложениями, как гипертитуацию.

Особенностью второго предложения этого вида является редуцированное выражение душевно-эмоционального состояния субъекта: лексическим значением слов и в функции атрибута, и в функции обстоятельства.

Следующий вид сочетаемости основного и добавочного предикатов представлен, в свою очередь, двумя разновидностями: а) внешняя характеристика субъекта, что мы предлагаем именовать детерминацией и б) внутренняя характеристика субъекта, что мы предлагаем именовать квалификацией. В первой разновидности выражаются некие физические, преходящие признаки субъекта, во втором – постоянные или длительные, в связи с чем и таксисные отношения основного и добавочного предикатов различны: одновременность в а) и предшествование добавочного признака основному в б).

Примеры первой разновидности представлены в следующих предложениях:

Up came Gandolf, very splendid on a white horse [16, с. 36].

Lucia Santa stood up, commandingly stout in black [14, с. 7].

Примеры второй разновидности иллюстрируют предложения:

Eros, beautifully and irresponsible free, will flit like a gay butterfly from flower to flower through a sunlight world [13, с. 62].

Her sons went to the library for books of nonsense, insensible to the outside world and its duties [14, с. 22].

Как видим, временность признака в а) с той или иной степенью эксплицитности выражена обстоятельством *on a white horse* и определением *in black*. Признак *insensible* уточняется, конкретизируется дополнением *to the outside world and its duties*, но последнее не является причиной его временной природы. Признак *free* ингерентен субъекту и ничем не обусловлен.

Таким образом, общая семантика данных целостных предложений комбинирует процесс и качество. Соответственно, категориальный семантический субъект сочетает эти признаки. Семантические характеристики предикатов такие же, как было указано, следовательно, их

семантическая однотипность может приводить к различиям в аргументных ролях субъекта как носителя второго предикативного признака: это не экспириенсив, а детерминатив или квалификатив, соответственно.

Кроме того, тип гиперситуации в подобных предложениях также отличен от предыдущих, поскольку здесь наблюдается гиперситуация качественной характеристики с инкорпорированной макроситуацией причины, т.е. смысловая структура подобных предложений включает три пропозиции.

Структурная схема предложения "субъектно-предикатно-объектные отношения", образующая основу его семантической структуры, модифицирует предикат матричного предложения как относительный; при этом другие его семантические характеристики (динамичность и активность) сохраняются. Следовательно, на подуровне категориальных семантических компонентов подлежащее структурирует активный предикат действия, а дополнение – объект действия; соответственно, на пропозиционном подуровне они представлены как агентив и объект. Семантические характеристики включённого предиката в подавляющем большинстве случаев такие же, как и в вышеописанных высказываниях, т.е. добавочный предикат определяет субъект как средоточие состояния или качества:

The old man, furious with humiliation, grabbed Larry by the neck [14, с. 85].

Смысловая структура данного целостного высказывания полностью сходна с вышеприведённой структурой высказывания с редуцированным выражением внутреннего состояния. Следовательно, семантические характеристики компонентов структур незавершённой предикации могут совпадать и при частичных различиях в типе семантического предиката матричного предложения. Это значит, что, учитывая вышеуказанные различия при полностью одинаковых характеристиках семантического предиката матричного предложения, можно говорить об отсутствии однозначных соответствий между ними и семантическими характеристиками компонентов структур незавершённой предикации как в целом, так и в частности.

Сравним высказывание, где при другом лексическом наполнении и предложном оформлении именная группа в субпредикативной синтагме имеет контаминированный статус как семантический компонент (каузальный конкретизатор – источник внутреннего состояния субъекта и объект данного состояния):

He held the girl beside him, frantic to this common event [15, с. 146].

В данном предложении логическая пропозиция является имплицитной, по сравнению с эксплицитной при ре-

дуплицированном выражении состояния субъекта, и не изменяет типа отображаемой ситуации, которой является макроситуация модифицирующей характеристики.

Иллюстрацией выражения свойства, характера человека в добавочном предикате служит следующее высказывание:

Immensely practical, Mary invented a plan of action [15, с. 27].

Соответственно, пропозициональная структура данного предложения складывается из субъекта-агентива и объекта-объектива (в основном составе) и субъекта-квалификатива – в неосновном. Это две равные по объёму и значению, но параллельные пропозиции, как и в вышеописанных предложениях с добавочным качественным предикатом.

Данные предложения репрезентируют макроситуацию качественной характеристики. Добавочный предикат сообщает нечто специфическое о субъекте, т.е. способствует уменьшению объёма его денотата. Это обуславливает возможность передачи отличительных черт ситуации, вычленения какого-либо основного параметра отображаемого ею аспекта, а именно, тех качеств денотата, которые обуславливают возможность осуществления им действия основного предиката. Следовательно, на атрибутивную семантику включённого предложения накладывается каузальная, а действие основного предиката можно интерпретировать как следствие наличия включённого предиката.

Как видно из примеров, структура незавершённой предикации используется не просто для независимой номинации чего-то, но для введения дополнительной (значимой) информации об основном денотате. Если из оложнённого предложения убрать её, то, несмотря на то, что оно будет продолжать нести информацию, оно уже не будет отвечать требованию полноты её передачи, так как будет нарушено корректное отражение описываемого факта действительности, т.е. отношения, заданные в первоначальной структуре, уже не выполняются [3, с. 120].

В следующем высказывании основной предикат является демиактивным, демидинамичным, относительным; это предикат направленного чувственного восприятия, в связи с чем изменяется и аргументная роль субъекта основного состава на перцептив:

The father watched them all, impassive but seemingly content [14, с. 10].

Добавочный предикативный признак (внутреннее состояние) не вносит каких-либо изменений в аспекты описания подобных вышеприведённых предложений, за исключением того, что, по мнению Г.Н. Манаенко, восприятие репрезентирует модусную пропозицию, отражающую несубстанциональную действительность [6, с. 65],

что представляется достаточно спорным, так как традиционно понятие модуса связано с модальностью. Само значение слова "модус" от лат. *modus* = "мера", "образ", "способ" скорее применимо к тому, что выражено в добавочном предикате, тем более, что в классической филологии оно выражало понятие свойства, присущего предмету лишь в некоторых состояниях [8, с. 319]. Данные соображения позволяют трактовать пропозициональную структуру и этого предложения как сосуществование двух эксплицитных диктумных и имплицитной логической пропозиций.

Симметричные семантические структуры матричного и включённого предложений представлены высказываниями, в которых оба предиката неактивны, абсолютны, статичны. При этом абсолютно симметричными являются семантические структуры, в которых совпадают как категориальные семантические компоненты, так и аргументы пропозиции, что иллюстрирует следующее высказывание:

Lorenzo's wife, sick and bitter, must be cheered up over a cup of hot coffee [13, с. 241], где субъект является субъектом внутреннего состояния в обоих составах и экспериенсивом в обеих пропозициях.

В следующих высказываниях это качественный субъект/квалификатив или детерминатив (последний пример):

He was the most charming man in the district and eve in the town, full of jokes [15, с. 30].

Illiterate, she was safe from corruption [14, с. 221].

Tall and slender, Loretta could have been a model [15, с. 144].

Особенностью последних двух высказываний является превалирование логической пропозиции над диктумной во включённом предложении, что обусловлено его пропозицией по отношению к матричному. Тем не менее, атрибутивное качество у них не утрачивается, и они трактуются как разновидность предикативных атрибутов – *depictive predicates*, а именно как *circumstantials*, от которых они отличаются лишь коммуникативным статусом [12].

Таким образом, при сосуществовании двух макроситуаций – качественной характеристики и причины, – приоритет той или другой определяется позицией субпредикативной синтагмы по отношению к основному составу осложнённого предложения. В отношении отображаемых высказываниями ситуаций заметим, что их тип в определённой мере коррелирует с общей семантикой включённого предложения, а именно, как следует из приведённых примеров, макроситуация модифицирующей характеристики отражена в высказываниях с добавочным предикатом, выражающим внутреннее состояние субъекта.

Ещё один вывод, к которому позволяет прийти представленный языковой материал, можно сформулировать как зависимость общего типа макроситуации от семантических характеристик предикатов. Корреляция динамичный/статичный предикаты определяет общий тип макроситуации как "событие на фоне факта", а корреляция статичный/статичный – как "факт на фоне факта", т.е. признаки динамичность/статичность предикатов являются ведущими при семантико-синтаксическом анализе осложнённых предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. А. Об одном синтаксическом способе представления признака во французском языке // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2011. № 281. С. 75–81.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: URSS, 2001. 416 с.
3. Вольф Е. М. Прилагательное в тексте ("Система языка" и "картина мира"): сб. науч. тр. // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 118–135.
4. Грабе В. О. О полупредикативной конструкции и второстепенной предикации // Языкознание в Чехословакии. М.: Прогресс, 1978. С. 232–254.
5. Камынина А. А. Связь полупредикативной функции и глагольности причастий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. М.: 1981. №6. С. 28–33.
6. Манаенко Г. Н. Предикация, предикативность и пропозиция в аспекте информационного осложнения предложения // Филологические науки. М., 2004. №2. С. 59–68.
7. Николаева Т. Г. Типы макроситуаций в английских предложениях, осложнённых вторично-предикативными структурами // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: ВГПУ, 2016. №5 (109). С. 94–100.
8. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. 697 с.
9. Чирко Т. М. Функциональная сущность определения в свете теории актуализации: дис... канд. филол. наук. Воронеж: 1979. 177 с.
10. Шарипова В. М. Скрытая предикативность атрибутивных структур // Вестник Башкирского университета. Уфа: Изд-во БГУ, 2007. Т.12. №4. С. 110–111.
11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд-е стереотип. М.: URSS, 2015. 624 с.
12. Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. F. Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives. Oxford University Press, 2006. 474 p.
13. Huxley A. Crome Yellow. London: Mandarin, 2001. 278p.
14. Puzo M. The Fortunate Pilgrim. London: Mandarin, 1999. 304p.
15. Rule A. A Fever In the Heart. London: Warner Books, 1996. 464p.
16. Tolkien J. R. The Hobbit (Complete and Unabridged). Moscow: Jupiter-Inter, 2003. 287p.

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ОБЪЕКТИВАЦИЙ ПОСЕССИВНЫХ СИТУАЦИЙ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

COGNITIVE-SEMANTIC ANALYSIS
OF LINGUISTIC SYMBOLIZATION
OF POSSESSIVE STATES IN RUSSIAN,
ENGLISH, GERMAN

*I. Palashevskaya
V. Leontiev
E. Stepanova
E. Kurchenkova*

Annotation

In this article, possessivity is considered as a linguistic way of integrating an object into a relation connected to the idea of owning, possession, property. Owning a thing is one of the most important concepts regulating social relations. The grounds under which a thing belongs to its holder, in various legal and cultural traditions, serve as a justification for the material advantage and the manifestation of privileges. Possessive relations aimed at preserving the object in the subject's sphere are proposed to be built in the form of cognitive models, the content of which is the multidirectional preservation process, which is reflected in the semantics of linguistic units and has linguocultural specifics. The article proposes cognitive models of relations aimed at preserving an object in the subject sphere.

Keywords: possessivity, subject, attitude to property, cognitive model, structural qualifier.

*Палашевская Ирина Владимировна
Д.филол.н., профессор,
ВГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет
Леонтьев Виктор Владимирович
К.филол.н., доцент,
ВГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет
Степанова Елизавета Дмитриевна
К.филол.н., ст. преподаватель,
ВГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет
Курченкова Елена Анатольевна
К.филол.н., доцент,
ВГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет*

Аннотация

В данной статье посессиивность рассматривается как языковой способ интегрирования объекта в отношение, связанное с идеей обладания, владения, собственности. Владение вещью является одним из важнейших концептов, регулирующих социальные отношения.

Основания, при которых вещь принадлежит ее держателю, в различных правовых и культурных традициях выступают обоснованием материального преимущества и проявления привилегий. Посессиивные отношения, направленные на сохранение объекта в сфере субъекта, предлагается выстраивать в виде когнитивных моделей, содержанием которых является разнонаправленность процесса сохранения, что находит отражение в семантике языковых единиц и обладает лингвокультурной спецификой. В статье предложены когнитивные модели отношений, направленных на сохранение объекта в сфере субъекта.

Ключевые слова:

Посессиивность, субъект, отношение к собственности, когнитивная модель, структурный квалификатор.

В лингвистике описание посессиивности представлено в работах А.В. Бондарко, Б. Хайне, М.В. Миловановой, Л. Н. Головачевой и др. В основе понятия посессиивности лежат отношения между двумя сущностями. Структура этих отношений, как отмечает М.В. Милованова, включает следующие моменты: 1) А является собственностью В (субъект); 2) А является составной частью В; 3) А является признаком, свойством В; 4) А включен в сферу В в определенном качестве [7, с. 101]. В данном исследовании мы фокусируем внимание на первом проявлении посессиивности. Концепт "соб-

ственность" существует как разделяемые представителями культуры идеи в тех значениях, которые воплощены в ряде ожиданий поведения субъекта-посессора в отношении объекта посессиивных отношений. Репрезентация данного поведения в языке во многом обусловлена национально-культурными особенностями, отражающими мировоззрение представителей культуры.

Изучение культурных образцов поведения невозможно без анализа их ценностно-оценочного компонента. Оценки находят выражение в реакциях на поступки людей, при этом типичные реакции формулируются в виде

устойчивых речений, а также в концентрированном виде выражаются в значениях слов. В оценках поведения людей проявляются ценности культуры. Оценка предполагает наличие оценочной шкалы, которая представляет собой динамичную градуальную последовательность положительных, отрицательных и нейтральных значений. Нейтральная зона представляет собой область, где положительные и отрицательные признаки уравниваются [13, с. 745 – 760]. Отрицательные оценки определенного отношения субъекта–посессора к объекту наиболее ярко выражены в словах частного пейоративного значения типа *miser* [5]. Положительные оценки – в словах–мелиоративах типа *thrifty*.

Отношения к объекту владения включают в себя посессивные ситуации сохранения собственности, увеличения собственности, уменьшения собственности.

Названные посессивные ситуации могут быть представлены в виде следующих когнитивных моделей: "субъект – хранитель", "объект хранения", "субъектно–объектные отношения хранения". Данные модели, в свою очередь, включают в себя субмодели и структурные квалификаторы, конкретизирующие репрезентации типичного субъекта, объекта и процесс.

В этой статье мы останавливаемся на описании субъекта посессивных отношений, его номинантах, эксплицирующих способы владения объектом, поощряемые или порицаемые в культуре.

Когнитивная модель "субъект–хранитель" включает в себя субмодели (СМ): СМ1 "субъект сохраняющий", СМ2 "субъект приумножающий", СМ3 "субъект уменьшающий". СМ1 "субъект сохраняющий" состоит из следующих структурных квалификаторов (СК): 1. "Субъект–хранитель вообще (нейтрально)"; 2. "Хранитель в силу особенностей характера": бережливый, экономный, хозяйственный, расчетливый; 3. "Хранитель в силу профессиональной деятельности": а) в милитаризированной сфере, б) в экономической сфере, г) в культурной сфере; 4. "Хранитель в силу моральных побуждений"; 5. "Хранитель в религиозной мифологии".

Субъект является активной стороной отношений собственности; он обладает, хранит, приумножает либо утрачивает объект собственности. СК "субъект–хранитель вообще (нейтрально)" в рамках СМ1 "субъект сохраняющий" в русском языке представлен языковой единицей *хранитель*. Древнерусское *хоронити* восходит к *chornity* от *chora* – "защита" [9, с. 273], таким образом, можно говорить о том, что данная языковая единица номинирует субъекта, который охраняет, защищает объект от опасности: *Наконец, последняя дочь, оставшаяся с ним в доме, умерла, и старик очутился один сторожем, хранителем и владельцем своих богатств* [2].

Ключевой языковой единицей, обозначающей субъекта–хранителя вообще (нейтрально) в английском языке является существительное *keeper*. В семантике единицы в большей степени эксплицируется признак владения, о

чем свидетельствуют этимологические данные: глагол *to keep* восходит к древнеанглийскому глаголу *cepan* и имеет следующие значения: *to seize* 'владеть чем–либо, взять во владение; схватить', *to hold* 'иметь либо хранить, держать что–либо в своем владении', а также *to observe* 'смотреть, наблюдать'. Субъект, характеризуемый языковой единицей *keeper*, имеет какие–либо профессиональные обязанности, является собственником, владельцем чего–либо: *shop-keeper, inn-keeper* [OLD, с. 462–463].

В немецком языке субъекта–хранителя характеризует ряд единиц–согипонимов, т.е. наблюдается детальная квалификация субъекта–хранителя вообще: языковая единица–доминанта *Huter (Behuter)*, производная от средневерхненемецкого *huote* 'охрана, присмотр, забота', *Erhalter* – хранитель своего материального положения и семьи, хранитель душевного благополучия, *Bewahrer* и *Verwahrer* – хранитель впрок.

Анализ закономерностей репрезентации СК "в силу особенностей характера", выражающего субъекта бережливого, экономного, хозяйственного, расчетливого, позволяет говорить о том, что в русской языковой картине мира субъект бережливый стремится сохранить какой–либо объект, старается тратить меньше, не растратить свое состояние, не потерять: ... *бережлива старушка и салону суждено пролежать долго в распоротом виде* [2]. В семантике языковых единиц *economical, thrifty* в английском языке и *sparsam, wirtschaftlich, umsichtig* в немецком языке актуализируется признак экономии, бережливости, извлечения выгоды и получения прибыли: *...and his father at least liked money. He, too, has always been called careful* [14]; *eine sparsame Hausfrau*.

СК "хранитель в силу профессиональной деятельности" достаточно плотно репрезентирован во всех анализируемых языках. В рамках данной микрогруппы языковых единиц актуализируются такие характеристики субъекта, как охраняющий, защищающий, наблюдающий за объектом. В сопоставляемых лингвокультурах при квалификации субъекта–хранителя имущества, порядка, спокойствия, субъекта–сторожа, зрителя наблюдается сходство, однако в немецком языке отмечается более детальное структурирование данного типа субъекта.

Следующим структурным квалификатором нами выделен "субъект–хранитель в силу моральных побуждений". Объект сохранения при данном типе субъекта может иметь как конкретный характер (например, имущество), так и абстрактный: жизнь, здоровье и т.п. Данный тип субъекта на законных основаниях защищает, охраняет других субъектов и их собственность. Например, в русском языке – *опекун, попечитель*; в английском – *custodian, guardian*; в немецком – *Vormund* (букв.: 'находящийся перед ртом'); *Treuhaender* (букв.: 'человек, верно, крепко поддерживающий').

Последним выделенным нами структурным квалификатором в рамках субмодели "субъект сохраняющий" является СК "в религиозной мифологии"; это, прежде всего, ангел–хранитель (*guardian, angel, Schutzengel, Schutzheiliger*).

В самом общем виде СМ1 "субъект сохраняющий" представляет субъекта, имеющего такие характеристики, как хранящий, защищающий, наблюдающий, оберегающий; он представлен единицами нейтральной лексики, профессиональной терминологией.

СМ2 "субъект приумножающий" включает следующие структурные квалификаторы: 1. "В силу особенностей характера": а) мелочный, б) скупой, в) алчный; 2. "За счет другого субъекта": а) занимающийся расхищением чужого имущества, б) склонный к мошенническим проделкам, к обману, в) корыстный, падкий на стяжание.

СК "в силу особенностей характера" представлен тремя микрогруппами языковых единиц. Субъект мелочный, крохобор получает отрицательную оценку во всех анализируемых языках, на что указывает коннотация языковых единиц; в основе образов – мелкие, незначительные предметы, такие как разменные монеты: *копеечник* – *penny-pincher*, волосы – *hair-splitter*, и даже мелкая душа – *Kraemerseele*; а также стереотипы: если лиса, то хитрая – *Pfennigfuchser*.

В семантике языковых единиц, обозначающих субъекта скупого, актуализируется признак субъекта не просто чрезмерно бережливого, но и субъекта, который не любит тратить, имеет издержки, т.е. цель данного субъекта – потратить как можно меньше. Носители русского языка номинируют его метафорами: *скупец*, *скряга* – языковая единица является исконно-русской и образована с помощью суффикса *-яга* от *скра* 'камень, груды' [12, с. 413]; образ *скряги* ассоциируется с камнем, эксплицируя субъекта очень скупого: *Такой скряга, какого вообразить трудно; Скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?* [2]. Значение очень скупого субъекта выражено также в семантике просторечно-фамильярного *скупердяй*. Образ скупого человека ассоциируется также с образом, который отражает исторический типаж, – кулаком – зажиточным крестьянином; очень скупого – с образом из народных русских сказок – *кощею*, мифическим существом.

Англичане номинируют скупого субъекта метафорами, актуализирующими тип субъекта, который тратит как можно меньше денег: *miser*, *skinflint* – сленговая единица, буквально означающая 'кремень, камень из кожи' (образ ассоциируется с человеком, который готов "ободрать камень", чтобы сохранить или получить что-либо), номинантами типа *niggard*: *I could not spare the money on my account. Little niggard!* [14]. В немецкой лингвокультуре тип скупого субъекта, который никогда ничем не делится, ничего не дарит (денег, имущества) либо дарит в ничтожно малых количествах, представлен в семантике следующих языковых единиц: *Geizhals* (букв.: 'скупая, жадная шея'), *Geizkragen* (букв.: 'скупой, жадный воротник'). Существительное *Geiz* восходит к древневерхненемецкому 'жадность, корыстолюбие' [DHW, с. 226]. Данный тип субъекта номинируется в немецком языке также и инвективами типа *Geizhammel*, *Geizknochen* – букв.: 'скупой, жадный баран', 'скупая, жадная кость' соответственно, имеющими

резко отрицательную оценку и ярко выраженную экспрессивность.

В семантике языковых единиц, которые обозначают субъекта жадного, алчного, актуализируется признак субъекта, тратящего как можно меньше и слишком падкого на что-либо, например, на деньги: *... жадноющий до денег, а тут сами деньги приходили на дом: возьми ради Христа* [6]. В русском языке субъект данного типа номинирован разговорно-фамильярным существительным *жадина*, просторечно-презрительными – *сквалыга*, *скалдырник* и просторечно-бранным *скареда*. Субъект, у которого забота о накоплении является доминирующей, доходящей до чрезвычайной скупости, расчетливости, выражен просторечным словом *скопидом*, а также языковыми единицами, значение которых сформировано на основании ассоциативного признака: *гомзила*, *плюшкин*, *полушечник*. В английском языке субъекта, который тратит или дает деньги неохотно, имеет склонность к сбережению, накопительству, обозначают словосочетаниями *greedy person*, *avaricious grasping man*: *...that my father was an avaricious grasping man* [14], *stingy person* – буквально 'жадный человек', *tight-fisted* 'стиснутый в кулак', *miser*, *hoarder*. В немецком языке жадный субъект выражен метафорами: *Geizkragen*, *Filz* – букв.: 'войлок, фетр', ассоциативный признак связан с образом грубого, неотесанного человека, *Nimmersatt* 'субъект, жадный к еде, который никогда не бывает сытым, всегда голодный', *Knicker Knauser*, *Pfennigfuchser*.

Итак, в русском языке представлена более детальная квалификация субъекта бережливого, жадного: скупой субъект характеризуется, прежде всего, как стремящийся к уменьшению расходов, таким образом, увеличивая размер собственности, *алчный* – к приумножению, накоплению своих доходов, субъект *мелочный* может иметь признаки субъекта как *скупого*, так и *жадного*. Следующий пример ярко иллюстрирует градацию при характеристике субъекта чрезмерно бережливого, жадного в русском языке: *Пьяная расточительность, когда Мельников бахвалился и сорил деньгами, сменялась трезвой скупостью и даже скардностью* [6]. В английском и немецком языках не наблюдается детального структурирования субъекта мелочного, скупого, алчного.

Рассмотрение репрезентации СК "за счет других людей" показало, что во всех анализируемых языках широко представлены номинации субъекта жадного, хитрого, живущего за счет других. Данный квалификатор представлен в языках несколькими микрогруппами. Первая микрогруппа единиц номинирует такой тип субъекта, который занимается расхищением чужого имущества, воровством, в русском языке сюда включаются, прежде всего, существительные *вор*, *карманник*: *... что если б ему удалось теперь доказать, что Софья Семеновна - воровка...* [4]. В английском языке в данную микрогруппу включаются существительные *thief*, *pickpocket* 'вор-карманник', *shoplifter* 'магазинный вор', *pettythief* 'маленький воришка'; в немецком языке – *Dieb* 'вор, жулик', *Taschendieb* 'карман-ный вор'.

Следующая микрогруппа представлена единицами, номинирующими субъекта, склонного к мошенничеству, обману. В русском языке сюда включаются существительные типа *жулик* (разг., от *жулить* 'присваивать чужое'), *мошенник*, *спекулянт*, *фальшивомонетчик*, *шулер* (последнее заимствовано из польского языка в XIX веке: *szuler* 'игрок, картежник').

В английском языке номинантами субъекта, живущего за чужой счет, служат следующие существительные: *cheat*, *fraud*, *parasite* 'нахлебник, тунеядец, приживальщик'; *impostor* 'плут'; *spiv* 'жулик, мошенник, спекулянт, фарцовщик'; *deceiver*; *rogue*, *scoundrel*, *rascal*, *swindler* (от немецкого существительного *Schwindler*) 'мошенник'; *trickster*, (*card*) - *sharp* 'обманщик, ловкач', 'субъект, который ловчит, обманывает во время игры в карты или кости с неопытным игроком' – *rook*.

В немецком языке субъект такого типа представлен единицами *Schurke* 'негодяй, мошенник, обманщик', а также "*kleiner Gauner*", *Parasit*, *Lump* 'человек, который ведет себя низко' (от средневерхнемецкого *lump* 'тряпка, лохмотья, рвань') [DHW, с. 428]; *Gauner*, *Spitzbube*, *Bauernfaenger*, *Falschmuenzer* 'фальшивомонетчик', *Spekulant*, *Schieber* 'спекулянт', *Betrueger*, *Hochstapler*, *Falschspieler* 'шулер'.

Во всех рассматриваемых лингвокультурах факты воровства, корыстолюбия, стяжательства осуждаются, получают отрицательную оценку.

Следующая микрогруппа включает единицы, номинирующие субъекта корыстного, падкого на стяжание, то есть такой тип субъекта, который не против наживаться за счет других (например, взять в долг и не вернуть). В русском языке данный тип субъекта выражен языковой единицей книжного стиля *стяжатель*: *Стяжатель по натуре Кишкин тащил в свою каморку...; И та дура... - неволью соглашалась Марковна, в которой шевельнулся инстинкт бабьего стяжательства - вот нам и делить нечего...*[6].

В английском языке данный тип субъекта номинирован словосочетаниями *grasping person*, *person on the make*, *money grubber*, а также языковой единицей *skinflint*.

В немецкой лингвокультуре корыстолюбивый субъект выражен в семантике таких словосочетаний, как *habgieriger* (*habsuechtiger*, *gewinnsuechtiger*) *Mensch*, *Geizhals*.

Анализ репрезентаций СМ2 "субъект приумножающий" показывает, что характеристики субъекта чрезмерно бережливого, жадного наиболее детально представлены в русском языке, причем все единицы, его номинирующие, достаточно частотны.

СМ3 "субъект уменьшающий" включает в себя следующие структурные квалификаторы: 1. "В силу обстоятельств"; 2. "В силу особенностей характера": а) бескорыстно, б) легкомысленно, безрассудно, в) в силу слабости характера.

СК "в силу обстоятельств" представлен единицами, номинирующими субъекта, уменьшающего размер собственности в больших или незначительных количествах: *Привалов не различал своего от имущества жены и много рас-*

тратил [6]. Такого субъекта носители русского языка называют с осуждением *растратчиком*, в семантике языковой единицы *растратчик* актуализируется признак траты собственных денег, а также доверенных субъекту денег. В английском и немецком языках выявлено только значение субъекта, тратящего чужие деньги, которые находились у субъекта на хранении, и, конечно, в свою пользу. В английском языке такой субъект номинирован существительными *embezzler* (от англо-французского *embesiler* 'воровать'), *peculator*, в немецком языке – *Veruntreuer* (букв.: 'человек, которому нельзя доверять') – растратчик, растратитель: *siehabendiegelderihres Brudersveruntreut* [DBW, с. 721]; *Unterschlagungstater*; *Defraudant*.

Следующий СК "в силу особенностей характера" представлен единицами, которые номинируют субъекта, уменьшающего собственность бескорыстно; легкомысленно, преступно, безрассудно; в силу слабости характера. В русском языке в семантике единиц, характеризующих субъекта бескорыстного, актуализируется признак субъекта, не стремящегося к личной наживе, выгоде. Для характеристики такого субъекта используется нейтральная или книжная лексика: *бескорыстник*, *бессребреник*. В английском и немецком языках единицы включают в свое значение коннотацию с оценочным компонентом: в английском языке субъект ассоциируется с человеком, который не находится под влиянием своих чувств, ощущений, предубеждений или интересов, это незаинтересованный, бескорыстный человек – *disinterested person*, в немецком языке – с человеком "не полезным себе": *uneigennuetziger (selbstloser) Mensch*. Семантический анализ единиц свидетельствует о том, что носители русского языка положительно оценивают субъекта бескорыстного, носители английского и немецкого языков – как правило, отрицательно.

Субъекта, тратящего легкомысленно, в русском языке называют *транжирой*; тратящего преступно, безрассудно – книжной языковой единицей *расточитель* или разговорной *мот*: *Я, говорит, племянника не знаю; может он мот* [2]. Субъект характеризуется как не сдерживающий себя доводами рассудка, благоразумия. В английском языке данный субъект характеризуется как *squanderer* 'расточитель', который тратит опрометчиво, в неразумно больших количествах, *spendthrift*, *waster* (от древне-французского *guaster* 'разрушать, портить'), *prodigal*; *dissipater*. Рассматриваемый тип субъекта в немецком языке представлен языковыми единицами, этимология которых непосредственно указывает на данное значение, например: *Vergeuder*, средневерхнемецкий глагол *giuden* [DHW, с. 780] имеет следующее значение: 'хвалиться, жить расточительно'; *Verschwender* – от древневерхнемецкого префиксального глагола *verswenden* 'уничтожать, истреблять, поглощать (пищу)', [DHW, с. 784], а также *Durchbringer*, *Verschleuderer*, *Verplemper*.

На израсходование либо утрату субъектом чего-либо указывает также словообразовательный компонент: префиксы *durch-*, *ver-*.

Субъект, который уменьшает собственность в силу слабости характера, имеет аналогичную характеристику в анализируемых языках. Качество субъекта *слабость* непосредственно связано с легкомыслием и безрассудством, которые проявляются в поведении субъекта. Отличие характеристик наблюдается в выражении коннотаций: *прожигатель жизни* – тот, кто "сжигает свою жизнь"; *fastliver* – тот, кто стремительно проживает жизнь; *Lebemann* – прожигающий жизнь ради удовольствий.

Таким образом, репрезентация посессивных ситуаций в языке во многом обусловлена национально-культурными особенностями мировосприятия. Выделенные нами ситуации (сохранения, приумножения и расточения состояния – собственности) рассмотрены в лингвокультурологическом аспекте с позиций когнитивного моделирования. Названные ситуации могут быть представлены в виде следующих когнитивных моделей: "субъект-хранитель", "объект хранения", "субъектно-объектные

отношения сохранения", которые, в свою очередь, включают субмодели и конкретизирующие их структурные квалификаторы, закономерности репрезентации которых находят отражение в семантике языковых единиц.

Когнитивная модель "субъект-хранитель" включает субмодели: "субъект сохраняющий", "субъект приумножающий", "субъект уменьшающий". Наибольшую квалификацию в сопоставляемых лингвокультурах получает субъект приумножающий, наименьшую – субъект уменьшающий (расточающий). При репрезентации установленных структурных квалификаторов релевантными характеристиками субъекта являются следующие: для русской лингвокультуры – субъект защищающий, для английской – субъект владеющий, для немецкой – субъект собственно сохраняющий в личной сфере. В русском языке, в отличие от английского и немецкого языков, субъект уменьшающий собственность в результате ее бескорыстной передачи другому лицу может получать положительную оценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
2. Гоголь, Н.В. Мертвые души: поэма / Н.В. Гоголь. – М. : Моск. рабочий, 1982. – 382 с.
3. Головачева, Л. Н. Категория посессивности в плане содержания / Л. Н. Головачева // Категория посессивности в славянских и балканских языках. – М., 1989. – С. 45–111.
4. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – М. : Художественная литература, 1983. – 478 с.
5. Карасик, В.И. Статус лица в значении слова: Пособие по спецкурсу. / В.И. Карасик. – Волгоград; ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1989. – 112 с.
6. Мамин-Сибиряк, Д.Н. Приваловские миллионы; Золото / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Худож. лит., 1989. – 591 с.
7. Милованова, М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении : монография / М.В. Милованова. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. – 408 с.
8. Степанова, Е.Д. Когнитивное моделирование отношений собственности в русской, английской, немецкой лингвокультурах : автореферат дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.20. / Е.Д. Степанова. – Волгоград, 2013. – 18 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М. : ООО "Изд-во Астрель", 2004.
10. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815с. (ФЭС).
11. Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И. Федорова. – М. : Астрель, 2008. – 828 с.
12. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1996. – 195 с.
13. Эпштейн, М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук / М.Н. Эпштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
14. Bronte, Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – Penguin Books Ltd., England, 2006 – 624 p.
15. Duden Bedeutungswoerterbuch / Aufl.von Guenther Drosdowski. – 2, voellig neu bearb. u. erw. – Bibliographisches Institut Mannheim etc. : Dudenverlag, 1989. – Bd. 10. –1816 s. (DBW).
16. Duden Etymologie Herkunftsworerbuch der deutschen Sprache / Aufl.von G. Drosdowski. – 2, voellig neu bearb. u. erw. – Bibliographisches Institut Mannheim etc. : Dudenverlag, 2001. – Band 7. – 960 s. (DHW).
17. Heine, B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization / B. Heine. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 292 p.
18. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2015. – 1896 p. (OLD).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА "ENVIRONMENT/ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА" В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Парахина Ирина Сергеевна
Ассистент,
Тюменский государственный
университет

THE SEMANTIC CONTENT OF THE CONCEPT "ENVIRONMENT " IN ENGLISH-SPEAKING LINGUOCULTURE

I. Parakhina

Annotation

Nowadays, the environment is given a lot of attention due to the growing environmental problems caused by active human activities. The media talks about the need to make serious decisions to correct previously created problems. However, the lack of study from the point of view of cognitive linguistics provides broad material for research because ecology and environmental protection are becoming an increasingly important component of the life of the modern world community. Environmental problems penetrate into the communicative activity of society and have an impact on its discursive space. There is a growing need for a cognitive-discursive approach to studying the relationship of a person to the world around him by exploring the metaphorical conceptualization of the subject-matter "environment" in newspaper discourse. We consider the structure of this subject sphere, the formation, as well as the specifics of the functioning of conceptual metaphors, representing the phenomena of the environment. The article analyzes the semantic content of the concept "environment" on the materials of the newspaper discourse of environmental themes, which is widely used in the communicative activity of the society and influences the perception, understanding and the person's reaction to the world. The main components of the analysis were the cognitive metaphors of the conceptosphere "environment", which were rich in various source areas. In the analysis of environmental articles, descriptive and comparative methods, the method of contextual analysis, the method of quantitative analysis, conceptual analysis and the method of cognitive modeling were used.

Keywords: concept, conceptosphere "environment", cognitive metaphor, discourse, ecology, metaphorical models, spheres.

Аннотация

В настоящее время окружающей среде уделяется немало внимания в связи с растущими проблемами экологического характера, вызванные активной деятельностью человека. СМИ говорят о необходимости принимать серьезные решения по исправлению созданных ранее проблем. Однако, в настоящее время недостаточность изучения с точки зрения когнитивной лингвистики дает широкий материал для исследования, так как экология и защита окружающей среды становятся всё более значимой составляющей жизни современного мирового сообщества. Экологическая проблематика, так или иначе, всё более проникает в коммуникативную деятельность социума и оказывает влияние на его дискурсивное пространство. Наряду с этим, растёт необходимость в когнитивно-дискурсивном подходе к изучению отношения человека к окружающему миру посредством исследования метафорической концептуализации предметной сферы "окружающая среда" в газетном дискурсе. Здесь рассматривается структура данной предметной сферы, становление, а также специфика функционирования концептуальных метафор, репрезентирующих явления окружающей среды. В статье анализируется семантическое содержание концепта "environment/ окружающая среда" на материалах газетного дискурса экологической тематики, которое получает широкое распространение в коммуникативной деятельности социума и оказывает влияние на восприятие, понимание и реакцию человека на мир. Основными компонентами анализа были когнитивные метафоры концептосферы "окружающая среда", которые были богаты различными сферами-источниками. При анализе статей экологической тематики были использованы описательный и сопоставительный методы, метод контекстуального анализа, метод количественного анализа, концептуальный анализ и метод когнитивного моделирования.

Ключевые слова:

Концепт, концептосфера "окружающая среда", когнитивная метафора, дискурс, экология.

Когнитивная лингвистика является не только современной, быстро развивающейся областью научных исследований, но и одной из ведущих в современной мировой лингвистической науке. Взаимосвязь языка и мышления относится к самым сложным и актуальным проблемам, которые рассматриваются не только в лингвистике, но и в логике, психологии, филосо-

фии. Инструментом оперирования в когнитивной лингвистике является концепт, который рассматривается как базовое понятие когнитивной лингвистики. Рассмотрим несколько дефиниций понятия "концепт".

Согласно латинско-русскому словарю Колесова, "концепт" соотносится с латинской лексемой "conceptio,

conceptum" и имеет следующие значения: 1) соединение, совокупность, система; 2) резервуар; 3) зачатие, зародыш; 4) словесное выражение. [7, с.88]. Новейший философский словарь дает следующее определение концепта (лат. *conceptus* – понятие) – 1) формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие; 2) в логической семантике – смысл имени [8, с.245–246]. Согласно Большому словарю иностранных слов, "концепция" – 1) система взглядов на те или иные явления; способ рассмотрения каких-либо явлений, понимание чего-л.; 2) общий замысел художника, поэта, ученого [3, с.234–235]. Философский словарь акцентирует логическую составляющую концепта, понятие, в то время как словарь иностранных слов выделяет особенности внутренней формы слова, учитывая восприятие, видение, образ.

Как отмечает С. Г. Воркачев, из всех понятий "концепт" (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов–Алексеев, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, С. Х. Ляпин), "мифологема" (М. Лехтезмяки, В. Н. Базылев), "логоэпистема" (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), наиболее жизненно-способным оказался "концепт", по частоте употребления значительно опередивший все прочие его названия [6, с.56–58]. Не смотря на то, что концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики, его содержание отличается в представлениях разных научных школ и ученых, так как это категория мыслительная, образная.

В современной лингвистике существует два основных подхода к пониманию концепта, которые были выделены С.Г. Воркачевым: лингвокультурный и лингвокогнитивный.

Согласно С.Г. Воркачеву, концепт – это единица коллективного знания или сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурной спецификой [5, с.257]. В "Кратком словаре когнитивных терминов". Е. С. Кубрякова предлагает следующее определение концепта: "Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке" [9, с.67–69].

Н.Ф. Алефиренко определяет концепт как единицу когнитивной семантики: "концепт – сложное и многоярусное ментальное образование, в дискретный состав которого входит, помимо некоего смыслового содержания, еще оценочная и релятивно-оценочная семантика, содержащая информацию об отношении человека к отражаемому объекту" [1, с.340].

Когнитивный и культурологический подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт, как ментальное образование в сознании человека, выходит на концептосферу социума, т.е. на культуру, а концепт, как единица культуры, является совокупностью

коллективного опыта. Другими словами, когнитивный подход к концепту предполагает направление от индивидуального сознания к культуре, а культурологический подход – направление от культуры к индивидуальному сознанию [12].

Поскольку концепт "environment/ окружающая среда" будет рассматриваться нами в рамках газетного функционального стиля, он будет являться познавательным и отличаться от художественных концептов. Ряд ученых считают, что познавательный концепт определяется как мыслительное образование – заместитель реальных предметов, действий, признаков. Как считает С.А. Аскольдов, "к концептам не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное" [2, с.278]. Комплексное рассмотрение эмоционального, сюжетно-композиционного, тематического и других уровней текста позволяет говорить об эмоциональных концептах как "прототипических моделях поведения или сценариях, которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств" [4, с.87–89]. В рамках данного исследования рабочим определением концепта будет его определение как заместителя реальных предметов, действий, признаков, мыслительных функций одного и того же рода [9, с.77–79].

Проведем компонентный анализ единиц "*Environment / окружающая среда*".

Environment – the air, water, minerals, organisms, and all other external factors surrounding and affecting a given organism at any time [15]. *Environment* – 1) external conditions or surroundings, especially those in which people live or work; 2) (ecology) the external surroundings in which a plant or animal lives, which tend to influence its development and behavior; [13].

Окружающая среда: 1) окружающий мир; 2) окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества и организмов, т.е. те из окружающих их условий, которые они способны переживать и от которых зависит их существование и продолжение рода [11].

Исходя из определений *environment / окружающая среда*, выделим доминантные семы: "естественные природные условия", "экологическое состояние местности", "окружение, совокупность природных условий, окружающий мир среду обитания и деятельности человечества" – в определениях, предложенных русскими словарями; [11]. "external conditions or surroundings", "the air, water, minerals, organisms, and all other external factors surrounding" – в англоязычных словарях [13, 15].

Так как концептосфера – это совокупность концептов, из которых складывается миропонимание носителя языка, то мы можем сказать, что такие концепты как "земля", "вода", "флора и фауна", "животные", "природа", "экология" и т.д. человек объединяются в концептосферу "окру-

жающая среда", при этом вкладывая в данное понятие все свое восприятие, связано с окружающей средой.

Рассмотрим несколько примеров когнитивных метафор, которые отражают семантическое содержание вышеречисленных концептов.

Рассмотрим метафору "окружающая среда – движение". В статьях, лексемы, обозначающие движение, такие как reverse, start, stop, slow, fast, использованы для описания изменения климата. Рассмотрим следующие примеры:

1. (...) international efforts to stem the pace of climate change, according to senior U.N. officials and delegates [18] (...международные усилия по преодолению темпов изменения климата, по словам старших должностных лиц и делегатов У.Н).

2. "Down the road, probably sooner than we think, we are facing major environmental changes. These changes have started to occur and are moving relatively slowly, but the pace of change will accelerate in our lifetime" [17]. ("В будущем, вероятно, раньше, чем мы думаем, мы столкнемся с серьезными изменениями окружающей среды. Эти изменения начали происходить и движутся относительно медленно, но темпы изменений ускорятся в нашей жизни")

3. This programme sets an example of how nations can work together now to cut emissions, but a much bigger deal is needed urgently to stop runaway climate change [16]. (Эта программа служит примером того, как страны могут работать вместе, чтобы сократить выбросы, но срочно требуется большее сотрудничество, чтобы остановить изменение климата).

4. It "could completely end human civilization, and it is rushing at us with such speed and force"[17]. (Это "может полностью положить конец человеческой цивилизации, и оно надвигается на нас с большой скоростью и силой")

Согласно толковым словарям, лексемы start, move, slow, race, accelerate, stop, runaway, rush, speed могут быть использованы для описания движения физического объекта. Поскольку изменение климата не является физическим объектом, семантическая напряженность возникает, когда лексемы движения используются для описания изменения климата.

Изменение в целом не обязательно предполагает движение. Виды изменений, включающие изменение климата, как правило, не включают в себя движение, например повышение средней глобальной температуры поверхности или изменения в характере осадков. То есть, во время изменения климата не происходит движения как такового: это не животное или транспортное средство, которое фактически, или в буквальном смысле

ле, способно ускориться, набрать скорость или наехать на объекты. Иными словами, движение очень часто включает в себя некоторый вид изменения.

То есть, к примеру, когда мы передвигаемся, мы часто испытываем какие-то изменения: если мы движемся от пункта А до пункта Б, мы замечаем, что в пунктах А и Б пейзаж различен. Также движение ног или рук различны по отношению к позиции тела. Поскольку изменение – это обязательный какой-либо результат движения, значит, оно становится возможным и естественным для нас и можно говорить например, о темпах изменения климата, о случившихся изменениях климата и т.д., используя лексемы движения.

Некоторые из лексем движения, используемые для описания изменения климата, такие как race, started и moving выглядят вполне нейтрально, так как предполагается, что климат действительно меняется непрерывно; что его изменение – это часть природы. Однако другие лексемы, такие как slowly, accelerate, stop, runaway, rushing и speed описывают каким образом меняется климат. Рассмотрим несколько примеров:

5. "We need to move rapidly for a clean energy future," said Charlie Garlow, of Silver Spring, Md., who was dressed as a smokestack [17]. ("Нам нужно стремиться в будущее чистой энергии", – сказал Чарли Гарлоу из Silver Spring, штат Мэриленд, который был одет в оттенок "дымовой трубы").

6. However, on the whole, the industry has been sleeping toward a low carbon economy 2017 will see rapid progress [16]. (Однако, в целом, индустрия была неготова к экономике с низким уровнем выбросов углерода. В 2017 году будет наблюдаться быстрый прогресс.)

7. And in the EU and New Zealand we have seen some good movement on renewable energy targets [16]. (И в Европейском Союзе и Новой Зеландии мы наблюдаем хороший прогресс в области возобновляемых источников энергии.)

В приведенных выше примерах, метафоры описывают достижения экологов, т.е. либо желаемые, либо ожидаемые, либо фактические достижения. Семантическая напряженность данных метафор связана со сферой-источником (в данном случае – движение) и сферой-целью (нечто, что не может на самом деле двигаться); в данном случае – окружающая среда (ее защита).

В примере 5, глагол move и прилагательное rapidly использованы для описания необходимости действий для развития использования экологически чистой энергетики будущего. Можно предположить, что говорящий использовал глагол move в прямом значении: в таком случае мы должны быстро перемещаться по коридорам, чтобы поговорить с нужными людьми. Однако, кажется, более вероятно, что говорящий имел в виду то, что мы

должны делать определенные вещи для развития экологически чистой энергетики будущего, например, установить политику, которая поспособствует как можно скорее развить экологически чистую энергетику будущего.

В примере 6 с помощью глагола *sleerwalk* и предлога *toward* описывается то, как отрасль справляется с достижением низкоуглеродной экономики. Глагол *sleerwalk* имеет значение существительного (лунатизм), от которого он был образован. Словарь Macmillan дает следующее определение слова *sleerwalking*: *the action of walking and sometimes doing things while you are still sleeping* [14].

8. Some local Greenpeace offices that operate in countries with stronger governance may maintain FSC membership so that they can push for stronger implementation at a national level [15]. (Некоторые местные отделения Гринпис, которые действуют в странах с более сильным управлением, могут поддерживать членство FSC, чтобы они могли добиваться более эффективного осуществления на национальном уровне.)

В данном примере лексема *push* используется в переносном значении, так как подразумевается не прямое значение "толкать, продвигать физически", а добиваться более эффективного осуществлению своих планов.

9. We are calling on FSC and all certification schemes to act with urgency to improve their transparency [15]. (Мы призываем FSC и все схемы сертификации безотлагательно действовать в целях повышения их прозрачности.)

В следующем примере также используется когнитивная метафора *to act with urgency*, так как здесь подразумеваются непосредственные срочные действия по решению проблем, а не "вести себя, поступать наряду с самой срочностью".

В целом, метафору защита окружающей среды – движение можно рассматривать как осуществление целевой сферы–цели. Защита окружающей среды, является сложным и абстрактным понятием. В то время как понятие движение является более конкретным.

Следующая метафорическая модель, которую нам удалось выделить, это – "окружающая среда – война".

Fight, combat, strategy, task force и *superpower* примеры лексических единиц, которые были использованы метафорически в статьях для описания различных экологических проблем. Рассмотрим следующие примеры:

10. Dealing with climate change will require a much broader strategy, even larger federal investments in clean-energy technologies and an effort to put a price on greenhouse gas emissions to unlock private investment on an enormous scale [17]. (Для борьбы с изменением климата потребуется гораздо более широкая стратегия, более крупные федеральные инвестиции в технологии экологически чистой энергии, а также попытка поставить це-

ну за выбросы парниковых газов, чтобы разблокировать частные инвестиции в огромных масштабах.)

11. Both declarations recognize the urgency of combating climate change through the Kyoto Protocol and through nationally appropriate mitigation actions [15]. (В обеих декларациях признается актуальность борьбы с изменением климата в рамках Киотского протокола и посредством соответствующих национальных действий по предотвращению изменения климата.)

12. The Network will take a targeted, localized approach to climate change adaptation (...) [18]. (Сеть будет осуществлять целенаправленный локализованный подход к адаптации изменения климата.)

Словарь Macmillan дает следующий основной современный смысл существительному *strategy*: *the planning of how to achieve something in war, and this typically involves planning of how to attack, which weapons to use, etc.* [14]. В примере 10 существительное *strategy* используется для описания стратегии по борьбе с изменением климата. Здесь ничего не говорится о возможном использовании танков и бомб. Скорее, такой план может включать, например, вклад больших федеральных инвестиций в экологически чистые энергетические технологии, либо усилия для установления цены на выбросы парниковых газов и другие виды политических мер.

Примеры 11–12 демонстрируют, как построены высказывания об изменении климата при помощи терминов войны. В примере 11 *combating* используется для описания усилий, которые необходимы для предотвращения изменения климата. В то время как прямое значение *combating* подразумевает саму борьбу в войне. В примере 12 лексема *targeted* имеет значение предложения для решительного подхода к адаптации изменения климата. Если рассматривать прямое значение словосочетания *targeted approach*, оно подразумевает целевой подход к тому, что вы пытаетесь захватить.

13. Timber certification is a helpful but insufficient tool in the struggle to save our forests – we've always asked companies to go above and beyond. [16] (Сертификация лесоматериалов – полезный, но недостаточный инструмент в борьбе за сохранение наших лесов – мы всегда просили компании идти дальше и дальше.)

В примере 13 лексема *insufficient tool* используется в переносном значении, которая подразумевает не прямое значение "предмет орудия либо рабочий инструмент для физической работы", а непосредственно то, что сертификат является средством защиты лесов. Более того, в данном предложении приведен еще один пример употребления метафоры, а именно лексема *in the struggle* используется в переносном значении, так как подразумевается не физическая борьба между соперниками как на бойцовском ринге, а действия человека по защите лесов от вырубки.

Тот же самый принцип лежит в основе следующей лексемы *have been struggling* в предложении:

14. The state forest and fire departments have been struggling unsuccessfully to tackle them for years [17]. (Государственные отделы по защите лесов и отделы по пожарной безопасности безуспешно пытаются справиться с ними в течение многих лет.)

Сфера война может использоваться метафорически для описания любой другой сферы, которые включают в себя трудности, опасности, усилия и неопределенные результаты. Группы людей, которые разделяют одни и те же взгляды на изменение климата, можно рассматривать как армии, кавалерии.

15. Justice must be delivered to the communities living on the frontlines of the climate crisis. [17] (Правосудие должно восторжествовать для людей, живущих в зонах климатического кризиса.)

В данном предложении мы можем обнаружить два случая употребления метафоры. Во-первых, лексема *justice* употреблена метафорически, так как справедливость не может быть доставлена социуму в прямом смысле, так как данное слово имеет абстрактный характер. Во-вторых, во втором случае мы видим также переносное значение *living on the frontlines of the climate crisis*, так как здесь подразумевается не географическое расположение людей на "климатическом кризисе", а то, что некоторые общества живут в районах нестабильной климатической активности, сильно подверженной кризисом. Данные метафоры имеют сферу-цель "окружающая среда", со сферой-источником "Правосудие", "Движение".

16. We have been witness ourselves in this country to a spate of natural disasters and supertyphoons such as Ondoy, Sendong, Pablo and of course Yolanda, with grave consequences. [17]. (Мы стали свидетелями того, что в этой стране происходят стихийные бедствия и тайфуны, такие как Ондой, Сендонг, Пабло и, конечно же, Йоланда, с серьезными последствиями).

В примере 16 лексема *a spate* употреблена в переносном значении, так как прямо значение этого слова – волна (то есть изменение состояния среды), а в данном предложении подразумевается несколько природных катастроф, происходящих друг за другом. Данная метафора также имеет сферу-цель "окружающая среда", со сферой-источником "Вода".

17. Quezon City, The Philippines – Fossil fuel companies are today under the spotlight as hearings begin in the Philippines into their contribution to human rights harms resulting from climate change [17]. (Кесон-Сити, Филиппины. Компании, работающие в области добычи ископаемого топлива, находятся сегодня в центре внимания, поскольку на Филиппинах начинаются слушания по по-

воду их вклада в ущемление прав человека, происходящего в результате изменения климата).

В данном примере лексема *under the spotlight* употреблена метафорически, так как прямое значение фразы – "под прожектором, под светом", однако в данном примере имеется в виду, то что, компании, работающие в области добычи ископаемого топлива, находятся под пристальным взглядом организаций по защите прав человека. Данная метафора также имеет сферу-цель "окружающая среда", со сферой-источником "Технические средства".

Рассмотрим следующие примеры со сферой-источником "Путешествие" со сферой-цель "окружающая среда".

18. "This is the first important step on a long journey to reduce both countries' greenhouse gas emissions. (...) [18]. ("Это первый важный шаг в достижении сокращения выбросов парниковых газов в обеих странах. (...)

19. One report, "A Roadmap for U.S.–China Cooperation on Energy and Climate Change," is a joint project of the Asia Society and the Pew Center on Global Climate Change, both based in the United States [17]. (Доклад "Дорожная карта для сотрудничества США и Китая в области энергетики и изменения климата" является совместным проектом Азиатского общества и Центра Пью по глобальному изменению климата, который базируется в Соединенных Штатах).

20. Most importantly, it is the year in which the international community, meeting in Copenhagen in December, must agree on urgent and dramatic action to avert the looming climate disaster and define the path toward a more sustainable, more survivable future [15]. (Самое важное, это год, когда международное сообщество, собравшееся в декабре в Копенгагене, должно согласиться с неотложными и драматическими действиями, чтобы предотвратить надвигающуюся климатическую катастрофу и определить путь к более устойчивому и более стабильному будущему).

Таблица 1.

Классификация концептуальных составляющих когнитивной метафоры предметной области "окружающая среда".

Сфера-источник	Количество употребления
Движение	198
Война	165
Путешествие	89
Вода	56
Технические средства	16
<i>Всего</i>	524

Рассматривая прямое значение лексемы *journey*, мы можем сказать, что оно имеет значение физического перемещения из одного места в другое, например, пешком или с помощью какого-либо автомобиля. В то время как в примере 18 лексема *journey* имеет значение усилий и планирования, которые должны быть спланированы и выполнены для достижения сокращения выбросов парниковых газов.

Далее, рассматривая лексему *roadmap*, можно сказать, что она имеет следующее значение: карта, которая указывает на дороги или рельеф определенной области; в то время как в примере 19 *roadmap* имеет следующее значение: план о том, как сотрудничать в области энергетике по борьбе с изменением климата.

В прямом значении, лексема *path* означает тропинку, дорожку, которая может находиться, например, в лесу или на склоне холма, в то время как в примере 20 лексема *path* используется для описания политических решений, которые необходимо сделать, чтобы обеспечить более устойчивое будущее.

При анализе статей концептосферы "окружающая среда", мы сделали вывод о том, что они богаты употреблением метафор различных сфер-источников, где сама "окружающая среда" являлась сферой-целью, а сфера-источник – другая иная сфера (движения, война, вода, технические средства и т.д.)

Чаще всего в статьях встречались метафоры исходной сферы-источника "движение", их частотность составила 198, в то время как метафоры сферы-источник "война" занимают второе место по частотности (165), меньше всего встретились метафоры со сферой-источником "технические средства(16)".

В заключение отметим, что изучение концептосферы "environment/ окружающая среда" является важной научной задачей, так как экологическая проблематика так или иначе проникает в коммуникативную деятельность социума и оказывает влияние на восприятие, понимание и реакцию человека на мир. Более того, экологические проблемы являются наиболее распространёнными в связи с активной деятельностью человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции // Жанры речи: сб. науч. трудов. Вып. 4. Жанр и концепт. [Текст] / – Саратов, 2005. С.440
2. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. В.Н. Нерознака [Текст] / – М.: Academia, 1997. –С.278
3. Большой словарь иностранных слов [Текст] / – М.: ЮНБЕС, 1998. с.234–235
4. Вежицкая, А.Н. Язык. Культура. Познание [Текст] / – М.: Русские словари, 1996. – с.87–89
5. Воркачёв, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт // Филологические науки [Текст] / – 2001. № 1. С. 257.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / – 2004. –с.56–58
7. Колесов В.В. Латинско-русский словарь [Текст] / – М.: 2002. с.88–93
8. Кондрашов В. Новейший философский словарь [Текст] / – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – с.245–246
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой [Текст] / – М.: 1996. с.67–69
10. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, [Текст] / – 2011. 256 с.
11. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // URL: <http://enc-dic.com>
12. Юлтимирова С.А. Различные подходы к трактовке термина "концепт" Publishing House Education and Science s.r.o. Архив научных публикаций, 2006 – Режим доступа: // URL: http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_jultimirova.doc.htm
13. Collins dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // URL:<http://www.collinsdictionary.com>
14. Macmillan English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // // <http://www.macmillandictionary.com>
15. Webster's dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // URL: <http://dictionary.reference.com>
16. Greenpeace [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // URL:<http://www.greenpeace.org>
17. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // URL:<http://www.theguardian.com/uk>
18. The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // URL:<http://dotearth.blogs.nytimes.com>
19. The Observer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // URL:<http://www.theobserver.com>

ШЕКСПИРИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И СТИЛИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА

SHAKESPEARIAN IDIOMS IN CONTEMPORARY ENGLISH: ASPECTS OF SEMANTIC STRUCTURE AND STYLE

I. Savelieva

Annotation

The present article explores the influence of William Shakespeare's literary legacy on English phraseology. The main focus is on the idioms, which were coined by the playwright and later widely used in everyday language. These idioms comprise a significant corpus of significant size and research interest, as they allow us to approach one of the most topical issues of contemporary linguistics, i.e. secondary nomination, from a new angle. Namely, the study of idioms allows us to disclose the peculiarities of verbal cognition and both individual and collective linguistic perception of the real world by the speakers of a given language.

Keywords: phraseological unit, Shakespearian idiom, language unit, phraseological meaning, intralinguistic prototype, extralinguistic prototype.

Савельева Инна Геннадиевна
К.филол.н., доцент,
ГОУ ВО МО "Государственный
социально-гуманитарный
университет", г. Коломна

Аннотация

В настоящей статье рассматривается вопрос о влиянии литературного наследия Шекспира на развитие английской фразеологии. Основу устойчивых фраз, пришедших из его произведений и обогативших язык, составляет особенный фразеологический образ, который требует внимательного изучения. Рассматриваемая проблема актуальна, так как обусловлена возрастающим в современной лингвистике интересом к исследованию механизмов вторичной номинации на разных ступенях развития языков и выявлению на материале фразеологизмов специфических особенностей вербального мышления и восприятия действительности не только целыми языковыми коллективами, но и его отдельными талантливыми представителями.

Ключевые слова:

Фразеологическая единица, шекспиризм, языковая единица, фразеологическое значение, языковой прототип, внеязыковой прототип.

Лингвисты отмечают, что шестнадцатый век может по праву считаться периодом расцвета английского языка. "Это вполне объясняется огромным наплывом заимствований из латинского и греческого языков, интенсивным возвращением исконно английских слов, незаслуженно забытых и вышедших из употребления, вхождением в лексикон слов-путешественников, которые вместе с моряками и торговцами "прибыли" из Нового Света" [3, с. 247].

На этом фоне активно входят в язык слова и выражения, из ставших столь популярными в народе, произведений Шекспира. Возможно, важнейшей из множества причин признания его исключительного таланта, прошедшего проверку временем, стал его язык, на котором говорили его герои. Это совершенно особенный авторский стиль, затрагивающий души зрителей, заставляющий их то плакать, то смеяться, а значит – чувствовать. Актерская игра в шекспировских постановках творила и творит чудеса и по сей день. Смеем предположить, что актеры и в далеком шекспировском прошлом, и сейчас подобны музыкальным инструментам. Слова великих

творений, вложенные в их уста, восторгают зрителя, но одной из главных причин успеха театрального произведения было и остается гениальное слово самого автора. Незримого, не присутствующего на сцене, но управляющего своим "оркестром" как дирижерской палочкой. Сложная ткань литературного произведения понятна, потому что она о человеке: который влюблен, или который обманут, или который переживает минуты отчаяния, смутнения, осознания истины, а, может быть, лжи и творчества. Этот язык близок и понятен каждому в зале: от богатея в первом ряду до бедняка с галерки. Наверное, это и есть одна из причин проникновения в словарный состав языка лексики, которая благодаря своей яркой образности, мудрости, легкости воспроизведения в речи образовала уникальный пласт фразеологизмов, которые по праву остались в языке навсегда и являются удивительным предметом изучения для множества ученых.

Исследователи отмечают, что Шекспир буквально "играл с языком, используя, например, существительное *petition* как глагол или добавлял приставки и суффиксы, чтобы создать слова *marketable*, *reword*, *misquote*" [6, с.

247]. Слова "служили" ему, выполняли его "волю", а на бумаге и на сцене рождались шедевры.

Созданные благодаря его непревзойденной способности выражения, фразы в процессе развития языка покинули свой "родной дом", т.е. его произведения, и стали широко употребляться носителями языка, менять значения, трансформироваться в речи. А это представляет собой уникальный процесс. Он, несомненно, требует глубокого анализа, а именно: установления причин семантической слитности возникших выражений, изучения особенностей структуры устойчивых сочетаний, выразительности и даже многовековой "выживаемости" в языке, который претерпевает скорые метаморфозы в процессе бурного развития науки, искусства, истории.

Общеизвестным фактом, является, то, что многие другие писатели обогатили английскую фразеологию. Следует отметить Джеффри Чосера, Джона Мильтона, Джонотана Свифта, Александра Попа, Чарльза Диккенса, Вальтера Скота. Носители английского языка получили такое богатое "наследство", но мало, кто подозревает об этом, буднично произнося: "Never say die" (выражение из романа "David Copperfield" Диккенса; a sight for sore eyes (из "Polite Conversation" Джонатана Свифта). Слова воистину великих авторов уходят в речь носителей языка по очевидным причинам: глубина мысли, часто в краткой, легко запоминающейся форме, позволяющая говорящему быть выразительным и убедительным в высказывании [см. 3].

Наследие Шекспира в английской фразеологии особенно велико. По числу выражений, вошедших в лексикон его произведения, занимают второе место после Библии. Их количество превосходит 100 выражений. Все они встречаются в произведениях всего один раз, употребляются в речи в фиксированной форме. Причиной долгожителства является факт, что Шекспир писал в основном для простой публики, тексты полны разговорной лексики, понятны и выразительны.

Английские исследователи характеризуют идиомы как аномалии языка [см. 3,4]. К такой характеристике присоединятся, без сомнения, все фразеологи: "An idiom breaks the normal rules, then, in that it does not mean what you would expect it to mean. In fact the idiom is a new linguistic entity with a sense attached to it that might be quite remote from the senses of the individual words that form it. Although it is in form a phrase, it has many characteristics of a single word" [6, с. 4]. Слова-компоненты в таком выражении, выражаясь образно, "венчаются" друг с другом. Теперь их не разлучить. Соединяясь, они утрачивают свое собственное значение и образуют новое, которое может выдержать проверку временем и надолго бережно сохраняться в языке.

Фраза *salad days* была придумана Шекспиром для произведения "Антоний и Клеопатра" в 1606. В своей речи в конце первого акта Клеопатра говорит о своей молодости, неопытности, незрелости. Выражение *salad days* употребляется в таком значении и по сей день. Слово *salad* не может рассматриваться как самостоятельный семантический компонент. И только в сочетании со словом *days* образовалось новое образное значение, которое сохранилось в языке на века.

Анализ возникновения и дальнейшего функционирования шекспиризмов в речи, невозможно без рассмотрения вопроса о происхождения фразеологизмов в языке в целом. Ведь данный вид устойчивых выражений, занимает свое особенное место во фразеологическом фонде языка. Как происходит вхождение этих уникальных по структуре языковых единиц в речь? Как сохраняются они в языке веками? Каковы секреты их особенной выразительности?

По мнению А.В. Кунина, "все ФЕ восходят к потенциальным фразеологизмам, которые обозначают познаваемые человеком объекты внеязыковой действительности. Но это не означает, что все ФЕ проходят один и тот же путь развития, так как в их основе лежат разные прототипы" [2, с. 166]. Он выделяет прототипы четырех разновидностей – речевые, языковые, внеязыковые и смешанные, а внутренние формы подразделяет на простые и сложные. Эта классификация, как видим, учитывает материал, на основе которого возник фразеологизм. Речевым и языковым прототипам соответствует простая или сложная внутренняя форма, а внеязыковым и смешанным – только сложная.

К языковым прототипам относятся выражения, от которых в рамках третичной номинации образованы другие устойчивые выражения. Так, шекспиризм *to shuffle this mortal coil* ("Hamlet") в значении "to die" не восходит непосредственно к переменному словосочетанию, а опосредован соответствующей цитатой из произведения.

Важно, что слово *coil* во времена Шекспира обозначало "bustle" ("суматоха, суета"). Современные словари регистрируют этот компонент как устаревший. Смертельная катушка (*the mortal coil*) подразумевает тяготы жизни, которые разрешаются только после смерти.

По предположению Шопенгауэра время здесь ассоциируется с ткацким станком, а обрыв нити – со смертью [7].

Выражение широко употребляется в разговорной речи, но позволяет говорить о смерти с бережностью к чувствам, обсуждающим столь грустную тему, т. е. выступает как эвфемизм.

Характерной особенностью фразеологизмов, в основе которых лежат фантастические образы, является обозначение ими вполне реальных денотатов. "Реальное обозначается через нереальное, фантастические образы порождаются действительностью" [2, с. 145]. Именно образ ткацкого станка с обрывом нити позволяет сказать одновременно о многом: "катушка жизни", с огромной скоростью крутящаяся, когда-то прекратит свое движение, а за этим кончатся все бременные заботы, суматоха, суета.

В современной английской речи используются шекспиризмы, в состав которых входят устаревшие слова, которые нигде кроме данной идиомы не употребляются. Например, *from whose bourn no traveller returns* – "там, откуда еще никто не возвращался" (т. е. в царстве смерти). Слово "bourn" является архаизмом и обозначает "границу" или "предел", оно употребляется в современном английском языке только в рамках данного фразеологизма.

Приведенный пример не является исключением. Многие фразеологические сращения имеют в составе архаизмы. С одной стороны, они обнаруживают, что данные сочетания уже веками существуют в языке, с другой стороны, они служат усилителями фразеологической образности. Устаревшее слово играет особую роль, вновь возвращает нас в прошлое, если мы хотим узнать тайну "скрытого" образа идиомы. Ю.П. Солодуб, анализируя такого рода обороты, отмечает, что затемнение образа или его полная утрата ослабляют коннотативные возможности того или иного фразеологического оборота, усиливая одновременно роль сигнификативного и денотативного компонентов в структуре его значения. Тем не менее воздействие некоторых лингвистических факторов явным образом способствует сохранению за коннотативным компонентом его значительной роли. Фразеолог акцентирует тот факт, что компоненты, не поддающиеся лингвистической интерпретации и способствующие тем самым безобразному восприятию всего фразеологизма, создают вместе с тем "эффekt тайны", "загадки". Этот лингвистический фактор, явно усиливающий коннотативные возможности фразеологизмов такого типа, построен на лингвистическом парадоксе: компонент, способствовавший утрате образности фразеологической единицы, одновременно выступает и в роли дезактуализатора, и в роли интенсификатора коннотативного компонента в структуре фразеологического значения [5, с.212].

Следует отметить, что в современном английском языке многие фразеологизмы часто претерпевают изменения в семантике и структуре. Это как бы доказывает нам, говорящим и изучающим язык, что даже самая стабильная часть лексикона склонна к изменениям с течением времени. Рассмотрим следующие примеры:

At one fell swoop (*Macbeth*) – одним ударом, одним махом, в один момент. Полный компонентный состав скорее характерен для американского варианта. Усеченная форма употребляется чаще как *at one swoop*:

They go quick, one after another – five of them vanished already at one swoop, (S. O'Casey).

Возможно расширение компонентного состава выражения в ходе употребления фразеологизма в языке:

More honoured in the breach than in the observance ("*Hamlet*") в значении "Чаще нарушается, чем соблюдается". В современном английском расширяется состав выражения. Второй компонент *in* в оригинале отсутствовал. Оборот уже может относиться ко всему, что нарушается и сочетается со многими словами, не ограничиваясь шекспировским *custom*.

В современном английском вариативность чаще стала наблюдаться в изучаемой группе фразеологизмов. Широко употребляются компоненты, которых не было в оригинале:

Например, *applaud* (или *cheer*) *to the echo* – "шумно, восторженно аплодировать, устроить овацию" (*applaud to the echo* – "*Macbeth*"); *cram* (*ram* или *thrust*) *smth. down smb.'s throat* – навязывать кому-либо (свое мнение, свои взгляды и т. п.) (*thrust smth. down smb.'s throat* – "*Titus Andronicus*"). В шекспиризме "buy golden opinions" – заслуживать благоприятное лестное мнение о себе, вызывать восхищение" в современном языке вместо глагола "buy" употребляется глагол "win".

В современном английском языке шекспиризмы также могут менять свой состав в связи с изменениями, не продиктованными непосредственно с языком, т.е. по экстралингвистическим причинам.

Рассмотрим примеры:

Выражение *to wear one's heart upon one's sleeve for days to peck at* ("*Othello*") – в значении "выставлять напоказ свои чувства, душа нараспашку". Этот фразеологизм связан со средневековой рыцарской традицией одежды связан со знаком любви к своей прекрасной даме. В связи с изменением облика и изменениями в моде идиома приобрела новое звучание. Обычно она употребляется в сокращенном виде: *to wear one's heart upon one's sleeve*. Также вместо предлога *upon* может употребляться предлог *on*.

Словари фиксируют появление шекспиризм-derivатов. Тогда исходный шекспиризм рассматривается как источник нового выражения:

"The better part of valour is discretion" ("*King Henry IV*") в значении "одно из украшений храбрости – скромность". В современном выражении с тем же значением

мы наблюдаем инверсию: "Discretion is the better part of valour".

Рассмотрим другой пример. Выражение lay it on the with a trowel в значении "преувеличивать; грубо льстить, хватить через край (в похвалах)" у автора употреблялось с глаголом в страдательном залоге:

Colia: Well said: that was laid on with a trowel ("As You Like it"). В современном английском многие грамматические ограничения сняты и употребление шекспировской фразы в действительном залоге только подтверждает это. Как и в нашем примере:

"She continued to flatter him. She got a little private amusement by seeing how much he should swallow. She laid on with a trowel" (W.S. Maugham).

Причины наблюдаемых трансформаций – постоянное изменение языка, его подвижность, внесение выражений в контекст нового времени, речевые потребности говорящих на языке. Но неизменными остаются мудрость, благозвучие языка великого Шекспира.

Особый интерес для исследователя представляют изменения стилистической окраски изучаемых выражений. "Бальзам прекраснотушия", в английском варианте the milk of human kindness звучал в устах леди Макбет скорее как упрек в чрезмерной доброте мужа. Но в со-

временном английском данная устойчивая фраза часто употребляется в речи с шутливым, ироническим оттенком. Иллюстрацию мы легко находим у Марка Твена: "Sellers said privately that Rossmore was the most extraordinary character he had ever met – a man just made jut of the condensed milk of human kindness..." Ирония Твена удвоена словом condensed с намеком на то, прекраснотушия было много. И даже больше, чем много.

"Фразеологизмы ... остаются языковыми единицами, экспрессивно-маркированными и в стилевом, и в стилистическом отношении. Они осознаются носителями языка как единицы особых стилевых сфер употребления, включение их в акт коммуникации явно усиливает эмоционально-оценочные возможности высказывания" [5, с. 200]. Часто употребление шекспиризма, как и любого другого фразеологизма, позволяет наиболее точно донести до слушателя не только смысл сообщения, но и самое сложное и важное: отношение говорящего к сказанному. А это тонкие эмоции самого разного свойства, отношение к собеседнику или получателю информации, оценка происходящего. И многое закодировано, только подразумевается, не все напрямик. А это только расширяет возможности коммуникации. В многокомпонентной структуре фразеологического значения шекспиризма важная роль всегда принадлежит коннотативному компоненту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – 5-е изд., перераб. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – XVIII, 1210, [4] с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк. Дубна: Изд. Центр "Феникс", 1996. 381 с.
3. Пасечник Т.Б. История народа в истории фразеологизма (на материале английского языка). // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М.: РУДН, 2017. С. 630–635.
4. Савельев С.В. Использование юмора и языковой игры при освещении Интернет-СМИ парламентских выборов 2005 года в Великобритании // Вестник Университета Российской академии образования. – М.: Университет РАО, 2009. С. 39–43.
5. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). – М.: Флинта. Наука, 2002. 355 с.
6. Linda and Roger Flavell. Dictionary of idioms and their origins. CPI Group (UK) Ltd., 2011. 344 p.
7. Parenga and Paralipomena: короткие философские очерки, Артур Шопенгауэр, Том второй, Clarendon Press, Oxford, Press Oxford University, First Опубликовано 1974, переиздано 2000.

© И.Г. Савельева, (savelieva.inna@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Специфические языковые расстройства у детей:
вопросы диагностики и коррекционно-
развивающего воздействия»**

2018 года
23-26 августа

ФЕНОМЕН АНЕМПОДИСТА СОФРОНОВА

Семенова Валентина Григорьевна
К.ф.н., доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет, Якутск

THE PHENOMENON OF ANEMPODIST SOFRONOV

V. Semenova

Annotation

The article considers the life and work of Anempodist Sofronov, an outstanding social and cultural figure and a founder of Yakut literature. It is determined that many basic principles of national literature and ethno-poetics were created by the writer, which predetermined the stylistic directions of Yakut literature in the 20th century. The phenomenon of A.I. Sofronov lies in the fact that due to his creative work, it took fifteen years for the emerging Yakut literature to pass the path which took more developed literatures a whole century to go through. It is established that interest in his work is not only not weakening, but only increases more with the time.

Keywords: Yakut literature, A.I. Sofronov, founder, drama, prose, lyric poetry, phenomenon.

Аннотация

В статье рассматриваются жизнь и творчество выдающегося общественно-культурного деятеля и основоположника якутской литературы Анемподиста Софронова. Определено, что писателем были созданы многие основополагающие принципы национальной литературы и этнопоэтики, предопределившие стилевые направления всей якутской литературы XX века. Феномен А.И.Софронова заключается в том, что в его лице зарождающаяся якутская литература за полтора десятка лет прошла путь, который проходят развитые литературы на протяжении целого столетия. Установлено, что интерес к его творчеству не только не ослабевает, но со временем всё более возрастает.

Ключевые слова:

Якутская литература, А.И.Софронов, основоположник, драма, проза, лирика, феномен.

"В литературной мифологии каждого почти народа есть образ рано погибшего, не до конца проявившегося гениального поэта, умершего на поле боя или от неизлечимой болезни; всенародное сочувствие и любовь пытается компенсировать то, что не успели дать им современники – таков общий рисунок роли", – писала в своей статье, посвященной белорусскому поэту и литературному критику Максиму Богдановичу Л. Н. Турбина [4, с. 186].

Несомненно, такой личностью в истории якутской литературы является ее основоположник Анемподист Иванович Софронов-Алампа. Писатель родился 14 (по ст. стилю 2) ноября 1886 г. в I Жехсогонском наслеге Ботурского улуса. Дата рождения писателя совпала по церковным святцам с днем памяти о святом мученике Анемподисте Персидском, пострадавшем за христианскую веру. Родители нарекли новорожденного этим именем, что в древнегреческом языке означает "беспрепятственный, не встречающий препятствий". Необычное имя сыграло особую роль в судьбе писателя. Его человеческая судьба вобрала в себе сложные коллизии времени: признание таланта, любовь народа, годы заключения и ссылки. Но сколько бы не были трудны его жизненные пути, он сумел преодолеть все преграды и воистину стать бессмертным в памяти якутского народа.

Истоки художественного мира писателя, в первую очередь, следует искать в исключительно трудном детстве и отрочестве. На третий день после рождения он был отдан на воспитание в чужую семью и до 14-летнего возраста жил в трех бедных семьях, где рос в атмосфере почитания древних традиций. В детские годы будущий писатель испытал на себе суровую действительность с ее тяжелым изнуряющим трудом, долго боролся с тяжелым недугом. Знание чаяний и бед народа изнутри, лишение радостей детства укрепили его характер, воспитали в нем терпимость и волю. В последующем, детские впечатления, быт народа, устное творчество станут основой для создания высокохудожественных произведений писателя. Социальная обстановка, в которой воспитывался поэт, известным образом повлияла на его общественную психологию. Алампа, будучи известным писателем, не раз подчеркивал, что он вышел из гущи народа и корни его творчества лежат в народном сознании.

Еще в юные годы в писателе проявились такие качества, как творческое видение, целеустремленность, интуиция, твердая воля, оригинальный ум, художественный дар, творческая фантазия, унаследованные как наследственный фактор от именитых предков. На становление духовного мировосприятия, литературных идеалов сыг-

рала большую роль личность старшего брата, учителя, просветителя В. И. Софронова – воспитателя будущего писателя. Лишенный возможности обучения в учебных заведениях (не считая одноклассной церковно–приходской школы), будущий писатель упорно занимался самообразованием и достиг в нем таких высот, что считался впоследствии одним из образованнейших интеллигентов своего времени. Как известно, выдающиеся качества личности имеют значение тогда, когда их приводит в движение какая–то великая, общественно значимая идея. Для Софронова такой идеей стала идея национального и социального освобождения родного народа.

Первое десятилетие XX века стало переломным этапом в истории Российской империи и было отмечено обострением социально–классовых противоречий. Революция 1905–1907 гг., затем первая мировая война, столыпинская аграрная реформа инициировали рост национального самосознания и пробуждение общественно–политического движения в окраинах России. Революционные события сопровождались идеями свержения самодержавия, свободы, равноправия и просвещения народов. Манифест от 17 октября 1905 г., объявивший свободу личности, совести, слова, собраний и союзов, всеобщее избирательное право, стал крупным событием в жизни российских наций. Народы, именуемые прежде "инородцами", получили определенную возможность для развития своей культуры и просвещения. Пробуждению общественно–политической мысли и становлению литературного движения в регионах способствовало создание общественных, просветительных, культурных объединений, организаций.

Как отмечает Г. П. Башарин, Якутская область до 1917 г. представляла собою одну из самых отсталых окраин царской России. Здесь господствовали патриархально–феодалные отношения. Они переплетались, одной стороны, с элементами влияния российского капитализма, вступившего в конце XIX – начале XX в. в стадию империализма, а с другой стороны, с пережитками первобытнообщинного строя [1, с. 4]. В Якутии, как и во всех национальных окраинах Российской империи, активно велась колониальная политика, в результате которой "инородцы" были сильно ущемлены в гражданских и политических правах. Последовавшая на рубеже двух первых десятилетий XX века в центральной Якутии длительная засуха вызвала голод и разорение крестьян, что не могло не обострить классовые отношения. Произвол местной администрации, неравноправное политическое положение населения, слабое развитие образования (по итогам переписи 1897 г. грамотность среди якутов равнялась 0,7%) и культуры – все это вызывало постепенное нарастание недовольства масс.

Таким образом, сама атмосфера, время и условия развития общественной мысли в Якутии начала XX в.

являются фактором появления на исторической арене выдающихся исторических личностей как В. В. Никифоров, А. Е. Кулаковский и корифеев художественного слова А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева.

Анемподист Софронов, по натуре своей, не исследователь, как Алексей Кулаковский, не общественно–политический лидер, как Василий Никифоров или Платон Ойунский, он, по природе своей, творец. Но под напором жизни и зову сердца стал одним из видных представителей первого поколения якутской интеллигенции.

В первые годы Советской власти А. И. Софронов стал широко известен как культурно–общественный деятель. Поставив целью своей деятельности интересы всего народа, руководствуясь патриотическими устремлениями, он провел большую подвижническую работу, "весь отдав кипучей работе по просвещению и поднятию культурного уровня, весьма отсталого и забытого старым правительством населения Якутии". Софронов был председателем культурно–просветительного общества "Саха омук", председателем общества "Долой безграмотность!", председателем Госкино республики, членом научно–исследовательского общества "Кэскил", Литературно–переводческой комиссии, Совета по якутской письменности, одним из первых якутских переводчиков и литературных критиков. Анемподист Софронов стоял у истоков национального театра: был основателем профессионального театра народа саха, составителем театрального репертуара, режиссером, первым теоретиком сценического искусства. Также его имя связано с зарождением государственной печати на родном языке: был редактором–организатором первой советской общественно–политической газеты "Манчары" (1921) и литературно–художественного журнала "Чолбон" (1926).

Таким образом, в первые годы Советской власти писатель становится одним из авторитетнейших деятелей культурной революции, членом ЯЦИК, делегатом Всесоюзного тюркологического съезда и т.д. "Благодаря любви и поддержке якутского народа, постепенно выходил в люди. Якутский народ, нося меня на своих плечах, направлял тому, чтобы я сделался человеком, человеком, полезным ему. За это очень много обязан своему родному народу", – писал Софронов [3, с. 301].

Но все же огромная заслуга Анемподиста Софронова заключается в том, что он основал якутскую литературу и тем самым оказал большое влияние на развитие общественной, политической и эстетической мысли не только своего времени, но и всего XX в.

Творчество А.И. Софронова – одно из вершинных достижений якутской литературы и представляет собой целую эпоху в истории национальной культуры и литературы.

Так, зарождение якутской драматургии связано с именем ее основоположника Анемподиста Софронова, произведения которого определили основной вектор развития национальной драмы и театра в XX в. С первой же драмы "Бедняк Яков" (1914) писатель вошел в историю якутской литературы как сложившийся, самобытный мастер. Драматургия Софронова стала документальным свидетельством жизни якутского общества начала века. В произведениях "Бедняк Яков", "Любовь", "Споткнувшийся не выпрямляется", "Тина жизни" писатель показал не только несправедливость существующих общественных отношений, но также их тлетворное влияние на сознание и поведение человека. В ряде произведений исследуются и такие социокультурные проблемы как алкоголизм, сохранение национальной культуры, этнической идентичности, родного языка и т.д. Авторская концепция мира и человека отражается в произведениях с философской проблематикой ("Игра жизни", "Манчары", "Девушка, выходящая замуж", "Споткнувшийся не выпрямляется"), в которых автор вместе со своими героями приходит к выводу, что главные ценности человека в отношениях в семье, жизни по законам морали, что соответствует стихийно-материалистическим воззрениям народа.

Драматургия Софронова отличается большим жанровым разнообразием: социально-бытовая, социально-нравственная, философская, психологическая, романтическая, лирическая драмы, комедия. В жанровом развитии драматургии Софронова ("Любовь", "Тина жизни", "Руссоман") важную роль сыграли традиции русской и мировой литературной классики. Отдельные драмы ("Манчары", "Споткнувшийся не выпрямляется", "Девушка, выходящая замуж") основаны на национальных традициях, в них отчетливо выражены религиозно-философские взгляды, мировидение якутов, используются фольклорные и мифологические мотивы, обеспечивающие тем самым, жанровую оригинальность произведения.

Для драматургии Софронова характерен реалистический метод изображения. Все его произведения отличаются детальным описанием быта, этнографической точностью, что создает им иллюзию истинности происходящего. Замечательный талант писателя как глубокого аналитика жизни свидетельствуют его ремарки. Все драмы Софронова нашли сценическое воплощение, лучшие из них до сегодняшнего дня составляют репертуар национального театра.

А. И. Софронов – первый якутский рассказчик, заложивший основы для зарождения якутской прозы. Его первые рассказы (1912–1913) сыграли огромную роль в формировании и становлении национальной прозы. Свой вклад в развитие якутской прозы писатель внес и как основатель литературно-художественного журнала

"Чолбон", где были опубликованы первые рассказы якутских авторов.

Вершиной творчества Софронова-прозаика стал социально-бытовой рассказ. Писатель в 1920-х гг. создал свои классические рассказы "В поисках лучшего разбила жизнь" (1924), "Меняющий личину" (1926), "Городщик" (1927), непреходящая ценность которых усматривается в продолжении его традиций в современной якутской прозе. Писатель впервые ввел в якутскую прозу сатирический рассказ, обогатив ее жанровые разновидности. Если в его драматических произведениях, раскрывающих якутскую действительность начала XX в., человек был представлен как "игрушка жизни" и его жизнь целиком зависела от общества, то в прозе писатель показал индивида в новых социальных условиях, где многое теперь зависит от него самого, его ценностных ориентаций, человеческих качеств.

Анемподист Софронов впервые ввел, как в якутскую литературу в целом, так и в прозу, принцип психологического анализа характера, в его лучших рассказах психологизм стал неотъемлемой частью. Как мастер психологического анализа, он создал национальный характер.

Произведения Софронова отличаются богатством языка, выразительных средств, яркой образностью, близостью к разговорной речи и сыграли большую роль в возникновении и развитии якутского литературного языка, в установлении и усовершенствовании его норм, в развитие повествовательных жанров.

Алампа – зачинатель якутской лирики. В его поэзии, отличающейся предельной исповедальностью, проникновенностью, впервые в якутской литературе выпукло выступает лирическое "я", здесь автор – не посторонний наблюдатель как в фольклорных произведениях, а активный участник происходящего вокруг, оценивающий и сопереживающий.

Софроновым были созданы многие основополагающие принципы национальной поэзии и этнопоэтики, предопределившие стилевые направления всей якутской поэзии XX века. Лирика Алампы отличается поиском новаторских тем и жанровых форм. Он одним из первых ввел силлабический стих в якутскую литературу, но в то же время он считается основоположником свободного стиха. Софронов также создал на основе фольклора национальную жанровую систему якутской поэзии и обогатил ее разнообразием оригинальных и заимствованных поэтических форм.

Суть поэтического творчества Алампы сводится к исследованию человека, его сущности и места на земле. В его поэзии ярко отразился, открылся характер, менталитет якутской нации, но он, как великий писатель, не ог-

раничился рамками своей национальной тематики, а шагнул дальше, переосмысливая вечные вопросы, волновавшие человечество во все времена. Поэт остро поставил ряд кардинальных для человечества тем и проблем, в том числе психологические и нравственные, которые актуальны во все времена.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: "Настоящие писатели и настоящие поэты, которые оставили след в истории нашей литературы, всегда в той или иной мере шли против течения. Пророк не может идти по течению, иначе он превращается просто в лодочника, который гребет в ту сторону, куда легче плыть. У пророка всегда должно присутствовать мужество, в том числе идти против течения, возвещая Божию правду" [2]. Алампа, как настоящий поэт, писал для всего народа и его лирика проникнута, прежде всего, четко выраженной гражданственностью и правдивостью. В его поэзии отразились не только личные переживания писателя, но также и жизнь народа в переломный момент эпохи. В то время, когда в зарождавшейся советской литературе главенствовали принципы классовости, революционной непримиримости, поэт нашел в себе силы смело выразить свою позицию и отразить в творчестве потрясающе правдивую картину своего времени. Его стихи "Колыбельная" (1921), "Заключенный" (1923), "Тоска по Оросину" (1924), "Отзвуки течения жизни" (1925) – это документальные свидетельства о трагической судьбе демократической интеллигенции. Болея за всех: и красных, и белых, – Алампа, прежде всего, видел в них сыновей единой России и скорбел по тем и другим. Когда повсеместно шел процесс формирования новой эстетической концепции, принципа социалистического реализма, Софронов, как летописец, правдиво изобразил жестокую реальность жизни. Он интуитивно ощущал драматизм и катастрофизм данного отрезка исторического развития, предчувствуя хрупкость новой власти, основанной на насилии.

Писатель придерживался концептуальных принципов справедливости и полноты художественного отражения исторической судьбы народа, за которые впоследствии расплатился сполна. Алампа стал одной из первых жертв тоталитарного режима в Якутии и разделил печальную участь писателей своего поколения, произведения которых не уложились в прокрустово ложе политической идеологии. В 1927 г. поэт был необоснованно обвинен в контрреволюционном заговоре и сослан за пределы республики. Более пяти лет писатель провел в тюрьме и ссылке за пределами республики. За годы заключения не переставал заниматься творческой работой, написал свои лучшие поэмы, в которых он предстает как сильная и цельная натура, не потерявшая твердого духа. Таким образом, в трагической фигуре Анемподиста Софронова мы видим драматизм судьбы творца в эпоху тоталитарного строя.

Феномен Софронова заключается в том, что интерес к его творчеству не только не ослабевает, но со временем всё более возрастает. Анемподист Софронов, как крупная индивидуальность, в силу своего яркого таланта еще при жизни был признан народом корифеем якутского художественного слова. Кристально честная, искренняя поэзия Алампы, воплощающая в себе идею справедливости, личное мужество, любовь и преданность народу стали мерилом нравственности для нескольких поколений в борьбе против насилия, произвола, невежества и других пороков общества.

Софронову удалось сделать удивительную вещь: в его лице зарождающаяся якутская литература за полтора десятка лет прошла путь, который проходят развитые литературы на протяжении целого столетия. Писатель по широте мировоззрения и многоаспектности всей своей литературной деятельности, цель которой была основа-ние национальной литературы, предстает выдающимся деятелем российской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башарин Г. П. Анемподист Иванович Софронов. (Жизнь и творчество). Якутск: Якуткнигоиздат, 1969. 64 с.
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Палаты почитателей Патриаршей литературной премии [Электронный ресурс]: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2200726.html> (дата обращения: 23.04.2018).
3. Софронов А. И. Сочинения: в 4-х т. Якутск: Бичик, 2011. Т. 4: Переводы, произведения, статьи, документы. 480 с.
4. Турбина Л. Н. Максим Богданович – литературный критик / Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты / отв. ред. К. К. Султанов. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 186–198.

ОБРАЗ МАНЧАРЫ В ДРАМАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В.В. НИКИФОРОВА И А.И. СОФРОНОВА

THE IMAGE OF MANCHARY IN DRAMAS OF THE FOUNDERS OF THE YAKUT LITERATURE V.V. NIKIFOROV AND A.I. SOFRONOV

V. Semenova

Annotation

The article considers the life and work of Anempodist Sofronov, an outstanding social and cultural figure and a founder of Yakut literature. It is determined that many basic principles of national literature and ethno-poetics were created by the writer, which predetermined the stylistic directions of Yakut literature in the 20th century. The phenomenon of A.I. Sofronov lies in the fact that due to his creative work, it took fifteen years for the emerging Yakut literature to pass the path which took more developed literatures a whole century to go through. It is established that interest in his work is not only not weakening, but only increases more with the time.

Keywords: Yakut literature, A.I. Sofronov, founder, drama, prose, lyric poetry, phenomenon.

Семенова Валентина Григорьевна
К.ф.н., доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет, Якутск

Аннотация

Цель настоящей работы – выявление особенностей создания образа национального героя якутского народа Манчары в творчестве основоположников якутской литературы В. В. Никифорова и А. И. Софронова. В результате сравнительно-сопоставительного анализа определено, что в своих произведениях первые драматурги осветили личность Манчары согласно своей концепции видения мира. Так, образ Манчары в социально-романтической драме Василия Никифорова предстает как концепт воплощения либерально-демократических взглядов автора, основанных на идее защиты прав человека и свободы личности. Установлено, что в романтической драме философа, зачинателя якутской поэзии Анемподиста Софронова был воссоздан яркий лирический образ легендарного героя, в котором органично проявились духовные устремления и идеал якутского народа.

Ключевые слова:

Якутская драматургия, В.В. Никифоров, А. И. Софронов, романтическая драма, герой, Манчары.

Зарождение якутской драматургии было обусловлено судьбоносными событиями начала XX в. и связанными с ними изменениями в общественно-политической и культурно-экономической жизни якутского народа. В формировании традиций драматургических жанров молодой литературы особую роль сыграло также творчество классиков русской литературы, характерными чертами которой явились демократизм и гуманизм. Сама драматическая напряженность эпохи привела первых драматургов Василия Никифорова и Анемподиста Софронова к созданию пьес, показывающих тяжелое положение, бесправие и обездоленность родного народа. Таким образом, ведущим жанром якутской драматургии с самого начала стала драма.

Известно, что крупные драматические произведения чаще всего создаются в периоды наибольшего подъема общественной жизни: "Драматическая напряженность эпохи, сама действительность, значительность ее социального содержания подготавливает художнику грандиозный материал, обнаруживает в своих обостренных кон-

фликтах источники напряженных и драматических столкновений, обнажает через новые повороты истории свою истинную сущность" [1, с. 9]. Сама жизнь, драматичность эпохи, усиление противоречий времени требовали развития драматического жанра.

В определениях драмы исследователи всегда подчеркивают ее реальные границы, внутри которых она исторически расположилась. Так, В. М. Жирмунский отмечает: "Драма изображает преимущественно жизнь средних классов в бытовом окружении, в современном и реальном общественном опосредовании. И как в реальной жизни печальное и смешное смешиваются, так и драма представляет тот жанр, который приходит на смену трагедии и комедии, где печальное и смешное резко противопоставлены друг другу" [3, с. 400]. Н. И. Ищук-Фадеевой дано следующее определение жанра: "Драма – тип драматического произведения, стремящийся примирить крайности трагедии и комедии, сосредоточившись на изображении частной жизни т. н. "среднего человека" и, тем самым, воссоздавая мир, исполненный страданий,

которые преодолеваются, и проблем, поддающихся решению" [7, с. 62]. В определении исследователей наряду с другими отличительными признаками жанра как изображение частной жизни человека, стремление к нивелированию границ, подчеркиваются реалистическое начало, социальная обусловленность действия, преодоление его участниками противоречивой ситуации.

Для неграмотного, отсталого народа, каким являлось в то время все население области, драма была единственно доступной формой литературы, к которой они могли бы приобщиться. В восприятии населением драмы сыграл большую роль тот факт, что для его распространения не требовались ни полиграфическая база, ни грамотность зрителя. Великий русский драматург А. Н. Островский полагал, что национальный театр должен создаваться для демократических слоев населения: "Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии – для всего народа; драматические писатели должны всегда это помнить, они должны быть ясны и сильны" [8, с. 123].

В 1907–1908 гг. на страницах первых общественно-политических изданий на якутском языке "Якутский край – Саха дойдута", "Якутская жизнь – Саха оло?о" (1907–1908) была напечатана первая драма на якутском языке "Манчары" (1906), написанная на основе народного предания о легендарном герое якутского народа. Автором социально-романтической драмы был известный общественный деятель, лидер национально-освободительного движения якутов В. В. Никифоров. Это было первое в якутской литературе драматическое произведение, увидевшее свет при цензурных послаблениях под воздействием революции 1905–1907 гг., где автор вкладывал в уста героя свои сокровенные мысли, философские взгляды и политические убеждения.

История создания пьесы В. В. Никифорова была связана с общественно-политической деятельностью самого автора. Произведение было написано в 1906 г. во время его заключения по делу "Союза якутов". Как вспоминает сам драматург, попав в тюрьму, он захотел написать письмо, адресованное народу, с целью рассказать о задачах союза, пояснить мотивы своих действий. Но подумав, что письмо не дойдет до народа в силу его необразованности, решил написать пьесу. В статье "Почему и каким образом писалась пьеса "Манчары" Василий Никифоров отметил: "Из-за тяжелых условий жизни, притеснений и угнетения местных тойонов, нежелания царской администрации распространить культуру и образование среди местного населения возмущение якутов в то время достигло предела. Потому и был организован "Союз якутов". ...Некоторые наши товарищи, совсем недавно осуждавшие произвол местных властей, поклявшиеся бороться за счастье народа, испугались угрозы властей и

отказались от дальнейшей борьбы. И я захотел рассказать правду, открыть глаза народу. Узнав, что нахожусь в тюрьме в камере, где в свое время находился задержанный Манчары, решил вложить в его уста свои общественно-политические убеждения и насущные проблемы времени" [6, с. 377–378]. Таким образом, по замыслу автора, образ Манчары, героя-борца за справедливость и свободу, предстал в драме как концепт воплощения его либерально-демократических взглядов, основанных на идеях защиты прав человека и свободы личности.

Романтическая драма в стихах "Манчары" была написана талантливым драматургом и поэтом Анемподистом Софроновым в 1920 г. В "Пояснениях от автора" писатель написал историю создания пьесы. Из нее видно, что Софронов тщательно изучил фольклорные материалы и художественные произведения о легендарном разбойнике – поэму М. Александрова "Манчары", пьесу В. Никифорова "Разбойник Манчары". Но автор признается, что литературным источником его драмы послужил художественный очерк А. Е. Кулаковского, написанный на основе якутских преданий, собранных самим фольклористом. Софронов для дополнительного сбора материала побывал на родине Манчары в Мегино-Кангаласском улусе, где встретился со старожилами. Примечательно, что автор в пояснениях к драме дал развернутый поэтический портрет героя, предназначенный для читателя.

В вопросах постановки проблемы социальных противоречий в обществе произведение Софронова переключается с творением Никифорова.

В произведении Василия Никифорова, несомненно имеющем народно-демократическую направленность, впервые в якутской литературе были подняты проблемы социального неравенства, протеста против угнетения, выражающие антиколониальные и демократические настроения народа, вызванные первой русской революцией. Пьесе характерен ярко выраженный гражданский пафос, сочетающийся с духом протеста против классового угнетения. Конфликт носит определенный классовый характер, основанный на столкновении непримиримых сил: народного заступника, бунтаря Манчары и его дяди Чочо, олицетворяющего собой эксплуатирующий класс.

В первом действии автор сообщает мотив противостояния героя с богачом Чочо. Мать Манчары передает сыну недовольство дяди его поведением. Чочо не нравился свободолюбивый характер племянника, его увлечение состязаниями, веселыми играми. Автор подчеркивает в своем герое его бунтарскую натуру. Он в свою очередь на основе детских воспоминаний разоблачает богача, не поддержавшего их в трудные годы, возмущается его противоправными действиями, как притеснение и угнетение бедняков, присвоение имущества и земли сирот. Манчары отвечает матери: "Солнце светит не для одних

богачей, земные блага предназначены не только для них" [4, с. 6]. Манчары в своем стихийном протесте против несправедливости взламывает амбар Чочо, убивает его породистого жеребца. Таким образом, автор показывает, как личный конфликт постепенно прирастает в социальный конфликт.

Драма Анемподиста Софронова основана на фольклоризме, образ главного персонажа устных преданий показан согласно эпическому мышлению, героем, воплощающим в себе лучшие свойства национального характера как свободолюбие, доброта, терпение, благородство, честность. Смысл жизни для героя – противостоять невзгодам, обстоятельствам и найти свой путь. Вкрапление автором реальных исторических фактов в сюжетную канву текста, создание национального характера, использование этнографических деталей придает драме отчетливую национальную колоритность, способствующую к поэтическому проникновению в сущность национального духа.

Софроновский Манчары, герой романтической драмы в стихах, показан как лирический герой, ищущий смысл жизни. Он не бунтарь-одиночка и благородный разбойник, а безвинно пострадавший человек с несчастливой судьбой и тонкой поэтической душой. Если конфликт Манчары с Чочо у Никифорова основан на противоположности социально-классовых интересов, то у софроновского Манчары – социальный, личностный конфликт. Богач Чочо невзлюбил Манчары из-за чувства зависти и соперничества: тщеславному, властолюбивому богачу не нравится своевольный, умный племянник, ставший всеобщим любимцем. За небольшую провинность богач Чочо посадил юношу в тюрьму. С этого начинаются злоключения Манчары. Вначале молодой человек надеется найти правду. Когда узнает о вероломстве дяди и убеждается, что "справедливость победили деньги", клянется отомстить. Герой в самом начале полон желаний отомстить своему обидчику, сломавшему ему жизнь, об этом он, будучи в преклонном возрасте рассказывает князю Ивану: "Однажды случайно увидев Чочо в лесу, захотел расквитаться с ним. Но прицелившись в него, вдруг подумал, что если убью живого человека, то совершу большой грех перед богом. После этого я перестал обращать внимания на него" [9, с. 267]. Но все равно, отпустив ситуацию с Чочо, в поисках счастья и смысла жизни Манчары и дальше совершает ошибки, переживает драмы, проходит сложные жизненные испытания, вызывающие рефлексии его души. Таким образом, социальный конфликт постепенно уступает место нравственному.

Произведение Василия Никифорова обладает всеми признаками социально-романтической драмы. Основное внимание автора сосредоточено на раскрытии внутреннего мира своего героя, его конфликта с обществом. Манчары у Кюлюмнюра – бунтарь-одиночка. В образах

его приятелей – батраков Коневода Федора, Тэллэй Гаврила и Кыданныр Дмитрия автор показал напуганный вечной кабалой народ, разум которого еще не проснулся для свершения подвига. Герой одинок в своем протесте против среды и обстоятельств: напуганный байскими угрозамы народ его борьбу не понимает и не поддерживает. Исследователями отмечено, что "поведение романтического героя также свидетельство его исключительности, часто оно "не вписывается" в общепринятые нормы и нарушает условные "правила жизни", по которым живут все остальные персонажи. Он формируется словно бы "вопреки среде", хотя его протест, сарказм или скепсис рождены именно конфликтом с окружающими, то есть в какой-то степени обусловлены обществом" [2, с. 318].

Смысл жизни для героя – противостоять злу и насилию угнетателей, бороться за справедливость. Манчары нарисован как мужественный человек, с высокой нравственностью и высокими идеалами. Стихийный бунт Манчары подавлен, но герой не сломлен. Сам Манчары хорошо понимает цену своих поступков, смысл и прожитой им жизни и уверен, что будущее поколения будут слагать песни о нем. В кульминации произведения – в заключительном монологе перед отправкой в тюрьму он разоблачает существующие порядки, основанные на социальных противоречиях и несправедливости: "Я один боролся за народ. Но они сами подставили меня. Пока их разум спит. Но солнце светит не только тойонам, но и всем... Верю, что настанет время, когда проснется темный народ и разобьет оковы рабства. Тогда мое имя станет героем преданий и песен!" [5, с. 6]. Монолог героя, насыщенный эмоциональностью и экспрессивностью, содержит "смысловый контекст" произведения. В нем отразились сокровенные мысли и убеждения автора, идея его борьбы против колониально-самодержавного строя империи.

Если Василий Никифоров поставил перед собой задачу отразить в социально-романтической драме социально-политические проблемы своего времени, то в романтической драме Софронова социальная проблематика не стоит во главу угла, он преследовал совсем иные задачи. Когда сама новая жизнь потребовала социальной активности, писатель отошел от актуальных тем времени и написал произведение о простых истинах, поиске земного счастья. В приоритетах у писателя – нравственный аспект вопроса, возвышенные чувства, простое человеческое счастье.

Манчары Никифорова отличается заданным характером, он с самого начала сильная личность со стальной волей, понимающая противоречивость классовых отношений. Образ Манчары у Софронова подается в динамике. Писатель показывает становление личности своего героя – от доверчивого, наивного юноши с чуткой и нежной душой до умудренного жизненным опытом почтенного старца.

Романтическая драма Софронова отличается лиризмом, в нем ярко выразился поэтический талант автора. Так, драма "Манчары" является первой в якутской литературе драмой в стихах. Манчары показан в драме открытым, любящим человеком, способным на глубокие чувства. В поисках счастья и любви уводит из богатой семьи молодую девушку Феодосию Зелень. С красавицей он проводит всего одну зиму, за которую женщина сумела полюбить героя за его доброту, духовную цельность и богатство души. Феодосия готова уйти за ним на край света, но Манчары понимает тщетность мечтаний. Для усиления драматической напряженности автор передает чувства и переживания героя в песнях, обращенных другу Степану и любимой женщине.

Имя Манчары в фольклоре тесно связано с темой свободы личности и любви к Родине. Как правило, герои-борцы, стремящиеся к личной или демократической свободе, одиноки и обречены на гибель. Но Софронов показывает Манчары человеком с сильной волей и несомненным духом, он подчеркивает твердый характер, терпение и благородство героя, не пролившего капли крови людской. В конце произведения Манчары мужественно преодолел тяжесть выпавших на его долю жизненных испытаний, опираясь на нравственные ценности народа, возрождается к жизни. Перед смертью он признается тестю: "Я рад, что испил из чаши счастья свою долю, душою доволен, сердцем рад" [9, с. 269]. В финале драмы он завершает свою жизнь в окружении любимой жены и детей, почитающих его жителей наслега. Герой находит смысл жизни, человеческое счастье не в поисках свободы, не в

любви к женщине и родине, а в семье. Писатель видит назначение человека, смысл его жизни в мирной счастливой жизни в кругу семьи, в удовлетворении его насущных потребностей и размножении рода, что соответствует народным представлениям о счастье.

Таким образом, в вольнолюбивой личности национального героя Манчары, борца за справедливость и свободу, первые драматурги воплотили свои идеалы и человеческие устремления, осветили его образ согласно своей концепции видения мира. Каждый стремился к созданию образа легендарного героя, в котором органично слились духовные искания и социальные интересы народа.

Произведение Василия Никифорова, известного общественно-политического деятеля, лидера национально-освободительного движения, имеет ярко выраженную социально-классовую проблематику. Образ Манчары, героя-борца за справедливость и свободу, предстает в его драме как концепт воплощения либерально-демократических взглядов автора, основанных на идеях защиты прав человека и свободы личности.

Философ, зачинатель якутской лирики Анемподист Софронов воссоздал в своей драме яркий лирический образ легендарного героя, в котором органично проявились духовные устремления и идеал народа. В образе Манчары нашли яркое выражение черты национального характера. Писатель в своем произведении воплотил народные представления о счастье, человеческом предназначении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояджиев Г. Великий реформатор комедии /Жан Батист Мольер. Комедии. Москва: Рипол классик, 1997. 944 с.
2. Введение в литературоведение: учеб. для вузов / общ. ред. Л. М. Крупчанов. М.: Издательство Оникс, 2009. 416 с.
3. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: курс лекций. М.: Ленанд, 2016. – 464 с.
4. Никифоров В. В. Разбойник Манчары // Якутский край. 1907. №15. С.5–6.
5. Никифоров В. В. Разбойник Манчары // Якутская жизнь. 1908. №31–32. С.6.
6. Никифоров В. В. Солнце светит всем: статьи, письма, произведения. Якутск: Бичик, 2001. 568 с.
7. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
8. Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т.12. 390 с.
9. Софронов А. И. Сочинения: в 4-х т. Якутск: Бичик, 2008. Т.3: Драмы. 544 с.

© В.Г. Семенова, (semenova_ykt@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

НОРА: РЕВОЛЮЦИЯ КАК СИМУЛЯКР. К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ "ВТОРИЧНОЙ ДРАМЫ" Э. ЕЛИНЕК

Сиволобова Ирина Андреевна
Аспирант,
Тюменский государственный
университет

NORA: REVOLUTION AS A SIMULACRUM.
ON THE ISSUE OF GENRE FEATURES
OF E. JELINEK'S "SECONDARY DRAMA"

I. Sivolobova

Annotation

The article deals with the genre features of "secondary drama" ("Sekundardrama") of Elfrida Jelinek on the example of the play "What Happened after Nora Left Her Husband; or Pillars of Society" as well as with the phenomenon of impossibility of both female and personal revolution in the context of gender and economic limiting factors. The structure of the "secondary drama", in which the "original" is framed by a work based on it, reinforces the parallel between two female characters. Hence, we can see the contrast between Nora by H. Ibsen, who goes from being locked up in an illusory happy family theater to a free woman, thereby making a revolution, and "new" Nora, who veers within a closed set of pre-existing roles offered to her by a patriarchal society.

Keywords: E. Jelinek, Austrian literature, postdramatic theatre, Sekundardrama, gender.

Аннотация

В работе рассмотрены жанровые особенности "вторичной драмы" ("Sekundardrama") Эльфриды Елинек на примере пьесы "Что случилось после того, как Нора оставила своего мужа, или Столпы общества", а также феномен невозможности как женской, так и в целом личностной революции в контексте гендерных и экономических факторов сдерживания. Структура "вторичной драмы", в которой "оригинал" обрамляется основанным на нем произведением, усиливает параллель между двумя героинями. Отсюда становится очевидным контраст между Норой Г. Ибсена, которая проходит путь от куклы, запертой в иллюзорно счастливом семейном театре, до свободной женщины, тем самым производя революцию, и "новой" Норой, которая лавирует между замкнутым набором из заранее существующих ролей, предложенных для нее патриархально устроенным обществом.

Ключевые слова:

Э. Елинек, австрийская литература, постдраматика, вторичная драма, гендер.

Э. Елинек известна российскому читателю во многом благодаря деятельности А.В. Белобратова, переводчика её текстов и члена научного совета и международного комитета Исследовательского Центра Э.Елинек (*Wissenschaftlicher Beirat / Internationales Forschungsgremium Elfriede Jelinek-Forschungszentrum*). Исследовательский интерес отечественных германистов связан в основном с эстетикой разрушения тривиальных мифов массового сознания в текстах писательницы, а также вопросом взаимосвязи языка и гендера (работы Т. В. Акашевой, Г. В. Кучумовой, Е. В. Соколовой).

Творчество Елинек имеет огромное значение, в первую очередь, в контакте полемики, разворачивающейся в последние годы вокруг театра. Её высказывания в духе "Ich will kein Theater" [9], "Machen Sie was Sie wollen" [10] становились осью для интердисциплинарных дискуссий в отношении современного театрального искусства. После окончания публикации романа "Neid", работа над которым шла с 2007 по 2008 г., Елинек не опубликовала ни одного прозаического текста, зато эссе и театральные

тексты появляются на её странице регулярно (последний "Das Licht im Kasten", 2017 г.). Какие-то выводы о глобальных тенденциях в творчестве ныне живущей писательницы делать рано. Однако очевидно, что театральные тексты Елинек имеют наряду с эпическими огромное значение что эстетики писательницы. Интерес отечественных исследователей связан в первую очередь с романами писательницы, в то же время пьесы изучены мало. Мы попытаемся восполнить эту лакуну, рассмотрев текст первой драмы Елинек "Что случилось после того, как Нора покинула мужа или Столпы общества" (1977 г.) и выявить её своеобразие.

Театральные тексты Елинек принято рассматривать в контексте постдраматики. Термин этот был введен немецким театроведом Х.-Т.Леманом. В книге "Постдраматический театр" (1999 г.) Леман называет Елинек в числе авторов, родственных постдраматической парадигме [Леман, стр. 40]. Комплексное и сложное понятие "постдраматика" описывает современный, "постбрежтовский" театр с 70-х годов, который по сути своей на-

прямую вступает в конфликт с классическим понятием драмы. Среди основных особенностей постдраматического текста выделяют: "отказ от драматического действия, от интриги, конфликта" и "обособление языка" [Шевченко, стр. 131]. Язык в текстах современных драматургов получает автономность. В текстах Елинек не только в полной мере отражаются характерные особенности постдраматического театра, она сама выступает во многом в качестве реформатора театра. Так, широкое распространение получил в теории постдраматики термин "языковых полей" (Textfläche), который пришел на смену традиционному диалогу [Шевченко, стр. 132].

Еще одним нововведением Елинек становится жанр "вторичной драмы". Елинек создает на основе классического первоисточника текст, особенность этого жанра состоит в способе реализации: новый текст должен "подвывать классикам" ("klaffend neben den Klassikern herlaufen") [Jelinek 2010 эл.ресурс], ставится вместе с текстом-первоосновой. К "вторичным драмам" Елинек относит: "Abraumhalde" (2009) и FaustIn and out (2011), которые являются переработками к текстам Лессинга "Натан Мудрый" и Гёте "Фауст".

Наличие первоосновы вообще характерно для большинства текстов Елинек. Главная героиня текста Елинек в начале пьесы произносит "Я – Нора из одноименной пьесы Ибсена" [Елинек, стр. 5]. Текст первой драмы Елинек основан на двух пьесах Г.Ибсена "Кукольный домик" и "Столпы общества".

Написанная в 1887 г. драма Ибсена была воспринята современниками как радикальный "манифест "феминизма"" [Адмони, 160]. Главная героиня драмы – Нора Хельмер совершает для того времени практически немислимый шаг: она уходит из дома оставляя мужа и детей. Предпосылками к такому решению является сомнение героини в справедливости общественного закона и кризис личностной самоидентификации, для которой образ "кукольного домика" становится квинтэссенцией самоощущения.

Действие пьесы Елинек переносится в 30-е годы XX в. Нора находится в поисках средств к существованию и устраиваясь на работу сообщает: "Im Augenblick fluchte ich aus einer verwirrten Gemutslage in einen Beruf" [Jelinek, 2015, стр. 9]. "Бегство" ("Flucht") является центральным мотивом для пьесы, оно отражает характер "развития" сюжета, где Нора сбегает из сцены в сцену, как бы совершая прыжки во времени ("Детали костюмов, однако, могут указывать на присутствующие в пьесе "прыжки во времени": прежде всего в будущее") [Елинек, 4]. В каждой новой сцене Нора меняет свои социальные роли и установки, превращаясь в "жену, мать, работницу, проститутку, любовницу, бизнес-вумен" [S. Perthold, цит. по

M.Sander, стр. 37]. В первой сцене, к примеру, Нора озвучивает лозунги эмансипации, которые не находят отклика у традиционалистски настроенных работников фабрики. Но уже в следующей сцене героиня выражает антифеминистские идеи, рассчитывая на собственные выгоды. "Нора. [Секретарше] Почему же тогда вы выглядите не так, как должна выглядеть женщина? Почему вы не улыбаетесь? Почему вы так серьезны?" [Елинек, 6].

Эту линию идеологических перевоплощений поддерживают образы концерта, маски, нарочитой театральности (например, в сцене общения Норы с Консулом, где она театральнo комментирует свои действия). Эта многоликость героя приводит к расщеплению целостного образа персонажа и является одной из установок постмодернистской поэтики [Котелевская, стр. 27]. Феминистские установки Норы, по сути, носят симулякративный характер, в обществе тотального потребления, в котором все "профанируется" и приобретает свойство потребляемой вещи" [Кучумова 2009, стр. 498], даже "феминизм" становится разменной монетой.

Впрочем, "многоликость" характеризует не только Нору, но и её мужа Торвальда. Он то нарочито демонстрирует свою мускулиность при жене (упоминая пистолет), то "по-женски" заискивает перед консулом Вейгангом, в образе которого символически выражается "власть капитала". Симулякративный характер гендерного разделения проявляется и в последней главе. Нора явно озабочена "мужскими" делами предприятия, которое она получила от консула, но при этом старательно играет роль жены, как требует того буржуазный порядок. В этой же сцене очевидна экономическая безграмотность Торвальда, который, боится грядущих социально-экономических перемен, и стремится обезопасить себя "женским" локусом – домом. "И я часто смотрю в даль, Нора! Однако то, что я вижу, пугает меня настолько, что я предпочитаю остаться здесь, в нашем уютном доме..." [Елинек, 75]. Еще одним методом разрушения мифа о патриархальности становится садомазхистская игра между Хельмером и Норой. Такими средствами Елинек "ниспровергает авторитет мужчины как главное табу фаллоцентрического мира" [Кучумова 2010, стр. 178].

Подведем итоги. Вторичная драма Елинек вступает в диалог с первоосновой, текстом Ибсена, и деконструирует "счастливый" финал пьесы, в котором Нора избавляется от оков "кукольного дома". Елинек подхватывает основные мотивы пьесы Ибсена такие как эмансипация и личностная революция но дезавуирует их путём "забалтывания", составления коллажа из марксистского, патриархального и революционного дискурса (в тексте упоминается восстание 1923 г.). Финал пьесы, в котором Нора возвращается к мужу символизирует детерминированность социального устройства.

М. Зандер отмечает, что в тексте Елинек речь идет не столько о "женщине как о жертве", сколько о социально-политическом устройстве, в котором "власть капитала"

отказывает в праве на индивидуальность и солидарность и вынуждает женщину подстраиваться под рамки системы [M.Sander, стр. 36].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Генрик Ибсен: очерк творчества: 2-е изд., перераб. и доп. – Л.: Худож. лит., 1989. – 272 с.
2. Елинек Э. "Что случилось после того как Нора покинула мужа или Столпы общества"
3. Кучумова Г. В. "Подрывная" стратегия разрушения мифов в романах Елинек / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. Вып. 2 (4). Самара, 2009. С. 497–503.
4. Кучумова Г.В. Гендерные координаты австрийского романа 1980–2000. Гендерная проблематика в современной литературе: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. Литературоведения; Ред-кол.: Пахсарьян Н.Т. (отв. ред. и сост.), Соколова Е.В. (сост.) и др. – М., 2010. стр. 175–184.
5. Шевченко Е.Н. Постдраматический театр. Новый филологический вестник. 2011. No2(17) с.130–135.
6. Jelinek E. Anmerkung zum Sekundardrama. Эл. Ресурс режим доступа <http://www.elfriedejelinek.com/fsekundaer.htm>, дата обращения: 23.04.2018
7. Jelinek E. Was geschah nachdem Nora ihren Mann verlassen hatte oder Sturzen der Gesellschaften. E. Jelinek. Theaterstucke. Rowohlt Taschenbuchverlag, Reinberg bei Hamburg, 11 Auflage, 2015. S. 7–79
8. Sander M. Textherstellungsverfahren bei Elfriede Jelinek: das Beispiel "Totenauberg" / Margarete Sander. – Wurzburg: Konigshausen und Neumann, 1996, 209 S.
9. Симпозиум к 60-летию Елинек "Elfriede Jelinek: "ICH WILL KEIN THEATER" Mediale Überschreitungen", 2006 г.
10. Симпозиум "Machen Sie was Sie wollen!"Autoritat durchsetzen, absetzen und umsetzen", 2014 г.

© И.А. Сиволобова, (irinasivol@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Тюменский государственный университет

К ВОПРОСУ О "РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ" (РАССКАЗ И.А. БУНИНА "БОЖЬЕ ДРЕВО")

ON "THE RUSSIAN CHARACTER"
(GOD'S TREE by I.A. BUNIN)

M. Smelkovskaya

Annotation

The article is based on God's tree, a story by I.A. Bunin. It is dedicated to philosophical understanding of the Russian national character phenomenon, i.e., to ecclesiastical beginning in national self-consciousness. Use of real prototypes in Bunin's fiction allows creating the world artistic picture, in which deep philosophy can be seen in everyday routine of a Russian.

Keywords: I.A. Bunin; national character; national identity; prototype; transformation of real facts; creative transformation; artistic generalization.

Смелковская Марина Юрьевна

*Доцент, Старооскольский филиал
ФГАОУ ВО "Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет", г. Старый Оскол*

Аннотация

Статья посвящена философскому осмыслению феномена русского национального характера, а именно, истокам духовности в национальном самосознании, на материале рассказа "Божье дерево". Обращение к реальным прототипам в художественной практике Бунина позволяет автору создать художественную картину мира, в которой философская глубина проявляется в бытовых формах жизни русского человека.

Ключевые слова:

И.А. Бунин; национальный характер; национальное самосознание; прототип; трансформация реального факта; творческая трансформация; художественное обобщение.

В буниноведении 60-е и 70-е годы XX века являются периодом накопления фактов и общих оценок: изучение биографии И.А. Бунина, обзоры его творчества, общий анализ отдельных произведений (работы О. Михайлова [11], Н. Кучеровского [8] и др.).

В 80-е и 90-е годы XX века делаются попытки обобщить накопленный материал и обратиться к кардинальным проблемам творчества писателя: бунинская концепция человека (В. Линков) [9]; новаторский характер его реализма (Ю. Мальцев [10], Л. Колобаева [6]); философская концепция времени и пространства в его творчестве (Ю. Мальцев [10], Л. Смирнова [12] и др.).

При выборе комплексного подхода к вопросу "феномен русского национального характера в творчестве Бунина" наиболее интересными являются данные исследований буниноведов: Л.А. Смирновой [12], Ю.М. Мальцева [10], Г.М. Благасовой [3] и др.

Творчество последнего классика русской литературы поражает широтой и содержательностью общекультурного фона его творений. Однако основным вкладом Бунина в мировую и отечественную культуру явилось художественное воплощение "характера нации...", изображение, подводящее вплотную к загадке русской души.

Высокими духовными качествами русского человека И.А. Бунин любуется в рассказе "Божье дерево". Героя этого произведения писатель взял из реальной жизни. В.Н. Муромцева-Бунина вспоминала в 1912 году: "За лето мы подружились с караульщиками; записывали

сказки, поговорки, особенно отличался один, Яков Ефимович, его Иван Алексеевич взял в герои "Божьего древа", удивительный был склад его речи, почти вся она была рифмованна" [1, с. 412]. Сам И.А. Бунин сделал восторженную запись в дневнике 17 июня 1912 года: "Что за прелестный человек Яков, как приятно слушать его. Всем доволен" [2, т. 6, с. 347]. Посвятив в своём дневнике несколько зарисовок крестьянину, писатель на их основе создаёт самостоятельное произведение, отражающее многообразие русского характера. Писатель стремится постичь, осмыслить и художественно воплотить сущность этого разнообразия.

Как всегда, большое внимание Бунин уделяет портретной характеристике персонажа. Герой произведения Яков Демидыч Нечаев имел приятную наружность: "Посконная рубаха, такие же портки, на ногах лапти, – всё не новое, поношенное, но опрятное. Глаза живые, немного насмешливые и прищуренные, умудрённые наблюдательностью и житейским опытом, в соответствии с небольшой кое-где седеющей бородой, которая ещё курчавится и, видно, была когда-то чёрной. Но в звуке грудного голоса и во всей повадке есть в то же время что-то молодое, простодушное" [2, т. 4, с. 480]. Он сразу привлек внимание рассказчика своим "старинным, косолапым, крупным" говором, доброжелательностью, постоянно ровным расположением духа. Якову свойственно балагурить, посмеиваться над собой, над всем беззлобно, с лёгкой иронией. У него счастливая черта характера: всегда быть в весёлом расположении духа, его житейский взгляд

предельно прост: "Понурая голова и с рублём пропадает!" [2, т. 4, с. 482]. Оптимистический настрой души герой основывает испытанной народной мудростью: "День меркнет ночью, человек печалью" [2, т. 4, с. 484].

Бунин показывает, каким интересным и умелым рассказчиком был Яков, как талантливо он мог изобразить своих героев, смешно копировать их движения. Всё это он прodelывает с добрым юмором.

Писатель добивается конкретности и в передаче речевого колорита своего героя, он изображает не просто русского крестьянина, а орловского, воронежского, рязанского, так как ему необходимо это не просто как наблюдателю, а для того, чтобы уловить то "земное, телесное, мгновенное", являющееся важным и основным в человеческой жизни и психике.

Одной из главных черт этого простого крестьянина писатель по праву считает естественный, врождённый патриотизм: "Я так полагаю, лучше нашей державы во всём свете нету!" [2, т. 4, с. 483].

Отталкиваясь от прототипа и создавая художественный образ, Бунин проникает в глубины характера героя, раскрывает духовное богатство русского человека, свойственное ему чувство прекрасного, проявляющееся в поэтическом восприятии Яковом окружающего мира. Необъятность степей за Ельцом и Задонском вызывает его истинный восторг. Яков радуется буйству злаков и цветов. Особой любовью он окружает сады, которые сравнивает с благодатью. Себя Яков называет "божьем деревом", корнями ушедшим в землю, чувствует себя единым целым с миром, который его окружает. Ему свойственно тонкое чувство природы, умение понимать неповторимость ее и пользу, крестьянский труд доставляет ему удовольствие. Это поэт, способный видеть красоту мира и радоваться ей. Герой разделяет авторское восприятие природы: "Облака белоснежными зевсopodobными главами вставали из-за столетних берёз на валу, за ложиной всё великолепно. На припёке горячо и сладко пахли травы, цветы, крапива. В фруктовом саду, с блаженной беззаботностью, игриво и томно выводила свои флейтовые переливы иволга..." [2, т. 4, с. 484].

В рассказе проявляется удивительное знание Бунинским народной речи. В устах его героя она предстаёт во всём её богатстве и выразительности и отражает талантливое языкотворчество народа.

Бунинский герой обладает незаурядной памятью, которая смогла сохранить несметное количество поговорок, сказаний, задушевных и весёлых песен. Яков очень артистичен. Прекрасно копирует ярмарочных побирушек, умело, на сказочный лад рассказывает про Алексея Божьего человека.

Бунин рисует своего героя как своеобразного народного философа, который имеет своё собственное представление о Боге. С детских лет он усвоил истину о незыблемости миропорядка, данного Богом: "Нет, это вы глупо говорите. Это выходит, что и Бога нету? Кабы его не было, вся бы земля пропала" [2, т. 4, с. 493]. Он не против

нововведений, если очевидна их польза, но главным всё-таки считает заветы отцов и прадедов, связь поколений и накопленный ими опыт.

С целью развития сюжета и обострения конфликта Бунин включает в повествование рассказ о том, как сложилась личная жизнь Якова Демидыча. Нелёгкая судьба выпала на его долю, но никакого сожаления герой не высказывает, относясь ко всему философски. Из отцовского наследства досталось ему всего полторы десятины, однако он не стыдится своей бедности, искренне рад и этому, никому не завидует, никого не упрекает. Его жена-покойница, по его словам, была "бабой отменной". Он пережил и её, и семерых из девяти детей. Во втором браке не был счастлив, хотя хотел помочь одинокой дурочке-побирушке как-то устроить оседлую человеческую жизнь. Один его сын в солдатах, другой – "хромой, пьяница, сапожник". Рассказ Якова льётся просто, незатейливо, без озлобленности и недовольства, он верен своей житейской философии: "Так и живу, бояре хорошие...когда будем помирать, тогда будем горевать" [2, т. 4, с. 490].

Бунин подчёркивает, что одним из главных качеств характера героя является доброта. Она выплёскивается через край, когда он с благоговением созерцает красоты родной природы. Она сквозит и в его отношении к Аниске, кухаркиной дочке: когда он умиляется её сердечной дружкой со щенком, когда негодует на Анискиного нерадивого отца, позволяющего себе извергать грязную брань на собственного ребёнка. Яков великодушен, отзывчив, он остро чувствует несправедливость и стремится пресечь её.

Едиственная тема, к которой жизнелюбивый Яков совершенно равнодушен, – это тема смерти. На этот счёт у него своя "философия": разговоры о смерти, которая всё равно неизбежна и придёт в свой срок, на его взгляд, ненужные и лишние. Он не хочет даже думать о ней, когда вокруг кипит милая сердцу жизнь. Смысл жизни он представляет себе предельно просто: "А чтоб радость была" [2, т. 4, с. 494], то есть не в богатстве и удовольствиях. Он подсознательно чувствует, что материальный достаток – далеко не самое главное. Для него главным является радость бытия: жить в ладу с миром, с собой, и людьми, наслаждаться красотой и необъятностью родных просторов, радоваться каждому дню, дарованному судьбой.

Самая значительная по замыслу беседа автора с героем передана в последней главе. Яков Демидыч размышляет об "обюдности" нашего народа, под которой он понимает разноречивость народного характера. Он возмущён злобствующим отцом, не жапеющим собственного ребёнка, и в то же время с удовольствием говорит о пастухе, который несказанно рад тому, что с помощью увеличительного стекла может добыть огонь, а это для него сродни чуду. В один момент русского человека можно осудить за неблагоприятные поступки, но можно и восхититься его простодушием. Герой рассказа так объясняет наличие в народе грубости и злости: "Только, конеч-

но, нас учить надо!" [2, т. 4, с. 494]. И Бунин разделяет с Яковом эту точку зрения, что именно учить, преодолевая социальные, нравственные, бытовые недостатки и пороки. И тогда, возможно, "обоюдность" народная будет более склоняться к торжеству праведников и подвижников.

Восхищение крестьянином, встреченным на пути, по-

будило Бунина задуматься о характере русского человека, о народной мудрости. Впечатления переросли в прекрасный рассказ. Художественная интуиция писателя помогла увидеть, а талант выразить в его судьбе, душе, добром сердце лучшие стороны русского народного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муромцева-Бунина, В.Н. Беседы с памятью. Жизнь Бунина / В.Н. Муромцева-Бунина. – М.: Советский писатель, 1989. 507 с.
2. Бунин, И.А. Собрание сочинений в 6-ти томах / И.А. Бунина. – М.: Художественная литература, 1988. Т. 4. 477 с., Т. 6. 590с.
3. Благасова, Г.М. Иван Бунин: жизнь, творчество, проблемы метода и поэтика / Г.М. Благасова. – Москва – Белгород, 2001. –232с.
4. Карпов, И.П. Проза Ивана Бунина / И.П. Карпов. – М.: Флинта, Наука, 1999. –336с.
5. Карпенко, Г.Ю. Творчество И.А.Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков / Г.Ю. Карпенко. – Самара.: Издательство Самарской гуманитарной академии, 1998. – 69 с.
6. Колобаева, Л.А. Проза И.А.Бунина / Л.А. Колобаева. – М.: Издательство МГУ, 2000. –88с.
7. Кулешов, И.И. Мир бунинской прозы // И.А.Бунин. Избранное / И.И. Кулешов –Минск.: "Высшая школа", 1982. –285с.
8. Кучеровский, Н.М. И.А. Бунин и его проза (1887–1917) / Н.М. Кучеровский. – Тула.: Приокское книжное издательство, 1980. –319с.
9. Линков, В.Я. Мир и человек в творчестве Л.Толстого и И.Бунина / В.Я. Линков. – М.: Издательство МГУ, 1989. – 144 с.
10. Мальцев, Ю.В. Бунин / Ю.В. Мальцев. – М.: Посев, 1994. – 157 с.
11. Михайлов, О.Н. И.А. Бунин. Жизнь и творчество / О.Н. Михайлов. – Тула.: Приокское книжное издательство, 1987. –207 с.
12. Смирнова, Л.А. Грани взаимодействия жизни и прозы Ив. Бунина // Развитие лирической поэзии и её взаимодействие с прозой в русской литературе конца XVIII–начала XX века / Л.А. Смирнова. – М.: Просвещение, 1988. –124с.

© М.Ю. Смелковская, (smelkovskaya@bsu.edu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И СТРУКТУРА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАЧАЛА В ПРОЗЕ

GENRE CLASSIFICATION AND STRUCTURE OF DOCUMENTARY ORIGIN IN PROSE

Z. Chukueva

Annotation

In this article questions of the genre classification of the documentary principle in artistic prose are considered. Essay is the most active documentary and artistic category. This kind of prose of the Soviet era was exactly the fusion of documentary and artistic fiction and journalism. The strength and importance of journalism increased significantly during the war. This tendency allows us to say that confession is another important type of documentary-artistic types of narration. And, at the same time, the third type of documentary and fiction prose, which we designate as an independent branch is an essay. It is regarded as an animated-mental form of the narrative as well as other texts of the journalistic style (sketches, portraits, compositions, etc.).

Keywords: genre classification, confession, essay, portrait, sketches, memoir prose.

Чукуева Зарема Нажмутдиновна
К.филол.н., доцент,
Чеченский государственный
педагогический университет

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются повествования. Документально-художественными, по нашему мнению, вопросы жанровой классификации документального начала в художественной прозе. Очерк – самая активная документально-художественная категория. Такого рода проза советской поры являла собой именно сплав документально-художественной беллетристики и журналистики. Сила и значение публицистики значительно возросли в период войны. Данная тенденция позволяет судить о том, что еще одним важнейшим видом документально-художественных типов повествования является – исповедь. И, одновременно, третье, обозначаемое нами самостоятельное ответвление документально-художественной прозы – эссе – в достаточной степени причисляемое к одушевленно-мыслительной форме допустимо называть и другие тексты публицистического слога (зарисовки, портреты, композиции и др.).

Ключевые слова:

Жанровая классификация, исповедь, эссе, портрет, зарисовки, мемуарная проза.

На протяжении прошлого века актуальной остается проблема активного взаимодействия событийно-хроникальной литературы и публицистики с мемуаристикой. Вопрос относительного равновесия документального и художественного материала как в литературном, так и в документальном тексте широко обозначается в литературоведческих трудах, при этом дилемма "факт – или художественный образ" разрешается временами в пользу первого. Оба явления включаются иногда в системы, каковые не располагают в необходимой степени явными свойствами эпоса, лирики или драмы и очерчиваются в классических пособиях как "внеродовые формы". [1] Сбалансированность документального и художественного начал в тексте закономерно считать критерием определения жанровых разновидностей событийно-хроникальной прозы.

Воспроизведение в литературе поворотных моментов общественного бытия неминуемо вызывает видоизменение традиционных (преимущественно жанровых) конфигураций. В первой половине прошлого XX в. успешно созрели наиболее различные жанры отечественной литературы. Расстроилась прежняя определен-

ность жанровых рубежей, отдельные конфигурации начали взаимодействовать, пробуждая новейшие синтетические образования.

Преимущественно на устрашающие исторические события национального бытия отзывались такие подвижные, жанры, как очерк и публицистическая статья, адресованные к наиболее обширной читательской публике. Причем на рубеже 50 – 60-х годов XX в., как известно, большие эпические жанры отдавали предпочтение более скорым и быстрым малым – рассказу, повести, лирическому стихотворению.

Подчеркивая усиливающееся внимание к документальности, Л. Гинзбург свидетельствовала, что в 70-е годы стартует период, когда документальная литература не только ощущает воздействие литературы художественной, но и, собственно, проявляет на нее ощутимое влияние. При этом часты и активны эпизоды "мимикрии художественных жанров под документальные" [2, с. 298]. Во второй половине XX в. отчетливо наблюдаются отдельные жанровые преобразования, охватывающие просторное внедрение документалистики ("non-fiction"), "как "ау-

тентичного свидетельства" о жизни, в противовес обна- ружившему свое бессилие, устаревшему, лживому ис- кусству" [3, с. 87]; распространение признания непре- менно фрагментарных малых жанров, не преследующих единого освещения реального мира. Динамика анало- гичного рода влияния наиболее ясно наблюдается в со- бытийно-хроникальной прозе 1970 – 1990-х гг.: "за- метки на полях", "листки из записной книжки", "дневники", истинные или стилизованные, "неоконченные отрывки" из как бы неоконченных текстов и т.д. Эта тенденция ак- тивно проявляет себя и в северокавказской прозе.

В реальности конца прошлого – начала нынешнего веков проза по-другому, нежели прежде, взаимоотно- сится с журналистикой. Имеет место быть здесь жанро- вая публицистическая классификация, предпринимае- мая современным аналитиком Норой Букс. В числе не- малого количества журналистских жанров лишь три классифицируются ею в качестве информационных: за- метка, информация и репортаж; другие, в частности, очерк (все его типы: проблемный, портретный и др.), ста- тья, корреспонденция, интервью, письма (не письма чи- тателей, а открытое письмо, письмо-имитация частного авторского обращения), фельетон, памфлет, отчет, зарисовка и др. считаются ею жанрами публицистическими [4]. Таким образом, нацеленность в них происходит не на оповещение о факте, а на постижение его, анали- тическое сооружение на уровне осязаемой задачи. Тра- диционные учебные пособия по истории литературы [5] к "внеродовым" причисляют очерки, исповеди и эссе, ка- ковые мы находим самостоятельными собственно доку- ментально-художественными жанрами, вследствие превалирования в них документального воссоздания над художественным.

Начнем с самой активной документально-художест- венной категории, каковой можно считать очерк. Испол- няя миссию боевого средства на фронте, газетный очерк, озаряющий некоторые фрагменты военных дей- ствий, в то же время предназначался для постепенного сбора субстанции, необходимой в процессе формирова- ния произведений значительного размера. Нередко имела место конфигурация ретроспективного охвата международной советской политики, например, затра- гивающей взаимоотношения США и СССР (собственно настоящей тематике отдана большая часть произведе- ний подобного типа). Такая конфигурация разрешает сообщить явлениям былых времен коммуникативную новизну газетного уведомления.

По точному определению М. Горького, очерк нахо- дится где-то между исследованием и рассказом, он по- глощает в себя позитивные грани и художественной ли- тературы, и публицистики, а также становится вмести- тельным, всеохватным жанром.

В послереволюционной России советские писатели, взявшись за газетное продуцирование, существенно разнообразили и усугубили жанр очерка и публицистику в целом.

В этой области с поразительной творческой плото- ворностью трудились такие известные художники слова, как А. Толстой, И. Эренбург, Л. Леонов, М. Шолохов, К. Симонов, А. Фадеев, Вс. Вишневский, Н. Тихонов, А. Се- рафимович, Ф. Гладков, В. Гроссман, Б. Горбатов, Л. Со- болов, Б. Полевой, В. Кожевников, В. Ставский и многие другие писатели как старшего, так и младшего поколе- ний.

В 30-х гг. XX в. И.А. Бунин написал книгу "Освобож- дение Толстого", уже этим заявляя читателю и подтвер- ждая всем дальнейшим текстом, что у Алексея Толстого имелось личное "освобождение".

Есть у Ивана Алексеевича Бунина другое произведе- ние, которое еще больше и глубже рисует трагедию ре- волюции – "Окаянные дни", созданные в ходе революци- онных событий, в которых Иван Бунин защищает пози- цию настоящего гражданина России, осуждающего бра- тоубийственную войну, то есть гражданскую. Здесь Иван Бунин достигает самой высокой степени художествен- ности при условии наличия самой высокой фактогра- фичности. Проживая в Советской России, располагая ее социальными преимуществами, Толстой утверждал яко- бы некую духовную независимость от нового режима. Возможно, он сдержанно употреблял какие-то слова, вел себя как персона и как творец, весьма осторожно. На что были серьезные причины, – вчерашний дворянин, ставший советским писателем, стал одним из главных мишеней рааповцев, говоривших, что у него графское не только в психологии, но и чернильнице. Алексея Толсто- го, при этом надо бы сказать, что он был в большей при- вилегии по отношению к другим, в последствии рядом был с ним поставлен по котировке у идеологической службы разве что Максим Горький.

Очерк в национальной литературе Северного Кавка- за не испытал таких внутренних потрясений – идеологи кинули лозунг "социализм побеждает во всех сферах", "Пальто горянке" – вот и все. Других больших проблем редко когда ставила национальная публицистика, и если были таковые, то конфликты разрешались весьма ус- ловно: "Новое должно победить старое" ("Старое и но- вое", напр. Цуга Теучежа – поэтический очерк – репор- таж о новом времени).

Впоследствии в советской литературе тесно спаян- ными с активной публицистикой предстали также поры- вы художественного постижения сельской тематики, в частности, преимущественно деревенского очерка 50-х

годов. Деловое, чистосердечное обсуждение вопросов бытия, изначально присущее публицистике и настолько оказавшееся актуальным в момент обстоятельных общественных преобразований (каковыми была насыщена вторая половина 50-х гг.), что восстановил жанровое воздействие очерка на всю прозу. "Деревенский" очерк В. Овечкина, Е. Дороша, В. Тендрякова, С. Залыгина, В. Солоухина, А. Калинина, М. Жестева, Г. Бакланова и др. в первую очередь удовлетворял обозначившуюся потребность читателя к документальности, к факту, к неприкрытой выдумкой истине (под очерковую достоверность попала позже и художественная проза).

Показ значительных явлений в судьбах героев разрешало писателям обнаружить коллективно-востребованные тенденции существования, угаанные в подводном движении рядовой обыденности.

Очерки Ф. Гладкова, "Вдохновенные мастера", "Живой тон", "С огнем в душе", с достаточной уверенностью обнаруживали мощный, обязательный для советских граждан патриотизм персонажей. Такого рода проза советской поры являла собой именно сплав документально-художественной беллетристики и журналистики. Литература того периода в очередной раз удостоверила неустойчивость рубежей между непосредственно публицистическим и художественным постижением реальности.

Сила и значение публицистики значительно возросли в период войны. Характерный для того периода именно проблемный очерк традиционно насыщается сюжетом и располагает тоже известной композиционной структурой. В создаваемой в годы войны литературе неизменной остается констатация того, что авторы произведений являются журналистами, то есть участниками, очевидцами текущих военных событий, что демонстрирует стабильную направленность на документализм, на информационно-пояснительную суть изложения. Причем подобная методика предпочтения информирующей документализации имела место и в дореволюционной прозе. Л. Толстой, В. Слепцов, В. Короленко и др.

Надо иметь в виду и другую особенность литературы военного времени – призывный, подвижнический характер ее (М. Шолохов, А. Толстой, И. Эренбург, К. Симонов, да почти вся советская литература). Перед нею ставилась задача – звать солдата в бой, чтобы победить врага, выработать ненависть к фашистам. Очень важно это помнить, потому что, при всей правдивости, документальной достоверности, советские писатели не могли рисовать чудовищные картины боев, показывать как гибнут безоружные советские солдаты (особенно в первое время войны), ибо одна винтовка на десятерых и по пять патронов у каждого. И плюс еще постоянный голод (тоже в начале войны), когда на той стороне фронта враг пил горя-

чий кофе с шоколадом. У Михаила Шолохова два поразительно одинаковых (по структуре канвы сюжета) произведения – "Наука ненависти" (1941) и "Судьба человека" (газ. "Правда", 31 декабря 1956 г. и 1 января 1957 г.). В первом великий мастер раскрывает глубинные начала и сущность психологии человека всецело исключил из сюжета то, что касается психологии человека, но сосредоточил свое внимание на фактах, событиях, которые должны были вызвать у советских людей ненависть к фашистам и чувство патриотизма, любви к родной земле. Эти же проблемы М. Шолохов показывает в рассказе "Судьба человека", вскрывая потаенные основы человеческого поведения, психологизм личности высшей пробы, обновлявая гуманизм самой правдивой и объективной философией жизни, ставшей одновременно великой и неповторимо художественной прозой.

По статьям и очеркам (особенно военного периода) есть возможность просмотреть, как именно представитель миролюбивого, творческого производства делался профессиональным бойцом, как в сражениях с немцами укреплялся его нрав, как трансформировалась в пользу СССР ситуация на войне, близилось неприятельское поражение. Сила "мирных" фактов проявилась позднее в повести В. Распутина "Пожар" (1990), поэме А. Вознесенского "Ров" (1986), публицистической книге В. Астафьева "Всему свой час" (1985), когда в стремлении их к художественной наполненности строки сомневаются не доводится. Тогда в ракурсе документализации советской перестроечной прозы конца прошлого века представляется неслучайным и художественно обусловленным имеющееся у В. Распутина публицистическое завершение литературных его произведений. Жанровые признаки очерка, обладающие многообразными чертами, особенно заметно сказались, возможно, на созидательной деятельности В. Тендрякова и В. Солоухина, предопределив немалое число качеств их творений. Как говорит об этом современный исследователь Нора Букс, "Эта постоянно развивающаяся доминанта очерка явилась не последней причиной его перемещения в литературу, и так же, как в случае других жанров, журналистские признаки в нем сделались первичными, организующими. Отсюда в повести авторский монологизм, схематичность и заданность образов, директивность слова" [4, с. 217]. Намного более "одушевленной" и намного менее описательной, нежели очерк, можно находить иную модификацию документально-художественной прозы. Данная тенденция позволяет судить о том, что важнейшим видом документально-художественных типов повествования является – исповедь.

В данной жанровой разновидности художественной документалистики рассудок, преимущественно показывающийся беспорядочным, сумбурным, путаным словно захватывает сферу и завладевает окружающей средой.

В исповедальном ракурсе реальный мир предстает фактически окутанным путаницей исповедальных наблюдений. Возникает подобного рода жанровое образование непосредственно из исповедальности заметок, то есть из того, что струя, на каковую они нанизываются, это есть авторское понимание реальности и порой осязаемый им действительный тип. Примером исповеди можно считать официально обозначенную как очерк, но имеющую все исповедальные жанровые признаки повесть М. Шолохова со специфическим названием "Наука ненависти" (1942). Посредством одного из свидетелей немецких преступлений автор изображает, как поднимается жесточайшая злоба, а с ней и ненависть к противнику. Живописно рисуемый автором поток сознания такого ненавистника изливается, нужным образом (для той поры и для советской власти) упрочивая веру советских граждан в социализм и, вместе с тем, – их стремление к результату. "И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить, – сообщает персонаж очерка лейтенант Герасимов. – На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются..." [6]. Очерк М. Шолохова излагается как пламенная исповедь строгого, неторопливого, обожженного пламенем войны человека и гражданина, чья образная и типичная персонажная личность обнаруживается писателем в качестве олицетворения общенациональной правды и истины.

И, одновременно, третье, обозначаемое нами самостоятельное ответвление документально-художественной прозы – эссе – в достаточной степени причисляемое к одушевленно-мыслительной форме повествования. "Мысли, высказываемые в эссеистской форме, как правило, не претендуют на исчерпывающую трактовку предмета, они допускают возможность совсем иных суждений. Эссеистика тяготеет к синкретизму: начала собственно художественные здесь легко соединяются с публицистическими и философскими" [1, с. 421]. Осмысленная логичность повествования о минувшем дарует здесь зону действия своевольному изложению, – форме, которая покоряется течению писательской думы, ее причудливым измышлениям, капризной и выборочной фиксации внимания на определенных вопросах, темах, действиях.

Примечателен при этом перечисляемый Джоном Фаулзом в эссе "О мемуарах и сороках" (1983) список обожаемых томов, скопленных им в течение бытия: все они только лишь в жанрах "нон фикшн". Одновременно из отечественных произведений конца прошлого – начала нынешнего веков "Легендарная Ордынка" М. Ардова представляется неповторимой демонстрацией из оставшихся в памяти обломков былых времен, а порой выглядящий гармоничной коалицией всевозможных воспоминаний-миниатюр. Либо сборник воспоминаний-эссе А. Вознесенского "На виртуальном ветру" (1998) анало-

гично мозаично освещает и представляет некоторые действия и события общемировой цивилизации XX века, индивидуализированные в персонажных типах ее прославленных носителей (С. Рихтер, М. Шостакович, Б. Пастернак, Т. Грасс и др.).

Документально-художественными, по нашему мнению, допустимо называть и прочие тексты публицистического слога (зарисовки, портреты, композиции и др.). Особенно это относимо к таким, которые акцентируются на детализированных внешних отображениях и оставляют при этом душевную сферу персонажа. Нередко в основании публицистики того или иного рода покоится портрет того или иного человека. В эпосе Гомеру (как впоследствии в древнегреческих драмах) человеческое ощущение, добравшееся до пика эмоций, изображается также портретным образом и "крупным планом", приобретающая возвышенное звучание. Примером в данном случае можно считать завершающую главу "Илиады", где речь идет о скорби Приама, погребающего собственного сына Гектора. Это одно из самых проникновенных вхождений древней литературы в сферу человеческих страданий.

Описательная особенность классической русской прозы также совмещала в себе реалистические приемы и способы портретирования. Художественная эстетика Л. Толстого цементирует две изобразительные методики русской литературы. Первая употребляет традиционные приемы творческого сотворения безупречной конструкции мироздания, вторая располагает реалистическими приемами портретирования.

Жанр портрета подобен, но не идентичен также рассматриваемому нами далее мемуару: в мемуаре предметом художественного изучения обнаруживаются факты бытия автора, а также внешность самого повествователя, в литературном портрете жанровым объектом обнаруживается фигура одного из современников. В мемуаре превалируют "общие", а в портрете – "крупные" планы воссоздания.

Касающаяся реальных исторических биографий мемуарная проза обладает абсолютным достоверным происхождением, так как возникновение начальных в общемировой истории мемуарных заметок ассоциируют с цивилизацией Древнего Египта. Такого рода проза созревала как результат реалистического метода воспроизведения подлинного мира. В основании такого рода мемуаров находятся действия, подлинно случившиеся, а также лица, подлинно жившие. Невзирая на доскональную заинтересованность в мемуаристике разнообразных профессионалов и вне зависимости от значительного стажа, как в употреблении, так и в ее постижении, по сей день не существует окончательного научного оп-

ределения данного понятия, которое бы устраивало всех. Наиболее доскональное, по нашему мнению, определение данного понятия сформулировал А.Г. Тартаковский, преподнося мемуары "как повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора" [7, с. 312].

Таким образом, непосредственная, основанная на опыте специфика настоящего жанра, восстанавливающего минувшее полотно в его действительных признаках, предполагает нерушимое слияние с понятием "реализм". Данное положение видится немаловажным, но отнюдь не безусловным.

Стержневыми признаками литературы XX века в целом и документально-художественной прозы, в частности, явились трагизм, духовно-нравственные поиски, склонность к символическим и философским сочетаниям, напрямую внесенным в исторический ракурс с помощью привлечения в работу документа. Таким образом создаются подходящие обстоятельства для воплощения мемуарности как типичного события современной прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татаева, Р. Формирование жанров публицистики и рассказа в литературе Чечни в 20 – 40 гг. XX века [Электронный ресурс] / Р.Татаева // <http://samaralit.ru/?p=14417>.
2. Генис, А. Модернизм как стиль XX века [Текст] / А.Генис // Звезда. – 2000. – №11. – С. 36–38.
3. Поляков, М.Я. В мире идей и образов. Историческая поэтика и теория жанров [Текст] / М.Я. Поляков. – М.: Советский писатель, 1983. – 368 с.
4. Бровман, Г. Открытие нового или повторение пройденного [Текст] / Г.Бровман // Знамя. – 1969. – №3. – С. 219–228.
5. Тхоржевский, С. История и отдельная человеческая жизнь [Текст] / С.Тхоржевский // Звезда. – 2003. – № 9. – С. 206–209.
6. Кнабе, Г. Вторая память Мнемозины [Текст] / Г.Кнабе // Вопр. лит. – 2004. – №1. – С. 3–24.
7. Схаляхо, А. На пути творческого поиска [Текст] / А.Схаляхо. – Майкоп: ГУРИПП "Адыгея", 2002. – 400 с.
8. Федоров, В.С. Проблемы документалистики и развитие жанра документально-художественной прозы середины 70-х – начала 80-х гг.: Дисс. докт. филол. н. / В.С.Федоров. – СПб., 1991. – 234 с.
9. Явчуновский, Я.И. Документальные жанры. Образ, жанр, структура произведения [Текст] / Я.И.Явчуновский. – Изд-во Саратовского университета, 1974. – 232 с.
10. Шаizzo, К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах [Текст] / К.Г.Шаizzo. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – 240 с.
11. Саболчи, М. Споры вокруг документальной литературы [Текст] / М.Саболчи // Иностранная литература. – 1965. – № 4. – С. 211–214.
12. Пронин, В.А. Теория литературных жанров [Текст] / В.А.Пронин. – М.: Изд-во МГУП, 1999. – 196 с.

© З.Н. Чукуева, (turkdgp@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Чеченский государственный педагогический университет

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЛАКУНАРНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Юань Линьлин

Аспирант,

Российский государственный
педагогический университет

LEXICAL LAKUNARITY AS A REFLECTION OF THE NATIONAL CULTURAL SPECIFICITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Yuan Linlin

Annotation

The article substantiates the possibility of studying the Russian language as a foreign language on the basis of mastering the linguistic picture of the world reflected in the Russian equivalent-free vocabulary. A pilot study was conducted in which Russian speakers shared their associative responses to the inter-language Chinese-Russian lacunae. The similarity of associative reactions indicates the unity of the semantic content of the proposed lexemes among the native speakers of the Russian language, which gives grounds to speak of the connection between the equivalent vocabulary and the language picture of the world.

Keywords: lexical lacunarity, equivalent vocabulary, language picture of the world, Russian as a foreign language, national and cultural specificity of language.

Аннотация

В статье обосновывается возможность изучение русского языка как иностранного на базе освоение языковой картины мира отраженной в русской безэквивалентной лексике. Проведено пилотное исследование, в рамках которого носители русского языка делились своими ассоциативными реакциями на межязыковые китайско-русские лакуны. Схожесть ассоциативных реакций указывает на единство семантического содержания предложенных лексем у носителей русского языка, что дает основания говорить и о связи безэквивалентной лексики и языковой картины мира.

Ключевые слова:

Лексическая лакунарность, безэквивалентная лексика, языковая картина мира, русский язык как иностранный, национально-культурная специфика языка.

Как известно, для того, чтобы выучить русский язык, иностранные студенты должны очень близко познакомиться с русской культурой. Изучение чужой культуры – это открытие мира заново, иностранец должен перестроить или дополнить свою картину мира, он должен усвоить не только артикуляцию слова, но и весь тот опыт, который хранится в слове. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров пишут, что "слово, таким образом, выступает аккумулятором, хранителем человеческого опыта – как индивидуального, так и общего (последнего в несравненно большей степени, потому что усвоение языка проходит только в обществе). Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что слово (его лексическое понятие) – продукт познавательной (в частности, классифицирующей) деятельности человека" [1, с. 18]. Как же можно помочь иностранному студенту в усвоении этого огромного опыта?

Для начала определим, что же такое картина мира. Ю.Л. Вороников, подводя философские основания под понятия "картина мира" и "языковая картина мира", приводит слова М. Хайдеггера, который пишет: "Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой

картины" и далее "где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому соответственно хочет преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой" [2, с. 89]. Ю.Л. Вороников уточняет, что это обобщенное представление о мире и обо всем, что ему присуще, предстает как система, как моделирование мира (в семиотическом понимании этого слова).

Е.С. Кубрякова, определяя понятие "картина мира", тоже приходит к идее системы. Она определяет картину мира как сумму значений и представлений о мире, которые упорядочены в голове человека по самым разным основаниям и объединены в интегральную концептуальную систему [3]. Эта система знаний о мире помогает человеку ориентироваться в нем и накапливать новые знания. Языковая же картина мира, по Е.С. Кубряковой, – важная составная часть концептуальной модели мира. Продолжая мысль Кубряковой, Н.Н. Гончарова определяет языковую картину мира как ментально-лингвальное образование, репрезентирующее средствами языка информацию об окружающей действительности, которая запечат-

лена в индивидуальном или коллективном сознании [4].

Многие исследователи разводят концептуальную и языковую картину мира, предпочитая изучать их по отдельности (Б.А. Серебренников, Ю.Н. Караулов, В.И. Поставалова, Г.В. Колшанский), но мы в след за В.Н. Телия, В.В. Морковкиным, Е.С. Кубряковой, Н.Н. Гончаровой считаем, что при наличии существенных различий эти картины мира должны изучаться в единстве. Это оправдано тем, что концептуальную картину мира можно исследовать только посредством языка, более того, общими единицами построения как концептуальной, так и языковой картины мира являются концепты.

Еще одним доводом в пользу совместного изучения концептуальной и языковой картины мира служит подход Н.Ф. Алефиренко к вопросу соотношения сознания и языка, при котором язык видится как объективированное сознание, а не как его внешний атрибут. Языковое сознание, таким образом, является объективацией сознания как такового.

Однако надо заметить, что язык не может охватить всего сознания. Как пишет Н.Ф. Алефиренко, в процессе номинирования объекта культурного смысла словом (или фраземой) происходит его структурирование и конкретизация, в результате чего и возникает значения слова (или фраземы), однако это значение схватывает только одну из сторон культурного смысла, а потому перевод культурных смыслов с одного языка на другой – трудная задача. Для лингвокультурологии изучение смыслов важно, так как "за ними стоит отражение целой совокупности экстралингвистических факторов, связанных с обозначаемой денотативной ситуацией" [5, с. 81].

Как далее отмечает Н.Ф. Алефиренко, "генератором и носителем как логической "универсальной", так и идиоэтнической информации является язык, точнее, языковая семантика" [5, с. 84]. Продолжая тему способов изучения и описания ЯКМ с позиции когнитивной лингвокультурологии, Н.Ф. Алефиренко говорит о языковом значении, едином для всего этнокультурного сообщества, как о ядре (инварианте) "образа мира". Он пишет: "В основе семантического пространства родного языка, которым человек овладевает с раннего детства, лежит целостный образ этнокультуры. Состоит он из двух взаимосвязанных слоев: бытийного, включающего чувственные образы и обыденную предметную деятельность, осуществляющуюся, как правило, бессознательно, и рефлексивного, сознательного, поскольку он включает значение и смысл языковых знаков, именующих познаваемые предметы и явления культуры" [5, с. 89].

Естественно, что все многообразие мира нельзя охватить в одном тексте, поэтому можно говорить о том, что ЯКМ отражает многообразие мира в его целостности,

"указывая на составляющие картины, их состояние, положение, т.е. связи по отношению друг к другу" [5, с. 90].

Одним из доказательств этнической специфики языка являются безэквивалентные лексемы, не имеющие аналогов в других языках и вызывающие затруднения при попытке их перевода с одного языка на другой. Межязыковые лакуны, таким образом, вызывают затруднения и у изучающих язык, так как их понимание требует знания экстралингвистических факторов с ними связанных. Отсюда возникает гипотеза о возможной связи безэквивалентной лексики русского языка и русской же картиной мира, опираясь на которую изучение русского (в данном случае) языка будет более эффективным за счет охвата не только лингвистической, но и экстралингвистической реальности русского языка.

Для того, чтобы понять, есть ли связь между русской безэквивалентной лексикой и русской языковой картиной мира, мы провели пилотное исследование, в котором попросили у 12 русскоязычных респондентов дать ассоциативные реакции на безэквивалентные единицы русского языка (не имеющих соответствий в китайской картине мира), сделав акцент на том, что опрошенные являются представителями русской культуры. Возраст респондентов был в среднем 25–28 лет. Опросник допускал повторение одних и тех же ассоциативных реакций на несколько предложенных слов, а также несколько реакций на одно слово.

В нашем опросе предложенными для определения ассоциаций безэквивалентными единицами русского языка были: глухомань, глубинка, гнездовье, ловчий, проталина, таежник, пуца, топь, зимовье, егерь, угодье, добыча. Все эти слова были выбраны из словаря лакун "Межкультурная коммуникация: Россия – Китай" Г.В. Быковой, Н.Л. Глазачевой и Лу Чуньюэ [6]. Слова выбирались по приблизительно общей тематике, так как ЯКМ может подразделяться и на тематические сегменты.

Как показывает анализ, наиболее часто повторяющимися среди всех предложенных респондентами ассоциаций являются слова лес и охота. Т.е. все предложенные единицы безэквивалентной лексики русского языка встраиваются в общую картину представления о лесе и о таком лесном промысле, как охота. Для того чтобы подтвердить наличие связи между безэквивалентной лексикой и ЯКМ обратимся к большому лингвострановедческому словарю "Россия" [7]. В статье "Лес" встречаются такие строки: "Густой хвойный или смешанный лес на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке называется тайга. Лес – национальное богатство России. С давних пор лес кормил, одевал, обогревал русского человека, спасал от врагов. <...> Русский лес богат пушным зверем, поэтому одним из традиционных промыслов в России всегда была охота" [7].

Таблица 1.

Повторяющиеся у опрошенных респондентов ассоциативные реакции на русские безэквивалентные единицы.

Русские безэквивалентные единицы	Глухомань	Глубинка	Гнездовье	Ловчий	Проталина	Таежник
Повторяющиеся ассоциативные реакции	Деревня Глушь Лес Далеко	Далеко Деревня Маленькая деревушка Лес Тайга Дно (дыра)	Ласточки Птицы Лес Дома птиц Уют Родовое гнездо (жилище)	Охотник Лес Добыча Ловец птиц Проворный	Весна Подснежники Снег Место, где растаял снег	Медведь Лес Лесничий Тайга Мужичок, живущий в тайге и промысляющий охотой
Русские безэквивалентные единицы	Пуща	Топь	Зимовье	Егерь	Угодье	Добыча
Повторяющиеся ассоциативные реакции	Лес Густой лес Глубокий лес (глубоко в лесу) Лес с густорастущими деревьями (со сплетенными ветвями деревьями)	Болото Зыбкое место (где не только хлюпает, но и целиком затягивает навсегда)	Место, где зимуют (птицы, животные и люди) Дом где-то в лесу (избушка в глубине леса) Охотники Ночлег Медведи	Лесник Лесничий Охрана Защитник Охотник Помогает животным	Территория Кусок леса для охоты Лес Владение (хозяйство, ферма, имение, усадьба, фазенда)	Дичь Нечто добытое на охоте Все что можно добыть (сам поймал/убил животное/птицу) Мясо (туша)

Как мы видим, лес и охота занимают важное место в жизни и культуре русского народа. Многие художественные произведения описывают лес и русскую природу в целом, тем самым, отводя этим явлениям важное место в русской языковой картине мира. Можно вспомнить произведения И.С. Тургенева, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского, А.И. Куприна и др., в которых воспевалась красота русской природы. В знакомстве с произведениями этих авторов формируется представление о русской природе, закладывается языковая картина мира.

Таким образом, можно предположить, что с помощью выделения ассоциативных связей русской безэквивалентной лексики (собираемых в словари лакун) можно

выделить концепты, изучение и погружение в которые позволит иностранным студентам не только освоить русскую безэквивалентную лексику, но и понять языковую картину мира русского языка.

По результату проведенного пилотного исследования можно говорить о том, что лексическая лакунарность может отражать особенности национальной языковой картины мира, так как у носителей русского языка предложенные им безэквивалентные единицы вызвали схожие ассоциативные реакции. Схожесть ассоциативных реакций указывает на схожесть в семантическом содержании предложенных лексем, что и приводит к выводу о единой ЯКМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
2. Воротников Ю.Л. "Языковая картина мира": трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. 2006. №2. С. 88–90.
3. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М., 1988. С. 141–172.
4. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №2. С. 396–405.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Электронный ресурс]: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2016. 288 с.
6. Быкова Г.В. Межкультурная коммуникация: Россия – Китай (словарь лакун) / Г.В. Быкова, Н.Л. Глазачева, Лу Чуньюэ; под науч.ред. И.А. Стернина. Благовещенск: БГПУ, 2012. 204 с.
7. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 737 с.

ИДЕИ ПАТРИОТИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE IDEAS OF PATRIOTISM IN LITERATURE

G. Yakupova

Annotation

The article describes the ideas of patriotism in the literature on the example of the classics of Russian and Tatar literature. It is noted the versatility and significance of patriotism as a phenomenon and the fact that the ideas of patriotism in the works of different writers and poets are manifested individually. Each author understands and represents ideas of patriotism in his own way. However, consistently common features of patriotism in the literature of all times and peoples is our love and loyalty to the Fatherland.

Keywords: fiction, patriotism, love for the Motherland, writers, poets, native land, people.

Якупова Гульзида Ханифовна
К.филол.н., доцент,
Казанская государственная
академия ветеринарной
медицины им. Н.Э.Баумана

Аннотация

В статье описываются идеи патриотизма в художественной литературе на примере творчества классиков русской и татарской литературы. Отмечается многогранность и многозначительность патриотизма как явления и то, что идеи патриотизма в творчестве разных писателей и поэтов проявляются индивидуально. Каждый автор по-своему понимает и представляет идеи патриотизма. Однако, неизменно общими чертами патриотизма в литературе всех времен и народов остается любовь и верность Отечеству.

Ключевые слова:

Художественная литература, патриотизм, любовь к Отчизне, писатели, поэты, родная земля, народ.

Идеи патриотизма в художественной литературе, тема беззаветной любви к Родине всегда была и остается особой темой многих поэтов и писателей всех исторических периодов.

Патриотизм – многогранное и многозначительное явление, которое представляет собой своеобразный комплекс различных свойств и характеристик, проявляющихся на различных уровнях развития общества по-разному.

И как сложное комплексное явление, по Кольцову В.А и др. (2005) патриотизм включает:

- ◆ любовь к Родине и бескорыстную преданность и служение ей;
- ◆ наличие активной гражданской позиции, готовность отстаивать интересы своей Родины, действовать во имя сохранения и развития ее благополучия;
- ◆ признание Родины в качестве высшей, главной ценности в иерархии системы ценностей личности;
- ◆ гордость за свою культуру и достижения своего народа; преклонение перед его святынями, историческим прошлым и лучшими традициями;
- ◆ уважение к другим народам и культурам [4, с.90].

Такая многоаспектность предполагает различную трактовку определения патриотизма различными источниками. Например:

Патриотизм – гражданское чувство любви и преданности Родине, осознание своего долга перед ней и стремление к его исполнению [3, с.11].

Патриотизм (*греч. patris - родина, отечество*) – особое расположение, отношение, проявляемое человеком, социальной группой, населением к своей стране, своему народу, Родине, желание поддержать своим участием процветание своей страны, отечества, любовь к отчизне, отечеству [9].

Идеи патриотизма во всех исторических этапах развития общества занимали особое место в его сферах деятельности, таких как идеология, политика, культура и конечно же в литературе.

Одной из основных форм проявления патриотизма является уважительное отношение к другим народам и нациям, к их национальным обычаям. Об этом говорит в своих лекциях профессор Московской Духовной Академии и Семинарии А. И. Осипов: "Патриотизм – это такая любовь к своему народу, при которой я не желаю зла никакому другому народу".

Люди искусства и литературы всегда уделяли проблеме патриотизма подрастающего поколения большое внимание, писали о необходимости воспитания граждан сознательных, любящих свою страну, способных отстаивать

вать государственные интересы на любом уровне. Идеи о патриотизме, заложенные классиками русской литературы и искусства, нашли отражение и в современных законодательных актах и концепциях о патриотизме и патриотическом воспитании поколений будущего. Аналогичные идеи находят также и в произведениях татарских писателей.

Героико-патриотическое начало, красной нитью прослеживаются в творчестве М. Горького, В. Маяковского, А. Твардовского, М. Шолохова и в произведениях многих других писателей. Тема любви к Отчизне, к природе и людям родного края широко отражаются в произведениях К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, С. А. Есенина, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой. Отдельно можно выделить такие произведения, как "Живи и помни" В. Распутина, "Один день Ивана Денисовича" А. Солженицына, "Лето Господне" И. Шмелёва, которые духовно заряжают читателя, несут огромный положительный заряд, не оставляют читателей равнодушными, заставляют их сопереживать вместе с героями произведений и убеждают верить в победу добра и жить также по законам добра.

Из древних времен исторически признанным образцом народного патриотизма в поэзии и не потерявшая свою актуальность и в наши дни является поэма "Слово о полку Игореве". Патриотическая идея данного произведения в том, что автор предупреждает Русь о надвигающейся беде и призывает князей прекратить междоусобные войны и вместе встали на защиту родной земли. Образом Русской земли в поэме является Ярославна. Она оплакивает всех погибших на поле брани воинов и плач её распространяется по всей Руси и как бы с ней вместе плачет и сама земля Русская откуда пришли погибшие воины.

Целую россыпь благородных героев, достойных сынов русского народа, высоко ценивших гражданский долг перед отечеством можно увидеть в эпосе первой отечественной войны, романе Л. Толстого, ставшего классическим произведением "Война и мир". В своем романе Толстой сумел показать читателю через своих героев все черты характера настоящих патриотов своей Родины, которые должны проявляться в моменты опасности грозящей ей. Я. С. Лурье в своей книге "После Льва Толстого" пишет, что даже во Франции во время гитлеровской оккупации "Войну и мир" называли "библией русского патриотизма" [6, с. 1].

Особенными красками обогащаются идеи патриотизма в произведениях по тематике Великой Отечественной войны и в годы войны. Произведения о Великой Отечественной войне обладают неопределимыми возможностями влияния через свои герои на читателя. Именно в прозе военных лет и о войне особенно остро проявляются проблемы долга перед Родиной и ответственности каждого за

судьбу Отечества. Сходятся проблемы нравственного выбора и патриотической памяти. В дни решающих схваток с врагами человечества, с фашизмом, слово поэта и писателя, выражающее гнев и отвагу своего народа, являлось не менее важным оружием, приближающим долгожданную победу.

Великую духовную силу, самоотверженности и героизма людей мы видим в произведениях "Судьба человека" М. Шолохова, "Звезда" Э. Казакевича, "Сашка" В. Кондратьева, "А зори здесь тихие Б. Васильева" и других.

Тема Великой Отечественной войны, проявление героизма, патриотизма и самоотверженности в грозные военные годы нашли отражение, конечно же, и в поэтических и прозаических произведениях татарских писателей. В этом ряду можно назвать стихотворения Ф. Карима, рассказы, повести Г. Кутуя, А. Еники, романы Г. Апсальмова и др., где описываются солдатские будни, пробуждение у солдат, тружеников тыла чувства любви к Родине в военные годы. В лирических песнях тех лет отразились героизм и переживания каждого солдата.

В этой связи бесценным примером может служить творчество, и героизм подвиг двух писателей – татарского поэта М. Джалиля и чешского писателя Ю. Фучика. Они не сломались, находясь в фашистских концлагерях и даже будучи приговорёнными к смертной казни нашли в себе силы создать великие произведения – шедевры: "Моабитские тетради" и "Репортаж с петлей на шее".

Проблемы патриотизма, прекрасного были одними из основных в творчестве татарских поэтов и писателей начиная с Дэрдменда и одной из главных проблем в эстетике видных писателей 19 – 20 веков – Г. Исхаки, Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Камала, М. Джалиль, Г. Ибрагимова, и др.

Художественная литература – это искусство слова. Соприкосновение с миром искусства доставляет нам радость и бескорыстное наслаждение [1, с.662]. Изучение родного языка и литературы способствует усвоению традиций, обычаев, трудовых навыков, знаний, национальных ценностей, накапливаемых из поколения в поколение. Еще К. Д. Ушинский отмечал, что весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове [10, с.29].

Идейные, эстетические корни творчества Тукая берут свое начало в самой глубине народных нужд и чаяний. Жизнь народа – вот неисчерпаемый источник тем и сюжетов; язык народа, его песен, сказок, пословиц, поговорок – тот единственный язык, на котором следует писать – такова главная идея статьи Тукая "Народная литература". Где он пишет: "Из этой с детства зародившейся в моей душе любви к песням развилась у меня и любовь к родному слову. Если бы не песни, разве смог бы я – через древнеузбекский "Бэдэвам", древнеузбекский "Кисек–

баш", турецкий "Тасриф", арабскую "Нэху" – обрести такое великое достояние, как любовь к родному языку?!"

[5, с.25].

Да здравствует народная литература, да здравствует родной язык!

Родной язык - святой язык, отца и матери язык, Как ты прекрасен! Целый мир в твоём богатстве я постиг!

Качая колыбель, тебя мне в песне открывала мать,

А сказки бабушки потом я научился понимать.

Родной язык, родной язык, с тобою смело шел я вдаль,

Ты радость возвышал мою, ты просветлял мою печаль.

Родной язык. С тобой вдвоем я в первый раз молил творца:

"О боже, мать мою прости, прости меня, прости отца"

[5, с.25].

Своеобразностью понимания хода истории, оригинальностью своих взглядов на национальный вопрос как отдельная уникальная личность выделяется Гаяз Исхаки. Вся его творческая жизнь и деятельность были подчинены главной цели – делу национального возрождения народа, развитию его самосознания, образованности и культуры. И сегодня актуально звучит мысль Г. Исхаки: "Образование – первый шаг на пути к свободе!".

Вот уже исполнилось более ста лет со дня выхода в свет самого известного произведения Гаяза Исхаки – "Ике йоз елдан сон инкыйраз" ("Вымирание через 200 лет"), в котором описывается исчезновение татар как нация. Когда-то об этом "антиутопическом" произведении говорили и писали очень много, сделав из Г.Исхаки своего рода предсказателя.

В своем "Ике йоз елдан сон инкыйраз" Исхаки, не смотря на свой ранний возраст, рассуждает о проблемах татар, о предпосылках возможно приводящих к полному исчезновению нации. Называет причины такой перспективы, где на первом месте нежелание идти за прогрессом, преодолевать свои многовековые консервативные привычки и обращаться к русской культуре. В целом автор указывает пять основных причин, которые, по его мнению, могут привести к вымиранию татар как нация. В их числе большое отрицательное на людей влияние консервативных мулл и религиозных авторитетов. Недостаточная сеть светских учебных заведений, бедственное положение татарской интеллигенции, которая не способна заниматься проблемами просвещения.

За рубежом Г. Исхаки продолжил писательскую и общественную деятельность, но трагедия заключалась в том, что он был оторван от родной земли, жизни родного народа. Проблема национального возрождения проходит почти через все его творчество. Просвещение, эмансипация женщины, формирование национального самосознания, становление государственности остаются в центре его внимания. Он смог понять и оценить внутренний мир своего народа.

Истинным патриотом своей страны, и у кого все произведение пронизаны духом патриотизма, служению своей стране, является известный татарский поэт, герой Советского Союза – Муса Джалиль.

В. Путин, в одном из своих выступлений говорил: Творчество Мусы Джалиля – неотъемлемая часть богатой многонациональной культуры России, ее уникального литературного наследия. А сама его жизнь – пример самоотверженного служения высоким нравственным идеалам, символ подлинного патриотизма, мужества и героизма [8, с.4].

Книги стихов Мусы Джалиля изданы миллионами тиражами. Его замечательные проникновенные стихи переведены на многие языки мира. Они и сегодня востребованы, трогают сердца читателей, выполняют самую благородную миссию – миссию по сохранению исторической памяти, и воспитанию молодежи в духе благородства.

Будучи настоящим патриотом, он пронес через всю свою жизнь трепетное отношение к своему народу:

И перед смертью - никому я угоду

Не нарушу клятву я свою.

Песнь свою я посвятил народу.

Жизнь свою народу отдаю.

Во многих произведениях М.Джалиля прослеживается продолжение развития темы о смысле жизни. Он связывает его с совершенством человеческой природы, межличностных отношений, построением счастливого справедливого общества, остается верным традиционному пониманию назначения человека:

.....

Только раз поднял руки ты вверх -

И навек себя в рабство ты вверх.

Смело бейся за правое дело,

В битве жизни своей не жалея.

Быть героем - нет выше удела!

Быть рабом - нет позора черней! [2, с.181].

Одним из проявлений любви к Отчизне, патриотизма является любовь к родной природе. Воспитывать у учащихся любви к природе, к Родному краю невозможно без обращения к творчеству писателей и поэтов, создавших проникнутые любовью к своей малой Родине произведения, картины и т.д.

С удивительной поэтичностью и теплотой умел говорить об отчем крае, о родной земле, известный татарский писатель Амирхан Еники. Его произведения привлекают особым взглядом на жизнь. О каком бы маленьком и незначительном событии ни писал Еники, он всегда старался заглянуть в глубину события, любой факт раскрывал с философской точки зрения, мог увидеть прекрасное даже

там, где она скрыта, завуалирована и не лежит на поверхности ("Красота"). Всегда обращался к самым добрым чувствам, которые лежат в душе каждого человека. Мог легко описывать раздумье о неистребимой силе жизни ("Глядя на горы", "Одинокая гусыня"), восхищаться красотой человека, человеческих отношений ("Только на час").

Рассказы А. Еники "Медный колокольчик", "Родная земля", "Невысказанное завещание" и др. проникнуты глубоким философским подтекстом, смысл которого в том, что отрыв от природы, от родной земли, от народа с его вековыми традициями для человека не проходят бесследно. Такой человек нравственно ущербен, душевно обеднен. Поэтому мы обязаны сберечь и сделать всеобщим достоянием национальное духовное богатство народа, если хотим, чтобы она стала еще полнее и человечнее. Каждый народ, каждая нация должна вносить свою лепту в родную культуру.

Образцом проявления патриотизма, беззабвенной любви к Родине, родной земле, можно назвать произведения известного татарского писателя, военного корреспондента Аделя Кутуя. В его рассказах и стихах военного времени как ни у кого ярко проявляется патриотизм и любовь к родине, ненависть к фашистским оккупантам [7, с.329].

Классическим с этой точки зрения примером является стихотворение в прозе Кутуя "Тоска по Родине", написанная им на чужбине в перерывах военных действий осуждая родную землю от фашистов:

Удивительные, душистые цветы чуждой стороны.

Я вдыхаю их аромат. Я вдыхаю, но мне все равно не хватает воздуха - спазмы в горле.

Тихий запах полыни с родного поля исцелил бы меня.

Тоскую, сильно тоскую по тебе, Родина моя.

Я из чистых ключей, из глубоких колодцев пью ледяную воду.

Я пью, но не могу утолить жажду.

По вольной Волге, широкому Дону, быстрой Арагве

и светлому Дону я тоскую.

*Тоскую по их родной воде - только глоток,
Только глоток из устоявшегося лугового озера я пил бы,
как редкое вино.*

Я тоскую, сильно тоскую по тебе, Родина далекая.

Я шел через Карпаты.

Я у финляндских озер отдыхал, но не видел ничего вдохновеннее Казбека, величественнее Эльбруса, легче белых чаек на родных озерах ничего не встречал.

Разве повторима твоя красота, Родина моя? [7, с.331].

Рассказ А. Кутуя "Сагыну" (Тоска по Родине) способствует реализации воспитательной цели – развитию высочайших чувств любви и преданности народу, родной земле, отечеству, пробуждению в молодых сердцах чувства патриотизма. Лучше, чем эти слова: "В дальних странах я вдыхаю аромат прекрасных, душистых цветов. Но сколько бы я ни наслаждался их запахом, мне не хватает воздуха, захватывает дыхание. И, кажется, что не только запах родных жемчужных цветов, но и запах полыни был бы для меня целебным" – мне кажется невозможно передать великую любовь к Родине, родной земле.

Идеи патриотизма в творчестве разных писателей и поэтов проявляются индивидуально. Каждый автор по-своему понимает и представляет идеи патриотизма. Однако, неизменно общими чертами патриотизма в литературе всех времен и народов остается любовь и верность Отечеству. Конечно же, патриотизм в произведениях художественной литературы рассматривается через образы главных героев, которые служат примерами для подражания читателю.

Классики художественной литературы: Пушкин, Лермонтов, Толстой и многие другие, а также классики татарской литературы смогли создать идеал истинного патриота своей, Родины, воспевали великие подвиги наших соотечественников. Поэтому их вклад в жизнь Российского народа огромен и незаменим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балатукова З. И. Роль художественной литературы в воспитании молодого поколения // Молодой ученый. 2015. – №15. – С. 661–663.
2. Джалиль М. Моабитские тетради. Казань.: Тат.кн.изд., 1997. – 215с.
3. Духина Т. И., Болотова Т. П. Политология: краткий словарь политологических терминов. – Ставрополь, 2010. – 24с.
4. Кольцова В. А., Соснин В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе. // Психологический журнал. 2005. – №4. – С. 89–98.
5. Литературно-художественное издание Габдулла Тукая. Избранная проза / отв.ред. Г. М. Магдеева. Казань.: Тат.кн.изд., 1992. –127с.
6. Лурье Я. С. После Льва Толстого. URL: //http://az.lib.ru/
7. Махмудов А. Г. Гараева Н. Г., Мухаметзянова Л. Ю. Татарская литература. Казань.: Магариф, 2010. –631 с.
8. Муса Джалиль: творчество и подвиг. Взгляд из XXI века /сост. Х. Ю. Миннегулов, Н. М. Юсупова. Казань.: КГУ им.В.И.Ульянова–Ленина, 2006. –150 с.
9. Райзберг Б. А. Современный социэкономический словарь. М. 2012. – 360 с.
10. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Академия пед. наук.: 1948. – 660с.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Abaeva M. – Postgraduate, North–Caucasian Institute branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service
e-mail : madina455s341c913@mail.ru

Babdzan S. – Associate Professor of Perm State National Research University
e-mail : mailto:babadz@psu.ru

Baranova K. – Postgraduate student, Surgut State University
e-mail : christinarubtsova@mail.ru

Bondarenko S. – Candidate of historical Sciences, associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia
e-mail : bosjak.1953usel2016@yandex.ru

Cheng Jing – Graduate student of the East China Normal University, Shanghai
e-mail : 914024295@qq.com

Chernyavskaya D. – Postgraduate, FGBOU "Kuban State University"
e-mail : danja.888@mail.ru

Chukueva Z. – Candidate of philological Sciences, associate Professor, Chechen state pedagogical University
e-mail : turkdgpu@mail.ru

Diansaee Behzad – Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
e-mail : behzaddiansaee@gmail.com

Druzhinina M. – Ph.D. in Pedagogy, Professor of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Archangelsk
e-mail : m.druzhinina@narfu.ru

Egorov P. – Postgraduate, Far–Eastern Institute of management – the branch of Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
e-mail : tov.buharin@mail.ru

Evstafyeva I. – Associate Professor, Irkutsk State University
e-mail : mindofchem@gmail.com

Isakov K. – Doctor of Philology, Osh State University, Kyrgyzstan
e-mail : kanybek.isakov@gmail.com

Itcenko A. – National Research Tomsk Polytechnic University
e-mail : itcenko@tpu.ru

Khamova S. – PhD, Associate professor, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
e-mail : Khamovas@mail.ru

Korlykova A. – PhD in Philology, Associate Professor of Perm State National Research University
e-mail : info@psu.ru

Korolev I. – Kuban State University, Krasnodar
e-mail : grkriv@gmail.com

Kurbanov I. – Candidate of Philology, Professor, Surgut State University
e-mail : ibragimkurbanov@mail.ru

Kurchenkova E. – Volgograd State University
e-mail : kurlena@volsu.ru

Lavrinova N. – Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
e-mail : lavrinova1@hotmail.com

Leontiev V. – Volgograd State University
e-mail : leontiev_vgu@volsu.ru

Liu Yankun – Post–graduate student of the Perm State Nationalresearch university
e-mail : 15945607187@163.com

Maksimova G. – Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch
e-mail : galya.maksimova.53@mail.ru

Melikyan T. – Ph.D, associate professor of Shirak State University named after M.Nalbandyan
e-mail : tamara.melikyan@mail.ru

Meyer L. – Institute of Service, tourism and design (Branch) of North–Caucasus Federal University in Pyatigorsk
e-mail : lara_m2013@mail.ru

Nabokova E. – Senior Lecturer, Moscow State Pedagogical University
e-mail : 7403130@mail.ru

Nikolaeva T. – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

e-mail : tatanik2009@yandex.ru

Palashevskaya I. – Volgograd State University

e-mail : irina_777@volsu.ru

Parakhina I. – Assistant of the Tyumen State University

e-mail : parakhina90@mail.ru

Petryaev S. – Lecturer of the Saratov Institute of the National Guard

e-mail : Sergey-petryaev@bk.ru

Petukhova T. – PhD in law, associate Professor, Ural Institute of state fire service of EMERCOM of Russia

e-mail : tatyana.petukhova@mail.ru

Pismennaya T. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Branch of the Kuban state University in Slavyansk-on-Kuban

e-mail : danja.888@mail.ru

Salo V. – Postgraduate Student, Surgut State University

e-mail : salka20_02@mail.ru

Savelieva I. – State University of Humanities and Social Studies

e-mail : savelieva.inna@gmail.com

Semenova S. – Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, State Autonomous educational institution of higher education institution of higher education Moscow City Pedagogical University, Moscow

e-mail : stepanov.kinesio@gmail.com

Semenova V. – North-Eastern Federal University, Yakutsk

e-mail : semenova_ykt@mail.ru

Shevchenko E. – Institute of Service, tourism and design (Branch) of North-Caucasus Federal University in Pyatigorsk

e-mail : lena.shevchenko.1976@list.ru

Shkurchenko I. – Associate Professor, Irkutsk State University

e-mail : mindofchem@gmail.com

Sivolobova I. – Post-Graduate Student, Tyumen State University

e-mail : irinasivol@gmail.com

Smelkovskaya M. – Associate Professor of the Stary Oskol branch of Federal state Autonomous educational institution of higher professional education "Belgorod state national research University"

e-mail : smelkovskaya@bsu.edu.ru

Solovyeva E. – Senior Lecturer of the training center GBU of the Arkhangelsk region "Salvation service named after I.A. Polivanogo"

e-mail : solovyeva_elena@bk.ru

Stepanov V. – Postgraduate, State Autonomous educational institution of higher education institution of higher education Moscow City Pedagogical University, Moscow

e-mail : stepanov.kinesio@gmail.com

Stepanova E. – Volgograd State University

e-mail : elizavetastepanova85@volsu.ru

Tsvetkov D. – Postgraduate student, Institute of oriental manuscripts of Russian Academy of sciences

e-mail : dmitry.tsvetkov@yandex.ru

Tunanova N. – Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch

e-mail : mna_ok@mail.ru

Voskovskaya A. – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

e-mail : angela_vos@list.ru

Wang Liuying – Postgraduate student, Peoples Friendship University of Russia

e-mail : 1836531255@qq.com

Yakupova G. – Candidate of philological Sciences, associate Professor, Kazan state Academy of veterinary medicine named After N. Uh...Bauman

e-mail : Gulzida.Yakupova@mail.ru

Yuan Linlin – Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia

e-mail : yuan-linlin@yandex.ru

Zhao Huiqing – Senior lecturer, Heihe University, postgraduate student, Far Eastern Federal University

e-mail : 273004890@qq.com

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).